

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

1984

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

1934

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист

5

I. Общественное зло в обличениях Максима Грека. § 1. Обличения монашества у Максима Грека. § 2. Отношение обличений Максима Грека к полемической деятельности Вассиана Патрикеева. § 3. Черты, вновь подмеченные Максимом Греком, и параллели к ним из тогдашней литературы. § 4. Обличение белого духовенства в Слове по поводу тверского пожара в 1537 г. § 5. Параллели к обличениям белого духовенства. § 6. Позиция Максима Грека и Стоглав. § 7. Обличения боярства у Максима Грека. § 8. «Слово о неимзлаголаннѣмъ божии промыслѣ, благодсти же и челоуѣколюбии, в томъ же и на лихонимствующихъ» — как обличение злоупотреблений административной и судебной власти на местах. § 9. «Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія» — иносказательный памфлет на правительство Елены Глинской. — II. Взгляды Максима Грека на власть и ее задачи во внутренней и внешней политике. § 10. Принципиальный взгляд Максима Грека на отношение светской и духовной власти и его формулировки. § 11. «Главы поучительныи начальствующимъ правовѣрно», дидактическое произведение, написанное для молодого Ивана Грозного (около 1548 г.). § 12. Максим Грек и реформы 1550—1551 гг. § 13. Новооткрытое послание Максима Грека молодому Ивану Грозному (весной 1551 г.). § 14. Мысли Максима Грека об отношении цря к духовенству, боярству и воинству. § 15. Нищие и убогие в концепции Максима Грека. § 16. Максим Грек и внешняя политика. Вопрос об отношении к Константинопольскому патриарху. § 17. Мечты о возрождении Византии и судебные обвинения Максима Грека в 1525 и 1531 гг. § 18. Послание Василию III по поводу нашествия крымского хана Магмет-Гирея в 1521 г. § 19. Благодарственное слово о победе над крымским ханом Саип-Гиреем в 1541 г. — III. Итоги исследования. — Приложение: Неизданные сочинения Максима Грека: 1. Послание великому князю Василию III. 2. Послание царю Ивану IV (1551 г.). 3. Отрывок об Александре Македонском.

А. Д. Седельников. Следы стригольнической книжности	121
М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке	137
В. П. Адрианова-Перетц. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века	171
В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. По неизданному Тихонравовскому списку с варгантами по всем известным спискам	249
М. А. Яковлев. Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма	299
В. Н. Перетц. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении	327
В. Н. Перетц. Академическое издание Моления Даниила Заточника.	341
М. Н. Сперанский. Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древне-русской литературы	351

В. Ф. РЖИГА

Опыты по истории русской публицистики XVI века

Максим Грек как публицист

Публицистическая деятельность Максима Грека, являющаяся предметом настоящего опыта, полна глубокого методологического интереса. Хронологически она захватывает свыше 30 лет с конца второго десятилетия до начала 50-х годов XVI века и таким образом проходит через все важнейшие стадии публицистики первой половины этого века. При широком захвате деятельность эта представляет собою сложное идеологическое образование, требующее углубленного анализа, который, вскрывая традиционные религиозные формы средневековья, должен выявить выраженные в них общественные тенденции и в результате бросить свет на сложность развертывавшейся тогда классовой борьбы.

Предлагаемое исследование основано не только на изучении напечатанных уже сочинений Максима Грека, но и на разработке его литературного наследия по рукописным материалам, чем и объясняется приложение к работе, в котором впервые издаются тексты трех найденных публицистических произведений исследуемого автора.

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗЛО В ОБЛИЧЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА

Отдельные обличительные слова Максима Грека часто носят заглавия слишком общего характера, по которым может показаться, что мы имеем дело с обличением пороков вообще: «Слово о неизглаголаннѣмъ божіимъ промыслѣ, благости же и челоуѣколюбіи, в томъ же и на лихоимствующихъ» и проч. При ближайшем знакомстве с содержанием таких слов оказывается однако, что все они имеют определенное общественное назначение, в каждом отдельном случае относятся к известной общественной группе и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего

приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других белое духовенство, в третьих боярство.

§ 1. Наиболее раннее из произведений Максима Грека, посвященных обличению монашества, это, повидимому, — «Повесть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ»,¹ которую есть основание считать написанной до 1525 г. (до первого суда над Максимом Греком).²

Здесь Максим Грек в идеальном свете рисует образ жизни католических монахов картезианцев и организацию их ордена. Нестыжательность латинских монахов, их преданность своему обету, принятый у них порядок избрания игуменов он ставит в пример русскому монашеству. Изображая, как живут картезианцы, как питаются милостынею, получаемой ежедневно от жителей города, как проникнуты они духом нестяжания, как верны своей обители, Максим Грек ассоциирует по контрасту то отрицательное, что видит в русском быту. Говоря о латинских монахах, он восклицает: «Гдѣ у нихъ, особно нѣкое желаемо брашно или питіе, или овощь нѣкій, или ино что наслажающе гортань? гдѣ у нихъ стяжанія злата и серебра? гдѣ у нихъ празднословіе или сквернословіе, или смѣхъ безвременъ и безчиненъ? піянство же и превзлившее сладкихъ яденій ниже слышатся у нихъ, сребролюбіе же и лихоиманія, и росты, и лукавый нравъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе, одѣянія же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житія ихъ и пребыван'я образующа, лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ. Гдѣ у нихъ отметаніе обѣтъ, ихъ же даша богови, вьегда стригоша власы? Никакоже убо обрящещи, много трудився. Но ниже ину обитель по прехожденію частому знаютъ, яко же мы преходимъ безчинно и кромѣ обѣтъ нашихъ отъ обители нашея ко иной, легкостію нашего ума, преслушающе бога и спаса нашего». . .³ А игумены их? Они отличаются смиренномудрием; не увидишь у них жезла в руке, не увидишь их украшенными лучшей одеждой, чем братия. Время от времени настоятели монастырей созываются генералом ордена на соборы для обсуждения и решения вопросов устройства и исправления обителей. На этих соборах рассматривается и деятельность отдельных игуменов, смещаются и подвергаются эпитимиям

¹ Каз. изд. III (1897 г.), стр. 145—167. Сокращенная ссылка «Каз. изд.» как здесь, так и далее указывает на «Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии». Казань. Ч. I, 1-е изд. 1859 г., 2-е изд. 1894 г.; Ч. II, 1860 г.; Ч. III, 1-е изд. 1862 г., 2-е изд. 1897 г.

² Это хронологическое приурочение основано на свидетельстве Зивовия Отенского, см. «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зивовія, стр. 893, 894. Казань. 1863.

³ Каз. изд., III (1897), стр. 149, 150.

те из них, которые безчинно и не по уставу управляют братией, на место них выбираются новые. Здесь же избирают генерала ордена, на обязанности которого лежит постоянно объезжать игуменов и наблюдать, как правят они монастырями. И эта общая организация монашества представляется Максиму Греку весьма привлекательной. Он предлагает, чтобы и у нас игумены монастырей избирались соборами, и не дарами «сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ»¹ ищущими игуменской власти. Он призывает вообще подражать католическим монахам в исполнении евангельских заповедей: ибо подобно тому, как лативяне, прилежно исполняя заповеди, не достигают совершенства из-за своих ересей, так и православных не может сделать совершенными одна православная вера, если они не усвоят себе «евангельскихъ заповѣдей прилѣжно дѣлание».²

К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозерцание, но также и рано установившаяся близость его к нашему поборнику нестяжательности — Вассиану Патрикееву.³ Вассиан энергично отстаивал идеи нестяжания еще при жизни Иосифа Волоцкого (ум. в 1515 г.⁴), а незадолго до приезда Максима перерабатывал Кормчую, где защитники монастырских вотчин находили опору своим доводам. С приездом святогорца, Вассиан воспользовался его помощью для перевода некоторых церковных правил Кормчей с греческого подлинника. И Максим оказал ему важную услугу, разъяснив своим переводом, что «*πράστειον*» греческого текста должно переводиться не «монастырские села», как переводилось у нас раньше, а «приградие сельное», то есть, что тут разумеются пашни и виноградники, а не села с крестьянами. Известно еще, что Максим Грек знакомил Вассиана с порядками монашеской жизни во Святой горе, о чем свидетельствует особое

¹ Ibid., стр. 152.

² Ibid., стр. 165.

³ Наиболее раннее свидетельство, относящееся к общению Вассиана с Максимом в то время, когда последний еще плохо знал русский язык, сохранилось в виде заметки самого Вассиана в его Кормчей. Вероятно, отвечая на вопросы своего собеседника: «Максимъ Грекъ сказывалъ, что псалтырю толковую преводилъ съ греческого языка на русьской: правила преводилъ по гранем и по главамъ Фотѣй, митрополитъ Константинаграда, а толковники кажетъ: 1—Иоаннись Зонарасъ, мнихъ, 2—патріархъ антиохійскій Θεодоросъ Валсамонъ, 3—Матееосъ, іеромонахосъ, 4—Арменопулосъ. 5—Хоматиносъ, архиепископъ архидійскій». (Бывш. Архив мин. ин. дел, Моск. гос. древлехранилище, V отдел, рубрика I, № 17, полуустав XVI в., л. 21, в Госуд. архиве феод.-крепостн. эпохи в Москве). Приведенную заметку см. также у А. Павлова «О Кормчей князя Вассиана Патрикеева». Учен. зап. Каз. унив., 1864, вып. II. Любопытны греческие формы имен.

⁴ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, стр. 71—76, Одесса, 1871.

сказание его «ко старцу Вассиану о Святой горѣ». ¹ Личные беседы, вероятно, разнообразные и живые, могли еще более углублять принципиальную и фактическую солидарность обоих нестяжателей. Во всяком случае раннее обличение монашества в «Повести страшной и достопамятной» не является со стороны Максима Грека неожиданным. Здесь в этой повести особенно интересно не только то, что в пример ставятся порядки католического ордена, но замечательна и открытая форма обличения; таково, например, определенное указание на подкуп представителей светской власти как средство достижения игуменского сана. Понятно, что впечатление, произведенное повестью на современников, было велико. Много лет спустя Зиновий Отенский в своем «Истинны показании», вспоминая то время, когда Вассиан и Максим были на свободе, энергично возражал на Максиму повесть. Он старался прежде всего заподозрить перед своими собеседниками, клирошанами нравственную последовательность Максима, указывая на противоречие между его требованиями нестяжательности и роскошной трапезой, получаемой от великого князя. Он отказывался видеть преимущество латинского монастыря в том, что монахи питаются милостыней, собираемой среди жителей города два раза в неделю; милостыней питаются и русские монастыри; разница только в том, что они получают ее в виде доходов с деревень, которые собираются раз в год. Вопрос о содержании монастыря должен решаться в зависимости от естественных условий данной среды: не все, что хорошо в другом месте, например в Египте, удобно у нас, и Максим, по мнению Зиновия, явно писал свою повесть только для того, чтобы укорить русские монастыри: иначе, почему не привел он в пример Святой горы или какого-нибудь греческого монастыря. Если так рассуждал Зиновий, ² признававший ученость Максима и нравственную высоту обоих «нестяжателей», впоследствии достигнутую страданиями многолетнего заточения, и потому называвший их «преподобными», то как должны были отнестись к повести рядовые иосифляне? Прямых свидетельств об этом у нас нет. Но ответ ясен, повесть и, вероятно, отдельные беседы Максима с разными лицами рано убедили иосифлян, что Максим — на стороне их врагов. Это впечатление осталось зафиксированным в так называемом «письме о пелюбках»: «Как не стало

¹ Каз. изд., III (1897), стр. 197, 198. Это сказание относится, конечно, к первым годам пребывания у нас Максима, так как самим Вассианом было введено в состав его Кормчей, где и читается, например, в списке б. Архива мин. ин. дел Моск. гос. древлехранилища, V отдел, рубрика I, № 17, л. 335 об. — в Госуд. архиве Феод.-крепостн. эпохи в Москве.

² Зиновий. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», стр. 890 — 899, Казань, 1963 г.

старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянъ Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми побогати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ, и съ нимъ сташа иные старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи». ¹ Отныне судьба Максима и Вассиана была тесно связана. Собор 1531 г., представлявший акт расправы иосифлян с их противниками и в особенности с Вассианом ² по главному вопросу о вотчинах монастырей, предъявил обоим подсудимым аналогичные обвинения. Вассиана обвиняли в том, что он чудотворцев, владевших селами и крестьянами, называл смутотворцами и отказывался почитать вновь канонизованных Макария Колязинского и митрополита Иону; между тем как соответствующий пункт обвинения Максима Грека был формулирован так: «Да ты же, Макс мъ, святыя божія соборныя и апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ, а и въ вашихъ монастырѣхъ, во Святой горѣ, и въ иныхъ мѣстехъ въ вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и въ писанихъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Ионы, митрополитовъ всеа Русіи, и преподобныхъ чудотворцовъ Сергія и Варлаама, и Кирилла, и Пафнотія, и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: зане же они держали городы и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, ино имъ не зѣ быти чудотворцомъ». ³ Как известно, обе части приведенного обвинения лишь в некоторой степени соответствовали действительности. Максим так же, как и Вассиан, был противником вотчиновладения только монастырей, а не соборных церквей. Далее, по справедливому замечанию Голубинского, «более чем вероятно, что обвинение, будто Максим не признавал наших чудотворцев за чудотворцев есть или просгой собственъй вывод митрополита из его полемики против вотчиновладения монастырей, или усвоение ему того, что в значительной степени справедливо было по отношению к Вассиану». ⁴ Таким образом Максим и Вассиан по вопросу о монастыр-

¹ Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе. Ч. X, стр. 505, 506, Москва, 1851 г.

² С. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. II, 1922, стр. 71.

³ Чтения в Обществе истории и древностей русских при Моск. унив., 1847 г., № 7. «Прѣвнне Данила, митрополита Московского и всеа Руси, со инокомъ Максимомъ святогорцемъ», стр. 5, 6.

⁴ Голубинский. История русской церкви, II, первая половина, стр. 725.

ских вотчинах несли обвинения, сливавшиеся в представлении их врагов, и карой обоих была монастырская тюрьма. Вассиан, вероятно, вскоре умер, изнуренный тяжестью заточения; Курбский даже считает его смерть насильственной.¹ И Максиму Греку в первое время заточения в Твери (теперь гор. Калинин) было не менее тяжело, чем в предшествовавшие годы Волоколамского заключения: его страдания отразились в крагком обращении к своей душе, составленном в 1532 г. и сохранившемся под заглавием: «Сіа словеса сотворил ест інок в темницы затворен і скорбя, іми же себе утѣшаше і утверждаше в терпѣніи в^с 7040-ное лѣто». ² Но, надо думать, скоро участь Максима была несколько облегчена: он был освобожден от оков. Житие Максима, хотя и во многом малодостоверное, объясняет эту перемену за тупничеством тверского епископа Акакия, который «посетил Максима Грека в темнице и, будучи в Москве, упросил вел. князя Василия Ивановича оказать милость заключенному ради здравия новорожденного сына Ивана (IV), снять с него оковы и облегчить его заключение». ³ Во всяком случае в 1532 г. в оковах и вскоре затем в облегченных условиях Максим Грек писал,⁴ и первые годы его жизни в Твери замечательны тем, что с ними связаны важнейшие сочинения Максима, содержащие в себе обличения монашества.⁵ Храня неизменно аскетический

¹ Сочинения, кн. Курбского, т. I, стр. 164. СПб., 1914. Русская историческая библиотека, т. XXXI.

² Так читается данное заглавие в ркп. Общ. любителей древн. письм., О. CLXXVI (6461), полууст. XVI в., л. 289 (см. Описание Хр. Лопарева, ч. III, стр. 220, теперь в Публ. библ. в Ленинграде). Ср. Каз. изд. II, стр. 452, где даты нет.

³ Цитирую по В. С. Иконникову. Максим Грек и его время, стр. 497. Изд. 2-е, Киев, 1915.

⁴ В пользу этого говорит также запись на некоторых сборниках сочинений Максима, относящихся к XVI в., что Максим начал составлять эту книгу «в лѣтах осмыа тысящи, 40-ному лѣту наставшу» (т. е. в 1532 г.) (ркп. б. Общ. люб. др. письм., О. CLXXVI (6461), XVI в., ркп. Каз. дух. акад. № 309 (497), к. XVI в., см. также: Голубинский. Ист. русской церкви, т. II, I, стр. 804).

⁵ Таковы в особенности: 1) «Инока Максима Грека стяжаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ, мѣа же стяжующихся Филокимонъ да Акимонъ, сирѣчь любостязательный да нестяжательный» (ч. II, стр. 89—118). 2) «Инока Максима слово о покаяніи велми душеполезно вѣроу и любовію велицемѣроу внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его» (ч. II, стр. 119—147). 3) «Инока Максима Грека слово душеполезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей въ нем же и на лихоимство» (ч. II, стр. 5—52). Вопреки мненію Иконникова, Павлова и митр. Филарета, эти произведения следует считать написанными не до 1525 г., а между 1531 и 1537: а) «слово о покаяніи» и «беседа ума с душой» упоминаются самим Максимом Греком в «Отвѣтъ въкратѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю» (Москвитянин, 1842 г., № 11, стр. 85) наряду со словом по поводу тверского пожара 1537 г. б) «слово о покаяніи» и «преніе» нестяжателя с любостязателем вызвали хронологически показательный упрек Зиновия Отенского, будто Максим написал их в досаде на свое заточение (см. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зиновия, стр. 908, 909. Казань, 1863).

идеал и продолжая неустанно его проповедывать, Максим Грек вместе с тем внимательно вскрывал отрицательные стороны современного стяжательного монашества. Говоря о вопиющем противоречии его жизни заветам Христа, обличитель почти не называет обличаемых, он редко говорит: «иноки», «игумены», «архимандриты» «епископы», он избирает отвлеченную форму: беседу ума с душой, диалог Филоклитона с Акимом. «Душеполезная» проповедь монашеству неразрывно сливается с изображением основного зла тогдашнего монастырского уклада: эксплуатации крестьянской массы. Тяжелое положение монастырских крестьян рисуется определенными, красноречивыми чертами. Максим говорит о бедных поселянах, беспрестанно томимых «лихвами губительными»,¹ притесняемых налогами и «богомерскимъ рѣзоимствомъ».² Требуя процентов за ссуды, монахи бичуют крестьян: «бичи ихъ истязуютъ за лютыхъ сребра рѣзопманій»,³ а кто не может отдать, тех лишают свободы, записывают в рабство, или, отняв имущество у своих должников, выгоняют их из своих сел вместе с женой и детьми с пустыми руками. В различных местах в сходных выражениях Максим Грек не устает повторять одну и ту же печальную картину: «отдати же неимущихъ или свободы лишили ихъ и раби себѣ прочее писаша ихъ, или обнаживше ихъ имѣній ихъ, руками тощими, своихъ предѣлъ отгнаша бѣдныхъ».⁴ В другом слове еще выразительнее: «Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ».⁵ В третьем слове об этих страданиях «тружающихся» читаем еще подробнее: «Мы же не точію безчювственно и безмилостно къ той горцѣй ихъ скудости пребываемъ и ни единого утѣшенія ихъ сподобляемъ, да еще заповѣдь имуще милостивно прилежати о живущихъ въ убожествѣ и скудости житейскихъ потребахъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ истязаніи повселѣтними тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ, николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго; не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ въ принудцій годъ, оле безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ и отъ сво-

¹ Каз. изд., II, стр. 32.

² Ibid., II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 38.

⁴ Ibid., II, стр. 38.

⁵ Ibid., II, стр. 100.

ихъ селъ гонимъ руками тщими. . . Къ симъ же; аще кто отъ нихъ изнемогъ тяжестію налагаемыхъ имъ беспрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, восхоцетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпуцаемъ его, увы, аще не положитъ уставленный оброкъ, о немъ же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ; бесчисленныхъ трудовъ и потовъ и страданій его, ихъ же положилъ въ нашихъ потребныхъ служеніихъ забывше время бѣднаго его житія, еже въ селѣхъ нашихъ, зѣло безчеловѣчнѣ предаемъ». ¹ Возгордившися «властью селъ», монахи смотрятъ на крестьянъ, какъ на рабовъ, уморяютъ ихъ всевозможными монастырскими работами внутри и вне монастыря, ² «частыми тягостми трудовъ всяческихъ», и «аще нѣгдѣ прегрѣшати», заключаютъ в оковы железныя. ³ Забывшее свои обеты монашество думаетъ только об увеличении своихъ богатствъ, о новыхъ стяжаніяхъ, о стадахъ скота, между темъ какъ трудящися на него крестьяне «в скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ», терпятъ ужасныя лишения «ниже ржаного хлѣба чиста ядуше, многожды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты». ⁴

Высокими податями, тяжелымъ обязательнымъ трудомъ, лихвенными процентами за ссуды, и наконецъ, полнымъ порабощениемъ крестьянъ не исчерпываются все виды монашескаго гнета. Максимъ Грекъ говоритъ еще о двухъ формахъ угнетенія: о присвоеніи монахами земельной собственности крестьянъ и соседей съ помощью судебныхъ тяжбъ и о спекуляціи съ хлебомъ. Проникнутую корыстью страсть къ тяжбамъ, которые разрешались не только словесными спорами, но и поединками, Максимъ изображаетъ въ следующихъ строкахъ беседы ума съ душой: «Селица же ради къ судилищу учащаетъ и сварится зѣло съ своими соперники и словесемъ силою на ня не могущи, обвинити же ихъ зѣло желаящи, оружїи въ полѣ разсудитися молитъ судящихъ прѣ своей. . . за малую землицу, и сію многожды не свою, противу суперниковъ своихъ оружїи, увы, противится, ниже бога самого отнюдъ трепещущи, ниже свидѣтелій самѣхъ ангельскихъ чинѣ, предъ ними же изволила нестяжательное житіе. . . Како же кротость и смиренное мудрованіе и священное безмолвіе стяжеша себѣ, яже яростію и прѣвїи, яже о земляхъ и къ самѣмъ селяномъ и къ сосѣдомъ своимъ, аще обидяще въ чемъ явятся, обдержима часто и неводержжно, тщащися противу оскорбити ихъ, аки враговъ». ⁵

¹ Каз. изд., II, стр. 131, 132.

² Ibid., II, стр. 98.

³ Ibid., II, стр. 38. См. еще аналогичные места: II, 94, 105.

⁴ Ibid., II, стр. 130, 131.

⁵ Ibid., II, стр. 42.

В погоне за обогащением монахи делают огромные запасы хлеба и продуктов, хранят их, не выпуская на рынок, а затем во время голода продают по дорогой цене. Указание на это встречаем мы также в одном из обращений ума к душе: «Наслаждаеши бо ся и ты, треокаянная, отъ неправедныхъ лихоиманій собираючи себѣ жидовски богатство и тщася всегда исполнь имѣти клѣти своя и всяческихъ брашенъ и сладкихъ питій, и стоги житныя превелики и часты по вся лѣта складая на селѣхъ своихъ, окаянная, яже желаніемъ большаго прибытка нарокомъ блюдеши дорого продатися во время глада, не трепещущи отнюдъ богомъ извѣщеннаго прещенія, еже подъ клятвами подлагаеть родъ уморяемыхъ гладомъ, блюдущи пшеницу и жита всяка на большую цѣну желаніемъ множайшаго прибытка».¹

Нищете и страданиям порабощаемых «селян» Максим Грек противопоставляет роскошь и праздность иноков, то сравнивая их с трутнями,² то говоря, что они обильно насыщаются пѣтом подвластных им крестьян.³ Забыв о неимущих, погибающих от голода и мороза, они веселятся, тепло кутаются в роскошные соболя, «пресладко» питаются каждый день, окруженные множеством рабов и слуг.⁴ Такова в особенности жизнь монахов, достигших известного сана: они одеваются в дорогие шелковые одежды, носят золотые и серебряные украшения.⁵ Максим Грек говорит вообще о некоем сани церковном,⁶ составляющем предмет стремления честолюбивых монахов, повидимому, разумея под ним не только игуменскую власть, но и епископскую. Этот сан достигается неправдою, путем мзды, угождения и заискиваний перед светскими властями. В слове о покаянии Максим касается этих же злоупотреблений, уже ранее обличенных им в «Повести страшной и достопамятной». Он говорит, что в погоне за властью мы «всякимъ образомъ тщимся взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угожающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, ова же обѣщавши, аще довершать искомое нами и желаемо».⁷ Высшие представители церкви, роскошно одетые, обильно и сладко упитанные, настолько забыли о божественных заветах, что вместо дел милосердия увлекаются мирской воинственностью.

¹ Ibid., II, стр. 44.

² Ibid., II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 130.

⁴ Ibid., II, стр. 39.

⁵ Ibid., II, стр. 128.

⁶ Ibid., II, стр. 127.

⁷ Ibid., II, стр. 127.

В обличениях Максима Грека выступает перед нами любопытный тип иерарха-феодала, тяготеющего к войску, во время мира окруженного ратными людьми, а в военное время снаряжающего и благословляющего их убивать и пленять единовѣрных собратий. В форме обращения ума к душе Максим Грек говорит: «вооружити паче изволила есть на мужеубительныя брани полки ратныя, ими же провожаема и служима и окружаема во время мира радуется зѣло, брани же наставиши, изѣоруживши ихъ зѣло бодренно и изѣостривше молитвами и благословеніи и словесы подвижными, убивати, плѣняти абіе ихъ отпусти, и что бы иновѣрныя, было бы убо зло менши, ныне же други Христовы и часть господню».¹

Полное пренебрежение иноческими обетами и служение мирскому злу проходит красной нитью через весь жизненный уклад высших представителей церкви: об этом свидѣтельствуе даже рисуемая Максимом картина проезда по городу «напитанного, кровью убогих», одетого в монашеские ризы, высшего духовного лица. Иерарх едет на благородных конях, окруженный слугами, которые сопровождают сзади и скачут впереди, с криками бичами разгоняя встречающийся и толпящийся народ. И это обличение выражено в той же форме, что и предыдущее: «Ты же, треокаянна, пишет Максим, кровей убогихъ безпачдно испиваючи, лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ и себѣ оттуду преобильно приготавлиючи вся твоя угодная, егда же и якоже хошеши, во градѣхъ же ѣздящи на конехъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо вослѣдующимъ, овѣмъ же напредѣ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтаючи или стѣсняючи тя народы. Угодна ли творити мниши своими долгими молитвами и чернымъ симъ власянымъ образомъ Христу любяшу милости паче жертвы и осужающа всякого нищененавидца».² Достигшие известного положения благодаря заискиванию перед светской властью сановные монахи с одной стороны проникнуты безграничной гордостью, ставя себя выше всякого закона («и мнишь прочее, яко над закономъ владѣти поставленъ есть»)³, с другой охвачены многомятежным попечением, «како угодити властелемъ».⁴ Нравственная атмосфера их отношений к равным характеризуется чертами клеветы и лицемерной дружбы, под личиной показного благочестия скрывается нравственное уродство: «Вина же и масла въ среду и въ пятокъ вкусити блюдется, отеческимъ уставомъ повинуюся, не трепещеть, мясь челоувѣческихъ грызущи, стрѣлянии,

¹ Ibid., II, стр. 40.

² Ibid., II, стр. 43, 44.

³ Ibid., II, стр. 37.

⁴ Ibid., II, стр. 37.

сирѣчь оглаголаніи и оклеветаніи острѣйшими, яже отъ языка своего, отай убо зазираючи и безщадно оглаголюючи, а на лице лицемѣрствующи образъ дружбы».¹ Со стороны низших и зависимых эти сановники церкви рады слышать похвалу, лесть, смехотворные рассказы. «Мы же, о душе, восклицает Максим, по премногу нашему славолюбію отъ высокоумренныя мысли нашея, аще взыдемъ на нѣкій санъ, како восплачемъ когда себе или осудимъ славою, яже отъ челоуѣкъ и всякими хваленіи и ласканіи обливаеми, и смѣхотвореніи и кошуны различными предстоящихъ намъ соживуще всегда и шелковыми многоцѣнными ризами и златомъ и серебромъ себе украшающе?»²

§ 2. Если первые ранние протесты Максима Грека противъ стяжательнаго монашества находились в тесной связи с деятельностью Вассиана Патрикеева, то как мы должны смотреть на только что изложенные более поздние обличения, которые вышли из-под пера Максима уже тогда, когда он был навеки разлучен с Вассианом?

Сопоставление с сочиненіями Вассиана представляется вполне естественным. Еще до приезда святогорца, Вассиан энергично полемизировал с Иосифом Волоцким и его учениками по вопросу о монастырских имуществвах. В его сочиненіях, тогда написанных, и встретится нам значительная часть тех обличеній, о которых идет речь. Иконников уже заметил, что «общій мотив обличеній Вассиана Косого, направленных противъ монастырской жизни, тот же, что и у М. Грека: это — представление контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бедственнымъ состояніемъ ихъ крестьян, забытыхъ своими владельцами».³ Но ближайшим образом отношенія между литературными трудами обоихъ обличителей остаются не раскрытыми. Строя свои возраженія Иосифу Волоцкому и его ученикам на выясненіи противоречій жизни современныхъ монаховъ евангельской заповеди о совершенной нищете и другимъ евангельскимъ и апостольскимъ заветамъ, Вассиан Патрикеевъ резко восстаетъ противъ стяжаній иноковъ: «где въ евангельскихъ и апостольскихъ и огечьскихъ преданіихъ, говоритъ онъ, велѣно есть иночьскому житію преизъобиліе стяжаній, сирѣчь села многонародна стяжавати и порабощати христіанъ, братію свою, и отъ сихъ неправеднѣ серебро и злато събирати, подобнѣ въ мирѣ еще обращающіхся».⁴ Далее, интересными конкретными чертами

¹ Ibid., II, стр. 41.

² Ibid., II, стр. 128.

³ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, 2-е изд., стр. 399, 400.

⁴ Полемическіе сочиненія инока-князя Вассиана Патрикеева. Цѣ авославный Собесѣдникъ, 1863, ч. III, стр. 105. Здесь изданы слѣдующіе произведенія князя Вассиана Патрикеева: а) «Предисловіе Нила и Васьяна, ученика его, на Иосифа, Волоцкаго игумсна, собрано

он описывает эту погоню за приобретениями: «Таже въ монастырь вшелше, отъ неразуміа нашего, чюжая не преставаемъ всякимъ образомъ себѣ прістяжавати, села и имѣнія, ова убо безстуднѣ у вельможъ ласканіемъ просяще, ова же испкупающе. Таже господіе бывше чюжихъ имѣній чрезъ заповѣдь, велику правду нещүемъ и добродѣтель, еже тщатися всегда умножити сіа. И глаголавшаго нестяжаніемъ въ слѣдъ его поити и нищетою и правдою, сего забывше, и вмѣсто еже безмлъствовати и рукодѣліемъ своимъ и труды питатися, по заповѣди, градовъ безпрестани обѣждаемъ и въ руки богатыхъ взираемъ, разнымъ образомъ ласкающе ихъ и работнѣннѣ угождающе имъ, даже възможемъ пріати у нихъ ли село или деревнишко или сребро или нѣкое что отъ животныхъ».¹ Победенные ненавистнымъ сребролюбиемъ монахи лихоимствуютъ, даютъ деньги займы неимущимъ крестьянамъ, налагаютъ проценты на проценты; а кто не можегъ отдать, техъ всячески притесняютъ и наконецъ «алчущихъ и наготующихъ» изгоняютъ изъ своихъ владений.² Описанію тяжелого положенія угнетаемыхъ монахами крестьянъ Вассіанъ посвящаетъ немало выразительныхъ строкъ. Кроме лихоимства, отмечаються и другіе формы эксплуатаціи. Въ слѣдующихъ словахъ Вассіанъ обличаетъ злоупотребленія судебными тяжбами изъ-за долговъ и земли: «Оле, вещи скверности! Иноки, иже свѣтъ быти и соль земли отъ господа повелѣваемы дѣланіемъ, сирѣчь апостольскихъ добродѣтелей, а сіи своихъ обѣтованій забывше и всяко благоговѣнство отврѣгше, и отъ своихъ обителѣй въ старости уже сѣдей възстающе, въ мирскихъ судилищихъ обращаются, или съ убогими челоувѣкы прѣщесе о заимоданій многолихвъныхъ, или судящесе зъ съѣды о предѣлехъ своихъ мѣсть и сель».³ Есть указаніе и на спекуляцію въ голодное время: «ова убо въ сребро премѣнившесе о согласіи лихвъ въ заимъ даете; ова же съблюдаете, да въ времена скудости продаются, яко да множайшая цѣны пріимѣте».⁴ Вспоминая простоту въ образе жизни и полное нестяжаніе древнихъ отцовъ, Вассіанъ противопоставляетъ имъ роскошь и изнеженность современныхъ ему епископовъ. У Василя Великого не были слуги, съ которыми онъ могъ бы отправлять

о еже разумѣти и внимати богови и молитвѣ». б) «Слово отвѣтно противу клеветущихъ истину евангельскую и о иночскомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ». в) «Собраніе Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Юсифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ Никанскихъ отъ многихъ главъ». г) «Того же инока пустынника Васьяна на Юсифа, игумена Волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ собрано, и на его ученики, и различныя межъ себя отвѣты отъ книгъ».

¹ Ibid., стр. 108, 109.

² Ibid., стр. 184.

³ Ibid., стр. 110.

⁴ Ibid., стр. 187.

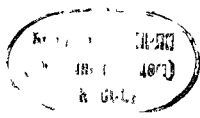
письма, между тем как сколько слуг, великолепно одетых, окружает нынешних святителей, ожидая их мановения. Мало того: владыки держат при себе «множество батононосныхъ;» «тѣми бивають, мучать и различнѣ досаждаютъ прѣщимся предъ ними священникомъ же и миряномъ».¹ Иоанн Милостивый, хотя и стоял во главе богатой церкви, был чужд всякой стяжательности, «нынѣ же предстоящей (т. е. нынешние иерархи) коликими сицевыми церковными имѣніи владѣюще и стяжаніи сами убо себѣ бесчленныхъ образовъ одежду и пищу умышляютъ несѣтно, о погибающихъ же христіанъ братій мразомъ и гладомъ ни едино творятъ попеченіе».² Иоанн Златоуст настолько возлюбил убожество и смирение, что, несмотря на зимнюю стужу, пешком совершил большое путешествие в Эфес для посещения и исправления тамошней церкви. Совсем не такова жизнь наших архиереев. И Вассиан заканчивает свое обличение их открытым смелым риторическим вопросом: «Дроченіе же и украшеніе нынешнихъ архіереевъ кто достойнѣ исповѣсть?»³ По убеждению Вассиана, святители должны оставить всякое «мирское киченіе», править так церковными делами, как подобает строителям божиим и слугам, а не властителям и насильникам людей. Отделив себе немного на житейские потребности, они все остальное должны расходовать на братию, нищих, вдов и сирот, а не отдавать церковные деньги в рост и, взимая проценты, расхищать имущество бедных.⁴ Ясно, что мы находим в сочинениях Максима Грека и Вассиана не только один и тот же общий мотив обличений, но совпадение, захватывающее и отдельные существенные элементы их у того и другого. И Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли и на спекуляцию с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в конкретных чертах, какими описывается у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. Таким образом есть основание решительно утверждать, что важнейшие сочинения Максима против стяжательного монашества, даже написанные после 1531 г., находились в известной связи с полемикой Вассиана и были в значительной мере ею подготовлены. У Максима можно даже наблюдать как-будто некоторые следы литературной реминисценции трудов Вассиана. В этом отношении особенно интересно «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ

¹ Ibid., стр. 193.

² Ibid., стр. 194.

³ Ibid., стр. 196.

⁴ Ibid., стр. 196, 197.

жительность», т. е. диалог Филоктимона с Актимоном. Уже диалогическая форма Стязания как нельзя более соответствует характеру литературной деятельности Вассиана и примыкает к такой же форме одного из его произведений, изложенного в виде беседы Вассиана с Иосифом. Как в произведениях Вассиана стяжательность обличается главным образом путем раскрытия ее прогиворечия евангельской заповеди о нищете, ведущей к совершенству, так и в возражениях Актимона настойчиво подчеркивается то же прогиворечие. Мало того, возражения Актимона напоминают Вассиана не только общим своим духом и основным содержанием, но и деталями. Отдельные места позволяют нагляднее судить о характере сходства:

Вассиан

Господь убо глаголетъ: продаждь имѣніа твоя. Мы же наша убо или. устраяемъ по заповѣди господьской, или ни? Таже в монастырь вшедше, отъ неразуміа нашего чюжая не преставаемъ всякимъ образомъ себѣ пристяжавати села и имѣніа, ова убо безстуднѣ у вельможъ ласкаемъ ꙗко осяше, ово же испкупающе. Таже господіе быше чюжихъ имѣній чрезъ заповѣдь, велику правду испицумъ и добродѣтель, еже тщатися всегда умножити (іа).¹

Максим Грек

Мы же, глаголеміи евангельстѣи ученицы, им же ꙗже єсть взыти въ совершенство, еже по бозѣ житія, его же ради отрицаемъ самоизвольно всѣхъ красныхъ міра сего суетного ... таже обѣтъ нашихъ забывше и аки ничто же возмнѣвше ихъ, стяжаніи паки себѣ и стадо всяческихъ скотъ, яко и въ первомъ мірскомъ житіи нашемъ, тщимся всегда пристяжати, и злато и сребро себѣ скопити на земли со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ, евангельскѣи заповѣди сицевыя богомерскія прибитки крѣпцѣ отрицающе и въ бесчисленныхъ печалехъ паки и житейскихъ молвахъ, тяжбахъ же и сварехъ себе влагаемъ, равнѣ держащимся мірскаго житія, и еже множайшихъ слезъ достойно, яко сяцеваая держаючи супротивъ божественнымъ заповѣдемъ и нашимъ обѣгомъ не токмо не чюемъ прегрѣшеніе наше, но еще хвалимся, аки правду исправляюще.²

¹ Соч. Вассиана, стр. 108, 109.

² Каз. изд., II, стр. 95, 96.

Далее:

Вассиан

Максим Грек

Господь повелѣваетъ: и даждь я нищимъ; мы же одиначе сребролюбѣемъ и насытостію побѣждени, живущая братія наша убогіа в селехъ нашихъ различными образы оскръбляемъ ихъ, и леств на леств и лихву на лихву на ихъ налагающе, милость же нигдѣ же к нимъ показующе, иже егда не възмогутъ отдати лихвы, отъ имѣній ихъ обнажихомъ безъ милости, коровку ихъ и лошадку отъемше, самѣхъ же с женами и дегми далече отъ своихъ предѣлъ, аки скверныхъ, отгнахомъ; нѣкіихъ же и княжеской власти предавше, истребленію конечному положихомъ.¹

Мы же священную его заповѣдь, яже о нищелюбіи, преступающе... безчеловѣчнѣйше бо напастуемъ подручная наша нищая христова братія, тяжчайшичъ ростовъ негязаніи моряще ихъ безпрестани и всяческими монастырскими рабогами внутри же и внѣ горчайше ихъ житіе содѣлающе кромѣ щедротъ и милости... Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтми далече отъ сель твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабоженіемъ, яко же и древній мучитель Фараонъ сыны израилевы.²

Сходство, конечно, совсем не таково, чтобы говорить о текстуальном заимствовании. Выразительные «слова» Вассиана производили впечатление и не могли не остаться в памяти сочувствовавшего ему Максима. Во всяком случае полемическая деятельность Вассиана была той исходной точкой в вопросе о монашестве, на которую стал и Максим. Но святогорец не ограничился тем, что дал Вассиан, он дал больше, он развил вширь и вглубь начатые обличения. А. С. Павлов в своем «Очерке секуляризации», переходя от характеристики личных мотивов полемики Вассиана к противостыжательным сочинениям Максима Грека, заметил: «Другой характер носят на себе сочинения литературного союзника Вассианова, Максима Грека. Он ратовал за чистую идею, у него нет ни с кем личной вражды, нет и резкой брани на защитников монастырских вотчин. Он спокойно развивает свои мысли то в «беседе с собственной душой», то в диалоге двух вымышленных лиц: Филоктимона (любостыжателя) и Актимона (нестыжателя), представляющих два противоположные направления

¹ Соч. Вассиана, стр. 109.

² Каз. изд., II, стр. 98, 100.

в среде русского монашества. Зато истинно-греческая диалектика Максима поражает противников гораздо глубже и сильнее, чем размашистая, беспорядочная и раздраженная речь нашего инока-князя.¹ Замечание А. С. Павлова, в общем приблизительно верно передающее первое впечатление от сравнения трудов Вассиана и Максима, недостаточно однако для точной оценки результатов более внимательного сопоставления. Оно нуждается и в существенном изменении и в дополнении. В данном случае особенно необходимо различать форму и содержание произведений. Со стороны формы сочинения Вассиана отличаются, конечно, более выпуклой конкретностью. Мы видели, как Вассиан восклицает о «дрочении нынешних архиереев», как он говорит о том, что стяжательные монахи отнимают у бедных крестьян «коровку» и «лошадку». Тон его речи более житейский, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий. Иначе пишет Максим Грек: он отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей именами, принятыми для них в обиходе. Вероятно, двоякая причина обуславливает наблюдаемую черту. Прежде всего сказалась тут византийская традиция Максима, с ее склонностью к отвлечению. С другой стороны могли сыграть роль и обстоятельства времени. Ведь Максиму Греку совсем не чужда была простая, передающая впечатления форма. Укажем на «Повесть страшну и достопамятну», заключающую в себе живой рассказ об ордене картезианцев, воспоминания пережитого во Флоренции и о Савонароле, указание, как достигается игуменская власть у нас. Но не следует забывать, что эта повесть явилась до 1525 г., между тем как остальные произведения Максима, обличающие монашество, написаны после 1531 г. И вам становится понятным, почему обличитель не употребляет в них слов: «игумены, архимандриты, епископы». Ведь при открытой форме он не мог бы высказать и десятой доли своих обличений. Прием Максима Грека с внешней стороны как-будто смягчает резкость его произведений, но существо дела от этого нисколько не меняется. Обличение остается вполне ясным, глубоко захватывающим. Условность формы сознается автором, и он не раз считает нужным уже в самом заглавии произведения привлечь и направить внимание читателя к должному разумению своих слов: «Словеса, душеполезна зъло внимающимъ ихъ . . .», «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его».

¹ А. С. Павлов Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 79, 80.

Максим Грек не только не оставил без внимания ни один из тех пунктов, на которые были направлены обличения Вассиана, но пошел дальше, ввел несколько новых: таков тип воинственного иерарха, в мирное время окруженного ратными людьми, а во время войны благословляющего их убивать единовѣрныхъ братьевъ; такова картина шумного проезда по городу высокаго сановника церкви; таково, наконецъ, прекрасное изображение взаимныхъ отношеній честолюбиваго монашества, проникнутаго духомъ клеветы и лицемерной дружбы. Вместе съ тѣмъ соответствующіе произведенія Максима отличаются болѣею углубленностью; одни и те же затрагиваемые вопросы подвергаются въ нихъ многообразному освещенію: отрицательныя явленія въ жизни стяжательнаго монашества то рисуются путемъ раскрытія ихъ контраста призывамъ заповѣдей, то обнаруживаются въ искусномъ спорѣ, гдѣ съ помощью толкованія евангельскихъ заветовъ разбиваются все доводы стяжателей и вводятся аргументы противъ нихъ, ранее неиспользованныя, то вообще выявляются на фонѣ аскетическаго идеала.

§ 3. Новые отрицательныя черты изъ жизни высшаго монашества, впервые подмеченныя Максимомъ, въ высшей степени интересны и важны; они находятъ себѣ соответствіе въ другихъ публицистическихъ памятникахъ XVI в., указанія которыхъ, подтверждающія ихъ вполне, сами въ свою очередь становятся понятнѣе. Когда мы читаемъ у Максима о воинственномъ иерархѣ, окруженномъ войскомъ, мы невольно вспоминаемъ выразительныя слова Беседы валаамскихъ чудотворцевъ, появившейся въ серединѣ XVI в.: «И не достоитъ иноку храбро вооруженныхъ полкехъ ѣздити съ вершники, аки воину на брань...» И далѣе еще ближе къ смыслу даннаго обличенія: «Не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростію грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвами, и непрестанными слезами, и стояніемъ царства утверждаются и грады израильскія не скончуются».¹ Проездъ по городу высокаго духовнаго лица на благородныхъ коняхъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ слугъ, правда, можетъ вызвать сначала некоторые недоумѣнія, такъ какъ въ другомъ произведеніи Максима есть аналогичное мѣсто, гдѣ сходными (но, конечно, далеко не совпадающими) чертами описывается проездъ римскаго папы: «Чуднѣйши же папа, говоритъ Максимъ Грекъ, обещающа въ Римъ, аще не поклонимъ будетъ отъ срѣщающихъ его, ничто же радить ему біемыхъ бываемыхъ ихъ отъ паличниковъ своихъ, или въ ланиту приступающихъ къ нему властемъ и княземъ и вельможамъ, но овѣмъ убо

¹ Беседа преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ, изд. В. Дружининымъ и М. Дьяконовымъ въ Летописи занятій Археографической комиссіи, вып. X, СПб., 1895, стр. 13 и 17.

колѣно, овѣмъ же ногу на цѣлованіе даяти, кое крайнее киченіе и высокоумія и гордости не превозходитъ»...¹

Эта параллель может возбудить вопрос, относится ли давнее обличение к русской среде. Но при ближайшем знакомстве со «Словом душеполезным», утвердительный ответ представляется очевидным. Произведение во всем остальном, как уже мы могли убедиться, относится к тем же явлениям, о которых писал и Вассиан. Кроме того, обращающая на себя внимание езда высших представителей монашества на дорогих конях, в сопровождении множества слуг, оказывается фактом, отмеченным в нашей обличительной литературе XVI в., именно в интересном произведении, которое носит заглавие: «Слово къ вѣрнымъ, иже христіаня словомъ нарицаются, богови же супротивяшеся коварствы, и въ семъ на ся грѣха не возлагають».² В первой своей части Слово «восстает против современного щегольства, брадобрития, а также косметики женщин, зорко подмеченной, во второй говорит о отрицательных сторонах монашества, нарушающего свои обеты, и требует, чтобы миряне не давали сел монастырям ни мужским, ни женским. Автор особенно подчеркивает честолюбие монахов, их мирскую гордость, стремление к высоким местам, к богатству, к телесному покою, и приводимые им живые черты современности с избытком подтверждают наблюдения Максима Грека. Монахи, как говорит «Слово къ вѣрнымъ», держат «въ монастырех множество мірскихъ слугъ, цвѣтоносных и младыхъ юношъ, и множество великихъ конь, и вся притяжанія, яже богатымъ довлѣеть, и различная яди, и язяху, яко же мірстїи вельможи, гордящеся со множествомъ слугъ».³ Вспоминая древние образы монашества (Мелхиседека, Иоанна Крестителя, Ангония Великого и Пахомия), автор противопоставляет им современное ему иночество, дошедшее до отрицания своего смысла: «Мы же сего ли ради ркохомъ отреченіе мірскихъ, яко да солгавше се, паки множество богатства стяжемъ, и различныя яди... и яжденіе творяще на многоцѣнныхъ конехъ со множествомъ цвѣтоносныхъ слугъ».⁴ И далее автор снова упоминает о конях и слугах, очевидно, считая эти черты современного монашества наиболее типичными и красноречивыми: «Се же ли

¹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. Отдел приложений. Послание Максима Грека к Иоанну Васильевичу о брадобритии, стр. 83.

² «Слово къ вѣрнымъ.» издано также в книге Жмакина, Отд. приложений, стр. 62—69. «Слово», судя по всему, относится к XVI в. Оно находится в ркп. XVI в., среди сочинений Ермолая-Еразма. Об этом в моей работе: «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», стр. 167. Л., 1926.

³ Ibid., стр. 65.

⁴ Ibid., стр. 65.

есть мнѣшество, спрашивает он, еже богатства и величества высоты земнаго мѣста искати? Се ли есть ученикъ христовъ? Христови бо ученицы не язяху на многоцѣнныхъ конехъ со многими слугами, но едини и пѣши, яко крилати, всю землю обтекоста».¹

Вообще произведения Максима Грека, обличавшие монашество, глубоко правдиво передавали отрицательную сторону подлинной действительности.² Лишние свидетельства в пользу этого можно извлечь даже из сочинений политического и личного противника Максима, к тому же стоявшего во главе тогдашней русской церкви — митрополита Даниила. Правда, как уже было отмечено исследователями,³ митрополит Даниил старается возможно мягче говорить о недостатках монашества, сводя их к отдельным частным случаям, но в «наказании» второго слова, обращенного к высшей иерархии, у него есть места, заслуживающие сопоставления с нашим писателем. «Худи же и лѣнивии пастыріе, увы мнѣ, якоже азъ, говорит митрополит, себе упасоша и разширина чрева своя брашны и піанствы, заблуждшихъ не възведоша, погибшихъ не възыкаша, прелщенныхъ не обратиша... и ни мало попекошася исцѣлити овца, но себе упасоша, а овецъ не пасоша, и вся дѣла пастырьская презрѣша, но точію на славу и честь, и на упокоеніе, еже ясти и пити сладостная и драгая и честнѣйшая, и на тщеславіе, и презорство, и на възпріатіе мзды уклонишася, душеполезнаго же ученія и врачеванія не сотвориша овцамъ».⁴ Так говорил митрополит, повидимому, в приливе покаянного настроения, и далее еще выразительнее и ярче рисовал погоню монашества за почестями, за богатством, роскошную жизнь сановных монахов, проводящих время в увеселениях и пирах на церковные средства в обществе знатных и богатых мирян: «Почто, братіе, гордимся и възносимся и сами ся прелщаемъ, власти игуменства, или епископства ищущи, страстни суще и немощни на таковая величества възсходити? Что же ради сихъ и възыкуемъ? Ясти ли и пити многоразличная и драгая и сладостнѣйшая? Или злата и сребра, и многа богатства, и имѣнія събирати? Или веселитися, и щапити, и пиры съставляти, и съзывать на обѣдъ славныхъ и богатыхъ, и истощити всеу церковныя доходы тунедцемъ, яже церкви и церковнымъ потребна бѣ и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ и церковныя доходы съ славными и съ богатыми, и

¹ Ibid., стр. 66.

² Ср. проф. Н. Ф. Каптерев. «В чем состоит истинное монашество по воззрениям предодобного Максима Грека». Богословский вестник, 1903 г., II, стр. 170.

³ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 626, 627.

⁴ Ibid., Отдел приложений, стр. 4.

съ тунеядци изъядаемъ, гордостію и тщеславіемъ надывающесе и къ настоящимъ вседушно прилежаще, и мнися пастыри и учителя быти и истинно слово божіе правити и наставляти родъ человѣческій къ спасенію».¹

Такъ говорилъ митрополитъ иосифлянинъ, вообще совсемъ не склонный преувеличивать недостатки монашества и высшей иерархii.

§ 4. Обличения белого духовенства у Максима Грека далеко не отличаются такой обширностью, такой разносторонностью, какъ произведенія его, направленные противъ стяжательнаго монашества. О священникахъ и пастыряхъ Максимъ говоритъ немного. Но и это немного весьма интересно. Во второмъ словѣ «на богоборца пса Моамеова», указывая признаки близкой кончины мира, однимъ изъ нихъ Максимъ Грекъ считаетъ упадокъ учительнаго слова: нетъ пастырей, которые бы учили, наставляли народъ, утешали малодушныхъ, защищали слабыхъ, обличали противящихся благочестію, спасали заблудившихъ. Никто не сознаетъ высокой ответственности пастырскаго сана, никто по смирению не отказывается быть священникомъ: напротивъ все готовы купить себѣ этотъ санъ великими дарами, чтобы жить «въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покои».² Кругомъ ходятъ нечестивые, похищаютъ верныхъ и приносятъ въ даръ отцу своему диаволу, наши же пастыри не обращаютъ на это вниманія, они «безчювьственѣйши каменій устроишася».³

Тверской пожаръ 1537 г., когда сгорѣлъ соборъ, дворъ епископа, много другихъ храмовъ, когда огонь уничтожилъ много дворовъ съ человѣческими жертвами, далъ поводъ Максиму написать вдохновенное слово, посвященное обличенію тверскаго духовенства во главѣ съ епископомъ.⁴ По литературному примеру Иерусалимскаго патриарха Софронія,⁵ который въ своихъ стихирахъ влагаетъ речи въ уста спасителя, Слово написано въ формѣ ответа самаго господа на вопросъ тверскаго епископа о причинѣ божьего гнева, постигшаго Тверь. Епископъ говоритъ, что онъ всегда раделъ о божественномъ пении, о благолепнѣи церковной службы, чтилъ праздники пениемъ красногласнымъ «боголѣпныхъ священниковъ и шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными мирами благоуханными»,⁶ украшалъ иконы божией

¹ Ibid., Отделъ приложений, стр. 5, 6.

² Каз. изд. I (2 изд.), стр. 113.

³ Ibid.

⁴ Не касаемся личныхъ отношеній Максима къ епископу Акакию, которые позднее, повидимому, заставили его, чтобы несколько сгладить резкость этого слова, написать: «Сложене въ кратцѣ о бывшемъ пожарѣ тверскомъ, въ томъ же и похвала о обновленіи церковнаго украшенія бывшаго боголюбивымъ епископомъ тверскимъ Акакіемъ».

⁵ Какъ заметилъ самъ Максимъ Грекъ въ своемъ «Отвѣтѣ въ кратцѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю». Москвитянинъ, 1842 г., № 11, стр. 86.

⁶ Каз. изд., II, стр. 261.

матери золотом, серебром и многоценными каменьями; и тем не менее бог всепожирающим огнем уничтожил красоту и благолепие храмов. «Сего ради, молимъ ты, раби твои, — обращается епископ к господу, — скажи намъ, въ кѣихъ согрѣшихомъ...»¹. Господь отвечает, что доброгласное пение, звон колоколов, украшение икон и благоухание мира угодны ему только тогда, когда они приносятся от честного труда; если же они смешаны со слезами сирот и вдовиц и кровью убогих, то достойны праведного гнева. Всесильное греческое царство погибло несмотря на все свое внешнее благочестие, потому что «убога возненавидѣша, и сира убиша, пришельца же и вдову, якоже есть писано»;² потому что у них распространилась вера в звезды, укоренился неправедный, корыстный суд, вошло в обычай поставление недостойных священников по мзде. Богу не нужно обилия и роскоши приношений, не для звона колоколов и ласкающих слух песнопений сошел он на землю, но для спасения людей. Для спасения их велел он записать в книги свои заповеди и наставления, ведущие по истинному пути жизни. Между тем вы, говорит господь тверскому епископу, обильно украшаете книгу словес моих золотом и серебром и внутри и снаружи, а записанных в ней велений моих исполнять не хотите. Я призываю итти скорбным, узким путем, вы предпочитаете пространный: «и свѣтло и преобильно питаете по вся дни, и въ смѣсѣхъ и пѣнствѣхъ и всяческихъ игранѣхъ и плесканѣхъ ручныхъ пребываете».³ Я ублажаю плачущих о себе, осуждаю питающихся блудно, вы же «гуслими и тимпаны и сурнами и воровъ сгудными бляденіи и пѣніи тщитесь всегда тѣшити себе язычески».⁴ Я заповедую не скрывать себе на земле сокровищ золота и серебра, призываю через своего пророка не увлекаться богатством («не прилагати къ тому сердца своя»), не уповать на неправду, не радоваться расхищению чужих имений, — «вы же убогія и сироты и вдовицы безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите, убиваете всякимъ образомъ богомерскаго лихоимства».⁵ Если до сих пор слова господя можно понимать как обращенные в лице епископа не только к духовенству, но и вообще к населению Твери, то далее становится совершенно ясным, что Максим Грек имел в виду именно духовенство. Несмотря на мою заповедь, говорит господь, вы обидите и ненасытно грабите нищих и убогих. и не только не подаете им му-

¹ Ibid., II, стр. 261.

² Ibid., стр. 263.

³ Ibid., стр. 266.

⁴ Ibid., стр. 266.

⁵ Ibid., стр. 267.

чимым голодом и морозом, от своего богатства, но даже лишаете их и того, что дано моим храмам князьями для прокормления немущих; вы тратите дары славных и богатых вельмож на удовольствия, на «украшение різное», на роскошные пиры. Я заповедую не приглашать на пир ни богатых, ни соседей, ни сродников, ни друзей, ни слепых, сухих, хромым, убогих и нищих, а вы «съ пребогатыми всегда пируете свѣтло и многоцѣнно и тѣхъ дарите зѣло обильно убогихъ и сиротъ имѣніи». ¹ Я ублажаю миротворцев, называя их сынами Божиими, «вы другъ другу завидуете и ревнуете и, яко дивіи звѣри, друг на друга воздвизаетея яростію и враждою некончаемою, да еще священници мои нарицаеми и моего новаго Израіля наставниці, и иже свѣтъ убо честнымъ житіемъ, соль же учительнымъ поученіемъ, и образъ цѣломудреннаго житія должны суще быти равнѣ вѣрнымъ и невѣрнымъ, вы нынѣ, оле студа неизглаголаннаго! предлежите наставниці всякого бесчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и бесчиннымъ людямъ: и объедаетея и упиваетея невождержно и зѣльною яростію другъ другу досаждаете, суетному спору отъ многаго винопитія воздвигшуся и зѣльнѣ избѣсившу васъ, да аще во дни божественныхъ праздникъ моихъ, егда подобаше наипаче трезвитися и благочинно жити и иныя такожде въ ту же ревность спасенную привлачити образомъ трезвенія вашего; вы же учиненныи моимъ мановеніемъ праздники въ славу убо и честь мою, вамъ же во святыню и житія добраго исправленіе, піянству и безчинію вины творите, зѣло нелѣпно бесчинствующе въ вихъ». ² В дальнейшихъ обличеніяхъ мы опять встречаемъ указаніе, что они оґносятся именно къ духовенству. Господь говоритъ: «вы... тщитесь другъ друга превзыти питаніемъ сладкимъ, и честію и премѣнною славою, и разнымъ украшеніемъ и множествомъ слугъ, ихъ же вседушно желающе, тщитесь всегда на большія степени взыти, не за еже прославити мене больши честнымъ житіемъ вашимъ и славою, и люде: возвращеніемъ къ совершенію заповѣдей моихъ, но да сокровища большая себѣ скопите и отъ человекъ большую славу себѣ получите». ³ Напрасно такие пастыри надеюся искупить свои грехи, принимая иночество передъ самою смертію: «Или вѣрою, яже въ мя, или крещеніемъ и чернымъ рубищемъ, еже в послѣднихъ дыханіи приемете, оправдатися чаете?» спрашиваетъ господь. ⁴ Но веры и черной ризы недостаточно, нужны добрые дела: вера безъ благихъ делъ и черныя рубища не спасутъ. Слово заканчивается указаніемъ на новый гневъ божій, который ожидаетъ неправедныхъ, и призывомъ къ действительному покаянію.

¹ Ibid., стр. 268

² Ibid., стр. 270.

³ Ibid., стр. 271.

⁴ Ibid., стр. 272.

Только что изложенные обличения Максима Грека, как мы видим, в общем напоминают те слова, с какими он обращался к монашеству.

Максима Грека интересует в данном случае не то, насколько добросовестно и правильно исполняет духовенство различные обряды, не то, какие нарушения церковного устава оно допускает. На первом плане у него стоит мысль о высоте пастырского служения, о долге пастыря по отношению к обществу, и в свете этой мысли изобличается целый ряд отрицательных явлений: достижение недостойными людьми священнического сана по мзде, оскудение учительного слова, различные злоупотребления, прикрываемые внешним благочестием, роскошные пиршества в дни праздников, соединенные с пьянством, светскими увеселениями, ссорами и бесчинством, лихвенное притеснение бедных, захват доходов с церковного имущества, предназначенных для милостыни нищим и убогим, страсть к украшенной одежде.

§ 5. Прошло несколько лет, и картина тверского духовенства, нарисованная Максимом, получила полное подтверждение.

В числе постановлений Стоглавого собора (1551 г.), касающихся белого духовенства, есть несколько таких, которые прямо относятся к затронутым здесь отрицательным явлениям. Стоглавый собор восставал против поставления по мзде как черного, так и белого духовенства (гл. 86). Собор запрещал взимание роста и лихвы как монастырям, так и святителям, и высказывал вообще отрицательное отношение к «резонимству»: «и о томъ божественное писание и священныя правила не только епископомъ и прозвиретомъ и диякономъ и всему священническому и иноческому чину возбраняють, но и простымъ не повелѣвають резонимство и лихву истязати»¹ (гл. 76). Стоглавый собор обращал также вниманіе на ношение духовенством излишних, неподобающих украшений. В главе 90 постановлений собора говорилось: «никто же отъ причитаемыхъ во священнемъ въ церковнемъ причтѣ въ неподобную ризу да облачится, ниже во градѣ пребывая или въ коемъ селѣни жительствуя или на пути шествуя, но приличное и усвоенная причетникомъ да носить. . .»; всякому званию подобаетъ соответствующее одеяние, между тем «причетницы» имеютъ обычай подобно женщинамъ носить такъ называемые «торлопы»,² «златомъ и бисеромъ и камениемъ украшены, и сіе неподобно есть причетникомъ тако украшатися женскимъ одѣяніемъ, ниже воинское одѣяніе носити имъ»³. В той же главе

¹ Стоглав. Изд. 3-е, стр. 160, 161. Казань, 1912.

² Торлоп — верхняя женская одежда.

³ Стоглав, стр. 180.

и светские увеселения духовенства («всякіе игры и глумы и позорища»)¹ вызывали запрет собора. Итак обличения Максима отвечали действительности. Еще новый довод в пользу этого дает нам опять митрополит Даниил. Вот картинка увеселений духовенства, приводимая им в одном из посланий: «Нынѣ же сѹть нѣкыя отъ священныхъ презвитери, и дияконі, и поддіакони, и четци, и пѣвци глумятся и играютъ в гусли, в домры, в смыкы, и зернію, и шахматы, и тавлѣми, и в пѣснехъ бѣсовскихъ, и въ піанствѣ, и всякое плотское мудрованіе и наслаженіе паче духовныхъ любяще, и тако себѣ и инымъ великъ вредъ бывающе».²

§ 6. В сочинениях Максима Грека, посвященных монашеству и духовенству, как уже не раз мы могли видеть, не только вскрываются отрицательные явления, развившиеся в этой среде, но во всей полноте выражается и его нравственный идеал. В этих сочинениях идеал Максима совершенно ясен, изображаемая им аномальная действительность так красноречива. Но с первого взгляда далеко не вполне понятно, что думал Максим о путях осуществления своего идеала, о средствах искоренения зла. Позицию Максима, повидимому, лучше всего предварительно уяснить сравнением с тем же Вассианом. Вассиан, как известно, стремился к проведению в жизнь своих взглядов двумя путями: путем литературной полемики со своими партийными противниками; и затем путем влияния на представителя высшей власти в. кн. Василия Ивановича, которому он настойчиво советовал отнять села у монастырей,³ и с которым беседовал вообще о «цѣрковномъ нестроеніи»,⁴ очевидно, излагая и свой проект⁵ относительно земельных владений соборных и мирских церквей, в которых он предлагает ввести такую организацию их управления, при которой доходами не владел бы епископ с духовенством, а все ведал особый эконо́м, и с епископского доклада и разрешения собора попов эти средства лишь отчасти назначались на нужды духовенства, а главным образом шли на милостыню нищим и убогим и на выкуп пленных. Между тем Максим Грек нигде прямо не говорит, каким образом должен быть достигнут его монашеский идеал. Но так как все соответствующие произведения его обращены к самому монашеству, то надо думать, что единственным путем он считал нравственное возрождение самих иноков, их проникновение евангельским духом и затем

¹ Ibid., стр. 180.

² Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 г., вып. 21. В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в., стр. 80.

³ Правосл. Собеседник, 1863 г. ч. III, стр. 207.

⁴ Ibid., стр. 197.

⁵ Ibid., стр. 196 197 и 207.

исходящую из их же среды реформу монастырского уклада. Во всяком случае следует допустить, что Максим Грек, хотя и решительно высказывался против монастырских вотчин, однако не был сторонником применения светскою властью насильственных мер, не был сторонником той конфискации, за которую открыто стоял Вассиан. Это положение, естественно вытекающее из общего характера рассматриваемых сочинений Максима Грека, находит себе известное подтверждение и с другой стороны, именно в тех взглядах, какие в эпоху Стоглавого собора развивал перед царем старец Артемий, близкий к Максиму и как раз во время собора исходящий от него разрешение переселиться к Троице (теперь Сергиево). В послании к царю 1553 г. Артемий говорит по поводу своего другого более раннего послания, написанного на собор и до нас не дошедшего. Он оправдывается от обвинений, какие вызвало неправильное толкование его мыслей: «Враждующи на мене, — пишет он, — говорить не такъ, какъ азъ говорилъ, а всѣ нынѣ съгласно враждуютъ, будъто азъ говорилъ и писалъ тобѣ сед отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ; а отъ того мню, государь, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой, а не говариваль есми о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженію и властію творити что таково. Развѣ межи собою говорили есмо, какъ писано въ книгахъ быти инокомъ, и се наше мудрование, яко же и святіи отпи уставляютъ жити, яже по Великому Василью... А инимъ есмы не говариваль, развѣ межи собою говоримъ, чтобъ намъ жити своимъ руководѣлемъ и у мирьскихъ не просити, а и то есми, государь, писалъ азъ и говорилъ тобѣ о истиннѣмъ и непрелестнѣмъ пути христовыхъ заповѣдей, и о том, бога ради, не ускори съблзнитися, будетъ бо время, егда просвѣтитъ тебе господь разумѣти сіа, аще възыщени всѣмъ сердцемъ волю его».³ В этих словах Артемия важно и заявление его о чисто принципиальном характере высказанных взглядов, и указание на тех единомысленных с ним монахов, в среде которых именно таким образом обсуждались данные вопросы. Если иметь в виду, что Артемий, бывший в 1551 г. игуменом у Троицы, мог встречаться и беседовать с переселившимся туда Максимом Греком, то предположение, что в приведенном отрывке Артемия имеются в виду и беседы с Максимом, становится более чем вероятным.

Что касается земельных владений мирских церквей, то в этом отношении взгляды Максима Грека, повидимому, мало отличались от взглядов

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е испр. и доп., стр. 513. Киев, 1915.

² Русская историческая библиотека, т. IV, 1440—1441.

Вассиана. Как Вассиан допускал эти владения, так и Максим Грек принципиально не возражает против них; как, далее, Вассиан настаивал перед верховной властью на правильной организации управления церковными землями, так и Максим обращался по этому поводу к самому царю Ивану. В «главах поучительных начальствующимъ правовѣрно» он между прочим пишет, что современные «предстатели» церквей злоупотребляют церковным имуществом: они «вся бо, яже отъ правовѣрныхъ царей и христовлюбивыхъ князей возложена святымъ божіимъ церквамъ имѣніа же и стяжаніа на прокормленіе нищимъ и сиротамъ, преложиша въ своихъ потребахъ преизлишнихъ и житейскихъ устроенихъ. Сами бо во всякомъ прохладѣ и довольствомъ живуще и пространно питающесе и племенники и сродники обильно обогащаюша, а нищии христовы гладомъ и наготою и страдаемъ погибающе презираеми суть отъ нихъ».¹ По убеждению Максима Грека, вполне исправить такую обиду нищих может только бог, но и царь должен предпринять известные меры к реформе церковных порядков. Вот в каких выражениях предлагается этот совет молодому Ивану: «и царствующимъ благовѣрно на земли нужно и зѣло прилично благочестивымъ царемъ сиецевыя священническія недостатки, да не реку прегрѣшенія, исправляти, по ревности древнихъ православныхъ царѣхъ, Константина, Θεодосіа и Іустиніана великихъ. Ничто же ино толь вѣсь утвердити царская скипетра, елико же еже по бозѣ о нищихъ попеченіе и милосердіе».² Итак Максим Грек, подобно Вассиану, стоял за такую организацию церковных имуществ, при которой доходы с них действительно шли бы на нищих и убогих. «Главы поучительны», кроме того, ясно показывают, что Максим Грек был вообще противником всякого рода конфискации, и таким образом лишній раз подтверждают, что мысль о принудительной секуляризации не только церковных, но и монастырских вотчин была ему чужда. Как раз перед тем местом о церковных имениях, которое мы только что приводили, Максим Грек энергично возражает против «хищенія чюжихъ имѣній и стяжаній» и убѣждает царя никогда не поддаваться страсти «богомерскаго и раболѣпнаго сребролюбія». Он пишет: «Сіе бо суще свойственню есть благовѣрному царю и пастырю неложному, еже не на земли неправдою и хищеніемъ чюжихъ имѣній и стяжаній, но всякою правдою и страхомъ божіимъ, вѣрою же и любовію полагати на небесѣхъ сокровища неистошима преподобія и милостыни и всякія кротости и благодости, яже къ подручникомъ. Царь убо пресвѣтель сый и преславенъ

¹ Каз. изд., II, стр. 174, 175.

² Ibid., стр. 175.

утверди себе богомудрено, да не побѣжденъ будещи когда страстию юдейскаго богомерскаго и раболѣпнаго сребролюбія».¹ Хотя Максим Грек не склонен был делать радикальных практических выводов из своих обличений монашества и духовенства, однако жизненная действительность их была на уровне острых вопросов тогдашней общественной жизни. Еще в 1858 г. И. В. Беляев писал: «Несомненно влияние на Стоглав сочинений пр. Максима Грека. Всякий, кто прочтет сочинения этого замечательного писателя и после него Стоглав, не может не заметить влияния не только мыслей, но даже иногда как будто выражений Максима на мысли и выражения царя Иоанна в его вопросах собору... Сколько, например, сходства, но сколько и различия, если сравнить только написанное о духовенстве, в особенности о монашествующем, у пр. Максима и в Стоглаве».² И позднейшие исследователи в той или иной форме допускали влияние произведений Максима Грека, обличающих монашество и духовенство, на царя Ивана Васильевича и признавали их роль в подготовке Стоглавого собора. «Влияние этих наставлений, — говорит Павлов, по поводу приведенного выше места из «Глав поучительных», на молодую и впечатлительную душу Ивана IV, — несомненно. Знаменитая речь, сказанная Иваном с лобного места, вопросы, предложенные им собору 1551 г., отчасти и позднейшие сочинения царя-писателя глубоко запечатлены взглядами той литературной партии, во главе которой стоял Максим Грек».³

Жданов также присоединился к взгляду И. Беляева и по поводу его сказал: «Так замечает г. И. В. Беляев, — и нужно прибавить — совершенно основательно. Подготовка Стоглавого собора шла именно от людей того направления, видным представителем которого был Максим. Таковы и Кассиан, и Артемий, и Сильвестр. К сожалению, о прямом участии Максима в деятельности Стоглавого собора мы не имеем никаких указаний».⁴ Итак отдельные исследователи уже не раз указывали на связь между Стоглавым собором и произведениями Максима. Необходимо однако точнее выяснить, в чем могла заключаться эта связь. В. С. Иконников сопоставлял обличения Максима с соответствующими постановлениями Стоглава. Правильнее однако сопоставлять Максима не прямо с «ответами» Стоглава,

¹ Каз. изд., II, стр. 172, 173.

² Ив. Беляев. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. Русская Беседа, 1858 г., IV, стр. 13.

³ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Стр. 107. Одесса, 1871.

⁴ Сочинения И. Н. Жданова, т. I, стр. 203, прим. 1., СПб., 1904.

в общем, как известно, «иосифляньски» настроенного, а прежде всего с отдельными пунктами того проекта реформ, который под названием первых царских вопросов был предложен собору самим царем. Согласно анализу исследователя Стоглава, проект этот, составленный царем и его советниками, по своему происхождению распадается «на две группы: более первоначальную образуют 19 вопросов, направленных против недостатков в быту монашеском и в высшем церковном управлении и суде; это вопросы: 1, 7 (с примыкающими к нему 2 и 4), 3; 8 и 9; 10 и 12; 13, 15—18; 19 и 30, 31; 32 и 37. Впоследствии под влиянием послания, усвояемого Сильвестру, прибавлены были вопросы, касающиеся недостатков при совершении богослужения и пороков среди мирян, с 20 по 29 включительно, а также 33—36 и четыре вопроса: 5, 6, 11 и 14, быть может, по указанию митрополита Макария. Редактировал вопросы, по поручению царя, кто-либо из членов избранной рады, как называет кн. Курбский советников царя, группировавшихся около Сильвестра и А. Адашева, вероятнее всего Сильвестр».¹ В первой группе этих вопросов мы и найдем такие, которые из всего Стоглава наиболее близки к исследуемым обличениям Максима, таковы именно: 8—«О монастырехъ и иноцѣхъ», 12—«О милостыни», 15—«О монастырехъ, иже пусты отъ небреженія», 16—«О церковныхъ и монастырскихъ денгахъ». В вопросе 8 царь указывает на то, что некоторые архимандриты и игумены достигают своего сана подкупом, «власти докупаются», и затем тратят монастырское богатство на широкую жизнь со своими родственниками «и съ племянники и съ бояры и съ гостми и съ любимыми друзи», между тем как братия страдает: «а священницы и братія бѣдныя алчны и жадны и всячески непокойны всякими нуждами одержимы».² Вопрос касается, как видим, тех отрицательных явлений в жизни высшего монашества, которые хорошо знакомы нам по сочинениям Максима. Но замечательно, что самая постановка вопроса здесь иная, свидетельствующая об ином политическом настроении, об иной программе. В то время как Максим, подобно Вассиану, противопоставляет роскошной жизни монашества бедствия и страдания угнетаемого им крестьянства, царь о крестьянах не говорит совсем, а широкой жизни архимандритов и игуменов противопоставляет бедственное положение священников и рядовой братии. Поэтому гораздо целесообразнее сближать данный вопрос не с проповедью нестяжателей непосредственно, а с тем посланием, которое между 1547 г. и

¹ Дм. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав, стр. 54. СПб., 1909 г.

² Стоглав. Изд. 3-е, стр. 28. Казань, 1911.

1551 г.¹ было направлено монахами подмосковных монастырей — самому царю. Послание это исходит от авторов, стоявших вне тогдашних партий. Послание для мотивировки своих положений ссылается на пример как заволжских монастырей, так и монастыря Иосифа Волоцкого, цитирует устав последнего, но в то же время делает заимствования из Максима Грека.² Монахи просят царя, чтобы «во окрѣстныхъ обителехъ града Москвы» был строго проведен принцип общежития, чтобы архимандриты и игумены имели стол общий с монастырской братией, «а не съ мирскою чадію». Далее они приводят в пример Кириллов монастырь, Иосифов и другие. Предвидя возможные возражения, авторы стараются их устранить. Если кто из архимандритов и игуменов станет возражать, что не везде можно ввести порядки Кириллова или Иосифова монастыря: то обители великие, а мы живем по «убогимъ мѣстомъ», и неоткуда взять, чтобы всего

¹ Так датируется послание, потому что на 1547 г., как *terminus a quo*, указывают следующие слова: «Славою и честію венчаному, имя имущу боголюбія, державному государю православному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи нищіе твои богомольцы, иноцы убозіи плачутся и челом бьютъ»... С другой стороны послание писано до Стоглавого собора, так как собор постановил, чтобы архимандриты и игумены имели общую пищу с братией: «а пища бы архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ и соборнымъ старпомъ съ братією обща была: а иныхъ бы брашенъ на архимаритовъ и на игуменовъ и на строителейъ и на старцовъ соборныхъ особныхъ не было развѣ немощи, а пища бы была на трапезѣ всѣмъ равна» (Стоглав, гл. 49. Изд. 3-е, стр. 108. Казань, 1911 г.).— Г. Кунцевич, издавший послание в отдельной брошюре под заглавием: «Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу». СПб., 1912—справедливо заметил в предисловии к изданию: «Просить о том, что было уже предписано Собором, и не упоминать даже о Соборе кажется странным». Ввиду этого, а также замечаемого сходства содержания, отчасти даже выражений Стоглава и Челобитной, является предположение, что Челобитная, вероятно, была написана до Собора 1551 г. и послужила вместе с другими данными материалом для Стоглава» (стр. 9). Г. Кунцевич издал послание по трем спискам: 1) Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Румянцовского музея, собр. И. Д. Беляева № 11 (1517), XVII в. 2) Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Румянцовского Музея № CCCCLX. 3) Публ. библ. в Ленинграде, Q I, № 1405. К этим трем спискам мы можем присоединить четвертый в ркп. б. Архива мин. иностран. дел, собр. Мазурина № 930, XVII в., л 16—20 об. Госуд. архива феод.-крепостн. эпохи в Москве.

² Заимствованным из Максима Грека является следующее место:

Послание монахов

Максим Грек

.. многоценнѣхъ и красныхъ мира сего ничто же имуще, во еже принести благовѣрному царствію твоему; токмо приносимъ много-трудное моленіе твоему благородію, его же приѣмъ со обычною тихостію твоею, возри во свои богомоли... (стр. 12 по изд. Кунцевича).

Инь убо ино что отъ многоцѣнныхъ и маловременныхъ красныхъ міра сего мимолетающаго да принесеть благовѣрному царствію твоему, азъ же убогій, ихъ же стяжахъ, лучшее, глаголю же, слово, растворенное солю писанною приѣшу тебѣ царю преславному, его же и приѣмъ со обычною тихостію твоею, воздауръ ми рабу твоему и богомольцу нищему еже во Святую гору возвращеніе.. (Каз. изд. II, 355, 356).

было одинаково довольно для всех—те, говорится в послании, «своего ради чревообъяденія таковая вѣщаютъ»; они привыкли устраивать пиры и в обществе мирских людей искать удовлетворения своему тщеславию: «обыкли бо сѹт пирове наражати и мирскимъ человекѡмъ соводворятися и отъ нихъ тщетныя хвалы желающе приимати,¹ да егда мирстїи человекѣцы они, честь прїемше, другъ со другомъ сошедшеся, глаголютъ: «вчера убо или оноmъ дне быхъ въ оноmъ монастыри и велїю честь воспрїяхъ; игуменъ въ немъ вельми добръ и зѣло очестливъ, не токмо самому честь воздаде, и слуги моя различнымъ питїемъ упоени быша». А что пользы в этом? Многие монастыри запустили от этих похвал гостеприимству игуменов. Начальники монастырей дадут богу ответ за свою жизнь и за то, что подвластнаи им «убогая братїя мншескаго чину во всѣхъ онѣхъ презераеми телесне и и небрегомы духомъ, скитаются безпутїемъ, яко овца, неимуще пастыря». Монахи отвечают далее: если всем в монастыре нельзя предоставить равного довольства, то почему архимандриты и игумены не могут жить «безъ прохладенїя». Конечно, если сам игумен станет питаться хлебом и водой, то вся братия без негодования и ропота, с радостью последует его примеру. Замечание, будто Кириллов и Иосифов монастыри не могут служить для всех образцом, как монастыри богатые, несправедливо: эти обители только впоследствии разбогатели, сначала они жили в скудости и тем не менее равенство в пище строго соблюдалось. В заключение монахи просят царя не прогневаться на них убогих «еже много вѣщаемъ къ твоему благородїю» и указывают, что они молят царскую державу не об изобилии в пище и питье, а о равенстве: «не о множествѣ бо потребныхъ пекущеся молимъ твое деръжавъство, дабы на братїю яденїя или питїя много было и преизлишно, нѣсть тако, не буди сего, господи!—но² о равенствѣ и о общемъ пребыванїи: аще воздержанїе, да вси имуть равно; аще недостатки, то вси купно потерпятъ, ащи ли прохладжѣденїе, то все же равно, а не два или три въ монастыри покоины были, а всей братїи тѣщета и уничеженїе». Послание заканчивается словами: «Приклонися, христолюбче, господа ради, къ³ умильнымъ симъ моленїемъ къ твоей богомъ хранимей державѣ исполнити такое прошенїе въ конецъ».⁴

¹ Испр. по ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Румянц. муз. № CCCCLX; в ркп. собр. Беляева (Рум. муз.) № 11 (1517): прїимающе.

² Испр. по ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Рум. муз. № CCCCLX; в ркп. собр. Беляева ошибочно: не.

³ Испр. по ркп. б. Рум. муз. № CCCCLX и собр. Мазурина № 930; в изд. Кунцевича. ошибочно: ѱ.

⁴ Г. Кунцевич. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу, стр. 12—19. СПб., 1912.

Должно быть, просьба подмосковных монахов дошла до царя. Царский вопрос 8 вполне отвечает ей, обращая внимание наряду с широкой жизнью архимандритов и игуменов на скудное, тяжелое существование простой братии. И ясно, что послание монахов по содержанию и позиции своей стоит к большей части вопроса 8 гораздо ближе, чем обличения Максима.

12-й вопрос «о милостынѣ»¹ посвящен нищим и убогим. Здесь говорится, что богадельни по городам получают милостыню и корм годовой из казны, получают также милостыню от частных благотворителей, но в заведывании ими допускаются злоупотребления: «вкупаются у прикащиковъ мужики съ женами, больныхъ мало», — «а нищие и клосные и гнилые и престарѣвшіи въ убожествѣ гладъ и мразъ и зной и наготу и всякую скорбь терпятъ, и не имѣють, гдѣ главы подклонити, по миру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умирають и безъ покаянія и безъ причастія, никимъ небрегомы». Нарисовав такую картину, царь спрашивает: «на комъ тотъ грѣхъ взыщется?». Забота о нищих и убогих напоминает, конечно, Максима Грека, но ни в постановке вопроса, ни во внешней его форме нет черт, которые давали бы основание к установлению здесь более тесной зависимости. Максим Грек так же, как и Вассиан, дело призрения нищих и убогих считал одним из первых дел церкви, для которого, главным образом, предназначено церковное имущество, между тем как царь лишь осторожно намекает на необходимость участия церкви в помощи обездоленным, да и то, повидимому, представляя ее лишь в виде помощи религиозной, в виде исповеди и причастия. Именно так поняты был этот вопрос членами собора, что видно из ответа на него, данного в гл. 73. В вопросе 15 «О монастырехъ, иже пусты отъ небреженія» царь говорил, что монастыри увеличивают свои владения, то получая вотчины и села на помин души, то прикупая, то выпрашивая у самого царя («а иное угодие у меня припрашиваютъ»), однако количество монастырской братии не растет, а напротив падает; да и та братия питается более скудно, чем прежде, и кроме того «строенія въ монастырехъ ни котораго не прибыло и старое опустѣло». Царь спрашивал по этому поводу: «Гдѣ тѣ прибыли и кто тѣмъ корыстуется?». Далее в том же вопросе указывалось, что монахи имеют тарханские, несудимые и льготные грамоты и пользуются правом беспошлинной торговли, что они живут по селам и ведут в городе тяжбы о земле — допустимо ли это? И наконец, получая села и имения, монахи не исполняют своих обязанностей по отно-

¹ Стоглав. Изд. 3-е, стр. 30. Казань, 1911.

шению к благотворителям, не совершают поминовения вкладчиков и их родителей. «Кто о семъ истязанъ будетъ въ день страшнаго суда?» снова спрашивает царь. Хотя отдельные пункты этого вопроса близки к обличениям Максима Грека, как, например, указание на выпрашивание монахами имений у представителя верховной власти, на их жизнь по селам, и тяжбы в городе, однако эта близость носит довольно общий характер: такие же обличения принадлежат, как мы знаем, и Вассиану. С другой стороны, 15-й царский вопрос стоит на той же позиции, как и 8-й, т. е. говорит о тяжелом положении монастырской братии, а не крестьян. Затем, обязанности, налагаемые на монахов владением вотчин и сел, с точки зрения вопроса, не идут далее добросовестного поминовения. Важный шестнадцатый вопрос «О церковныхъ и монастырскихъ денгахъ» приведу дословно полностью: «О церковной и монастырской казнѣ, еже въ росты дають, угодно ли се богови, и что писание о семъ глаголетъ: божественное писаніе и миряномъ резоимство возбраняеть, нежели церквамъ божиимъ денги въ росты давати, а хлѣбъ въ наспы; гдѣ то писано во святыхъ правилехъ? о семъ пишеть: церковное богатство — нищихъ богатство и прочимъ на потребу, якоже пишеть». Высказав, что церковное богатство составляет достояние нищих, царь в этом вопросе ближе всего подошел к точке зрения нестяжателей; недаром собор в своем ответе на данный вопрос игнорировал приведенную царем мотивировку, а кроме ссылки на писание и правила, вообще запрещающие «резоимство», выставил указание на экономическую выгоду самих епископов и монастырей: «и того ради отнынѣ, постановил собор, по священнымъ правиломъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селомъ своимъ хрестьяномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними хрестіяне жили и села бы ихъ были не пусты». Однако, перечитывая 16-й царский вопрос, трудно найти в нем, кроме общей близости к нестяжателям, каких-либо специальных черт, которые давали бы повод к более определенным сближениям. Любопытно между прочим, что выражение «хлѣбъ въ наспы» не встречается ни у Максима Грека, ни у Вассиана. Итак можно решительно утверждать, что мы не имеем никаких оснований говорить о непосредственном влиянии Максима Грека на составление рассмотренных царских вопросов.

Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником нестяжательности, голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Сочинения Максима, обличающие монашество и духо-

венство, вошли в сборник слов, составленный самим автором, и при жизни его получили широкое распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде. Жизненность обличений Максима была велика.

§ 7. И светские правящие феодалы нашли свое место в обличениях Максима Грека. Это замечательно тем более, что взаимная культурная близость между Максимом и виднейшими представителями московского боярства двух поколений вне всякого сомнения. Достаточно назвать красноречивые имена И. Н. Берсеня-Беклемишева, кн. Вассиана Патрикеева, Ф. И. Карпова, кн. П. И. Шуйского, кн. Курбского и др., чтобы вспомнить, насколько тесны были эти связи. Но дружба и близость с лучшими представителями боярства не заслонила от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящего слоя. Раскрытие их посвящены два произведения: 1) «Слово о неизглаголаннѣмъ божиі промыслѣ, благости же и человеколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ» и 2) «Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія.» Оба произведения, как надо думать, относятся по времени своего возникновения к эпохе середины и конца 30-х годов XVI в., т. е. к ранним годам малолетства Грозного.

§ 8. Первое Слово¹ интересно, главным образом, как обличение злоупотреблений в суде. Сначала Слово говорит о промысле божием в отношении человека и проявлении его, начиная с Адама в течение всего ветхого завета. Изображая дары благодати и человеколюбия божия, Максим ставит затем вопрос, как благодарим мы бога за эти «дарованія»: «Мы же окаянии и неблагодарнии, что противу сихъ безчисленныхъ его преблагихъ дарованій воздаемъ ему?»² и отвечает на него новым вопросом: «Мы же, таковаго преблага и щедра владыку имуще и спаса, и толик их богоданныхъ дарованій отъ него сподобльшесе, чесо ради сице безумно и неблагодарственно прилежимъ къ нему, и ниже, аки сынъ славить отца своего, славимъ его, ниже, аки рабъ боится господина своего, не боимся его, но всякими образы безчестуемъ его и лютѣ огорчеваемъ, попирающе спасительныя заповѣди его и якоже языцы незнающе бога жителствующе?»³ Максим заявляет, что упреки в нарушении заповедей относятся и к тем, кто является носителями власти. «Кто же не и мы, елицы во властѣхъ

¹ Это Слово следует считать написанным около 1537 г.

² Каз. изд., II, стр. 197.

³ Ibid., стр. 198.

и начальствѣхъ есме, — говорит он, — не подѣ тѣми же ли укореніи и клятвѣ подлежащимъ, иже отринувше вѣру, не яже во Христа бога нашего, да не будетъ, но еже вѣровати и послушати владычныхъ заповѣдей». . . .¹ И эти слова служат переходом ко второй части произведения, которая дает картину злоупотреблений и злодеяний, творимых органами административно-судебной власти. Несмотря на обобщенность своей литературной формы, картина эта, без сомнения, относится к Московскому государству. Изображаются порядки православной державы в противоположность ляхам и немцам, «иже, аще и латина суть по ереси, но всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ. Гдѣ у латинумудренныхъ онѣхъ обрящещи сицевъ образъ неправосудія, яковъ же нынѣ есть держаемъ у насъ православныхъ?»² Что речь идет не о православных вообще, а именно о Московской Руси, на это указывает упоминание «благовѣрнаго царя»³ и «благовѣрной державы». Максим Грек говорит: «Познаимъ убо и мы себе и отступимъ всякія злобы нашея, неправды, лихоиманія, гордости сатаническія, блуженія содомскаго и гоморскаго, очистимъ увѣренную намъ отъ всѣхъ бога и владыки благовѣрную сію державу, очистимъ отъ всякаго беззаконія, неправданія же и жиловскаго сребролюбія и лихоиманія.»⁴ Прежде всего Максим упрекает властей в неправедном суде вообще, во взимании мзды с правого и виноватого: «мы, елицы во властвѣхъ и начальствѣхъ есме, — говорит он — . . . ниже судъ (псир. вм.: суть) праведно судимъ, ниже милость являемъ ко обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайшу мзду, или обидя или обидимъ, обои слухи даемъ ему. волею преслушающе страшнаго судію, претящаго намъ своимъ пророкомъ, глаголющемъ: горе оправдающимъ нечестиваго мзды для и праведное праведнаго вземлющаго.»⁵ Максим обвиняет далее судей и наместников не только в нарушении правосудия, но и в допущении со стороны их слуг вопиющих злодеяний, в том, что эти агенты власти подкидывают ночью вещественные улики преступления в дома состоятельных людей или бросают труп мертвого человека посреди улицы, чтобы затем начать дело об убийстве и с корыстной целью подвергать допросу не только одну улицу, но целую часть города, в которой произошло мнимое преступление. Вообще наши власти, ведающие управление и суд, разжигаемые ненасытным сребролюбием, по словам Максима, «обидятъ,

¹ Ibid., стр. 199.

² Ibid., стр. 201

³ Ibid., стр. 199.

⁴ Ibid., стр. 208

⁵ Ibid., стр. 199

лихоимствуютъ, хитятъ имѣнія и стяжанія вдовиць и сиротъ, всякія вины замышляюще на неповинныхъ»:¹ они и бога не боятся и людей не стыдятся, окрест живущих, т. е. ляхов и немцев, которые несмотря на свою латинскую ересь соблюдают правосудие и управляют подданными на основании «градскихъ законовъ»,² установленных царями Константином Великим, Феодосием, Иустинианом и Львом. Бог заповедал праведно судить, а наши «властеліе и судіи» отвергают это повеление, и Максим Грек приводит еще один определенный вид нарушения правосудия. Он указывает на злоупотребление «полем», т. е. поединком для решения тяжб. Властели и судьи из корыстных побуждений не принимают единодушного свидетельства целого города против обидчика, но велят тяжущимся разрешать спор оружием, и кто победит, хотя бы на самом деле он был обидчиком, того и признают правым. Максим Грек добавляет при этом любопытные черты для изображения «поля»: он указывает на приглашение той и другой стороной особых «полевщиков», а также чародеев и ворожей. «Повелѣно убо, — говорит он, — оружіи разсудитися тяжбѣ: взыскуется отъ обою достобраненъ полевщикъ. взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея, иже возможесть дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику».³ Максим Грек решительно высказывается не только против злоупотреблений «полем», но и против самого «поля», как средства решения тяжб, заявляя, что такого безумного обычая нет даже у неверных; даже у них всякая тяжба разрешается или показаниями достоверных свидетелей или клятвой. Сопоставление наших судебных порядков и обычаев с судом у неверных вызывает у Максима Грека горькое чувство: «Коликихъ убо слезъ и рыданій достойно есть, егда у невѣрныхъ убо божіе повелѣніе и оправданіе, еже о судѣ глаголю, правѣ и прямѣ и якоже богомъ изначала уставися, исполняется и твердѣ соблюдается, у насъ же благовѣрныхъ презираемо есть и попирается».⁴ Расширяя и обобщая свои обличения, Максим Грек приходит к печальному выводу, что нет ни одного вида «лихоимства и хищенія», который бы не совершался у нас «безстыдно и безъ боязни»: «вездѣ разбойники и душегубцы и татіе и хищницы и насильники и росты на росты немилостивіи, совершенну нищету наводяще бѣднымъ должникомъ».⁵ Гнев божий угрожает нам на эти беззакония. Нужно помнить о судьбе знаменитых царств древних народов, ассирийцев,

¹ Ibid., стр. 200.

² Ibid., стр. 201.

³ Ibid., стр. 202.

⁴ Ibid., стр. 203.

⁵ Ibid., стр. 206.

вавилонян, персов, македонян, эллинов и римлян — эти царства «не вся ли истребишася и до конца погасоша всяческихъ ради ихъ неправованій, блужденій же и гордыней».¹ Максим Грек призывает обличаемых исправиться самим, отступить от всякой злобы, неправды и других пороков и очистить благоверную державу от всякого рода беззаконий. В конце Слова автор опять возвращается в вопросу о суде и призывает правителей соблюдать справедливость в управлении и хранить правый суд: «О, благовѣрнѣйшии царіе и князе и бояре и судіи земстїи», — говорит он, — «со страхомъ божїимъ и правдою правите вещи подручникѡвъ, ненавидяще всяко мздопрїятїе, да можете и вы молитися къ праведному судіи и глаголати со дерзновенїемъ: сотворихъ судъ и правду, не предаждь мене обидящимъ мя. Уразумѣйте силу краткія сея молитвы праведнаго и чуднаго сего царя, яко ни едину ину добродѣтель свою, ни день, ни бдѣніе всенощное, ни молитву многосрочну, не слезы предлагаетъ на умоленїе страшнаго судіи, но точїю сіе, что правымъ судомъ и правдою судилъ увѣреннымъ ему людемъ божїимъ и исправилъ яже о онѣхъ кромѣ всякого лихоиманїа».² Слово завершается призывом следовать примеру царя пророка Давида, указанием на награду, ожидающую праведника в земной жизни и будущей, и возмездие, предназначенное тем, кто не украсит себя одеждой, сотканной из дел правды и милосердия.

Призывы к праведному суду и обличения суда неправедного не были новостью в русской литературе. Из эпох предшествующих особой напряженностью моральной и политической мысли в этом направлении был отмечен XIII век. Не говоря о Серапионе Владимирском, поучавшем между прочим отступить «скверныхъ и немилостивныхъ судовъ» и обличавшем расправу с ведьмами посредством испытанія водой, мы остановимся на важнейшем памятнике XIII в., который не только объединил все данные тогдашней переводной письменности церковного и дидактического характера по вопросу о суде, но и включил в свой состав отдельные элементы нашей оригинальной публицистики на ту же тему. Имею в виду первую часть юридического сборника, известного под названием Мерила Праведнаго, во второй своей части заключавшего различные юридические статьи, Русскую Правду, Устав Владимира Мономаха и проч. Древнейшая редакция первой части, представленная ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, бывш. Троицкой лавры № 15—2026, XIV в.,³ а также ркп.

¹ Ibid., стр. 208.

² Ibid., стр. 210.

³ Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Лавры, ч. I, стр. 28—33. М., 1878.

Государственного Исторического музея, б. Синодальной библиотеки № 524 (1582 г.), № 525 (XV—XVI в.), сложилась не позднее второй половины XIII в.¹ Надо думать, она сложилась и не ранее второй половины этого века, так как к этому времени, повидимому, относится находящееся во всех указанных списках «Наказаніе Семена, епископа тверскаго» (ум. в 1289). После поучения к неизвестному великому князю (называемому в разных рукописях различно: то Михаилом, то Дмитрием, то Василием, то Ярославом), первая часть Мерила заключает в себе главнейшим образом выписки из различных переводных произведений: из книг священного писания, из отцов церкви, из житий, из Шестоднева и Пчелы и других произведений византийской письменности. В них развиваются общие мысли о суде, которые в самом существенном могут быть сведены к следующему. Право суда, данное царям и князьям, это — дар божий, талант божий, за который они ответственны перед богом. Вспоминается царь Давид, который учит судить справедливо, не по мзде. Чтобы разуметь правду и истину и «исправить» суд, необходимо вникать в поучения притч; и вообще чтобы праведно судить, нужно познать сначала правду. Только познавший истинную правду может творить праведный суд: «а истинныя правды не имѣя, преже лежащія въ души его, но имѣніемъ растлѣнъ или любленіе подая, или вражду муча или силою умоленъ бывая, суда исправити не можетъ» (из отрывка «О исправленіи суда», л. 52 об. в ркп. б. Син. библ., № 525, теперь в Гос. Истор. музее). Добродетель борется с грехом, добро со злом; задача праведного суда заключается в том, чтобы способствовать победе добра над злом. Право судить тесно связано с ответственностью, с судом над самим собой, согласно евангелия: «имъ же судомъ судите, судитесь вамъ, ею же мѣрою мѣрите, отмѣрите вы ся.» Словами разных цитат Мерило Праведное неоднократно обращается с призывом к праведному суду, восстает против насилия над вдовами, сиротами, пришельцами и убогими, напоминает, что зло, творимое судьями, «возопіетъ къ богу», насильников покарает «мечь ярости» и «плѣненіе». Та же «ярость господня» ожидает вообще людей, емлющих мзду и неправедно судящих. Горе им! Суд должен быть нелицемерен. Судья не должен слушать клеветы, должен проверять обвинение показаниями нескольких свидетелей, должен разузнать о «житіи» и «праве» обвиняемого (л. 25, 25 об.). Помимо этих мыслей, стоящих вне связи

¹ Акад. М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты, стр. 316—320, Москва, 1904. О Мериле Праведном см. также Н. Калачев, Мерило Праведное, Архив ист.-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. первая, отд. III, стр. 28, Москва, 1850. Фидарет. Обзор духовной литературы, стр. 61.

с временем и местом, в Мериле Праведном встречаем мы и некоторые элементы, находящиеся в непосредственном явном взаимоотношении с русской жизнью. Таковы, кроме «Наказания епископа Семена»,¹ «Слово отъ лѣтописца» и «Наказаніе княземъ, иже дають вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ».² «Слово отъ лѣтописца» — посвящено не столько вопросу о суде, сколько о княжеской власти, в данный же момент для нас особенно важны оба наказания.

В Наказании епископа Семена рассказывается, как князь полоцкий Константин, по прозванию Безрукий, однажды во время пира, желая укорить своего тиуна, при всех спросил епископа тверского Семена: «Владыко! гдѣ быти тивуну на ономъ свѣтѣ?» Епископ ответил. «Гдѣ и князю». Ответ этот не понравился князю и он сказал епископу: «Тивунъ неправду судить, мзду емлет, люди продаетъ, мучить, лихо все дѣть, а аз же что дѣю?» Епископ объяснил, что добрый богобоязненный князь избирает в тиуны или волостели человека доброго и богобоязненного, разумного, праведного, поступающего по закону божию и «судъ вѣдуща». И тогда и князь и его тиун попадут в рай; если же князь чужд страха божия и милосердия, тогда «поставляеть тивуна или коего волостеля чловѣка зла, бога не бояшася и закона божіа не вѣдуще и суда не разумѣюще толико того дѣля, абы князю товара добывал, а людій не щадить, аки бѣшена чловѣка пустилъ на люди, давъ ему мечъ, тако и князь давъ вѣлость лиху чловѣку губити люди.»³ Такой князь и тиун с ним будут в аду. Конечно, основная мысль данного Наказания сводится к ответственности князей перед богом за отправление суда в их области, за поставленных ими судей, но особенно важно, что эта мысль приводится здесь в живое соприкосновение с русской действительностью XIII в. и в результате дается силуэт полоцкого тиуна, не лишенный четкости. «Наказаніе княземъ, иже дають вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ» выражает в сущности сходные мысли, но с еще большей определенностью. С одной стороны, оно развивает положение о божественном происхождении власти, доходя до ее обоготворения, с другой — говорит об ответственности князей за поставляемых тиунов и дает яркое изображе-

¹ Изд. по ркп. 6. Троицкой лавры, № 15 — в Памятниках старинной русской литературы, IV, стр. 185. Кроме того, по другим ркп. напечатано Карамзиным (История государства российскаго, т. IV, прим. 178) и арх. Варлаамом (Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерскаго монастыря, стр. 66. Ученые Записки второго отд. Академии Наук, кн. V, 1859).

² Изд. в Памятниках старинной русской литературы, IV, стр. 184.

³ Ркп. Гос. Истор. муз., б. Син. библ. № 525, л. 77, об. 78. Ср. Пам. стар. русск. литературы, IV, стр. 185.

ние тиунской неправды. «Вы, — обращается наказание к князьям, — в себе мѣсто поставяете властели и тивуны, мужи небогобоины, язычны, злохитры, суда не разумѣюще, правды не смотряще, пиани судяще, спѣшаще судомъ, а богъ повелѣлъ не единомъ днемъ вещь испытати».¹ Пострадавшие от несправедливостей судей жалуются князю, но князь, к которому обращено Наказание, не карает своего тиуна «держа истину в неправдѣ, любя незаконныя прибитки, и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди.»² Наблюдаемое явление представляется автору Наказания настолько красноречивым, что для завершения его характеристики он берет образы из запаса житейской мудрости, отлившейся в афористическую форму: «Писано есть не добр позоръ лисица в курѣхъ и нелѣпо л(ь)ву овци паствити, единъ вълкъ всю чреду възмутитъ, одинъ тать на всѣ стороны мерзить; царю неправедну, всѣ слуги под нимъ незаконны суть».³

Сходно с только что рассмотренными и другими статьями Мерила обсуждается вопрос о суде в Слове о судьях и властелях, которое приписывалось митр. Кириллу (XIII в.),⁴ но на самом деле ему не принадлежит,⁵ и при сопоставлении с отдельными статьями Мерила оказывается памятником совершенно не оригинальным, а объединяющим в своем составе отрывки разных частей Мерила. На неоригинальность Слова было уже отчасти указано. Было указано в качестве одного из источников его «Слово Сирахово на немилостивые цари».⁶ Но с этим нельзя согласиться. Состав Слова почти целиком объясняется из элементов, восходящих к следующим статьям Мерила: 1) «Слово святого и великаго Василия о судіяхъ и клеветахъ».⁷ Нач: «Святѣйшій Константинъ рече...», ср. со стр. 372, 373 и нач. 368 текста Слова о судьях и властелях;⁸ 2) «Наказаніе княземъ, иже даютъ вѣлость судіамъ небогобойнымъ и лукавнымъ мужемъ»⁹ — ср. со стр. 370, 371; 3) «Павла апостола о властелехъ». Нач. «Глаголетъ писаніе:

¹ Ркп. б. Син. библ. № 525, л. 76 об. Ср. Пам. стар. русск. лит., т. IV, стр. 184.

² Ibid.

³ Ркп. б. Синод. библ. № 525, л. 77. Ср. Пам. стар. русск. лит., IV, стр. 184.

⁴ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 126, прим. 3, Пгр. 1916.

⁵ Макарий. История русской церкви, т. V, стр. 407.

⁶ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 129.

⁷ «Слово святого и великаго Василия о судіяхъ и о клеветахъ» было издано Н. Калачовым. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. первый, изд. второе, СПб., 1880, стр. 238—242.

⁸ Православный Собесѣдник, 1864 г., ч. I. Полное заглавие Слова о судіяхъ и властелехъ: «Слово святого отца нашего Василия, архіепископа Кесарійскаго, о судіяхъ и властелехъ».

⁹ Издано в Пам. стар. русск. лит., IV, стр. 184.

властели яри суть. . . », ср. с началом стр. 372. Итак Слово о судьях и властелях — произведение, возникшее под влиянием Мерила и, вероятно, вскоре после появления его. Небольшая сравнительно оригинальная часть Слова на стр. 369 интересна тем, что вводит некоторые новые изобразительные черты, рисуя уже знакомого нам несправедливого тиуна: «Иже без правды, — говорится здесь, — тивунъ кого осудивъ продасть, и тѣми кунами купить себѣ ясти же и пити и одѣяніе себѣ, и вамъ (князьям) тыми же кунами строить обѣды и пиры, и се, яко же рѣхъ, стадо христово вдали есге татемъ и разбойникомъ, иже бо ножемъ заклаша, се есть, несправеднымъ судомъ осуждають; а иже мяса ихъ ядятъ, — продающе на кунахъ; а иже кровь ихъ пють, — упиваются безъ урока, продающе сироты; а иже овчинами одѣяніе себѣ стваряють, — иже дома ихъ искореняють, жены и дѣти продающе иноплеменникомъ. Вы же причастницы имъ есте и сообщницы по всему, якоже глаголетъ пророкъ: князи твои обещници татемъ» (стр. 369, 370). Усиленное внимание памятников XIII в. к обличению несправедливости было обусловлено, надо полагать, многими причинами. В качестве одной из них указывают на получение митр. Кирилломъ II во второй половине XIII века из Болгарии славянской Кормчей с толкованиями и думают, «что славянская Кормчая возбудила или, по крайней мере, возобновила в русском обществе интерес к вопросам церковного права, а через то и к вопросам права вообще».¹ Но, конечно, это одна из производных причин, в свою очередь требующая объяснения, которое можно видеть в той широкой, организующей деятельности, какую в первые десятилетия после татарского нашествия развивало в северо-восточной Руси высшее духовенство, группировавшееся около митр. Кирилла II (или III, как думает Голубинский) и участвовавшее во Владимирском соборе 1274 г.² Такова одна сторона дела. Но внимание к ненормальностям в области суда, как видели мы, носит не только отвлеченный, но и глубоко жизненный характер, и заставляет думать, что или сами злоупотребления обострились, или стали для массы более чувствительными. Это предположение в свою очередь нуждается в подтверждении и объяснении, которое следует искать в несомненном углублении классовых противоречий, наблюдаемом в северо-восточной Руси во второй половине XII в. и в XIII в.

От последующего времени XIV и XV вв. мы совсем не имеем сколько-нибудь оригинальных обличений несправедливости: Те призывы милостиво

¹ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 122, 123. Пгр. 1916.

² Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. пол., стр. 50—89.

судить и не нарушать справедливости, которые попадают иногда в поучения митрополитов, носят слишком бесцветный характер. Это — какие-то стереотипы, унаследованные издавна и не оживленные чувством современности. Для иллюстрации данного положения достаточно нескольких цитат. В XIV в. митр. Алексей (ум. в 1378) в своем Поучении «отъ апостольскихъ дѣяній къ христоролюбивымъ христіаномъ» лишь немногими словами касается суда: «А князи и боаре и вельможи, судите судъ милостивно: судъ бо безъ милости есть не створипему милости, хвалится милость на судѣ; мзды неповинныхъ не пріимайте и не на лица судите, судъ бо божій есть судите людемъ въ правду, и вдовиць и сиротъ и пришлецъ не обидите, да не взопіють на васъ къ богу».¹ Из XV в. можно упомянуть митр. Фотия, который в своих посланиях между прочим не раз затрагивал тему о суде. Так, в послании в Псков по случаю моровой язвы (в 1426 г.) он говорит, обращаясь к властям города: «Вамъ же, посадникомъ и властелемъ всѣмъ, вмалѣ же воспоминаая, учительно глаголю: отъ господа како дана есть на вы власть и сила отъ вышняго; и сего ради должници есте работати господеви, а не челоувѣкомъ, а ниже лихвямъ и прибиткомъ неправеднымъ желѣюще, милованіе же и заступленіе и правду всяку показуюше къ господнимъ людемъ, со всякимъ смиреніемъ и любовію, и судъ же всякъ божія правды имѣюще, и помняше, егда будетъ нелицемѣрнаго и немздоимнаго суда воздаяніе; и сего ради никако превращая суда убогаго, ниже стыдѣнія имуще лица силнаго, понеже бо рече: «судъ жестокъ владателемъ бываетъ»...² Такой же призыв с аналогичной мотивировкой находим мы в другом послании Фотия, в «послании Литовскими православнымъ священникамъ и мирянам, при вторичномъ вступлении его в управление Западно-русскою церковью» (1419-1430 г.): «Вы же, благородніи князи и велможи, иже народъ христова людства, врученный вамъ сущен, молю непреложно благодѣтельство всяко и заступленіе стяжати, и помощь всяку благу къ христовымъ людемъ... И сего ради молю вы, чяда моя, зрѣти сихъ и блюсти въ соблюденіе всякое христовыхъ заповѣдей, и такоже о христовѣ людствѣ съблюденіе имуще, и во всемъ сдержаше нелицемѣрный судъ божія правды, ибо яко «держава дана есть вамъ и сила отъ вышняго»; и вси же убо, елико власти съдержаша, молю вы радими

¹ Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, год пятый, стр. 33, 34, М., 1849. Поучение, как думает Голубинский, написано митр. Алексеем при занятии им митрополичьей кафедры, т. е. в 1354 г. — История русской церкви, т. II, первая полов., стр. 188.

² Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссіею, т. VI, № 53, стлб. 470, 471. СПб., 1880. Послание издано также в Актах исторических, т. I, № 30.

бывайте, великаго паче словесе хрестова евангельскаго смотряще: «не на лице судъ судите, сынове чловѣчстїи, но праведенъ судъ судите, имъ же бо, рече, судомъ судите, судитя вамъ, въ ню же мѣру мѣрите, взъмѣритя вамъ;» и убо, чяда моя, немилостивымъ владальцемъ судъ напрасенъ бываетъ, и державнымъ же паки и сильнейшимъ грозное отъ праведнаго судїи належить испытаніе; и яко же убо правосудство, тако же и правомѣріе любить богъ, праведенъ бо сый и промысляй праведнымъ. И о семъ убо и пророкъ глаголетъ: «Накажитесь, рече, вси судящей земли». И паки пророческое же слово къ симъ глаголющее: «лживїи сынове чловѣчстїи въ мѣрилѣхъ неправдующѣи! не уповайте на неправду и на въсьхищеніе чюжихъ не желайте, и богатство аще мимотекаетъ не прилагайте сердцю».¹

В приведенных цитатах как у митр. Алексея, так и у Фотия нет ни одной оригинальной мысли, которая не была бы уже известна Мерилу Праведному; мало того, это применение старых формул поражает своею бледностью.

Сделанный нами экскурс в область древнерусских поучений может дать известный исторический фон для понимания Максима Грека. Мы видим, что известную аналогию к рассматриваемому Слову представляют лишь произведения XIII в. Слово Максима сходно с ними по характеру, по своему открытому и смелому касанию к современности. И если необходимо отметить пределы этой аналогии, то следует сказать, что Слово Максима даже превосходит «Наказания» XIII в. своей реальной содержательностью.

В. С. Иконников,² говоря о данном Слове, привел целый ряд свидетельств из летописи о нарушении правосудия во второй половине XV в. и первой трети XVI в., по поводу которых могло быть написано Слово. Но связь, намеченная Иконниковым в чертах слишком общих, едва ли покажется достаточно убедительной, если не обратить внимания еще на одну сторону. Замечательно, что большинство летописных указаний на злоупотребления в суде во второй половине XV в. и первой трети XVI в. относятся к Новгороду и Пскову и несомненно вызваны столкновением централизующей тенденции Москвы с областной свободой. Любопытно, что в Слове Максима есть явный намек на областное приурочение подобных явлений, на связь их с западными окраинами. Судьи и начальники, посылаемые по городам, «хитять имѣнїа и стяжанїа вдовиць и сиротъ, говорит Максим, всякія вины замышляюще на неповинных, ни бога боящеса... ниже чело-

¹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссіей, т. I, № 183, стр. 344, 345. СПб.

² В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, стр. 442—448. Киев, 1915.

вѣковъ срамляющеса, окрестъ себе живущихъ, ляховъ глаголю и нѣмцовъ»...¹

Если Слово Максима написано около 1537 г., то оно является первым публицистическим выступлением против судебных злоупотреблений той эпохи. Этот прогест против злодеяний, допускаемых наместниками и волостелями, или, как говорит Максим Грек, «судьями и аноипатами», посылаемыми в города, важен тем более, что Слово появляется в момент, непосредственно предшествующий губной реформе, которая в ограничение кормленщиков стала предоставлять городским и сельским обществам право самостоятельно через посредство своих выборных представителей разыскивать в своей среде и казнить лихих людей. Неудовлетворительность суда наместников и волостелей, с одной стороны, и необходимость бороться с разбоем, с другой — глубоко сознается в Московском государстве с конца 30-х годов XVI в. Если сопоставить рассказ Псковской летописи под 1541 г.² с показаниями губных уставных грамот (начиная с 1539 г.),³ то получится картина, которая вполне оправдывает свидетельства Максима Грека. Нам станут понятны и нарисованные им «судьи и аноипаты» и его слова: «у насъ же который образъ лихоимства и хищенія не дѣется безстудно и безъ боязни: вездѣ разбойники и душегубцы и татіе и хищницы и насильники»...⁴ Вместе с тем чрезвычайно интересно, что Слово указывает особый вид злоупотреблений в суде кормленщиков — подкидывание трупа с целью начать судебное разбирательство и создать повод для всевозможных поборов. Другой важный пункт обличений Максима относится к той форме древнерусского судебного процесса, которая известна под названием «поля». Максим Грек, как видели мы, высказывается не только против злоупотреблений «полем», но и вообще против этого способа решения судебных дел. В отношении к «полю» Максим, несомненно, сближается с митр. Фотием, также греком по происхождению, который уже в начале XV в. настаивал на моральном и религиозном осуждении участников «поля». В послании новгородцам (29 авг. 1410)⁵ он запрещает священникам давать причастие тому, кто вызывается «на поле»; убитого «на поле» предписывает не допускать в церковь, а убитого не хоронить, под угрозой лишения поповства. Правда, еще в послании, приписываемом митр. Петру (ум. 1326), говорится

¹ Каз. изд., II, стр. 200, 201.

² Полное собрание русских летописей, т. IV, стр. 304.

³ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изданы под редакцией А. И. Яковлева, М., 1909.

⁴ Каз. изд., II, стр. 206.

⁵ Акты Археологической экспедиции, т. I, № 369.

то же почти в тождественных выражениях, но подлинность этого послания вызывает справедливые сомнения.¹ Итак Максим Грек стоит на той же точке зрения, что и Фотий, но он гораздо ближе подходит к рассматриваемой форме судопроизводства. Он прежде всего указывает на два злоупотребления, связанные с «полем»: во-первых, присуждение «поля» судьями и властями из-за корыстных побуждений даже в тех случаях, когда против обвиняемого единогласно показывает вся масса свидетелей («аще и весь градъ предстанеть вопиюще и свидетельствующе на обидѣвшаго»)²; во-вторых, примененне враждующими сторонами чародейства и волхования с целью помочь своему бойцу («полевщику»). Наконец, Максим высказывает осуждение «поля», как безумного обычая, не существующего даже у неверных, которые всякую тяжбу разрешают или показаниями достоверных свидетелей, или присягой. Только ради несправедливой корысти придумано у нас это «богомерское судилище». Выступление Максима против «поля» нашло себе красноречивый отзвук через несколько лет в законопроектах и законодательстве 50-х годов XVI в. 17-й вопрос так называемых вторых царских вопросов Стоглава целиком посвящен изображению тех суеверных волхований, к каким прибегали участники «поля». В то время как Максим Грек писал: «взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея, иже возмо- жетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику»,³ здесь, в 17-м вопросе то же самое описывалось подробнее: «Нѣщые же непрямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ и на поле бьются и кровь проливають. И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ и во Аристотелевы врата и въ Рафли смогрятъ и по звѣздамъ и по планитамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ и отъ бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣся, поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣ- луетъ и на поле бьются и поклепавъ убиваютъ».⁴ В ответ на этот вопрос собор постановил, чтобы правительством были приняты меры как против чародеев, так и против тех, кто станет пользоваться их услугами.⁵ Вместе с тем, как известно, Стоглав другими своими постановлениями принял меры к ограничению «поля»: 1) запрещено было присуждать «поле» священникам

¹ Памятники старинной русской литературы, т. IV, стр. 186—188. Сомнение в принадлежности послания митр. Петру высказано Е. Голубинским. История русской церкви, II, первая полов., стр. 118, 119.

² Каз. изд., II, стр. 201.

³ Каз. изд., II, стр. 202.

⁴ Стоглав, изд. 3-е, стр. 86, Казань, 1912.

⁵ Соответствующие распоряжения вскоре были сделаны: Акты исторические, I, 252.

и монахам по всем делам, кроме душегубства и разбоя с поличным; 2) «поле» совершенно устранялось из суда духовного. Таким образом безусловному принципиальному протесту Максима Грека соответствовали частичные компромиссные меры Стоглава, приводившие лишь к ограничению «поля», но мысль, выраженная Максимом, скоро вполне восторжествовала: акты с середины XVI в. постепенно осуществляли полную отмену «поля».¹

Публицистические тенденции Максима Грека, проводимые в Слове на лихоимствующих, не только свидетельствовали о верной ориентации автора в тогдашней социальной действительности и предвворяли законодательство, но в то же время находили себе живой отзвук и дальнейшее развитие в литературе того времени. Нам уже приходилось указывать в другом месте,² что Иван Пересветов (писавший около 1546—1549 гг.) останавливается на тех же конкретных проявлениях преступного корыстолюбия наместников и волостелей, какие знакомы нам по Максиму Греку. Теперь, когда становится яснее хронологическая последовательность данных выступлений, честь приоритета следует признать за Максимом. Некоторые важные аргументы Максима Грека также развивались в публицистике XVI в. Мы знаем, что лихоимству наших судей и правителей Максим Грек противопоставлял правосудие ляхов и немцев и даже шел далее, когда говорил о правосудии неверных народов (т. е. не-христиан). «Кто бо искони вѣка, — спрашивал он, — слышалъ дерзнути въ невѣрныхъ языцѣхъ толь богомерскій образъ лихоиманія, яковъ же нынѣ умыслися нашимъ властелемъ».³ О неверных вспоминает он и по поводу «поля». Контраст между правосудием неверных и нашей неправдой подчеркивается, как важный моральный мотив: «Коликихъ убо слезъ и рыданій достойно есть, егда у невѣрныхъ убо божіе повелѣніе и оправданіе, еже о судѣ глаголю, правѣ и прямѣ и якоже богомъ изначала уставися, исполняется и твердѣ соблюдается, у насъ же благовѣрныхъ презираемо есть и попирается».⁴ Как истый грек, Максим не упомянул, что под «невѣрными», соблюдающими правосудие, можно разуметь турок. Но общая мысль, им высказанная, явилась как бы предвестни-

¹ Ф. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебника до учреждения о губерниях, стр. 252—254. М., 1859. — Ланге. Древнерусское уголовное судопроизводство в XIV, XV, XVI и полов. XVII в., стр. 203—210. СПб., 1884. — Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изданы под ред. А. И. Яковлева, М., 1909.

² И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 42, 43. М., 1908.

³ Каз. изд., II, стр. 200.

⁴ Ibid., стр. 203.

ком той идеализации турецких порядков, которая вслед за Западом получила блестящее развитие и у нас.¹

§ 9. Если «Слово о неизглаголаннѣмъ божіи промыслѣ, благодати же и человекѣлюбіи, въ томъ же и на лихоимствующиѣхъ» в своей обличительной части сосредоточивает внимание на органах административно-судебной власти на местах «во градѣхъ», то «Слово, пространство излагающе, съ жалостію, нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія», написанное, судя по всему, между 1534 г. и 1539 г.,² имеет в виду центральное правительство, т. е. представителей верховной власти или тех, кто правит от ее имени. Такая тема делает вполне понятной не только обобщенность изложения данного Слова, но обуславливает и применение аллегорической формы. Прежде чем оценивать реальный смысл этого интересного произведения, я напому в общих чертах его содержание, стараясь держаться возможно ближе к тексту. Максим Грек разворачивает перед нами такую картину. Идя по трудному пути, исполненному многих страданий, встретил я женщину, сидевшую при пути, наклонив голову, горько и неутешно плакавшую. Одетая она была в черную одежду, как подобает вдовам, а кругом ее были звери: львы, медведи, волк и лисицы. Я испугался этой странной и неожиданной встречи, однако осмелился подойти к женщине и спросить, кто она, каково ее имя, почему сидит она при этом пустынном пути и почему плачет. Женщина, тяжело вздохнув, отвечала: «Напрасно утруждаешь меня, путник. Прошу тебя, молча проходи мимо: мои невзгоды нельзя передать и люди их исцелить не могут. Не спрашивай, не старайся узнать, так как никакой пользы не будет тебе от этого, напротив только подвергнешь себя беде. К прочим многочисленным моим неисцелимым страданиям присоединилось то, что властвующие ныне мною, под влиянием своей жестокости, совсем не принимают полезных советов от своих доброжелателей, и от этого больше, чем от других своих страстей, сделали меня поругаемой, а сами оказались пленниками «живущиѣхъ окрестъ ихъ». Поэтому, путник, иди радостно своей дорогой, не беспокойся обо мне, ты не можешь принести мне ни исцеления, ни пользы». Но я настаивал и, желая знать причину ее печали, говорил: «О, честнейшая среди жен, пусть я не могу

¹ Об идеализации турок в XVI в. на Западе и у нас см. Д. Н. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. Русская Мысль, 1907 г., июль. — Ср. также: Слово об обретении мощей архиеп. Ионы, написанное Зиновием Отенским — Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемиические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894.

² Из содержания Слова ясно видно, что оно написано в раннюю эпоху малолетства Грозного, т. е. после смерти Василия III. (ум. 4 дек. 1533 г.) и при митрополите Данииле, т. е. до сведения его с кафедры 2 февраля 1539 г.

ничем помочь тебе, по крайней мере ты сама облегчишь свои страдания от томлящей тебя болезни, открыв ее, и я сам и все, кто услышит от меня об этом, получим не малую пользу; ведь если люди, слыша о чужих достойных похвалы успехах, стараются подражать им, то с другой стороны чужие невзгоды заставляют их остерегаться, чтобы не впасть в те же бедствия. Поэтому, молю тебя, говори смело, не скрывай ничего о себе». Тронутая этими просьбами, она подняла голову и, взглянув на меня, сказала: «Мне не хотелось, странник, рассказывать о себе, чтобы мой рассказ, будучи записан тобой, не навлек на тебя какой-нибудь напасти и ненависти со стороны тех, которые отворачиваются от истины и ненавидят поучения старцев, что более всякого другого общественного недуга («градскаго недугования») приводит к гибели человеческие начальства и власти. Но возлагая надежду на бога, я расскажу тебе все о причинах моей печали: может быть, некоторые благоразумнейшие, слыша об этом, исправятся и предпочтут то, что приносит славу, честь и рост их державы. Слушай же со вниманием о том, что ты хочешь от меня услышать. Я, странник, — одна из благородных и славных дочерей всех царя и владыки, у меня не одно имя, а несколько: меня называют и начальством и властью и владычеством и господством. Мое имя, как бы заключающее смысл всех этих имен, — Василия. Это имя я получила от высшего потому, что владеющие мною должны служить к укреплению и утверждению подвластных им людей, а не к пагубе и постоянному смятению. Так толкуется по-гречески имя Василии. Между тем многие не понимают этого и, недостойно моего царского наименования управляя делами подвластных и являясь мучителями, а не царями («мучители вмѣсто царевъ бывше»), меня опозорили, ввергли в бедствия и болезни, получив от высшего возмездие за свое безумие». Слыша это, я бросился к ее ногам, поклонился ей скромно и благоговейно, прося простить меня, что по неведению с самого начала не воздал ей чести, подобающей царям, и вместе с тем молил ее сказать подробнее о причинах своей печали, чтобы я мог яснее понять все, что касается ее. Она, приветливо обратившись ко мне, сказала: «Так как, странник, я вижу, что ты, проникнутый ревностью по боге и нелицемерной любовью к людям, хочешь знать обо мне, чтобы своими внимательными расспросами принести пользу другим, то слушай дальше и пусть через тебя услышат все, кто по истине благоверен и стремится к бесконечному царствию божью. Меня, странник, дочь, как я сказала, царя и создателя всех, пытаются подчинить себе славолубцы и властолюбцы; очень мало таких, которые по истине радели бы обо мне, украшали бы меня, и достойно моего отца и царского наименования моего

устраивали бы жизнь людей («вещи живущихъ на земли челоуѣковъ»); больше таких, которые, будучи одолеваемы сребролюбием и лихоимством, жестоко изнуряют подвластных всевозможными поборами денежными и принудительными работами над постройкой дорого стоящих зданий, несколько не способствуя утверждению державы, только для излишнего самоугождения и веселия их развратных душ». Василия говорит далее, что к этим правителям применимы слова царя Давида: «яко наполнишася помраченіи земли домовъ неправедныхъ». Отвергнув призыв того же пророка не уповать на неправду, они поработились страстью сребролюбия и лихоимства. В противоположность им Василия останавливается на своих древних поборниках, в особенности на первом царе Мелхиседеке, и указывает, что не даром в толковании его имени на первое место выдвигается правда, а затем мир: это для того, чтобы показать, что там, где существует правда, умножается и мир, а не наоборот, между тем как многие из тех, кто обручился с Василией наполовину, мир полюбили и любят его иметь с подобными же властителями народов, а подвластных ненасытно поедают всевозможными несправедливейшими поборами и лихоимственнейшими извещениями. Цитируя пророков Иеремию, Исаию и псалмы, Василия говорит о праведном гневѣ божием, который грозит всем, кто растлеивает сан царскій «всяческими своими неправдоу и лихоиманіи и богомерскими блуженіи», кто под влиянием «ярости звѣрской» готов скоро проливать кровь. Когда Василия, развивая эту мысль, привела слова Давида: «ныне, царіе, разумѣйте, накажитесь вси судящіи земли, работайте господеви со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ», собеседник прервал ее словами: «Все сказанное тобой свято и страшно для тех, кто поистине боится бога, но прошу тебя я, раба твой, научи меня, как возможно работать вышнему со страхом и в то же время радоваться с трепетом. Ведь где вселился действительный страх господень, оттуда исчезает радость». . . Василия на это отвечала: «Странник, разве ты не слышал евангелиста, который говорит: нет страха в любви, ибо совершенная любовь изгоняет страх, т. е. страх раблепный, а не сыновний». «Радуйтесь съ трепетомъ» сказано в смысле наполняйтесь радости духовной, происходящей от исполнения заповедей божиих. Эти слова можно понимать и по другому: бог по своей совершенной благости, зная человеческую немощь, не запрещает людям радостного общения между собой, собраний для торжеств и пиров, но напоминает: «радуйтесь и празднуйте съ трепетомъ», т. е. не забывая моих спасительных заповедей. Между тем облеченные властью («сущіи во властехъ») нарушают эти заветы: беззаконно и богопротивно пируют ныне «гуельми и сурнами и тимпаны и смѣхо-

твореніи всяческими, сквернословіи же и бусловіи себе обливающе». Указав примеры из нового и ветхого завета, к чему приводили «богомерзкія пированія», Василия говорит: «Такое возмездие обыкновенно бывает тем, кто презирает законы и уставы всех царя и владыки, и такие плоды получают предающиеся всяческому лихоимству, пьянству и плотским нечистотам — цари и князья и неистовые рачители сребролюбия; к этому присоединяется неразумение бога, забвение смерти и мук после смерти, ожидающих нечестивых и грешников; к тому же — безмыслие и безумие, сатанинская гордость, исступление ума и, наконец, самоволие и самоугодие. Они не принимают поучения священнического, ни советов многоискусных старцев, не слушают угроз боговдохновенных писаний, но ко всему этому остаются глухи, подобно аспидам глухим затыкая себе уши, поработившись сатанинским играм, объядению, пьянству и сладострастию. Поэтому их оставляет бог и владеют ими лукавые духи и бесы. В такое зло повергают себя и таким жестоким мукам подлежат те, кто от безумия своего и бесчувствия ложно облечены моим царским саном. Ты, странник, услышал уже все, что хотел знать от меня, теперь иди радостно своим путем, если только ты можешь радоваться, услышав, что вселенная одержима таким злом». Поскорбев об этом, как подобало, я стал просить ее, говоря: «Не ленись, госпожа моя, молю тебя, еще немного мне объяснить: почему сидишь ты при этом пустом пути, окруженная такими лютыми зверями?». И она опять отвечала мне: «Пустой путь этот, странник, знаменует собою последний окаянный век сей, пустой потому, что не имеет он царей благоверномудренных и ревнителей отца моего небесного: все ищут своего, не думают о вышнем, о том, чтобы прославить его праведными деяниями, благотворением и борьбой с тем, кто хочет истребить божественную веру, но стремятся расширить пределы держав своих, друг друга обидят, радуются кровопролитию христианских народов («вѣрныхъ языкъ»), строят наветы друг против друга, как дикие звери, а о церкви христовой, жестоко терзаемой и подвергающейся различным наветам христианоборных измаильтян, нет у них никакой заботы. Разве не справедливо сравнивается треокаянный век сей с пустым путем, и я сама уподобляюсь вдове и, одетая в одежды вдовства, сижу, окруженная дикими зверями, терзаемая ими, как раньше тебе сказала. А что больше всего повергает меня в печаль последнюю, это — то, что не имею я поборников, проникнутых ревностью божией, которые исправляли бы бесчинствующих обручников моих, — поборников, каких я имела в древности. Нет у меня Самуила великого, иерея вышнего, дерзновенно ставшего против Саула, нет Нафана, который мудрою притчей

исцелил Давида и избавил его от страшного падения, нет ревнителей, подобных Или и Елисею, не устыдившимся беззаконнейших насильников, царей самарийских; нет Амвросия, не убоавшегося величия царской власти Феодосия Великого; нет Василия Великого, который премудрым учением навел страх на гонителя сестры моей Валента; нет Иоанна Златоустого, который изобличил сребролюбивую и лихоимствующую царицу Евдокию... Не справедливо ли уподобляюсь я вдове и сижу при пустом пути окаяннаго нынешнего века, будучи лишена таких поборников и ревнителей. Таковы бедствия мои, странник, достойные многих рыданий. Ты же, слышав об этом, непрестанно молись всех царю и владыке, да благоизволит оказать свою благость, чтобы они восприняли правду и богоугодное жительство, проявили щедрость к подвластным и отступили от всякой злобы и неправды, чтобы сподобиться праведною и богоугодною «властью земскою» получить бесконечного царствия небесного со всеми, кто благоверно и богоугодно «устроили земскую сию царскую державу».

Те, кого имеет в виду это Слово, в различных местах его называются различно. То говорится о «свалолюбцах» и «властолюбцах»,¹ которые пытаются подчинить себе Василию, то об «исполуобручниках» Василии.² В одном месте просто упоминаются «сущи во властехъ», в других местах речь идет о тех, «иже благочестный санъ царскій раслѣбвають всяческими своими неправдани и лихоимани и богомерскими блужевии»,³ или, наконец, о тех, «иже ложнѣ обложени суть... царскимъ саномъ отъ многога своего безумія же и безчувствія».⁴ Несмотря на разнообразие этих выражений, ясно, что все они могут относиться или к носителям царской власти, или к правящим от ее имени. Как видим по содержанию Слова, конкретные обвинения его сводятся к следующим основным пунктам:

1) Правители, охваченные страстью сребролюбия и лихоимства, притесняют подвластных всевозможными денежными поборами и принудительной постройкой дорого стоящих домов.

2) Вопреки призывам слова божия, они незаконно пируют, предаваясь пьянству и разврату, отвергая поучение пастырей и советы искусных старцев.

3) Внешние отношения государства они определяют, руководствуясь одной мыслью только бы расширить пределы своей державы; поэтому опол-

¹ Каз. изд., II, стр. 323.

² Ibid., стр. 326.

³ Ibid., стр. 327.

⁴ Ibid., стр. 335.

чаются против единовѣрныхъ народовъ, а о защитѣ церкви христовой отъ ея враговъ магометанъ совсемъ не думаютъ.

4) Во главѣ церкви нѣтъ техъ поборниковъ и ревнителей царства, которые избличали бы злоупотребленія правителей, и какими некогда были: Самуилъ, Нафанъ, Илїя и Елисей, Амвросій, Василій Великій, Иоаннъ Златоустъ.

Исходя изъ соображенія, что приведенный взглядъ на главу церкви Максимъ Грекъ едва ли бы высказалъ по поводу деятельности митр. Иосафа или Макарія, мы пришли къ заключенію, что данное Слово относится къ темъ годамъ малолѣтства Грознаго, когда во главѣ церкви стоялъ митр. Даниилъ, т. е. ко времени между 1533 г. и 1539 г., иными словами къ правленію Елены Глинской. Въ соответствии съ этимъ необходимо объяснить и другіе элементы исторической действительности, которые отразились въ Словѣ.

О внешнихъ отношеніяхъ государства слѣдуетъ замѣтить, что значительная часть правленія Елены была занята войной съ Литвой съ 1534 г. до 1537 г. Получивъ благословеніе на нее отъ митрополита Даниила, правительство вело ее достаточно энергично и съ большой неуступчивостью отвѣчало на неоднократныя предложенія со стороны Сигизмунда вступить въ мирныя переговоры. Въ то же самое время по отношенію къ татарамъ правители держались пассивной политики, они не отвѣтили на набегъ казанскаго Сафа-Гирея на Муромъ и уступили передъ угрозами крымскаго Саип-Гирея. Позднѣе во вторую половину малолѣтства Грознаго эти внешнія отношенія изменились. Съ Литвой поддерживался миръ (въ 1542 г. истекшій срокъ перемирія былъ продолженъ еще на 7 летъ), а отношенія къ татарамъ стали переходить въ форму болѣе активной и болѣе успешной обороны. Если имѣть въ виду основныя черты внешней политики въ правленіе Елены Глинской—борьбу съ Литвой и уступчивое миролюбіе съ татарами,¹ соответствующія упреки Максима Грека станутъ понятны. Онъ имѣлъ основаніе говорить, что современныя правители не хотятъ дружно вести борьбы съ врагами христовой вѣры, вместо этого стремятся расширить предѣлы державъ своихъ «другъ на друга враждебнѣ ополчашеся, другъ друга обидяще и кровопролитію радующеся вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивїи всяческими лаяніи и лукавствїи, о поклоняемѣй же церкви спаса Христа, лютѣ растерзаемѣ и навѣтумѣ различными образы отъ христіаноборныхъ измаїлявъ, ни едино попеченїе есть имъ».² Прекратить христіанское кровопролитіе, чтобы помешать успехамъ татар,—было мыслію Максима Грека. И любопытно, что формула, почти совпадающая съ этою мыслію, служила

¹ С. Соловьевъ. История Россїи, т. VI, гл. I, изд. 2-е, СПб., 1860.

² Каз. изд., II, стр. 335, 336.

тогда для подготовки мирных переговоров. Так, кн. Иван Телепнев-Оболенский в ответ на сделанное предложение мира, писал своему брату Федору, находившемуся в литовском плену, для передачи королю и папам: «А государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобъ кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высылась; хочетъ нашъ государь того, чтобъ христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желаетъ того же и пришлетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла станоятся».¹

Остальные два пункта Слова, отмеченные нами и относящиеся к фактам внутренней жизни государства, особенно интересны и даже отчасти загадочны. Таково именно указание на то, что правители, одолеваемые сребролюбием и лихоимством, «лютѣйше морятъ подручниковъ всяческими истязаніи денежными и нужными строеніи многоцѣнныхъ домовъ, ничимъ же пособствующи ко утверженію державы ихъ, но точію на излишнее угоженіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ».² О какой принудительной постройке и какихъ зданій говорится здесь? Из всей первой половины XVI века трудно привести какое-нибудь документальное свидетельство, которое полностью покрыло бы указание Максима Грека. Но вся совокупность косвенныхъ данныхъ убеждаетъ в том, что соответствующіе факты следуетъ искать и предполагать именно в правленіе Елены. Под многоценными домами здесь, конечно, разумеются каменные дома, ибо деревянные стоили тогда очень дешево. Какъ известно, каменные жилые постройки начались в Москвѣ с середины XV в.³ и в течение всей второй половины этого века были очень редкимъ явленіем, обращавшим на себя вниманіе и заносимым в летопись. Ко времени с 1499 г. до 1508 г. относится постройка великокняжескаго каменнаго дворца.⁴ Вел. кн. Василий Иванович, переехавшій на житье в новый дворец, вскоре развил в широкихъ размерахъ строительство каменныхъ храмов. В 1514 г. под руководствомъ того же Алевиза Фрязина, который строил дворец, былъ заложенъ целый ряд каменныхъ церквей. Надо думать, тогда именно во вторую половину княженія Василя Ивановича и в малолетство Грознаго за примеромъ великаго князя последовало боярство, и постройка каменныхъ палатъ отдельными лицами стала частымъ явленіем, уже не останавливавшим на себѣ вниманія летописца.

¹ С. Соловьев. История России, т. VI, стр. 18, 19.

² Каз. изд., II, стр. 323.

³ И. Забелин. История города Москвы, стр. 147.

⁴ Ibid., стр. 150.

Вероятно даже, что постройка эта сделалась своего рода модой времени. Митрополит Даниил (1522—1539 г.), хорошо подмечавший людские слабости и пороки современников, едва ли без основания говорил о страсти их к возведению домов и советовал «домы созидати въ потребныя времена и лѣта и отъ избытковъ, а не отъ лихоимства».¹ Принудительный характер построек, упоминаемых Максимом Греком, находит себе известную аналогию в способе сооружения Китай-города, который, как известно, возводился как-раз в то время, в 1534—1535 г. К земляным работам по сооружению его было привлечено все трудовое население Москвы. Карамзин, сводя в одно показания разных летописей, так говорит об этом: «Еще великий князь Василий, находя Кремль тесным для многолюдства Московского и недостаточным для защиты оного в случае неприятельского нашествия, хотел оградить столицу новою, обширнейшею стеною. Елена исполнила его намерение, и в 1534 г., мая 20, начали копать глубокий ров от Неглинной вокруг посада (где были все купеческие лавки и торги) к Москве-реке через площадь Троицкую (место судных поединков) и Васильевский луг. Работали слуги придворные, митрополитовы, боярские и все жители без исключения, кроме чиновников или знатных граждан, и в июне кончили; а в следующем году, мая 16, после крестного хода и молебна, отпетого митрополитом, Петрок Малой, новокрещеный италиянец, заложил около рва каменную стену и четыре башни с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улице. Сей город был назван по-татарски Китаем или средним, как изъясняют».²

Московские бояре, вероятно, пользовались и для своих личных целей содействием искусного архитектора Петра Фрязина, в 1539 г. «от великаго мятежа и безгосударства», как он сам говорил, уже бежавшего из России. Весьма возможно, что бояре не сумели разграничить государственного дела от своего частного и применявшейся к сооружению Китай-города строительной повинностью злоупотребили для возведения своих собственных роскошных хором. Ведь и Максим Грек подчеркивает, что речь идет о возведении многоценных домов, нисколько не содействующих утверждению державы, а служащих к излишнему самоугождению и убожению развратных душ.

Последний пункт касания Слова к тогдашней действительности заключается в обличении правителей в пьянстве и разврате. Припомним соответ-

¹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 582.

² Карамзин. История государства российского, т. VIII, изд. 2, стр. 40 и 41, СПб., 1819

ствующие места Слова: «Сущи во властехъ, говорит Максим Грек, беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гуслими и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и бусловіи себе обливающе»¹. Указав примеры из ветхого и нового завета, к чему приводили беззаконные «пированія», Максим Грек замечает, что таково бывает возмездие царям, князьям и сребролюбцам, которые предаются всякому лихоимству, пьянству и плотским нечистотам. К этому присоединяется неразумение бога, забвеніе смерти и мук после смерти, ожидающих нечестивых и грешников; к тому же—безмыслие и безуміе, сатанинская гордость, исступление ума и наконец самоволие и самоугодие. Такие правители не принимают поучения священников, ни советов многоопытных старцев, не внимают прещению боговдохновенных писаний, но остаются ко всему этому глухи, подобно аспидам глухим, затыкая свои уши; они всецело поработены игранием сатанинским, объядением, пьянством и сладострастием («единымъ же играниемъ сатанинскимъ и пици всяцѣ и пїянству и подчревнымъ страстемъ поработившеся»)². Поэтому их оставляет бог и владеют ими лукавые духи и бесы. При этой картине, нарисованной Максимом Греком, невольно вспоминаются свидетельства иностранцев о любовной связи Елены с боярином Иваном Овчиной Телепневым-Оболенским. Герберштейн говорит об этом кратко, замечая, что «по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином, по прозвищу Овчиной»... «Михаил (Глинский)... неоднократно наставлял ее жить честнее и целомудреннее, но она отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала придумывать, каким бы образом погубить его».³ Сообщение Одерборна гораздо выразительнее: «*Sublato enim e vivis Basilio, — говорит он, — Helena dehonestamentum generis sui facta est, quam assiduae in lupanari computationes et cum adultero Ivano Oczvina quaesitus ad libidinem thorus in agnoscere de foedarunt*». Одерборн замечает далее, что Елена была известна во всей Московии как *vulgatissima meretrix*: «*vulgatissimae meretricis nomine in omni Moschovia infamis erat*».⁴

Итак Слово Максима Грека, «пространнѣе излагающе, съ жалостію, настроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія»—по своей реальной основе является аллегорией, изображающей Россию в правление

¹ Каз. изд., II, стр. 332.

² *Ibid.*, стр. 334.

³ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московских делах, стр. 39. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908.

⁴ *Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. Anno MDLXXXV. D3 v. и D4.*

Елены Глинской. Может быть, конкретный образ недостойной вдовы по контрасту вызвал в представлении Максима—отвлеченный образ овдовевшей власти, царственной жены Василия, которая в траурной одежде сидит у дороги, окруженная со всех сторон зверями.¹ Тема Слова была ответственной и рискованной: нужно было сказать всю правду и вместе с тем не раздражить зверей. Не даром Василия, уступая настойчивым просьбам странника поведать о своих бедствиях, говорит, что она не хотела сначала рассказывать о себе, чтобы ее рассказ, будучи записан странником, не навлек на него какой-нибудь напасти.

II. ВЗГЛЯДЫ МАКСИМА ГРЕКА НА ВЛАСТЬ И ЕЕ ЗАДАЧИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

§ 10. Исходной точкой Максима Грека во взглядах на светскую власть, на отношение ее к власти духовной служила так называемая заповедь Юстиниана, вошедшая в Кормчие и давно известная нашим публицистам.² Максим Грек в своих сочинениях несколько раз вспоминает эту заповедь и по поводу ее высказывает свои мысли. Есть у него и другие места, касающиеся вопроса об отношении светской и духовной власти. Необходимо рассмотреть этот материал в хронологическом порядке, чтобы уяснить не только постоянные пункты в позиции Максима, но и те отдельные стороны вопроса, которые освещались в зависимости от условий момента. Впервые ссылка на заповедь Юстиниана встречается у Максима в 1519 г. в послании к вел. кн. Василию Ивановичу по поводу окончания перевода псалтыри. В этом послании Максим Грек приводит точную цитату из заповеди Юстиниана (т. е. из предисловия к 6-й новелле Юстиниана) в таких словах: «Превеліа въ челоуѣцѣхъ суть дарованіа божія отъ вышняго челоуѣколюбіа дана, священство и царство; священство убо божественнымъ служаще, царство же челоуѣческихъ вещей начальствующе и промышляюще, и отъ единого и того же начала обоя исходяща челоуѣческую украшаютъ

¹ Как в других случаях, так и здесь я не касаюсь чисто литературных влияний на Максима Грека, но кстати отмечу, что некоторые соображения о литературном происхождении образа Василия были высказаны акад. А. С. Орловым в докладе, читанном 22 февраля 1920 г. в заседании Общества истории литературы, где он предположил, что на создание этого образа могло повлиять «такое византийское произведение, в котором государство изображалось бы в виде опозоренной царственной женщины, подобно тому, как это читается в одном стихотворении Иоанна Геометра и в Истории Никиты Хониата». По этому поводу можно добавить, что образ государства-женщины или церкви-женщины достаточно распространен в средневековой литературе. Есть он и у Савонаролы. См. Виллари. Савонарола и его время, т. I, стр. 18, 1913.

² М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 115, 116.

жизнь».¹ Следовательно, царская власть, так же как и власть священства,—божественный дар. Обе власти происходят из единого высокого источника, обе имеют свое важное назначение, обе украшают человеческую жизнь. Как видно далее, идеал Максима Грека является дружный и тесный союз представителей той и другой власти. В качестве примеров он указывает на «богоизбранное супружество» Моисея пророка и Аарона иерея, Иисуса Навина и Елиазара священника, Самуила пророка и Давида царя. Из эпохи нового завета достойнейшие носители власти: папа Сильвестр и царь Константин Великий, Григорий Богослов и царь Феодосий Великий, Иоанн Златоуст и царь Аркадий. Переходя к современности, Максим Грек, исполненный оптимизма, заявляет, что в наше время доказательством истинности слов Юстиниана является богохранимая держава Василия Ивановича, рядом с которым правит архиерейским престолом светлый во архиереях преосвященный Варлаам, митрополит всея Руси: при их управлении сияет благочестие, соединенное с правдой и благозаконием.² Конечно, в этих словах многое нужно отнести на долю комплиментов иностранца, тогда еще мало знакомого с Россией и питавшего надежду, что по исполнению возложенного поручения его отпустят на родину, но идеал Максима Грека выразился с достаточной определенностью: он заключается в тесном союзе, во взаимной согласованности светской и духовной власти, исполняющих свое высокое назначение. В другом произведении,³ написанном, вероятно, также до 1525 г., Максим Грек, касаясь священства и царства, точнее определял задачи того и другого: благодаря священству освящаются и просвещаются верующие, чтобы спастись богоугодно, и прилежным исполнением заповедей божиих сохраниться в вере и любви к вышнему; назначение царства—ограждать, доставлять безопасность, чтобы не боялись нападений иноплеменников, так как благоверно царствующие всегда ополчаются на супостатов и устраивают подвластным спокойную жизнь. Таким образом задача священства—духовное просвещение и руководство верующих в делах спасения; задача царства—внешняя оборона

¹ Каз. изд., II, стр. 297.—«Заповедь» Юстиниана дана здесь в ясном переводе, чем в Кормчих и в Стоглаве. (Ср. М. Дьяконов «Власть московских государей, стр. 115; Стоглав, гл. 62). Подлинный латинский текст приведенных строк следующий: «Maxima inter homines sunt Dei dona a supra benignitate data, sacerdotium et imperium, quorum illud quidem divinis intersit, hoc vero humanas res regit eorumque curam gerit atque utrumque ab uno eodemque principio proficiscitur et humanam vitam exornat...» Novell. VI, praefatio.

² Каз. изд., II, стр. 298.

³ «Инокса Максима Грека слово о томъ, яко промысломъ божиимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устроятся». Сочинения М. Г., стр. 302. 303. Каз. изд., I (второе изд.).

государства и устроение мирной жизни. Ближе подходя к определению целей той и другой власти, Максим Грек здесь однако не касается вопроса об их взаимных отношениях. Позднее и эта сторона была затронута. В первые годы малолетства Грозного, когда государственная власть представлялась Максиму Греку в виде Василии, со всех сторон окруженной зверями, когда власть эта находилась в руках тех, «иже ложнѣ обложены суть... царскимъ саномъ отъ многаго своего безумія и безчувствія»,¹ или тех, кто «благочестный санъ царскій растлѣвають всяческими своими неправдованіи и лихоиманіи и богомерскими блуженіи»,² тогда Максим Грек скорбел, что нет достойных представителей духовной власти, которые могли бы обличить и наставить бесчинствующих обручников Василии и влагал в уста ее полные горечи слова: «Не имамъ Самуила великаго, іерея вышняго, противоополчившагося, со дерзновеніемъ, Саулу преступнику (преслушнику); не имамъ Наоана, исцѣлившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ паденія онога лютаго избавивша»...³ и т. д. Таким образом Максим Грек признавал особенно необходимым вмешательство духовной власти в дела царства в момент злоупотреблений и вмешательство это представлял себе в форме безбоязненного протеста и обличения. В Главах поучительных, написанных для молодого царя, Максим Грек снова дает общее определение духовной и светской власти и считает задачей царства—направлять державу к лучшему «совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніи и смотреніи, владычески купно и отечески промышляюще о подручныхъ».⁴ Он прямо указывает далее, что священство и царство тогда воистину составляют великое благо, когда согласуются между собой, стараются быть покорными перед вышним, твердо соблюдая его заповеди и согласно их отечески и вместе с тем властно устраивая жизнь подданных («вещи подручныхъ»). В том же произведении находится интересное указание, что Максим Грек в известных случаях считал допустимым и желательным вмешательство светской власти в дела духовные. Говоря о том, что архиереи присваивают себе доходы с церковных имений, данных князьями для прокормления нищих, Максим Грек обращает внимание царя на «такую нищихъ обиду», исправить которую вполне может только бог, но «и царствующимъ благовѣрно на земли нужно и зѣло прилично благочестивымъ царемъ сидевыя священническія недостатки, да не реку прегрѣшенія,

¹ Каз. изд., II, стр. 335.

² Ibid., стр. 327.

³ Ibid., стр. 336.

⁴ Ibid., II, стр. 162.

исправляти, по ревности древнихъ православныхъ царѣхъ Константина, Θεодосія и Іустиніана великихъ»...¹

Итак принципиальная точка зрения Максима Грека на светскую и духовную власть и на их отношения все время оставалась одна и та же. Менялась только в зависимости от условий времени формулировка: сначала Максим Грек хотел видеть осуществление своего идеала в вел. кн. Василии Ивановиче; затем в задачах светской власти подчеркивал обязанность ограждать государство от нападений иноплеменников; позднее в малолетство Грозного он смело указывал, что царская власть узурпируется недостойными ее представителями и что высшее духовенство не поднимает своего обличающего голоса; и, наконец, после переворота 1547 г., когда надежды на будущее окрылили многих, Максим Грек также мечтал о преобразованиях и видел главную задачу царской власти в том, что она «исправляетъ всегда царскія скипетры на лучшее».²

С течением времени точнее определились и взаимные отношения той и другой власти: прочно установленный идеал взаимной согласованности допускал в отдельных случаях протестующее вмешательство одной власти в действия другой; но эти случаи можно назвать исключительными; Максим Грек указал их всего два: это узурпация светской власти в малолетство Грозного, когда недоставало авторитетного голоса церкви; и злоупотребление церковным имуществом со стороны епископов, нуждавшееся в пресечении светскою властью.

§ 11. Как смотрел Максим Грек на царскую власть не только в отношении ее к церкви, но и в ее особых задачах,—вопрос этот имеет для своего исследования достаточный материал в сочинениях Максима. «Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно», как произведение наиболее общего характера, должны послужить исходным пунктом. Содержание этих «глав»,³ написанных для молодого царя Ивана в 1548 году,⁴ в существенных чертах следующее:

1. Подобно тому как мужество телесное способно побеждать тела, сокрушать крепкие стены городов и ополчаться против супостатов, так и мужество духовное царской души заключается в том, чтобы бороться с восстающими на нее плотскими страстями. Какое зло больше этих стра-

¹ Каз. изд., II, стр. 175.

² Ibid., стр. 162

³ Разделение на главы (27), опущенное в печатном издании, сохраняется в рукописях; воспроизвожу его по ркп. Госуд. архива феод.-крепостн. эпохи в Москве, б. Архива мин. ин. дел, собр. Оболенского, № 69 (Ср. Каз. изд., II, стр. 157—184).

⁴ Обоснование этой датировки за недостатком места опускается.

стей? Благовернейший царь, старайся соблюсти душу свою чистой от них.

2. Истинным царем и самодержцем считай того, кто не только старается устроить жизнь своих подданных правдою и хорошими законами, но и стремится побороть бессловесные страсти своей души — ярость, напрасный гнев, плотские похоти. А кто одолевает этими страстями, тот не есть одушевленный образ небесного владыки, а челоукообразное подобие бессловесного естества.

3. Истинный разум божий не только украшает мудростию, кротостию и всякою правдою внутреннего человека, но и внешние члены тела его устроит: очи, уши, язык, руки. Он не велит его очам блудно наслаждаться чужой красотой, не велит слушать песен непристойных, шуток смехотворцев-кошунников и завистливой клеветы, не велит языком досаждать, злословить и сквернословить, не велит поднимать руки на притеснение неповинных и хищение чужого имени. О том, как достигнуть этой спасительной благодати, учит пророк Давид. Отвечая на вопрос: «в чем исправит юный путь свой?», он объясняет, что к этой благодати ведет исполнение заповедей божиих.

4. «Правда возвыситъ языкъ, глаголетъ премудрый Соломонъ, злоба же разоряетъ престолъ сильныхъ». Для благоверно царствующего на земле нет ничего нужнее правды, т. е. справедливости. Эту добродетель постарайся приобрести, благочестивейший царь.

5. Толкованием слов Давида: «Поминухъ бога и возвеселихся» — подчеркивается необходимость постоянно помнить о боге.

6. Слова писания: «многіе пастыріе разглиша виноградъ мой, оскверниша наслѣдіе мое» дают повод говорить о великой нравственной ответственности перед богом царей и святителей за вверенных им людей.

7. По словам писания: «Царство божіе нѣсть брашно и питіе, но правда и миръ и радость о душѣ святѣ». Между тем мы всю надежду на наше спасение видим в воздержании от мяса и рыбы в течение поста, а притеснять обидами и лихоимством бедных подчиненных и влачить их в суды, враждебно нападать на них и всячески озлоблять — не перестаем. Конечно, пост нужен для умерщвления плотских вожделений и молитва для просвещения душевных сил, но сюда нужно присоединить и воздержание от душевных страстей.

8. Дивным советником, добротным твоему царству, считай не того, кто вопреки правды поощряет тебя к боям и войнам, но кто советует тебе любить мир со всеми соседями богохранимой твоей державы.

9. Далее речь идет о задачах священства и царства и необходимости их взаимного согласования, место, которого мы уже коснулись, см. выше стр. 61.

10. Противопоставляя красоту внешнюю красоте внутренней, «умной добротѣ души», Максим убеждает царя стремиться именно к последней: «Потщися убо, о, благовѣрнѣйшіи

царю, умную души доброту стяжати». 11. Подобно тому как солнце теплою своею оплодотворяет землю, так и прекрасная душа благоверного царя, украшенная правдою, кротостью, чистотою и милосердием, все подвластное и окружающее ее освещает, украшает, и примером своей жизни поощряет к преуспеянию в добрых делах. 12. Маленькое облачко, став перед светлейшим солнцем, может света его лишить вселенную; так и душа благоверного царя, если объята будет облаком животных страстей, яростию и гневом безвременным, пьянством и похотями скверными, то и сама, увы, омрачается, и все подвластное ей истребляется «и буря люта и мятежна частыхъ треволнений» смущает и все колеблет. Поэтому ум царев нуждается в великом трезвении. Не будем же спать душою, но будем трезвиться и бодрствовать умом. 13. Ум человеческий, хотя и создан по образу и подобию божию, но по отношению к навыкам ничем не отличается от воска и бумаги. Как на них каждый может написать, что угодно, так и человеческий ум, к каким обычаям его приучишь и чему научишь, доброму или злему, того он держится до конца. Если кто действительно хочет украшать ум богоугодными обычаями, тот пусть внимательно слушает сотый псалом¹ и часто повторяет его себе. 14. Подобно тому как человеческому естеству совсем не свойственно летать по воздуху, так не полезно и не подобает царю богомудрому желать чужих имений и стяжаний; ибо желание чужих имений вызывает страшного и праведного судию к отмщению за обиженных. 15. Божественный песнопевец, исповедуясь ведущему сердца человеческие, сказал: «не прильпе ми сердце развратно». В этих словах заключается глубокий смысл для внимающих им разумно. Ведь не малое требуется старание благоверному царю не только свою совесть соблюсти до конца в правоте и чистоте боголюбивых мыслей, но и говорящих и советующих что-нибудь развратное тотчас отсылать и удалять от себя. Подобно тому как общение с добрыми и праведными людьми просвещает и вразумляет наши мысли, так обыкновенно беседа и общение с дурными людьми омрачает и в конец развращает нас. 16. Щедро награждать и одарять стоящих у власти вельмож и других

¹ Не лишне припомнить здесь этот псалом: «Милость и суд воспою тебе, господи: пою и разумею в пути непорочне, когда приидеши ко мне; преходях в незлобии сердца моего посреде дому моего. Не предлагах пред очима моима вещь законопреступную: творящие преступление возненавидех. Не прильпе мне сердце строптиво: уклоняющегося от мене лукавого не познах. Оклеветавшего тай искреннего своего, сего изгонях: гордым оком и несмытым сердцем, с сим не ядах. Очи мои на верные земли посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше. Не живяше посреде дому моего творяй гордыню, глаголаяй неправедная, не исправляше пред очима моима. Во утрия избивах вся грешныя земли, еже побити от града господня вся делающая беззаконие».

служат — свойственно царю благоверному. Таким образом властвующие на земле уподобляют себя царствующему в вышних, который «сияет солнце свое на праведных и на неправедных и дождит на благих и лукавых».

17. «Жезлъ силы послеть ти господь отъ Сіона и господствуй посредѣ врагѣ твоихъ», говорит Давид. Пусть царь господствует «жезлом силы», живогворящим крестом, и уподобляется Моисею и Константину Великому правою верою в бога, чистотою, правдою, милостию, кротостию и прилежным хранением заповедей.

18. «Уста праведнаго поучатся премудрости», по словам Давида. Но для премудрости необходим страх божий. Ибо где страх господень, тут и соблюдение заповедей его, а где соблюдение заповедей, тут и ума очищение, а где ума очищение, тут премудрость и разум.

19. Иносказательное толкование стиха псалма: «Словомъ господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ его вся сила ихъ» дает основание для вывода о необходимости православным царям неизменно соблюдать слово господне, божественные заповеди, если они хотят, чтобы земное временное царство их утверждалось царством вышним.

20. Мысль идеального царя, преданного богу, проникнутого любовью к подданным, неусыпно и неустанно печется об утверждении и мирном устройении подвластных.

21. Христос, уподобляя себя пастырю, оставившему 99 овец и пошедшему искать одну заблудшую, дал этим образ и правило богоугодного пастырства для последующих пастырей своей паствы — святителей и православных царей, чтобы они одинаково заботились о всех подвластных им городах и народах, чтобы все держались любви и правды и жили по святым заповедям. Тот по истине заблудился от этой паствы, кто радуется о неправде и всяческом хищении чужих имений, а тот, кто обращает его на истинный путь, есть истинный пастырь словесных овец христовых.

22. Подобно тому, как пастырь радуется и веселится, видя, что его овцы досыта питаются мягкой травой и чистой водой, так и царь благочестивый и праведный веселится, когда видит, что подвластные ему города наслаждаются таинственным и духовным бытием и водой спокойствия и мира. Свойство благоверного царя и пастыря неложного заключается в том, чтобы не искать себе сокровищ на земле «неправдою и хищеніемъ чужихъ имѣній и стяжаній», но всякою правдою и страхом божим, верою и любовью полагать на небесах сокровища неиспощаемые милостыни, кротости и благости к подвластным. Будучи царем пресветлым и преславным, утверди себя богомудренно, чтобы не быть когда-нибудь побежденным страстью богомерзкого и раболениго сребролюбия. Вспоминай всегда слова пророка и царя: «не уповайте на неправду

и на восхищеніе не желайте», и не предпочти ему какого-нибудь другого суемудрого земного советника. 23. «Солжетъ дѣло маслинно, и поля не сотворять яди», говорит пророк Аввакум. Эти слова пророчески относятся не только к архиереям иудейского народа в ветхом завете, но могут быть справедливо применены и к представителям святых божиих церквей в наше время. Нынешние делатели мысленной священной маслины не творят ее дела так, как повелевают божественные правила. Все имения и стяжания, данные правоверными царями и христоробивыми князьями святым божиим церквам для прокормления нищих и сирот, они употребили на свои излишества и житейские дела. Сами живут во всяком изобилии и довольстве, роскошно питаются, обильно обогащают своих родственников, а нищие христовы презираются ими и погибают от голода, наготы и страданий. Эту обиду нищих кто другой может отвратить, кроме бога; и царствующим благоверно на земле благочестивым царям подобает исправлять эти священнические недостатки, чтобы не оказать прегрешения. Ничто другое так не может утвердить царский скипетр, как во имя бога попечение о нищих и милосердие к ним. 24. «Коль благъ богъ израилевъ правымъ сердцемъ». Толкование этих слов Давида дает повод говорить о долготерпении к незаконным, о том, что посылаемые богом наказания служат знаком его милости к нам. Не будем же огорчаться скорбями, посылаемыми на нас праведным судом божиим, не будем неблагодарны к создавшему нас, будто он презирает нас, отдавая в обиду нечестивым, но познав похристиански беззакония наши, покаемся со слезами, исповедаемся богу, «и той уничижить стужающихъ намъ». 25. Душу человеческую ждет в будущем или место пресветлое, исполненное всякого веселия и божественного благоухания, где нет болезни, печали и воздыхания, или бесконечные горькие муки: огонь неугасимый, тьма крошечная, скрежет зубов от безмерных страданий и плач непрестанный. Об этом говорится во многих писаниях и особенно в притче о богатом и Лазаре. И вот, кто по истине желает избавиться от горького и вечного осуждения того безумного богача, ненавидевшего нищих, и хочет получить такое же утешение, как блаженный убогий, тот пусть всюю душою возненавидит ненависть, которую питал к нищим тот безумец, и не только перестанет причинять обиды, похищать чужое и собирать себе великие сокровища на земле, но пусть щедрою рукою удовлетворяет убогих, заступается за сырых и вдовиц и защищает их от обидящих и грабящих их. А кто превосходит других высокою властью и изобилием богатства, будет ли то царь, или святитель, или князь, тот больше других должен миловать нуждающихся и благоотво-

рить им. 26. Тремя главным образом страстями бывает непрестанно одолеваема всякая разумная душа, в особенности держащая царский скипетр. Это — сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. Порождением сластолюбия является ненасытное угождение чреву, услаждение гортани всяческой пищей и удовлетворение подчревной скотской похоти. От славолюбия происходит то, что человек ничего не хочет делать во славу Божию, но всячески старается об угождении людям, чтобы всегда получить от них славу и похвалу, и если достигнет желаемого, то ко всем кроток и добр, если же узнает, что над ним кто-нибудь смеется, он, забыв о кротости, неудержимо неистовствует и свирепее всякого зверя старается мстить тому, кто его не хвалит. От корня всякого зла, сребролюбия, порождением является ненасытное желание всячески собирать себе богатства, копить их хищением, неправдою и лихоимством и всю надежду возлагать на свои сокровища, а не на бога. Кто поправил и преодолел указанные три страсти, тот воистину присный угодник и верный поклонник всемогущей пресвятой Троицы и царь-самодержец по отношению к себе и к подвластным. А кто одержим и водим этими страстями, тот пусть услышит слова общего всех владыки: «всякъ творий грѣхъ, рабъ есть грѣху, а рабъ не пребываетъ въ дому во вѣки». И что может быть позорнее, чтобы не сказать окаяннее того, когда думающий, что он владеет городами преславными и народами бесчисленными, сам во власти бессловесных страстей и устами самого спасителя называется рабом? Пусть понимающий понимает ясно сказанное. 27. Среди многих дивных праведных дел, которыми украшается и благодаря которым всеми любима и восхваляема бывает душа благоверного царя, наиболее полезным и необходимым для власти благоверных царей считаю страннолюбие, т. е. отношение, проникнутое человеколюбием, кротостию и уважением к приезжающим иностранцам, будут ли это купцы или приглашенные: необходимо тщательно заботиться об удобном их пребывании, о том, чтобы не подвергались они обидам от местных жителей, чтобы их силой не удерживали и не возбраняли возвращаться на родину. Принимаемые таким образом, оберегаемые и снова отпускаемые к себе, они будут дружелюбно относиться к нам, станут с доброй похвалой всем рассказывать о царских добродетелях. И что может быть полезнее для власти благоверных царей? Ибо все, слыша о таком благоразумии царей, кротости и заботливости относительно иностранцев, воздадут им обильными молитвами и вознесут их хвалами, и всякий захочет прийти сюда и быть очевидцем их благости. Пусть благоверные цари доброхотно и с уважением отпускают от себя всех приходящих к ним иностранцев, если хотят

всегда наслаждаться дружбой со всеми повсюду живущими народами, и хотят, чтобы находящиеся под их властью города украшались и изобиловали людьми опытными во всякой премудрости, в словесном искусстве и житейском искусстве. Ведь все люди стремятся идти туда, где слышат, что близкое им словесное искусство или житейское искусство находится в большом уважении.

Таково содержание глав. Отдельные места их определенно указывают на то, что они имеют в виду именно юного царя. Не даром в главе третьей вспоминается вопрос 'Давида: «Въ чемъ исправить юный путь свой?»¹ В поучениях к юноше особенно уместно также приведенное в гл. 13 сравнение восприимчивой человеческой души с воском и бумагой: «Умъ всякъ человѣческій, аще по образу и по подобію божію созданъ глаголется, обаче ничтоже по навиканію разликуеть воска и бумаги. Яко же бо на тѣхъ якова же письма хочетъ кто начертаетъ; тѣмъ же образомъ и человѣческій умъ: въ нихъ же ни буди привыкнеши его обычаехъ и учениихъ, или благихъ или злыхъ, въ тѣхъ же до конца пребываетъ и любезно водворяется».² Все произведение носит преобладающий дидактический характер, но дидактика его чужда мелочности: здесь излагается ряд моральных наставлений, переносящих центр тяжести в глубь нравственного сознания. Красоте внешней земной противопоставляется красота внутренняя, «умная красота души», «умная души доброта», достижение которой и считается самым главным делом. Истинная нравственная настроенность украшает душу человека и ведет по пути добра его внешние поступки. Но вполне естественным является вопрос, что представляют собою «Главы»: просто ли это кодекс морали, состоящий исключительно из общих мест вне живой связи с современностью, или нужно понимать эти «Главы» иначе. Мы уже раньше останавливались на одном месте «Глав», именно на гл. 23, содержащей вполне определенный конкретный совет относительно церковных имуществ. Теперь следует указать еще на последнюю 27 главу, советующую в интересах процветания державы гостеприимное отношение к иностранцам. Эта мысль возведена в нравственную норму для правителя, конечно, из того тяжелого жизненного опыта, который претерпел сам Максим в Московской державе, не только радушной, но и подозрительной к своим гостям. Главы 23 и 27 уже не укладываются целиком в схему общих мест. Наоборот, они естественно вызывают предположение, нельзя ли искать связи с реальностью и в других пунктах. «Главы», как видели мы, начинаются с вопроса о борьбе со

¹ Каз. изд., I, стр. 158.

² Ibid., стр. 165.

страстями как плотскими, так и духовными. В одолении их заключается духовное мужество. Только тот истинный царь и самодержец, кто стремится побороть бессловесные страсти души своей: ярость, гнев напрасный и плотские похоти. Мысль о необходимости борьбы со страстями проходит через все произведение. И в гл. 7 говорится, что нужен не только пост, но и «душевныхъ страстей воздержаніе».¹ И в гл. 12 страсти, бушевающие душу царя, сравниваются с облаком, закрывающим солнце. Упоминаемые здесь страсти приблизительно те же: ярость, гнев безвременный, пьянство, похоти. И в других местах подчеркивается сребролюбие, хищение чужих имений. Так в гл. 14 и особенно в гл. 23, где после призыва не искать себе сокровищ на земле «неправдою и хищеніемъ чюжихъ имѣній и стяжаній», читаем: «Царь убо пресвѣтель сый и преславень, утверди себе богомудренно, да не побѣжденъ будеши когда страстію іудейскаго богомерскаго и работѣннаго сребролюбія».² Глава 26, предпоследняя, снова возвращается к основной мысли и, объединяя раньше сказанное, облакает его в еще более выразительную форму. Она опять подчеркивает, что только тот, кто поборол три страсти, бушевающие всякую душу и царскую в особенности — сластолюбие, славолюбие и сребролюбие, — только тот есть действительно царь и самодержец и по отношению к себе и к подданным, а одержимый ими есть раб греха. И в этом последнем случае контраст величия власти и нравственного ничтожества ее носителя представляется более всего вопиющим: «И что убо быти можетъ сего зазорнѣйшее, да не глаголю, окаяннѣйшее, яко мяшагося владѣти градовомъ преславнымъ и языкомъ неудобъ счисляемымъ, самому владѣму и водиму бывати бессловесными страстьми и рабу нарицатися отъ святыхъ устъ спасовыхъ?» Так говорит Максим, заканчивая 26 главу, и добавляет к этим словам красноречивое *sapienti sat*: «Разумѣваяй да разумѣть внятно глаголемая».³ Молодой Иван должен был понять Максима. И мы поймем его, если представим себе те годы молодости Ивана, под впечатлением которых писались «Главы». Перечитаем Курбского: «По немногихъ лѣтахъ, и мати ему умре; потомъ питаша его величые гордые паны, по ихъ языку, боярове его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеса другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредь что творилъ, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сіе. Началъ первіе

¹ Каз. изд., II, стр. 161.

² Ibid., стр. 173.

³ Ibid., стр. 181, 182.

безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, а по ихъ языку, съ крылець, або съ теремовъ, тако же и иные многіе неподобные дѣла творити; а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту и вящей, тогда началъ человекѣвъ ураняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сиклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конѣхъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человекѣвъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачюще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбоническіе самыя творяще, и иные злые исполняше, ихже не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же всѣмъ таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «О храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ».¹ Далее речь идет о казнях отдельных князей и бояр. Для иллюстрации «ярости» и «гнева напрасного», неожиданно овладевавших царем, достаточно из многих примеров вспомнить хотя бы один, записанный Псковской летописью под 1547 г. «Въ лѣто 7055, въ Петровъ постъ, Псковичи послаша 70 человекѣвъ на Москву, жаловатися на намѣстника на Турантая, и оны жалобщики били челомъ государю великому князю на селцѣ на Островкѣ, и князь великій государь опалился на Псковичъ, сихъ безчествовалъ «обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчею зажигалъ и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на земли; в ту пору на Москвѣ колоколь благовѣстникъ напрасно отпаде. а государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря».² Ивана, действительно, обуревали те страсти, о которых говорит Максим. Рисуемая Курбским картина молодого царя, окруженного развратной средой «ласкателей», «человѣкоугодниковъ», «парозитовъ или тунеядцовъ, сирѣчь товарищей трапезамъ», чувствуется и в «Главах». Максим говорит, что общение с дурными людьми омрачает и развращает нас и советует царю «глаголющихъ развратна или совѣтующихъ отнюдь отсылати и отгнати царскія и свободныя мысли и бесѣды своя».³ Любопытно, что соответствующая глава (15) начинается словами, заключающими в себе своего рода nota bene: «Божественный пѣснопѣвецъ, исповѣдуяся вѣдущему сердца человекѣская, не приле ми, рече, сердце развратно. Мало убо склады божественное слово сіе, много же умомъ и вельми душеполезно и поднужно смыслено внимающимъ е».⁴ Интересно также, что Максим Грек,

¹ Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 165, 166 (Русск. ист. библ., т. XXXI).

² Полное собрание русских летописей, IV, стр. 307.

³ Каз. изд., II, стр. 167.

⁴ Ibid., стр. 166.

сравнив человеческий ум с воском и бумагой, особенно советует вспоминать сотый псалом и руководствоваться им.¹ А в сотом псалме (см. сыше стр. 64) Давид говорит об удалении от себя дурных людей.

Необходимость нравственного влияния на царя определенно чувствовалась. Появление у власти Сильвестра и Адашева, вызванное грозными событиями 1547 г. (пожаром и восстанием «черных людей»), ставило на очередь вопрос о новой политике и об осуществлении ее с помощью новых методов воздействия на подраставшего царя. «Главы» Максима, написанные и посланные митрополиту Макарию для царя около 1548 года, отвечали запросу времени; ведь перелом Ивана, риторически описанный Курбским, в действительности не мог быть таким резким, влияние «избранной рады» упрочивалось постепенно. Борьба со «страстями» Ивана и его «ласкателями» в 1547 г. только началась и шла с успехом далеко не полным и не устойчивым.² «Главы» Максима вписывают видную страницу в историю нравственных воздействий на молодого Ивана. И страница эта интересна не только своей негативной стороной, но и тем положительным идеалом власти, который рисуется здесь Максимом. В духе византийских теорий идеал царя, по Максиму, заключается в уподоблении богу «правдою, челоуѣколюбіемъ и кротостію» по отношению к подданным и милостию к вельможам и другим слугам. Неустанные заботы идеального царя о подданных сравниваются то с непрестанным волнением моря, то с беспокойством материнского сердца о детях. «Не оскудѣють николи же смущающе лице морское вѣтренныя бури: и царя благовѣрнаго любоподручная мысль не получить николи же тишину отъ окрестныхъ сосѣдъ ея воздвигаемыхъ частыхъ обстояній и стуженій. Не толико тужить утроба матерня о скудости потребъ житейскихъ чадамъ ея, елико боголюбиваго царя любоподручная мысль печется о утверженіи опаснѣмъ и мирномъ устроеніи подручникомъ ея; точію тогда воистину веселится боголюбивая душа ихъ, егда видитъ подручныхъ людей своихъ тихо и мирно житіе имущихъ».³ Об отношении к вельможам и другим слугам Максим Грек говорит, что, щедро награждая и одаряя их, «владеюще на земли» уподобляются «царствующему въ вышнихъ, иже сіяетъ солнце свое на праведныя и на неправедныя и дождитъ на благыя и лукавыя».⁴ Кроме обязанностей к подданным и слугам, на царе

¹ Ibid., стр. 165—166.

² И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Сочинения, т. I, стр. 212, СПб., 1904.

³ Каз. изд., II, стр. 170, 171.

⁴ Ibid., стр. 167.

лежат еще более важные обязанности по отношению к собственной душе. Исполнение этих последних не только самоценно, но и обуславливает успешность исполнения первых. Борьба с страстями, достижение чистоты и красоты души — в этом главный и нравственный долг правителя. Душа идеального царя, украшенная добродетелями, словно солнце освещает все кругом и оплодотворяет для добра. «Свѣтлѣйшю солнца звѣзду нѣсть смотрити въ твердѣ небеснѣй, едино бо то своими лучами осіяваетъ всю вселенную; сице и душа благовидная благовѣрнаго царя, правдою и кротостію и чистотою и щедротами украшаема же и веселящися, все еже подъ нею и окрестъ ея подручное осіяваетъ же и украшаетъ и на преспѣяніе добрыхъ дѣлъ своимъ нарочитымъ жительствомъ увѣщаетъ тщитися всегда, имъ же образомъ и солнце теплотою своею землю и яже на ней сады плодоносить готовляетъ».¹ Из всех попыток нравственного воздействия на молодого царя «Главы» Максима выделяются решительно. Нигде вопрос о власти не ставился на такую идейную высоту и не получал такого освещения. Знаменитый Сильвестр не обошелся без нравственной кривизны в своих наставлениях царю: он старался запугать его «чудесами», в истинности которых сомневался даже Курбский, назвавший Сильвестра за этот благочестивый обман «льстецом истинным».² Гораздо честнее был другой участник избранной рады — митрополит Макарий, но наставления его не отличались достаточной широтой и силой. Еще одно из поучений к царю, относящееся к той эпохе, так называемое Сильвестровское послание (появившееся, как думают, около 1550 г.), было слишком многословно по форме и скудно по содержанию, ограничиваясь бичеванием содомского греха. Только «Главы» Максима, охватывая весь вопрос в целом, давали ему постановку, наиболее широкую из всех, какие только возможны были на почве византийской культуры. Повидимому, сам автор признавал эту предельность своего достижения, без ложной скромности заметив, что «Главы» его написаны «мудро добрѣ».³ Именно здесь в «Главах» Максима полагались идейные основы для первых лет царствования Ивана.

§ 12. В другом произведении, в послании к царю,⁴ появившемся, вероятно, вскоре после «Глав» и не позднее 1551 года, Максим Грек еще

¹ Каз. изд., II, 164, 165.

² Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 169 (Русск. ист. библ., т. XXXI, СПб., 1914).

³ Каз. изд., II, стр. 383.

⁴ «Инокъ Максима Грека посланіе къ благовѣрному царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Русіи», после обращения: «Благовѣрнейшему и боголюбивому царю и самодержцу всея Русіи, преславному государю великому князю Іоанну Васильевичу, нищій твой государевъ богомолецъ Максимъ инокъ изъ Святыя Горы смѣя и не смѣя, низко челомъ біеть»,

яснее развивает те же мысли о задачах царской власти. Полагая, что идеальный царь уподобляется богу заботою о подданных, благоволением к боярам, правдою, милостию и человеколюбием к обидимым, Максим призывает Ивана стремиться к этому идеалу, взирать на самого высшего, вверившего ему «скипетръ царства преславнаго», стараться итти путем угодным богу. Чтобы узнать, каков этот путь, Максим советует царю чаще читать послание царьградского патриарха Фотия богарскому царю Михаилу: оттуда он почерпнет «великую премудрость и пользу» (II, стр. 351). Мало того, в этом послании Максим идет дальше, чем в «Главах»: говоря об идеале царя, к которому должен приближаться Иван, он дает ему определенные советы, как следует править, которые не только вытекают из того идеала, но и мотивируются уроками истории. Падение Византийского царства надолго взволновало мысль православных и обогатило политический кругозор, вызвав различные объяснения этого события. Одно из таких объяснений предлагает и Максим. Он убежден, что Византия погибла исключительно по вине своих последних царей. Проникнутые

начинающееся словами: «Многа убо и ина суть уподобляющая небесному владыцѣ»..., с указанным заглавием и обращением читается в Казанском издании (II, стр. 346). Между тем во многих списках XVI в. это послание озаглавлено: «Того же инока Максима Грека слово къ начальствующему на земли» и прямо без обращения начинается: «Многа убо и ина суть»... Так в ркп. Публ. библ. имени Ленина в Москве, из бывш. Моск. дух. акад. № 19(42); в ркп. Госуд. архива феод.-крепостн. эпохи в Москве из б. Моск. Архива мин. ин. дел, собрания Оболенского, № 69; ркп. Публ. библ. в Ленинграде, б. Общ. люб. древн. письм. О, СLXXVI и пр. В рукописи собрания М. С. Воронцова, полууст. XVI в. (так наз. Воронцовский сборник, по которому издана Археографической комиссией Псковская Судная грамота) данное послание заглавия не имеет, но имеет обращение к Ивану Васильевичу, почти совпадающее с напечатанным: «Благовѣрнѣшему і боголюбивому царю и самодръждю всея Русіи православному государю, великому князю Ивану Васил(ь)евичу нишій твой государевъ богомолецъ Максимъ інокъ пзъ Святыа Горы низко челомъ бьетъ». Кроме того, в ркп. Воронцова вслед за посланием сохранилась любопытная приписка, адресованная, повидимому, к одному из тех лиц, через которых Максим Грек обращался к Ивану Васильевичу. Привожу ее полностью, как нигде не напечатанную.

Подписаніе на грамоте: «Прочти, молю тя, со обычнымъ промыслом и разумнымъ промысломъ и раз'суднымъ и разсудомъ праведнымъ тетрацькю писаную (sic) мною малоумнымъ со всякою истинною і нелицебною любовью, юже имѣлъ есмь изначала і нынѣ имѣю и до смерти имѣти буду к' православнѣй державѣ рустій. Единый сердцеѣдецъ Исусъ Христосъ свидѣтель вамъ, господамъ моимъ, от мене, яко ничто же лестию, ни хитростию, ни пронырствомъ, ни по ласканію говорю, ни пишу къ вамъ. Всѣхъ васъ возлюбилъ есмь изначала и нынѣ люблю всѣмъ сердцемъ моимъ, какъ и себе самого, благоизволите убо и вы ту же любовь показати къ вашему богомолцу нищему. Здравъ всегда живи и весель, послѣ ми пожалуй мало иберыи, корицы и ино что индѣйское бы жилие, аще ест у тебе, прошу та у тебе на нужу со всякимъ упованіемъ добрымъ по твоему жалованію». (Ркп. Археогр. ком. Акад. Наук СССР из собр. М. С. Воронцова, полуустав XVI в., на 461 л., л. 32 об.). Эта приписка сделана, должно быть, для того митрополитчьего казначея Алексея, через которого посылались «Главы поучительны», и которого тогда Максим Грек просил о присылке греческой книги Григория Богослова и «греческого клубочка».

гордостью, сребролюбием и лихоимством, они «хищачу неправеднѣ имѣнїя подручниковъ, презираху своя боляры въ скудости и лишениі потребныхъ живущихъ, вдовицы обидимыя и сироты и нишая, не отмщая обидящихъ я».¹ Злоупотребления царей по отношению к подданным, их презрение к боярам, равнодушие к слабым и притесняемым — навлекли гнев праведного судии на византийское царство. Максим советует Ивану не следовать примеру византийских царей, но осуществлять свою власть, руководствуясь противоположными принципами, — устроить жизнь подданных «всякою правдою и благостию и царскимъ разумомъ».² Для этого царь, по мысли Максима, должен относиться с уважением ко всем группам, облеченным той или иной властью или осуществляющим ее. Прежде всего он должен почитать духовную иерархию, митрополита и епископов и слушаться их советов: «сущаго у тебе преосвященнаго митрополита и боголюбивыя епископы всякія чести сподобляй и бреги, аки ходатая суща богу и чловѣкомъ, и о твоємъ богохранимомъ царствїи безпрестани молящася... Сице убо почитай ихъ и бреги, и полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай. сихъ бо слушая, самого спаса и царя твоего Исуса Христа слушаешь...»³ Также с уважением царь должен относиться к боярству и воинству и щедро награждать их за службу. В этом залог могущества державы: «Такожде и сущая о тебѣ пресвѣтлыя князи и боляры и воеводы преславныя и добляя воины и почитай и бреги и обильно даруй; ихъ бо обогашая, твою державу отвсюду крѣпиши и ограждаеши».⁴ Наконец, последний совет царю — совет о заступничестве за обидимых, вдов и сирот убогих: «Вдовы и сироты убогія обидимы да не презрѣши въздыхающа и слезы горкія проливѣюща предъ отцемъ сирыхъ и судїею вдовицъ и предстателемъ убогихъ».⁵

Кроме указания на отрицательный пример византийских царей, Максим Грек в подтверждение своей мысли ссылается еще на новые исторические примеры — на Кира персидского, как положительный, и царей иерусалимских, как отрицательный. Он говорит, что бог возвысил царство Кира, несмотря на его идолопоклонство «за превелію правду и кротость и милосердіе его къ подручникомъ своимъ»,⁶ а царство Седекиево и Ехо-

¹ Каз. изд., II, стр. 351.

² Ibid., стр. 352.

³ Ibid., стр. 352.

⁴ Ibid., стр. 353. В печатном издании две фразы слиты в одну: после слова «ограждаеши» должна быть точка.

⁵ Ibid., стр. 353

⁶ Ibid., стр. 354.

ниеву, царей иерусалимских, «хоти и благовѣрни бяху отчасти», разорено «за ихъ всяческое беззаконіе и сатанинскую гордость и богомерское лихоиманіе».¹

Советы Максима Грека об отношении царя к иерархии, боярству, воинству и нищей братии, вытекающие из его религиозно-нравственного мирозерцания и подкрепленные историческими примерами, если рассматривать их вне условий того времени, когда они были высказаны, могут показаться имеющими исключительно моральный смысл. На самом деле значение этих советов должно измеряться не только в глубину их моральной концепции, но и в ширину их политической значимости. Правда, в этих советах Максима нет детально разработанной программы, но политического значения их отрицать нельзя. Максим говорит о дружной согласованной работе светской и духовной власти, о благожелательном отношении власти к важнейшим политическим группам. Его позицию можно характеризовать как точку зрения координации политических сил, причем состав их он не ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начинавшую заявлять о себе — воинство (т. е. дворянство, военно-служилых людей). Взгляд Максима Грека не оставался отвлеченным построением ученого отшельника, но тогда же претворялся в действительность. Политика «избранной рады» и представляет собою политику согласованного действия духовенства, боярства, воинства и торгово-промышленного класса, так называемых «посадских».² Представитель «посады» протопоп Сильвестр и дворянин Адашев, удалив от царя «ласкателей», как сообщает Курбский, пригласили прежде всего митрополита, «и къ тому всѣхъ предобрыхъ и пренодобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ». Затем они привлекли «совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, въ старости мастите сущихъ, благочестіемъ и страхомъ божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и во среднемъ вѣку, тако же предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и въ земскихъ вещахъ по всему искусныхъ». Здесь весьма интересно деление советников на две группы: одну «въ старости мастите сущихъ» и другую «во среднемъ вѣку», «хра-

¹ Ibid., стр. 355.

² Время господства «избранной рады» в управлении Г. В. Плеханов считал «временем компромисса между боярством, духовенством и дворянством» (История русской общественной мысли, т. I, стр. 181). Но В. А. Келтуяла в своем курсе «Истории русской литературы» (ч. I, кн. 2, стр. 626) и М. Н. Покровский в «Курсе русской истории с древнейших времен» (т. I, стр. 247 и след.) с большим основанием полагают, что это был компромисс всех руководящих классов населения, включая сюда и торгово-промышленный класс, интересы которого представлял протопоп Сильвестр, сам торговавший и учивший других промыслам и торговле.

брыхъ». Политика «избранной рады», по словам Курбского, соответствовала ее названию: «воистинну по дѣламъ и нареченіе имѣли, понежъ все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ во царствѣ наилѣпшее». Политика «рады» отражала и присутствие в составе ее молодой силы, какой был сам Алексей Адашев и советники «во среднемъ вѣку», «храбрые»: отсюда понятны те реформы, которые были проведены в интересах устройства служилого сословия: «и къ тому воеводѣ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избирають, и стратилатскіе чины устрояють, яко надъ ѣздными, так и надъ пѣшими; и аще кто явитца мужественнымъ въ битвахъ и окровиль руки въ крови вражін, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижимыми».¹ В известной идейной роли Максима Грека по отношению к «избранной раде» едва ли можно сомневаться. Высокая авторитетность Максима для Сильвестра и митрополита Макария является засвидетельствованной и со стороны их личных отношений. Макарий мысленно целовал узы Максима «яко единого отъ святыхъ»,² читал его произведения, «зѣло» «хвалил» их и просил посылать новые.³ Сильвестр также получает «слова» от самого Максима и Максим со своей стороны считал возможным обращаться к Сильвестру с просьбой за известных ему сирот.⁴

§ 13. Года через четыре после венчания Ивана на царство, когда проведены были реформы 1550 г. и созван был Стоглавый собор (23 февраля 1551 г.)—весной 1551 г. Максим Грек обратился к царю с новым посланием, ныне впервые издаваемым. Здесь он высказался с глубоким сочувствием о той преобразовательной и устроительной деятельности Ивана, которая была подготовлена его советниками. Во второй части послания, для нас особенно интересной, Максим восхваляет царя, как поборника правды и устроителя земли. Он выражает пожелание, чтобы все сочувствовали «нарочитымъ и достохвальнымъ исправленіямъ царствующихъ благовѣрно»,⁵ и далее рисует внутреннюю деятельность царя следующими чер-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, стр. 171, 172 (Русск. ист. библи., т. XXXI), СПб., 1914.

² Москвитянин за 1842 год, № 11, стр. 91.

³ Ibid., стр. 94.

⁴ Каз. изд., II, стр. 379—381.

⁵ Приложение. По ркп. публ. Библи. имени Ленина в Москве, б. Рум. музея, № 264, XVI в., л. 303. Послание до сих пор оставалось не изданным и не привлекало внимания исследователей средневековой русской литературы. Оно не имеет отдельного заглавия и прямо начинается на л. 302 следующими словами: «Да исчезнет от всякыхъ благочестивыхъ мысли лъжа и ласканіе и завистливъ нравъ, такожде да исчезнет всяко неправодѣство и лихорадство, да множит же ся всяко праводѣство и истина и християнолѣпенъ нравъ и кротость»... В пользу

тами. Царь правит царство правдою и правосудием, своими «премудрѣйшими умышленіи и строеніи»¹ очищает его от разбоя, кровопролития и всяких преступлений, от клеветников, от волшебной «прелести» и сатанинских играний. И действительно, результат реформ налицо. Земля, раздираемая прежде злодействами и неправдой, успокоилась. Как в древности при знаменитых царях Александре Македонском и Августе-Кесаре страны их благоденствовали, так и теперь Русь, управляемая предобрými и премудрыми велениями Ивана Васильевича, пользуется внутренним миром. Послание заканчивается просьбой Максима о милости и помощи царской, которой ждет он, чтобы с веселым сердцем приносить молитву богу о благоверной державе. Эти молитвы приносит он непрестанно, и теперь, хотя не сподобился видеть царского лица, но услышав об «исправлениях и строениях»² царских, исполнился духовной радости.—Представляя живой отклик на события своего времени, рассматриваемое послание находится в самой тесной связи с памятниками законодательной работы 1551 г. Самые термины «исправления и строения» не раз употребляются в Стоглаве. Так, например, в рассказе о созваніи собора говорится: «Доблїй же онь миротворець, державный самодержець, прекроткїй царь Иванъ, мнзѣмъ разумом и мудростїю венчанъ и в совершенномъ благочестїи царство съдръжа, осїаваемъ благодатїю божественного духа, зѣло воспалился утробою и с теплымъ желанїемъ подвижесе не токмо о устроенїи земномъ, но и о многоразличныхъ

принадлежности послания Максиму Греку ясно говорят не только язык его, представляющий такие формы, как например род. пад. множеств. числа на «-хъ»: еллинѣх, халдеех, но и содержание, в котором мы снова встречаемся с просьбой, характерной для всех почти посланий Максима Грека к царю. Максим и здесь умоляет царя избавить его от претерпеваемых бедствий и страданий: «помощи царскыя... да сподоблюся получитьи и азъ окаянный, лѣта ужь доволна удръжимъ и различными обстояніи озлобляемъ и, яко же лодїа въ пучинѣ, безпрестанно обуреваемъ всякыми тревоженїи. Ущедри мя, благовѣрнѣйшїй царю, и многолѣтнаго злобленїа благоизволи избавити мя щедротъ ради всемилостиваго бога» (л. 304). «Исправления и строения», о которых идет речь в изложенном послании, очевидно, относятся к эпохе 1550, 1551 гг., когда состоялся Стоглав и был проведен ряд реформ как церковно-православного, так и политического характера. Послание писано, вероятно, в 1551 г. Позднее появиться оно не могло. Во-первых, Максим Грек в конце послания замечает, что он не сподобился видеть царского лица. Нам же известно, что Максим видел царя в 1553 г., как об этом свидетельствует Курбский. Сочинения кн. Курбского, т. I (Русск. ист. библ., т. XXXI), СПб., 1914.—(Ср. В. С. Иконников. Максим Грек, стр. 537—538, 2-е изд., Киев. Во-вторых, просьба о помощи царской, об избавлении от многолетнего озлобления, дает понять, что в то время автор еще был заключен в Тверском монастыре. А так как освобождение Максима Грека из заключения и переселение его к Троице относится ко второй половине 1551 г., то послание, очевидно, писано весной этого года.

¹ Приложение. По ркп. Публ. библ. имени Ленина в Москве, б. Рум. музея. № 264, л. 303 об.

² Ibid. л. 304.

церковныхъ исправленіи, и возвѣщаетъ сіе отцу своему пресвященному Макарію, митрополиту всея Руси». ¹ То же самое еще яснее видно в писанинѣ царя, представленном на собор, где он обращается к отцам собора с следующей просьбой: «бога ради и пречистые богородицы и всѣхъ святыхъ ради потружайтеся по еже исправить истинная и непорочная наша христіанская вѣра, еже от божественаго писанія, во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единокровнымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе». ²

Описание преобразовательной деятельности царя в послании также указывает на церковные и земские реформы 1550, 1551 гг. Максим Грек говорит, что царь очищает царство от «вльщебныа прелести и всяческихъ сатанинскихъ играній чювственныхъ бѣсовъ, слуговъ антѣхристовыхъ, пленящихъ душа вѣрныхъ въ всякихъ богомръзскихъ блуженіи». ³ Стоглав вполне подтверждает справедливость этихъ слов, когда восстаетъ противъ игрищъ «эллинскаго бесованія», противъ волхвованія и чародеянія, говоря между прочимъ, что «играніе всему злу начало естъ и погубленіе веліе». ⁴ В Словахъ Максима, что царь правитъ царство «всякою правдою и правосудіемъ», очищаетъ его «премудрѣйшимі умышленіи и строеніи отъ всякаго неправованія, разбойничества же и кровопролитія неправеднѣйшихъ и клеветникъ бездушнѣйшихъ» ⁵— нельзя не видѣть указанія на те мѣры, которые в 1550, 1551 гг. предприняты были правительствомъ в целяхъ правосудія. Таково в особенности исправленіе Судебника, относящееся къ 1551 г. Наконецъ, Максим Грекъ говоритъ объ умиротвореніи земли, какъ результате мудрыхъ веленій царя: «Утѣшила(ся) же и при тебѣ, благовѣрнѣйшій самодръжче нашъ, отъ различныхъ злобы и неправодѣльства велеименитаа страна всея Руси, управляема предобрѣйшѣ твоими премудрыми умышленіи и велѣніи». ⁶ При этихъ словахъ, кроме упомянутыхъ уже мѣръ, невольно припоминаются те мѣры умиротворенія и примиренія, предпринятые в 1550 г., после которыхъ должны были исчезнуть вражда и злоба между царемъ и боярствомъ, между кормленщиками и землей. ⁷

¹ «Царьскія вопросы и соборныя отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ» (Стоглав), стр. 18. Москва, 1890.

² Стоглав, стр. 24.

³ Приложение. Ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москвѣ, б. Рум. музея, № 264, л. 303 об.

⁴ Стоглав, стр. 385.

⁵ Приложение. Ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москвѣ, б. Рум. музея, № 264, л. 303 об.

⁶ Ibid., л. 303 об.

⁷ Сомневаясь в подлинности речи Грозного по Степенной Книгѣ, имеемъ однако в виду «царское рукоисаніе», представленное на Стоглавыи соборъ и рѣчь Грозного на Стоглавомъ

§ 14. Характеризуя взгляды Максима Грека на идеальные задачи царской власти и отношение его к политике 1547—1551 гг., интересно также ближе подойти к вопросу, как мыслил Максим отношения царя к духовенству во главе с митрополитом, боярству и воинству в отдельности. Хотя материал для освещения этого вопроса не настолько достаточен, чтобы удовлетворить нас вполне, однако и он должен быть использован, насколько возможно. Отношение царя к духовенству в лице иерархии определяется для Максима, конечно, теми принципами, из которых он исходил, говоря о взаимном отношении светской и духовной власти. Так как идеалом его является взаимная согласованность властей, то он вменяет в обязанность царю выслушивать и принимать от митрополита и епископов полезные советы в делах державы. Об этом он прямо и говорит в одном из посланий к Ивану: «Сице убо почитай ихъ (т. е. митрополита и епископов) и бреги, и полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай, сихъ бо слушаая, самого спаса и царя твоего Исуса Христа слушаешь, но божественному уставу, глаголющу: слушаай васъ мене слушаеть, а отменяйся васъ мене отменяется и пославшаго мя. Видзь, о, благовѣрнѣйшій государю! гдѣ восходитъ, яже къ боголюбивымъ архіереомъ, честь и безчестіе. Страшно слово сіе, о, благовѣрнѣйшій царю, и достойно всякаго храненія и бреженія, аще къ самому вышнему переходить еже ко архіереомъ послушаніе же и преслушаніе наше».¹ В этом же смысле говорит Максим в одном из посланий к Макарию, обращаясь с молитвой к богу за царя и митрополита: «соблюди ихъ, владыко, на многа лѣта, въ мирѣ и утверженіи всякомъ пасущихъ благовѣрное наслѣдіе твое по твоимъ спасительнымъ заповѣдемъ, ового убо апостололѣпно вкупѣ и безъ обиновенія обильнѣ учаща и совѣтующа царю твоему, яже тебя угодная и любимая и елика спосиѣшествуютъ въ снисканіе и утверженіе православныхъ людей твоихъ, ового же благопокорнѣ послушающа и приѣмлюща архіерейскія совѣты и поученія и дѣломъ совершающа, яко да обоими прославляется всесвятое имя твое предъ всѣми окрестными языки».² Считая право и обязанность совета принадлежащими прежде всего иерархии, Максим Грек не ограни-

сборе, в которой он говорил между прочим: «въ предъидущее лѣто билъ есиама челоуи съ бояры своиама о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помирится на срокъ и бояре мои всѣ приказные люди и корменщики со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлехъ». Стоглав, стр. 24, изд. 2-е, Казань, 1887.

¹ Каз. изд., II, стр. 352, 353.

² Ibid., II, стр. 360.

чивается этим. Он думает, что советовать царю может всякий человек, способный дать совет, полезный обществу и отвечающий интересам времени. И власть должна выслушать и принять к сведению полезное, хотя бы оно предложено было человеком, стоящим на низшей ступени. В послании вел. кн. Василию Ивановичу, впервые издаваемом нами, Максим Грек замечал об этом: «Сія же писах къ высоге крѣпкаго и чествуемаго царствіа твоего, надѣявсья въ ми(ло)сть его и в дарованную ему от бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ съвѣтовати, что полезно обществу и времени присгоящее, избираеть же благоразумно ползующаа, аше и от худѣйшаго будугь реченаа».¹ Итак право совета с точки зрения Максима не есть чья-либо исключительная привилегия. Советников нужно выбирать, руководствуясь качеством советов. В «Главахъ поучительныхъ» он говоритъ Ивану: «Дивна совѣтника и доброхотна твоему царствію оного возми, не иже чрезъ правду на рати и воеванія вооружаетъ тя, но иже совѣтуетъ тебѣ миръ и примиреніе любити всегда со всѣми окрестными сосѣды богохранимыя ти державы».² Предполагать у Максима Грека мысль об ограничении царя советомъ именно боярскимъ нетъ никакихъ оснований.³ Даже в первые годы деятельности Максима в Москвѣ, когда он былъ особенно близокъ къ боярству и в своей чудовской келии велъ не только академическія бесѣды съ культурнейшими его представителями («спиралися межъ себя о книжномъ», по словамъ келейника), но и принималъ опальныхъ и наедине разговаривалъ съ ними о политикѣ, даже тогда взгляды его далеко не отвѣчали чаяніямъ оппозиціоннаго боярства. Однажды во время одного изъ такихъ разговоровъ известный боярин-консерватор Берсень-Беклемишев высказалъ ему свое недовольство переменной порядковъ со времени появленія в Москвѣ вел. кн. Софьи и жаловался на вел. князя, что тотъ все дела рѣшаетъ запершись самъ-третей. Берсень виделъ в этомъ нарушеніе старыхъ обычаевъ и мрачно смотрѣлъ на будущее. Онъ говорилъ Максиму: «Максимъ господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слышали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычи свои, и та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычи князь велики перемѣнилъ; ино на насъ котораго добра чаяти?». Максимъ отвѣтилъ на это Берсеню: «господине, котораа земля преступаетъ заповѣди божьи, та и отъ бога казни чаетъ, а обычи

¹ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинградѣ, f. XVII, № 13, л. 81 об.

² Каз. изд., II, стр. 162.

³ Нельзя поэтому согласиться съ мнѣніемъ Вл. Вальденберга, который предполагаетъ у Максима Грека мысль об ограничении царя боярскимъ советомъ, и пытается объяснить ее какъ отголосокъ чужихъ мнѣній (Древнерусскіе учения о пределахъ царской власти, стр. 261—265, II., 1916).

царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лутче государству его».¹ Мысль Максима была выражена в этих словах совершенно ясно: он далек был от настроения Берсена. И позднее культурная близость Максима с лучшими представителями московского боярства, как мы знаем, не помешала ему в малолетство Грозного безбоязненно выступить против злоупотреблений боярской власти. Максим Грек оценивал роль боярства не с точки зрения узких симпатий, подсказанных традиционными боярскими интересами. Им руководило более широкое понимание роли боярства в изменяющихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти, но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства: князья и бояре для него — «соначальники» и «спосѣшники»² великого князя и царя. В другом месте он говорит о «соправящихъ царю» «православныхъ князехъ и боярехъ»³ и, обращаясь к Ивану, напоминает, чтобы он берег, почитал и обильно одарял «пресвѣтлыя князи и боляры и воеводы преславныя».⁴ Со стороны бояр и воевод Максим особенно необходимым считал правду, справедливость и взаимное «единомысліе» и «друголюбіе», намекая, очевидно, на частые споры, вызывавшіеся местничеством. В послании к одному боярину и князю озаглавленном: «Къ начальствующимъ правовѣрно, о исправленіи. Рассуждайте богоугодно, вкупѣ же и чловѣколюбно», он пишет, что идеальную земскую державу, руководимую премудростью благовернаго царя, растворенною правдою, кротостию, заботой о подданных, любят все соседи за правоту и справедливость соправящих царю ее православных князей и бояр; с этой державой все хотят жить в мире, вследствие должной заботы держащего в ней царский скипетр о воинском деле и более всего благодаря единомыслию и дружбе между собою бояр и воевод: ибо крепче и страшнее этого нет ничего для врагов. Далее, в том же послании, Максим снова подчеркивает высказанную мысль: «Не солгахъ убо, повыше рекъ: ничто же крѣпчае, ниже страшнѣе быти супостатомъ единомысліе боляромъ, еже другъ ко другу, и правды ихъ, ихъ же сподобляются отъ прилежнаго храненія заповѣдей и велѣній, всевладушаго самого имѣюще поборающа по нихъ и заступающа».⁵ Вопрос об отношении идеального царя к боярам и воеводам и о том, каков должен быть воевода, видимо, интересовал Ма-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I, № 172, стр. 142, СПб., 1836.

² Каз. изд., II, стр. 419.

³ Ibid., стр. 338.

⁴ Ibid., стр. 353.

⁵ Ibid., стр. 340, 341.

ксима Грека. Специально на эти темы мы находим у него два переводных отрывка. В первом из них рассказывается об Александре Македонском.¹ Когда все правители греческой земли единодушно избрали Александра своим царем и перед походом против персов вокруг него собралось «премного благородных государех и княз и властелех», Александр, видя их усердие и готовность, «все головы своя положити за отечество свое», сейчас же щедро наделил их, раздав все свое Македонское царство: города, волости, села, имущество. Все были удивлены и обратились к Александру с вопросом: «Царю Александре, государю, вся твоя намъ роздавалъ, а себѣ что еси оставилъ?» Александр им ответил: «Себѣ есмь оставилъ надѣжы, рекше, что въперед добуду вашими труды и подвигы, то себѣ оставилъ». Отрывок заканчивается дидактическим резюме, которое ставит Александра в пример всякому государю и воеводе: «Таковому подобаеть быти всякому преславному государю и воеводѣ пресловутому: воинолюбцу, а не самолюбцу, подвиголюбцу и трудолюбцу, а не лѣнливу и пищелюбцу, на полях за все съ вой своими въворяющуся въ шатрѣх, а не в теплых и прекрасных хранинах и частых мыльнх, аще въ истину желает свою убо державу крѣпити отвсяду, а своя недруги смирити».² Другой переводный отрывок взят из Свиды и озаглавлен: «О архистратигѣ еже по-русски воевода, какову ему быги во исправленіи земстѣмъ».³ Идеал военачальника и воеводы рисуеться здесь такими чертами. Велизарій архистратиг был телом прекрасен, ростом высок, обходителен, настолько скромен и доступен для обращавшихся к нему с жалобами, что с нищими и людьми незнатными держал себя, как равный им. Сочувствие и любовь к его воеводству со стороны воинов и сельских жителей были велики; ибо воинов он щедро одарял больше всех, страдания получивших раны в сражении облегчал, наделяя их большими именьями; проявивших особую храбрость награждал гривнами и золотыми цепями; а кто из воинов лишился в бою коня или лука, тому Велисарій возмещал утраченное. К сельским жителям Велисарій относился так мило-стииво и бережно, что они никогда не подвергались насилию со стороны воинов во время его воеводства; все они продавали по справедливой цене, и когда цвели посевы, он строго наблюдал, чтобы кони, проходя, не потоп-

¹ Отрывок этот находится в рукописи Публичной библиотеки им. Ленина в Москве, б. Румянцева Музея № 264, XVI в., на лл. 18, 18 об. и печатается нами в приложении. За принадлежность его Максиму говорит язык (формы род. пад. мн. ч.: «государех», «властелех»).

² Приложение. По ркп. Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Рум. музея, № 264, л. 18, л. 18 об.

³ Каз. изд., III (1897 г.), стр. 193, 194.

тали их; когда же поспевали плоды, не позволял их касаться. Был он, кроме того, целомудрен и украшен всякими добродетелями.

Боярство в представлении Максима не занимает исключительного положения. Везде рядом с ним он ставит и воинство. Мы уже видели, что в «Главах» Максим говорит царю не только о боярах и воеводах, но и о воинах: «Такожде и сущая о тебѣ пресвѣтлыи князи и боляры и воеводы преславныи и добляя войны и почитай и бреги и обильно даруй; ихъ бо обогащая, твою державу отвсюду крѣпиши и ограждаеши».¹ Вообще для государства Максим считает очень важной заботу о «воинственныхъ дѣлехъ»;² она необходима и в интересах силы государства, и в интересах мира, так как с идеальной державой все соседи желают жить в мире «праведнаго ради прилежанія же и бодрости о воинственныхъ дѣлехъ держащаго царскіе скипетры ея».³ Деятельная любовь к войску — необходимое качество царя и воеводы. Взгляд Максима может быть иллюстрирован еще новой цитатой. В неизданном послании вел. кн. Василию Ивановичу он говорит между прочим, что, предпринимая войну, надо «воскрылить» дух войска дарами и «изострить» возбуждающими мужество речами: «Въскрилимъ нашихъ многихъ и добрыхъ сущихъ царскими дарованіи и изостримъ ихъ благими словесы и подвизательными, и каковыми великий въ царѣхъ Ираклій, на Перьсыду устремився, изострилъ ест своихъ».⁴

Итак Максим заранее предвосхищал заботу о воинстве-дворянстве, характерную для первых лет царствования Грозного. Кроме приведенного выше свидетельства Курбского «о стратилатскихъ чинахъ», припомним также показания летописей. Никоновская летопись и так называемая Царственная книга под 1551 г. так рисуют заботы царя о «воинахъ»: «...многое множество раздаваше, паче же своихъ воиновъ жалуючи: въ преднихъ бо лѣтописцѣхъ такихъ расходовъ не пишеть, каково государь жалованіе къ своимъ и ко всѣмъ приходящимъ показуетъ; богъ бо вложи въ сердце его, хотя помиловати родъ христіанскій, избавити отъ нападенія варварскаго и свободити родъ христіанскій на вѣки отъ бесерменства. И видѣвъ такую его любовь и жалованіе и на всякъ часъ попеченіе о людехъ, порученныхъ ему отъ бога, и всѣ почали тщитися, какъ за бога и за него государя пострадати, а окрестныи страхъ и ужасъ на собѣ имѣти. И не исписати бо сего, какъ призвалъ бога на помощь и на конь свой сѣлъ, како строити

¹ Каз. изд., II, стр. 353.

² Ibid., стр. 338, 339.

³ Ibid.

⁴ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, f., XVII, № 13, л. 80.

учаль вѣинство свое, богу ему такъ пособствующу»¹ ... Аналогичную картину дает и Казанский летописец. И здесь в таком же свете рисуется отношение царя к ратным, служилым людям. Рассказывается, что царь, видя запустение своей земли от нападения крымцев и казанцев, скорбел и молился: «да вразумитъ его богъ то же языкомъ воздати, еже они христьяномъ воздаша. И смѣти по всей области своей ратныхъ людей служивыхъ ему, и любля и(хъ) и брежапше старыя яко отца, средовѣчныя яко братію, юнныя же яко сыны, всѣ почиташе честми прилѣжными. И отъ сѣго самодержца почашася воемъ быти трудъ великъ и печали велицы, и брани, и кровопролитіе, обещашеся копыя, и мѣдныя щиты, златыя шлемы и железныя одеянія на всѣхъ. Яко разуме, яко мощно есть, божіею помощію и съ тѣмъ своимъ воинствомъ, бреши землю свою со всѣхъ странъ отъ поганыхъ языкъ, и еще ново прибави (к)ъ нимъ огненныхъ стрелцовъ много, къ ратному дѣлу гораздо изученыхъ и главъ своихъ не шадящихъ, а въ нужное время отцы и матерей и женъ и детей своихъ забывающи, и смерти не боящеся, ко всякому бою, аки къ велице которой корысти или къ медвяной чаше цареве, другъ друга напередъ течаху и силно бѣхуся, и складаху главы своя неместно за вѣру христьянскую и за любовь къ нимъ царскую, забывая жены своя и дѣти».²

Когда взято было Казанское царство, мысль о воинстве, положившем свою жизнь при его взятии, была настолько жива у Максима Грека, что он, несмотря на свои преклонные годы, решительно и безбоязненно заступился перед Иваном за вдов и сирот этого воинства. В 1553 г. Иван проезжал через Сергиев монастырь, направляясь по обету в Кириллов с царницей и новорожденным сыном, и остановился в Сергиеве на три дня. Максим, находя царский обет неразумным, мужественно выступил перед царем, и, отговаривая его от далекой поездки с женой и младенцем, советовал лучше исполнить долг по отношению к убитому воинству: «Аще, рече, и обещался еси тамо ѣхати, подвижуще святаго Кирила на молитву къ богу; но обѣты таковыя съ разумомъ не согласуютъ. А то сего ради: егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христьянскаго храброго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже брашася съ ними крѣпце по бозѣ за православіе, и тѣхъ избѣенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обещадели, во слезахъ многихъ и въ скорбехъ

¹ Полное собрание русских летописей, т. XIII, перв. полов., стр. 166. Ср. там же, т. XIII, вторая полов., стр. 467.

² Полное собрание русских летописей, т. XIX, История о Казанском царстве (Казанский летописец), стр. 44, 45, СПб., 1903.

пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тобѣ пожаловати и устроити, утешающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели тѣ обещанія не по разуму исполняти. А бог, рече, вездѣ сый все исполняетъ и всюды зреть недреманнымъ своимъ окомъ...» Но царь не послушался, твердя свое: «ѣхати, да ѣхати ко святому Кирилу».¹

§ 15. На этот раз напоминание об убитом воинстве было вместе с тем заступничеством за вдов и сирот. Здесь мы подходим еще к одной черте взглядов Максима на власть, тесно связанной с основами его миро-созерцания. Исходя из евангельских заветов Христа, Максим Грек был убежден, что милосердие к нищим составляет главный долг человека, неразрывно связанный с любовью к богу и к ближним. Он говорил: «Милость, яже къ нищимъ и яже отъ чистаго сердца къ самому господу и всѣмъ чловѣкомъ любы, то есть все, еже взыскуетъ отъ насъ Христосъ богъ, ихъ же кромѣ вся прочая безъ уснѣха суть: и воздержаніе отъ брашенъ и долги подвиги молитвенніи».² Дух милосердия к нищим и убогим, вдовам и сиротам проникает всю публицистическую деятельность Максима. Он составляет животворящую и зиждущую силу всех его обличений. Поэтому и в вопросе об идеальной власти милосердие к нищим, убогим и заступничество за обидимых возводятся в число важнейших обязанностей царя, и Максим, сказав об отношении царя к духовенству, боярству и воинству, продолжает: «вдовы и сироты, убогія обидимы, да не презрѣши въздыхающа и слезы горькія проливѣюща предъ отцемъ сирыхъ и судією вдовицъ и предстателемъ убогихъ. Не полезно бо твоей державѣ сичево презрѣніе и нерадѣніе, ни что же иво прегрѣшеніе наше толь прогнѣваетъ неисчетную благость вышняго и на отпщеніе обидимымъ воставляетъ его, елико въздыханіе и слезы, писано бо есть святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: озлобленія ради нищихъ и въздыханія убогихъ нынѣ востану, глаголетъ господь, и прочая».³ Искренняя любовь к обиженным проникала и литературную деятельность Максима и всю его жизнь. Мы знаем неоднократные случаи его заступничества. И еще в царствование Василия III эта деятельная любовь, повидному, навлекла на Максима обвинения. По крайней мере, когда в 1525 г. он был привлечен к суду по делу Берсеня-Беклемишева, ему пришлось оправдываться по поводу какого-то обвинения, текст которого до нас не дошел, но ответ Максима сохранился, и он весьма интересен: «Да Мак-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, стр. 208, 209, СПб., 1914.

² Каз. изд., II, стр. 33.

³ Ibid., II, стр. 353.

симъ же говорилъ: истинну, господине, вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого есми того не слыхалъ и не говаривалъ ни съ кѣмъ, а мнѣньемъ есми своимъ то себѣ держалъ въ сердци: вдовици плачють, а пойдетъ государь къ церквѣ и вдовици плачють и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ; и язъ за государя молилъ бога, чтобы государю богъ на сердце положилъ и милость бы государь надъ ними показалъ».¹

§ 16. Переходя к взглядам Максима Грека на внешнюю политику Московской Руси, мы вступаем в область, особенно нуждающуюся в объективном освещении. Оно необходимо ввиду недостаточности данных, которыми мы до сих пор располагали, оно важно для понимания самого Максима. Начнем с предварительных соображений о том, что может считаться вполне ясным и не вызывающим возражений. Нет сомнения, что в Максиме было чрезвычайно сильно и ярко греческое сознание. Прибыв в Россию человеком, окончательно сложившимся, уже ранее в Италии и на Афоне выработавшим и путем внутренней борьбы выстрадавшим свои убеждения, Максим, несмотря на долгие годы жизни на Руси и активное участие в идейном творчестве русской жизни, до конца дней своих остался истым греком. В своем «исповѣданіи православной вѣры», написанном в малолетство Грозного, он прямо заявлял, что дело его по обвинению в отступлении от православной веры подлежит суду вселенского патриарха, а не русского митрополита: «Грекъ бо азъ и въ гречестѣй земли и родився и воспитанъ и постригся въ иноки. Сего ради и греческыя земли святителемъ повинень есмь по божественнымъ правиломъ и уставомъ святыхъ соборъ».² Очень характерны и неоднократно на протяжении многих лет повторяющиеся просьбы Максима отпустить его в родной Ватопед, где он трудился с юности, где его ждут, где он хочет сложить свои кости. Устойчивый национальный облик Максима естественно мог приводить его к столкновению с отдельными чисто-русскими тенденциями как в сфере церковных отношений, так и в области внешней политики. Самый факт таких противоречий несколько не удивителен, но тем серьезнее необходимость внимательно проследить, как разрешал их сам Максим. Одно из противоречий, рано вскрывшееся, касалось вопроса об отношении русской церкви к константинопольскому патриарху. После падения Византии в Московском государстве стало все более и более распространяться мнение, что свет греческого православия меркнет, и русским митрополитам не следует получать поставление от царе-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук, т. I, стр. 142, прим. СПб., 1836.

² Каз. изд., I, стр. 30, изд. 2-е.

градских патриархов в области, подвластной туркам. Эти вполне понятные стремления к автокефальности не получали однако церковно-юридической санкции и приводили к актам односторонним и случайным, которые Максим Грек не мог иначе квалифицировать как самочинные. Еще в первые годы пребывания своего в Москве он упрекал современников за непоминовение имени патриарха при богослужении, за поставление митрополитов в Москве, а не в Царьграде; он допытывался, на каком основании митрополиты русские ставятся не по прежнему, старому обычаю, у патриарха цареградского. Ему отвечали, что патриарх цареградский дал благословенную грамоту русским митрополитам — «поставлятися имъ волно своими епископы на Руси». Но Максим Грек, как ни искал этой грамоты, не мог ее нйти.¹ Упреки Максима оказались дерзкими и включены были в число обвинений, предъявленных ему на соборах 1525 и 1531 гг. Но, по словам историка церкви: «относительно всего, что читается в обвинении (по этому вопросу), вина Максима состояла единственно в том, что он смел говорить русским неприятную для них правду, на которую они не в состоянии были отвечать ему что-нибудь удовлетворительное».² Глубоко убежденный в своей правоте, Максим Грек не только устно отстаивал свою мысль, но мотивировал ее в особом произведении, написанном, вероятно, по поводу возведения в митрополиты Даниила в 1522 г. Это «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своимъ рукописаниемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати поставления на митрополию и на владычество отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патриарха аки во области безбожныхъ турковъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не приимати».³ Здесь Максим говорит, что отказ принимать рукоположение от римского папы вполне правилен, ибо папа отпал от «лика православныхъ архіереевъ», но отказ признавать рукоположение константинопольского вселенского патриарха совершенно непонятен. Если рукоположения его гнушаются на том основании, что правоверные цари изгнаны из Царьграда и их заменили неверные, то нужно помнить, что власть нечестивых никогда не может осквернить святость: ведь и в первые триста лет свята церковь, несмотря на власть гонителей христианства, во всем мире сияла, как солнце, посреди нечестия и ни один народ не отлучался от нее, как от оскверненной властью нечести-

¹ Чтения в Обществе истории и древностей рос., 1847 г., № 7. Список с судебного списка, стр. 5, 13.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. полов., стр. 714. М. 1900.

³ Каз. изд., III, стр. 126, 1897.

вых. Кроме того, святительство выше царства, ибо, «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителейъ».¹ Падение царской власти в Византии еще не влечет за собой падения святительства; хотя и изгнаны судом Божиим мирские цари, но духовно царствующий не отвергнут Богом. Ту же мысль о неизменности святынь развивал Максим и в другом своем произведении, по поводу подобного же национально-церковного увлечения на этот раз одного из своих собеседников, который находил, что в нынешнее время имя Иерусалима должно принадлежать Москве, так как старый Иерусалим стал непотребен, в течение многих лет находясь во власти нечестивых сарацин. Данное произведение Максима так и озаглавлено: «Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николи же, аще и многа лѣта обладаеми суть отъ поганыхъ».² Максим обращается к истории Иерусалима, вспоминает факты языческого владычества и доказывает, что и прежде, несмотря ни на что, святыни иерусалимские не падали, и благодать свыше, пророческий дар и чудеса не оскудевали. Власть сарацин над Иерусалимом оскверняет не его, а их самих, злочестиво и скверно в нем живущих. Вообще города благоверных и находящиеся в них святыни оскверняются только тогда, когда живущие в них, отступив от христовой веры и честной жизни, принимают богомерзкие обычаи и бесовское учение безбожных агарян; но доколе они держатся крепко благочестивой веры и за нее доблестно терпят всякие скорби и различные напасти от безбожных агарян или злочестивых еретиков, города их уподобляются темницам, в которые древле заключали мучеников, а сами они, страждущие подобно им, справедливо будут названы исповедниками и живыми мучениками. Защищая святость древнего Иерусалима и возражая против перенесения его имени на Москву, Максим считает необходимым снять с себя возможный упрек в зависти к «преславнѣйшему граду Москвѣ». Такую зависть от считает неистовством, безумием и говорит о своей постоянной любви к Москве и Московской державе: «азъ бо изъ начала и возлюбихъ и почтохъ славный градъ Москву, и всегда люблю, и въ чести множайшей имамъ, и молюся о немъ выну, яже лучшая и полезная ему и яже о пребитіи и утверженіи благочестивыя державы его въ безконечныя вѣкы».³ Но, по убеждению Максима, почитать какого-нибудь человека, или город, или страну выше достоинства их служит для них более в укоризну, чем приносит славу и похвалу.

¹ Каз. изд., III, стр. 127. 1897.

² Ibid., стр. 127.

³ Ibid., стр. 128.

Взгляд Максима Грека на отношение московского митрополита к константинопольскому патриарху, мотивированный неоскверненностью святынь, хотя и вызвал против него обвинения, однако, повидимому, имел и свое положительное действие. В Исповедании веры, произнесенном Иоасафом при поставлении в митрополиты в 1539 г., не только совсем не говорится об отказе принимать поставление от цареградского патриарха, но выражается, наоборот, признание вселенских патриархов: «во веъмъ послѣдую и по изначальству согласуя всесвятѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ».¹

§ 17. Другое столкновение национальных устремлений Максима с отдельными русскими течениями входит в область наших отношений к татарским ханам и к турецкому султану. Как горячий патриот, преданный Византии, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и об ее политическом возрождении. Он не думал, что Византийская царская держава восстановится такой, как и была прежде: подобная мысль казалась ему обольстительной и суетной;² но он верил в политическое возрождение Византии под властью православного царя из династии московских государей и эту надежду открыто и ярко выразил уже в послании вел. кн. Василию Ивановичу, написанном вслед за окончанием перевода толковой псалтыри, т. е. в 1519 г.: «Буди намъ нѣкогда царствовать отъ нечестивыхъ работы свободенымъ тобою, — писал он великому князю, — вся бо возможна и удобъ совершаема всѣхъ владыцѣ и, якоже древле отъ нижнихъ галловъ воздвигнуть великаго во царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентіа, сице и нынѣ новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ агарянь, благочесливѣйшею державою царствіа твоего да изволитъ свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолъ наслѣдника покажетъ и свободы свѣтъ тобою да подастъ намъ бѣднымъ, милостію и щедротами его».³ Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. Между тем московские дипломаты двадцатых годов, повидимому, увлеченные турецкими победами, несмотря на призыв, шедший с Запада, — ополчиться вместе против турок — настойчиво добивались именно союза с султаном. Таким образом они надеялись разрешить свои очередные задачи, избавиться от своих ближайших, наиболее беспокойных врагов — Крыма и Литвы. По

¹ Е. Голубинский. История русск. церкви, т. II, 1, стр. 740. М., 1900.

² Каз. изд., I, 1894. «Инокъ Максима Грека Слово 2-е о том же къ благовѣрнымъ, на богоборца пса Моамеа, въ немъ же и сказаніе отъ пасти о кончинѣ вѣка сего», стр. 116.

³ Каз. изд., II, стр. 318—319.

словам исследователя,¹ опубликовавшего документы московских сношений с Турцией с 1522 г. по 1533, «наши дипломаты выработали и старались осуществить следующий план: Московское государство заключает союз с Турцией, который сулит при своем осуществлении блестящие перспективы. Турецкий султан как союзник удерживает своего вассала крымского хана от набегов на Украины «своего брата» московского, великого князя. А так как хан крымский не мог существовать с своей ордой без набегов на чужие земли, то московские дипломаты, предвидя это, предусмотрительно указывали ему на Литву, которую отдавали ему «на поток и разграбление», причем не прочь были в этом деле помочь туркам и крымцам». Но союз с Турцией, которого настойчиво добивались в течение нескольких лет, встретил серьезные препятствия. Таким послужил прежде всего вопрос о Казани. Василий считал Казань своим юртом (вассалом), между тем Казанский царь Саип-Гирей обратился к султану и «заложился» за него, и турки претендовали считать Казань своим юртом. С другой стороны, у Турции не было непосредственного интереса к заключению союза со столь далекой от нее Москвой. И, наконец, против союза России с Турцией были греки, действовавшие как в Турции (султанский казначей грек Абессалом и близкий к нему грек Адриан), так и в России, и прежде всего сам турецкий посол Скиндер, грек по происхождению. После его смерти (в 1529 г.) в числе бумаг его нашли донесения султану, будто в Москву пришел один пленник из Азова и рассказывал, что турецкие войска потерпели поражение от венгерского короля, и будто великий князь, узнав об этом, обрадовался и велел звонить в колокола. Когда дело союза с Турцией потерпело окончательное крушение в 1530 г., вся вина за неудачу возложена была на греков. Отсюда и объясняются те политические обвинения, которые были выдвинуты на соборе 1531 г. и против Максима и против другого грека Саввы, архимандрита Спасского монастыря. В переложении В. С. Иконникова обвинения эти заключались к следующему: «Вы пришли из Святой Горы из турецкой державы к благочестивому и христоробивому государю царю и вел. князю Василию Ивановичу, ради милостины, и государь вас жаловал милостынями и всем изобилием и многие дары посылал в ваши монастыри и чество великою почитал, и вам следовало за государя бога молить и за всю его державу, о здравии, спасении и одолении врагов, а вы с Саввою, вместо блага, умышляли зло, советовались и посылали грамоты турским пашам

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст., стр. 19. Москва, 1916.

и к самому турецкому царю, подымая его на благочестивого и христолюбивого государя и вел. князя Василия Ивановича всея Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратует вел. князь Казань, да его не будет и турецкий царь сразу не потерпит». «Да вы же ведали советы и похвалы турецкого посла Искандера, который хотел поднимать турецкого царя на государя и вел. князя и на всю его державу». «Да ты, Максим, то ведал, а государю вел. князю и его соярам не сказал. Да ты же говорил многим людям: быть на русской земле турецкому султану, потому что султан не любит сродников цареградских царей, а князь великий Василий внук Фомы Аморейского. Да ты же, Максим, вел. князя называл нечестивым гонителем и мучителем, как и прежние нечестивые гонители и мучители были. Да ты же, Максим, говорил: вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турецкого. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турецкий царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать».¹

Наиболее определенное и мотивированное мнение по поводу обвинений Максима, касающихся вопросов внешней политики, принадлежит, как известно, Голубинскому. О первом из них, особенно тяжком, Голубинский говорит так: «Обвинение на Максима с Саввой, будто они посылали грамоты к турецким пашам и к самому султану, поднимая султана на великого князя, не только представляет pendant к обвинению Максима в ереси, но нечто и еще гораздо более удивительное и в своем роде совершенное. Два греческие монаха, живущие в Москве, затевают такое дело, как посредством своих писем к султану возбудить последнего к войне против великого князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вероятное. И для чего монахи пожелали бы возбудить султана к войне? Чтобы он завоевал Россию? Но какая бы была монахам польза от этого и была ли хоть одна, не совершенно скотская душа в Европе, которая желала бы, чтобы какая-нибудь страна была завоевана турками? Но положим, что совершенно невозможное было возможно; султан, вовсе не помышлявший о том, чтобы воевать против России, о чем по географическим условиям помышлять ему было бы и совсем нелепо, находился тогда в таких отношениях с великим князем, что письма монахов тотчас же были бы доставлены в Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвинение имело хоть тень правды, то вместо заточения в монастырях, которым подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 465, 466. Изд. 2-е. Киев, 1915. Слово «испугавшись» пропущено у В. С. Иконникова; в подлиннике ему соответствует: «изробѣвъ».

смертную казнь, какую только можно выдумать. К обвинению, вероятно, подала повод какая-нибудь нелепая клевета, и хотя ему не верили, но так как нужны были обвинения для комедии суда, то поспешили сказать: давай и его сюда и, чем страшнее, тем лучше. Что касается до речей Максима и Саввы: ведет великий князь войну против Казани и пр., то очень могли они говорить что-нибудь в том роде, что великий князь может поссориться этой войной с султаном и что ссора с последним есть нечто не совсем приятное; но и тут не невозможно, что Максиму с Саввой усвоены были речи, которые говорили не они».¹

Второе обвинение, касающееся того, что Максим и Савва знали про замыслы и похвальбу турецкого посла Скиндера, который похвалялся поднять султана прогив государя, и Максим, зная про это, не донес великому князю и его боярам, Голубинский разъясняет так: «Турецкий посол или точнее посланец Скиндер, родом грек (князь Мангупский), несколько раз приезжавший в Москву при Василии Ивановиче не столько для переговоров государственных, сколько для закупок султану русских товаров (мехов), и между прочим находившийся в Москве перед временем опалы Максима, вел себя у нас нехорошо и, может быть, действительно хвалился поссорить султана с великим князем. Знал или не знал Максим что-нибудь про похвальбы Скиндера, если они имели место, мы не можем сказать; но не подлежит сомнению, что великий князь обстоятельно знал обо всем поведении Скиндера помимо Максима. Следовательно ему вменялось в вину только то, что он с своей стороны не сделал доноса».²

Остальные два обвинения относились к разговорам Максима Грека. Максим говорил многим людям: «быть на русской земле турецкому султану, потому, что султан не любит сродников цареградских царей, а князь великий Василий внук Фомы Амореяского». — «Грек и горячий греческий патриот будто бы говорил подобное, становясь на турецкую точку зрения», замечает Голубинский и выдвигает предположение: «Может быть, что по поводу усиленных стараний великого князя Василия Ивановича завязать тесный союз с султанами Максим высказывался совсем в противном смысле, а именно, — что напрасно великий князь сейчас указанное делает, что между ним, как родственником прежних константинопольских императоров, имеющих право на их наследие, и между султаном не может быть искренней дружбы».³

¹ Е. Голубинский. История русской церкви, II, 1, стр. 715, 716.

² Ibid., стр. 716.

³ Ibid., стр. 716.

Наконец, Максиму Греку приписывались слова: «вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турецкого. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турецкий царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать». «Обвинение это, — цитирую опять Голубинского, — непонятно, а именно — не видно в нем, к кому относится: „а сам, испугавшись, побежал“, — к великому князю или хану. Если к великому князю, то мы вовсе не можем указать случая, который бы разумелся. Если к хану, то обвинение нужно понимать так: Максим смеялся над великим князем, что он выдал свою землю крымскому хану, а напротив последнего, когда этот побежал от султана, старался оправдывать, говоря, что ему и нельзя было не бежать, потому что и пр. Что касается до выдачи великим князем своей земли хану, то тут, нет сомнения, разумеется внезапное и страшное нашествие на Москву хана Магмед-Гирея в 1521 г., когда великий князь удалился из Москвы в Волоколамск и когда он увидел себя вынужденным купить у хана мир ценою обязательства платить ему дань. Что Максим мог отзываться о поведении великого князя в сем случае с большей или меньшей критикой, это совершенно возможно».¹

Объяснения Голубинского в большей части своей должны быть приняты: из четырех пунктов обвинений последние два пункта, действительно, сводятся к одностороннему и пристрастному толкованию отдельных критических замечаний Максима, которые могли высказываться им по поводу отношений к султану и к крымскому хану. Второй пункт вменял Максиму в вину, что он не сделал доноса на турецкого посла Скиндера. Замечания Голубинского только по первому обвинению в сношении Максима с Турцией и в том, что он вместе с Саввой подымал султана на великого князя, кажутся не во всем убедительными и вызывают некоторые возражения. На вопрос Голубинского, для чего двум греческим монахам, живущим в Москве, возбуждать султана к войне против великого князя, Дунаев отвечает: «На это мы, во-первых, заметим, что прямой интерес греков мог их побудить сделать это — отыскивать султану врагов, чтобы тем самым скорее добиться осуществления заветной мечты: освобождения Греции от турецкого ига. Во-вторых, мы постараемся расследовать, действительно ли Максим действовал по приезде в Россию сам-друг только».² Дунаев указывает на важную роль отдельных русских греков в посольском деле и, сопоставляя ее с деятельностью турецкого посла грека Скиндера, официально действовавшего от имени Турции, но тайно проводившего известную греческую тенден-

¹ Ibid., стр. 717.

² Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916.

цию, находит, что дело союза с Турцией было провалено партией греков как у нас, так и в Константинополе. Объяснение это очень правдоподобно, оно вносит известную поправку к Голубинскому, но к сожалению не проливает никакого света на отношения Максима Грека к «греческой партии». Сведение о том, что в царском архиве находился списанный у Максима Грека «списокъ съ грамоты, что дали в Святую гору прежніе государи земли», еще не говорит за то, что Максим получил доступ к посольскому делу. Вообще, за неимением реальных данных точка зрения Максима и его деятельность освещаются по аналогии с деятельностью Скиндера, и в глазах Б. И. Дунаева¹ Максим рисуется таким же заговорщиком, каким был турецкий посол-грек. Отсюда — чрезмерная доверчивость к обвинению Максима во враждебных России сношениях с султаном: «Как-то содержание переписки Максима с турецкими пашами и султаном стало известным Московскому правительству. Можно думать, что он отправлял с Скиндером свои «лиживые списки» и что они также попали в руки наших переписывальщиков».² Подобная роль Максима совершенно не согласна с его характером человека, действовавшего открыто, не скрывавшего своих убеждений. Поэтому за исключением приведенной поправки относительно «греческой партии» мнение Голубинского все-таки должно быть признано наиболее обоснованным. Обвинение Максима Грека в том, что он сносился с турецкими пашами и султаном, с целью поднять султана на великого князя — должно считаться клеветой. Клевета эта создавалась, вероятнее всего, по поводу резко отрицательного отношения Максима к союзу с Турцией и столь же отрицательного отношения к каким бы то ни было соглашениям с турецкими вассалами Крымом и Казанью. А речь о грамотах Максима в Турцию могла возникнуть в связи с теми просьбами о своем возвращении в Ватопед, с которыми Максим обращался в Константинополь и которые он передавал, вероятно, через турецкого посла.³ Доверчивость к разбираемым обвинениям должна более чем колебаться и потому, что рядом с ними говорится о злодестве Максима: «Да ты же, Максим, волшебными хитростями еливетими писалъ еси водками

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916

² Ibid., стр. 31, 32.

³ Мнение В. С. Иконникова по затронутому вопросу неясно. С одной стороны, он допускает, что Максим мог пересылать турецкому послу письма из Волоколамского монастыря, хотя бы с настояниями о возвращении на Афон, с другой — говорит: «Конечно, теперь трудно утверждать, насколько верны обвинения его в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветою — в этом едва ли можно сомневаться» (стр. 481, 482) Да, в самом факте сношений можно не сомневаться, но отрицать сношения, враждебные Московскому государству, есть все основания.

на дланѣхъ своихъ и распростиралъ длани противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя».¹ Мы не знаем, что отвечал Максим суду на политические обвинения, но мы знаем, что в своем Исповедании веры он отвергал возведенную на него клевету в измене и вражде к русской державе: «Азъ бо благодатию господя нашего Исуса Христа просвѣщаемъ и наставляемъ, безпрестани всею душею молюся всѣхъ владыцѣ и содѣтелю о милости, животѣ, здравіи и спасеніи и временнѣхъ мирныхъ, и пребыти въ соблюденіи богохранимыя державы благовѣрнаго великаго князя русскаго Іоанна Васильевича, и о братѣ его, князѣ Георгіи, десятижды по вся дни прекланяя немолчныя колѣна моя о нихъ предъ царствующимъ на небесѣхъ господемъ нашимъ и богомъ Исусъ Христомъ, иже и свидѣтель ми есть, яко истину глаголю. Како убо нѣции безъ правды оклеветаютъ мене изменника и врага богохранимѣй державѣ его называютъ? да не поставитъ имъ господь богъ сицевое прегрѣшеніе».² В искренности этого заявления, как и всего Исповедания, нет оснований сомневаться.

§ 18. Мы слишком долго задержались на разборе некоторых спорных вопросов, но уяснение их очень важно для понимания одного послания Максима, касающагося отношений к Крыму и Казани. Это послание до сих пор находилось в рукописи и теперь, будучи введено в круг изучения, не только станет более понятным, но и прольет некогорый свет на соответствующие пункты обвинений. Послание написано к вел. князю Василию Ивановичу по поводу нашествия на Русь крымскаго хана Магмед-Гирей в 1521 г.³ Нашествие было ужасным. Сопротивление с русской стороны

¹ Чтения в Обществѣ Истории и Древностей российских при Московском университетѣ, 1847 г., № 7. «Списокъ съ суднаго списка. Прѣііе Данила, митрополита Московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Грекомъ.»

² Каз. изд., I, стр. 28, 29 (1894 г.).

³ Послание находится в рукописи библиотеки Ф. А. Толстого, Отд. I, № 33 (Публ. Библ. в Ленинградѣ, Ф., XVII, № 13) полуустав XVI вѣка, на 117 л., в лист. Кроме Похвального слова великому князю Василию, повестей о взятии Царьграда и отрывковъ из Стоглава, рукопись содержитъ въ себѣ следующие сочиненія Максима Грека: 1) «Главы поучителни къ начальствующимъ правовѣрно»; 2) «Слово благодарствено къ господу нашему Исусу Христу о бывшей преславнѣй побѣдѣ на Крымскаго (пса) предстательствомъ владычицы нашея пресвятыя богородицы при благовѣрномъ вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, въ лѣто 49 осмыа тысящи;» 3) Послание к царю Ивану Васильевичу, начинающееся словами: „Многа убо и ина суть . . .“, и кончающееся: „ . . . смѣа, не смѣа, писах“. Вслед за этимъ безъ отдельнаго заглавія идетъ другое послание Максима Грека к „царю“, которое не указано в описаніи и до послѣдняго времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Послание начинается на л. 75 словами: „Ничто же убо нещую безмѣстно . . .“. Послание это, несмотря на отсутствіе заглавія, представляетъ собою отдельное самостоятельное произведение, а не часть другаго. Принадлежность посланія Максиму Греку — вне всякаго сомнѣнія. В этомъ болѣе всего убеждаетъ

не имело успеха. Вел. князь должен был оставить Москву и отправиться на Волок собирать полки. Татары опустошили весь юг и увели огромное количество пленных, отдельные отряды подходили близко к Москве и опу-

конец, где встречаемся мы с просьбой автора отпустить его на родину в Ватопедскую обитель: «Мы же и себе и честную обитель Ватопед поручаем царствію твоему, яко да изволит отпустить и нас восвоеси» . . . (л. 82). Просьба эта слишком знакома по другим сочинениям Максима. Время написания послания определяется следующими соображениями. Послание явилось, конечно, до решительных действий против Казани, до казанских походов под начальством царя, т. е. не позднее конца 1547 г. Если послание относится по времени до 1548 г., то каков его повод или другими словами, о каком нашествии крымцев здесь говорится, и к кому адресовано послание, к Грозному или к его отцу? Насколько можно судить по летописям (Полное собрание летописей, т. XIII: перв. половина. Летописный сборник именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, СПб., 1904; вторая половина — так наз. Царственная книга. СПб., 1906) — в первые годы правления Ивана Васильевича до взятия Казани было всего шесть столкновений с Крымом; из них два (1541, 1552 гг.) закончились полной русской победой; в трех случаях (1535, 1540, 1542 гг.) крымские татары встретили более или менее сильное сопротивление, и только один раз, именно в декабре 1544 г., неожиданное нападение крымцев не было отражено (См. Полное собрание русск. летописей, т. XIII, первая половина, стр. 146, т. XIII, вторая половина, стр. 445). В первой части послания Максима Грека говорится именно о внезапном, не отраженном нападении безбожного скифа, крымского нечистого пса. Поэтому, казалось бы, послание написано по поводу события, имевшего место в дек. 1544 г. Но есть больше оснований отнести его ко второй половине предшествовавшего княжения, считая, что оно обращено не к Ивану Васильевичу, а к великому князю Василию Ивановичу. События борьбы с Крымом и Казанью, как изображены они в летописях, вполне оправдывают такое приурочение. С 1518 г. (год прибытия Максима Грека в Москву) до конца княжения Василия Ивановича произошли три столкновения с крымцами (1521, 1527, 1533 гг.); из них два последние представляются в летописи более или менее удачными для русской стороны. Только в 1521 г. нашествие крымских татар было неожиданным и особенно опустошительным. Летопись так говорит об этом: « . . . лукавнѣйши безбожный гордый Крымский царь Магмедъ-Кирѣй, забывъ своея клятвы правду, на ны воинствуесть: ни дружбы первые, ниже клятвъ вспомянуть, собрался з братьею своею и з своими дѣтми, и с Крымскими людьми, и Болшія Орды Заволжскія, и съ Нагаи, вскорѣ приде безвѣстно на великого князя отчину, иже при брезѣ Оки-рѣки; съ воинствомъ пришедь, удобъ преиде сію, и Коломенская мѣста повоевать, и пѣдѣнь не малъ собралъ, и святыя церкви оксквернивь» (Полн. собр. русск. лет., т. XIII, перв. половина, стр. 38). Крымское нашествие, о котором идет речь в послании, повидимому, тождественно с нашествием, описанным в летописях под 1521 г.: и тут и там говорится не только о внезапном нашествии, но и о нарушении клятвы, об измене со стороны Крымского царя. Итак, надо думать послание написано в конце 1521 г. или в начале 1522 г. За более раннее происхождение послания говорит и упоминание инока Климента: «Мы же и себе и честную обитель Ватопед поручаем царствію твоему, яко да изволит отпустить и нас восвоеси, и аще неletz ест инуди индѣ отпустить нас, поне откуда отпусти инока Климента». Это вероятно тот самый старец Климент, о котором в летописи под 1518—1519 г. сообщается следующее: «Того же лѣта, мѣсяца августа, приде къ великому князю Василию Ивановичу государю всеа Русіи на Москву, отъ Синайскія горы, идѣже Моисей боговидецъ отъ бога законъ пріять, старецъ Климентъ Грекъ милостыни ради, и князь великій его, пожаловавъ, отпустилъ» (Полн. собр. русск. лет., т. XIII, перв. пол., стр. 301). Этот же Климент рассказывал об Иерусалимских монастырях Вассиану Патрикееву (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, стр. 388, СПб., 1903). Кроме рукописей и изданий, указанных акад. Соболевским, «Сказаніе старца Климента о іерусалимскихъ монастырѣхъ къ старцу Васіану» находится еще в Кормчей самого Вассиана.

стошили села Остров, Воробьево и Угрешский монастырь. Магмед-Гирей удалился, получив письменное обязательство, что великий князь будет платить ему дань. Нашествие было летом 1521 г. Незадолго до этого, весной того же года и в Казани произошли события, неблагоприятные для Москвы. По внушению из Крыма казанцы свергли поставленного Москвою хана Шиг-Алея, удалили московского воеводу, который его поддерживал, и поставили ханом брата Магмед-Гирея — Саипа. Новый казанский хан принял также участие в нашествии на Русь своего брата.¹ По поводу тяжкого поражения, понесенного от крымцев, Максим Грек и выступил со своим посланием.² Изложим его содержание. Считая разумным предлагать правителям полезные советы, отвечающие условиям времени, питая любовь к Московской державе и болея душою за испытанную ею измену со стороны «безбожных скиф», Максим решил высказать великому князю свои соображения. Он не хочет останавливаться на причинах поражения, произошло ли оно «божіим праведным судомъ», или «нашим замѣдлѣніемъ», или «воевод лѣнностію и неискусствомъ», или «нѣкоюмъ инымъ нестроеніемъ»: о том ведает бог, который все ведет к нашему исправлению. При такой неудаче всякий благочестивый царь должен прежде всего обратиться к богу с молитвой и творить милостыню подвластным, чтобы бог умилосердился и подал «разумъ благъ и свѣтъ благополучен и души храбрость на отмщеніе врагом нашим». Не следует удивляться случившемуся вопреки ожиданию, не следует скорбеть выше меры: подобное бывало со многими славными царями и прежде всего с Давидом: когда восстал на него сын его Авессалом, ему изменивший, он покинул Иерусалим, чтобы собрать силу и, хотя все оставили его, за исключением немногих верных, и издевались над ним, он мужественно все претерпел, и бог скоро помог ему и вернул прежнюю славу и честь. Так пострадал Давид от сына. Что удивительного, если с нами случилось подобное не от козней сына или какого-нибудь родственника, но от безбожнаго скифа, внезапно на нас напавшего. Поэтому и ты, царь, уповай на бога, как блаженный Давид, и смотри, чтобы впредь не случилось такого же. Но об этом довольно. Следует перейти теперь к настоящему и будущему. Как в древности Исав враждовал с Иаковом из-за первенства, так и теперь неверные преследуют верующих во Христа. И нет ничего странного и удивительного, если и на нас исполнились эти библейские прообразы и крымский пес нечистый изменил нам и причинил столько зла и страданий, хотя свачала клятвой подтвердил нам свою мнимую

¹ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. V, стр. 382—386, изд. 3, М., 1864.

² Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, ф., XVII, № 13, чл. 75 об. — 82.

дружбу. Если по слову Исаии, нечестивый не научится правде, то как может хан («хаганъ») сохранить истинную к нам дружбу. Этого не может быть. Как не может из тьмы произойти света, от желчи — сладости, так и от нечестивого не может быть истины. Поэтому никогда не следовало верить им, но всегда быть настороже, не удостаивать великих даров: довольно с них и того, что им не будет от нас угрожать никакого зла, пока они будут соблюдать мир. Если же подымут распри и брани, не следует уступать им, но поднять оружие против них с надеждою на бога. К тому же пусть будет ведомо нам, что ненасытность варваров, однажды вкусивших нашей крови, беспредельна, и они не перестанут строить против нас всяческие козни тем более, что есть другой мучитель супостат наш, поднимающий на нас первого обильными дарами: он безумный и окаянный не подозревает, что чем больше засыпает его дарами, тем больше возбуждает против себя же (здесь, очевидно, разумеется турецкий султан в его отношении к вассальному Крыму). Поэтому следует разумно и осмотрительно вести дело и действовать правильно, сообразуясь с нашими силами: «Того ради подобает zde разумно и хитростію дѣлати вещь и добрѣ устроити и противу мѣры силы нашеа».¹ Борьбаться сразу с двумя мучителями неудобно, крайне тяжело, чтобы не сказать — невозможно, ибо поднимается на нас и «третій волк». Я разумею змея, гнездящегося в проклятом городе Казани. Но справиться с этим, отогнать его из гнезда нам удобно, если оставив медлительность, быстро нападём на него, пока не угрожает с другой стороны варварское нашествие. И Максим Грек решительно и одушевленно призывает к походу на Казань: «Воспріимем божественую ревность и отмстим кровей убиеных многих тамо провославных братій наших, да не дадим к тому безбожных мѣста хвалитися на Христа и чтущих его православных».² Между царем православных и царем неверных не должно быть ничего общего. Разве подобает «царю христову» ставить «царя сатанина» и видѣться с ним, оказывать помощь поборнику нечестия, врагу креста Христова. Разве могут быть большие враги Христа, чем безбожные скифы. Понимаем ли мы, каких зверей вскармливаем против себя? Нет нам от них никакой пользы, они отравляют нашу жизнь бесчисленными утратами, безмерной враждой и непрестанным беспокойством. Долго ли мы будем под властью этих тяжких зол, долго ли будем поработнены боязнью и страхом? Пусть узнают ненавидящие нас, что есть в нас и «храбрость душѣвная и разум прав и благъ о господѣ.» Богом даровано нам все необходимое для

¹ Л. 78 об.

² Л. 79.

ратного дела, нужно только усердие и бодрость; но и они явятся, если захотим. И мы захотим, если поймем, что наше расположение к ним и постоянные дары только еще более возбуждают их и умиравших уже оживляют. Пока удобно время, пока с других сторон не смущает нас языческое нашествие, пойдем, нападём на христианоубийц города Казани, не потратим бесплодно времени, нужного для дела («Доколѣ убо имамы благополучное время, доколѣ отнѣкуди инуди языческое въстаніе не смущает нас, найдем и мы и нападёмъ на христианоубійць града Казани, не истеряем дѣланій время в неплодных дѣянїи»).¹ Ведь если мы ожидаем послов из Литвы, никто не помешает нам в войне против Казани, если же не ожидаем, то и в таком случае следует поспешить, пока не тревожат нас из Литвы, ибо, находясь в Казани, мы легко будем бороться с остальными, будучи грозны оттуда («Аще бо ожидаем послов из Литвы, никто же нам запинатель будетъ воюющим тамо, аще же и не чаемъ, и тако нужда ест нам поспѣшити дѣло, донележе из Литвы не стужаемся. Скверной бо Казани от срѣд быв'шѣ, удоб нам противу прочих стояти, грозным оттуда бывшим»).² Невозможно людям спящим и лежащим достигнуть победы. Теперь время подвигов, а не прохладений. Время — раздавать серебро, а не беречь. Философы сказали одному царю: серебряными копьями ратуй, и все победишь. Окрылим наших многочисленных и прекрасных воинов царскими дарами и воодушевим их возбуждающими мужество речами, подобно царю Ираклию, который, поднявшись на Персиду, воодушевил своих. Царю Ираклию, одолевшему господство персидского царя Хозроя, и советует подражать Максим: «Како убо неправедно и нам того подражати и ревность божественую въсприяти Христа ради и спасенїи братїй наших, и разорити убо безбожных скифѣ сън'мища, якоже онь перска почитанїя и огнемъ сих опепелити». ³ Максим вспоминает других древних царей, подвизавшихся в благочестии — Константина Великого, Феодосия и Валентиниана, которые все делали во славу Божию и для распространения божественного евангелия и потому сподобились иметь самого бога воеводой и советником. Пусть бог, соблюдающий и управляющий державу нашу, и впредь руководит ею. В заключение, обращаясь к мудрости царской державы, которая выслушивает всех могущих подать совет полезный обществу и соответствующий времени и избирает полезное, хотя бы оно предложено было самым незнатным, Максим Грек умоляет

¹ Л. 79 об., 80.

² Л. 80.

³ Л. 80 об.

не вменить ему в вину смелость отдельных выражений, но приписать ее неискусству автора в беседе с царствующими.

Детали послания, как мы видим, вполне отвечают подробностям тех событий и отношений, по поводу которых оно написано. Государь сравнивается с Давидом, которому пришлось оставить Иерусалим, чтобы собрать войска против Авессалома. Вел. кн. Василий Иванович при крымском нашествии 1521 г. также покинул Москву и отправился на Волок собирать полки. В послании говорится об измене «крымского пса», о нарушении им данной прежде клятвы. Действительно, незадолго до 1521 г. Магмед-Гирей, нуждаясь в помощи великого князя против Астрахани и Казани, прислал ему шертную грамоту, в которой обязывался действовать с ним заодно против Литвы с тем, чтобы вел. князь был с ним заодно против его врагов.¹ Отношения к Казани также рисуются чертами, соответствующими тогдашней действительности: говорится о поставлении царя неверного царем христианским. Таким именно был и тот хан Шиг-Алей, которого под влиянием воздействий из Крыма казанцы низложили в 1521 г.: его в 1519 г. назначил вел. князь.² Что касается отношений с Литвой, то они были тогда в состоянии неясном и неустойчивом. В 1520 г. обе стороны никак не могли сговориться из-за Смоленска. Наконец, как читаем у С. М. Соловьева, литовские послы «предложили перемирие с тем, чтобы Смоленск остался за Москвою, но чтоб пленных не возвращать; великий князь настаивал на возвращении пленных; послы не согласились, и порешили на том, что король пришлет великих послов на великое заговенье 1521 года, т. е. через шесть месяцев, в продолжение которых войне не быть. Но Сигизмунд на означенный срок послов не прислал: обстоятельства переменились в его пользу; он одолел великого магистра, а между тем на востоке исполнилось то, чего он с таким нетерпением дожидался в начале своего царствования: две татарские орды Казанская и Крымская заключили союз против Москвы.»³ Однако, после Крымского нашествия сношения с Литвой возобновились, и снова поднят был вопрос о присылке королем «великих» послов для заключения или вечного мира, или перемирия. Такие послы, действительно, прибыли в августе 1522 г. и заключили перемирие на 5 лет.⁴ Неопределенность отношений с Литвой и ожидание послов оттуда отражается и в нашем послании.

¹ С. Соловьев. История России, т. V, стр. 382, изд. 3-е.

² Ibid., стр. 382.

³ Ibid., стр. 381.

⁴ Ibid., стр. 386.

Итак, находясь в курсе тогдашних событий и полагая, что нужно действовать сознательно и осмотрительно «разумно и хитростью дѣлать вещь», Максим Грек предлагает вел. князю решительно изменить внешнюю политику. Он не только исходит из принципиальных соображений, но и учитывает условия момента и соотношение сил. Принципиальные аргументы его основаны на убеждении, что между верующими во Христа и неверными не может быть ничего общего, никакого соглашения, никакого союза, их разделяет полная противоположность: поэтому не следует верить клятве неверных, не следует входить с ними в общение, ставить им правителей, оказывать помощь. От неверных не может быть никакого добра, они враги креста Христова, они «безбожные скифы», а крымский хан не имеет иного названия, как «крымский пес». Учет условий времени и соотношения сил сводится, во-первых, к указанию на удобный момент, пока вражеское нашествие не угрожает с других сторон, во-вторых, к соображению, что бороться сразу с двумя или даже тремя врагами трудно и почти невозможно и, в-третьих, к выбору наиболее удобного противника, каким является Казань. Наступление на Казань представляется важным и по тем перспективам, которые открываются в случае успеха: став твердой ногой в Казани, мы легче справимся с другими врагами, будучи грозны оттуда.

События ближайших лет 1523, 1524 без сомнения отвечали совету Максима Грека. Ряд решительных действий в Казанском направлении был открыт летом 1523 г., и Москва определенно пошла к ликвидации Казани. Но предоставим историку рассказать об этом: «летом 1523 года великий князь сам отправился в Нижний, откуда отпустил на Казань хана Шиг-Алея с судовою ратью сухим путем, велел пленить Казанские места: воеводы возвратились благополучно, и привели с собою много черемисских пленников; но поход этим не ограничился: на устье Суры, в земле Казанской, срубили город Васильсурск; в Москве митрополит Даниил очень хвалил за это великого князя, говорил, что новопостроенным городом он всю землю Казанскую возьмет; действительно, в этом деле высказалось намерение стать твердою ногою на земле Казанской, положить начало ее полному покорению, ибо подручные отношения, клятвы царей казанских и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными; Василий, построив Васильсурск, сделал первый шаг к совершенному покорению Казанского царства; сын его Иоанн, как увидим, построением Свияжска сделал второй, третьим будет взятие самой Казани.— Летом 1524 года отправилась опять под Казань многочисленная рать,

которую полагают в 150000 и более, под главным начальством князя Ивана Бельского. Саип-Гирей испугался и, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирей, убежал в Крым, обещая Казанцам возвратиться с войском турецким». На этот раз дело дошло до осады самой Казани. «Под защитою конницы, сдерживавшей натиск казанской конницы, осадные машины были придвинуты к стенам, казанцы отстреливались, но скоро они потеряли своего пушечного мастера, который один только и был в городе. Это обстоятельство заставило их просить мира с обязательством отправить в Москву послов с челобитьем.» Воевода Бельский согласился, так как в его войске начался голод, снял осаду, и взятие Казани, уже почти совсем подготовленное, было сорвано.¹

Неудача казанского дела естественно могла вызвать недоброе чувство по отношению к тому, кто так решительно настаивал на необходимости взять Казань. Психологическая почва для обвинений была готова. И мы не удивимся, когда прочтем: «Да вы же говорили: ратуеть князь великий Казань, да нѣколи ему будетъ и соромъ Турскому ему не молчати»² (т. е. ратует великий князь Казань, да его не будет и турецкий царь срама не потерпит).³ Но в то же время приписанное Максиму Греку скептическое отношение к возможности успеха в казанском деле находится в решительном противоречии со всем смыслом изученного послания. Такова же и приписанная Максиму Греку насмешка над великим князем Васильем, будто он выдал землю крымскому царю и проявил трусость в отношении к турецкому султану. Из послания мы знакомимся с подлинными взглядами Максима на крымское поражение 1521 г. Неудача, по его мнению, могла произойти от разных причин: или так суждено было богом, или от нашей медлительности, или от лености и неискусства воевод, — или «нѣкоимъ иным нестроениемъ»⁴: о том ведает бог, который все ведет к нашему исправлению. И Максим решительно ободряет великого князя по поводу пережитого. Твердое убеждение в необходимости неустанной борьбы с неверными, с агарянами, под которыми разумелись татары и турки, осталось у Максима Грека неизменным на всю жизнь. В «Словѣ, пространнѣ излагающемъ съ жалостію нестроения и безчинія царей и властей послѣдняго житія», он

¹ С. Соловьев. История России, т. V, стр. 388—391.

² «Списокъ съ суднаго списка. Прѣіе Данила, митрополита Московского и всеа Руси съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ». Чтенія в Общ. Истории и древн. росс. 1847 г., № 7, стр. 5.

³ Переложение В. С. Иконникова. — Максим Грек и его время, стр. 465, изд. 2-е, Киев, 1915 г.

⁴ Приложение. По ркп. Публ. библ. в Ленинграде, f. XVII, № 13, л. 76.

горько сетовал между прочим, что внешняя политика руководится узкими, своекорыстными интересами и вместо единодушной борьбы с врагами веры, «христианоборными измаильтянами», приводит к кровопролитию среди христиан: «вси бо своихъ си ищуть, а не яже вышняго, не яко да его прославятъ праведными дѣянїи и благотворенїи и противоположенїи къ тщашимся выну истребити отъ лица земли, юже въ него, божественную и поклоняемую вѣру, но яко да себѣ разширятъ предѣлы державъ своихъ, другъ на друга вражебнѣ ополчашеся, другъ друга обидяще и кровопролитїю радующесе вкупѣ вѣрныхъ языкъ, другъ другу навѣтующе, аки звѣри дивїи, всяческими лаянїи и лукавствїи, о поклоняемѣй же церкви спаса Христа, лютѣ растерзаемѣ и навѣтуемѣ различными образы отъ христіаноборныхъ измаильтянъ, ни едино попеченїе есть имъ».¹ Выше приходилось уже останавливаться на связи этого заявления с нашими отношениями к Литве и татарам в правление Елены Глинской.

§ 19. Всякие уклонения от борьбы с неверными измаильтянами омрачали Максима Грека, возобновление же борьбы и успех в ней доставляли ему радость. Когда в 1541 г. было успешно отражено угрожавшее самой Москве нашествие крымского хана Саип-Гирея, Максим Грек выразил свою радость по поводу этой победы в особом слове. Таково именно: «Слово благодарствено къ господу нашему Иисусу Христу о бывшей преславнѣй побѣдѣ на крымскаго пса, предстательствомъ владычицы нашея пресвятыя богородицы, при благовѣрномъ великомъ князѣ Иоаннѣ Васильевичѣ всея Русїи, въ лѣто 49 осмыа тысящи».² Вопреки обыкновению прежних

¹ Каз. изд., II, стр. 335, 336.

² Каз. изд., II, 277—283. Слово, надо полагать, написано в последние месяцы 1541 года, вскоре после того события, о котором оно говорит. Победа над крымским царем Саип-Гиреем относится к первым числам августа 1541 г. (Полн. собрание русск. лет., т. XIII, 2-я половина, стр. 433—438). Правда, во многих списках Слово и в Казанском издании упоминается в качестве митрополита Макарий, занявший кафедру 19 марта 1542 г. Но это чтение нужно считать не первоначальным и предпочесть текст ркп. Публичной Библиотеки имени Ленина в Москве, б. Румянцовского музея № 3124, XVI в. (л. 13 об.), где митрополитом, современным Слову, назван Иосаф, сведенный с кафедры 3 января 1542 г. Рукопись Румянцовского музея № 3124 интересна между прочим тем, что в заглавии рассматриваемого Слова не упоминается Максим Грек (тогда как во всех других списках Слово написано именем автора) и это обстоятельство послужило поводом к недоразумениям. Не зная о принадлежности данного Слова Максиму Греку, Д. П. Лебедев, в статье «Неизвестный Московский проповедник половины XVI в.» (Труды восьмого Археологического съезда в Москве, т. II, стр. 175—182, М., 1895), доказывал, что Слово принадлежит протопопу Сильвестру. Затем в 1915 г. С. А. Щеглова, исходя из статьи Лебедева и опровергая его, пыталась доказать, что Слово написано митроп. Макарием (статья С. А. Щегловой «Слово на победу 1541 года» в Известиях Отделения русск. яз. и словесности Академии Наук, 1915 г., кн. 2, стр. 106—124; там же издан и текст Слова по указанной ркп. Румянцовского музея).

великих князей молодой Иван по совету митрополита Иоасафа и некоторых бояр не покинул Москвы во время приближения к Оке крымского хана. Напротив, приняты были все меры к защите города как на случай нападения, так и к отражению крымских полчищ.¹ Эта предусмотрительность и твердость, проявленная в борьбе с крымцами, отмечается и в Слове Максима Грека, который говорит между прочим, что «благовѣрнаго . . . царя и самодержца всеа Русіи великаго князя Іоанна Василюевича юнна (бог) соблюлю кромѣ всякого страха и торопа, въ царствующемъ градѣ Москвѣ правяща благонадежно и мужественнѣ потребныя нашедшіа нужи; добляя же поборники благовѣрныя державы его, воеводы же и воины со всѣхъ градовъ въ малѣ собравъ и вооруживъ ревностію, яже о благовѣрїи, въ противоополченіе устремившагося бѣшено на насъ съ тяжкою силою новаго хагана . . .»²

Наконец, идея борьбы с неверными приводит нас снова к встрече Ивана Грозного с Максимом Греком в 1553 г. К сказанному раньше (см. стр. 84) мы можем добавить теперь, что упомянутое заступничество Максима было не просто заступничеством за вдов и сирот воинства вообще, но именно воинства, погибшего в борьбе за веру: «егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христіанскаго храброго тамо не мало отъ погановъ падоша, яже брашася съ ними крѣпце по бозѣ за православіе, . . . и тѣхъ избіенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обещадали». . .³

III. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании изучения публицистической деятельности Максима Грека мы приходим к ряду выводов. Важнейшие из них следующие.

Публицистическая деятельность Максима Грека развивалась в двух направлениях: одно состояло в обличениях, направленных против тогдашнего общественного зла, как оно понималось обличителем, другое — в развитии положительных взглядов на власть и ее задачи во внутренней и внешней политике. Отдельные обличительные слова Максима Грека часто носят заглавия отвлеченного характера, по которым может казаться, что речь идет об обличении пороков вообще. При ближайшем же знакомстве с содержанием этих слов становится ясно, что они имеют определенное

¹ С. Соловьев, История России с древнейш. вр., т. VI, стр. 70—74, изд. второе, СПб., 1860.

² Каз. изд., II, стр. 283.

³ Сочин. кн. Курбского, т. I. Русск. ист. библ., т. XXXI, стр. 208, СПб., 1914.

общественное назначение, в каждом отдельном случае относится к известной общественной группе, и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других — белое духовенство, в третьих — боярство.

Обличению монашества посвящены, главным образом, четыре произведения Максима Грека: 1) «Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ». 2) «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ. Лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный». 3) «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съразумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его». 4) «Слово душе полезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей; въ немъ же и на лихоимство». — «Повѣсть» написана, вероятно, до 1525 г., а «Стязаніе», «Слово о покаяніи» и «Слово душеполезно» между 1531 и 1537 гг. К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозозерцание, но также и рано установившаяся близость его к поборнику нестяжательности Вассиану Патрикееву, полемика которого с иосифлянами подготавливала обличения Максима. В сочинениях того и другого писателя мы находим не только один и тот же общий мотив обличений, но и совпадения их в отдельных существенных элементах. Так, и Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли, и на спекуляцию с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в отдельных чертах, какими описываются у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. При указанном сходстве с Вассианом Максим Грек глубоко отличен от него. В то время как тон речи Вассиана более житскій, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий, Максим Грек отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей их обыденными именами, но зато придает всему обличению особую принципиальную углубленность. Кроме того, Максим Грек идет дальше Вассиана и вводит ряд новых обличительных пунктов: таков очерченный им тип воинственного иерарха-феодала, в мирное время окруженного ратными людьми, а во время войны благословляющего их убивать единовѣрныхъ братьевъ, такова картина шумного проезда по городу высшего сановника церкви; таково, наконец, изображение взаимныхъ отношений честолюбивого монашества, проникнутыхъ духомъ клеветы и лицемерной

дружбы. Новые отрицательные черты из жизни нашего высшего монашества, подмеченные Максимом Греком, находят себе соответствие в других обличительных памятниках XVI в., каковы «Беседа Валаамских чудотворцев», так называемое «Слово к верным» и сочинения митрополита Даниила.

Вдохновенное и красноречивое произведение Максима Грека, написанное по поводу тверского пожара 1537 г., в форме ответа господа на вопросы тверского епископа о причине божьего гнева, постигшего Тверь, представляет собою не что иное, как драматизированное обличение белого духовенства. Названное «слово» напоминает собою те «слова», с какими Максим Грек обращался к монашеству. И здесь вопрос ставится в перспективе духовного понимания заветов Христа и во всей его общественной остроте. На первом плане стоит мысль о высоте пастырского служения, о долге пастыря по отношению к обществу, и в свете ее раскрывается целый ряд отрицательных явлений: достижение недостойными людьми священнического сана по мзде; оскудение учительного слова, различные злоупотребления, прикрывающиеся внешним благочестием: роскошные пиршества в дни праздников, соединенные с пьянством, светскими увеселениями, ссорами и бесчинством; лихвенное притеснение бедных, захват доходов с церковного имущества, предназначенных для милостыни нищим и убогим, страсть к украшениям. Картина, нарисованная Максимом Греком, получает свое фактическое подтверждение и в сочинениях митрополита Даниила и гораздо позднее в постановлениях Стоглава.

Несмотря на горячие обличения монашества и духовенства, мысль о принудительной секуляризации монастырских и церковных вотчин была чужда Максиму Греку. По отношению к монастырскому укладу он был сторонником не внешних воздействий на монастырь, но внутреннего обновления монастырской жизни путем нравственного возрождения самих иноков. В вопросе же о владениях мирских церквей он допускал вмешательство и светской власти, но лишь в целях такой организации церковных имуществ, при которой доходы с них действительно шли бы на нищих и убогих.

Фактическое отношение Максима Грека к предпринятым в середине XVI века реформам монастырской и церковной жизни понималось прежними исследователями как непосредственное влияние писателя или на царя Ивана, или на Стоглав (1551 г.). Однако внимательное сопоставление так называемых «царских» вопросов с взглядами Максима приводит к выводу, что непосредственного влияния здесь не было. Тут важно общее влияние обличений Максима на современников, которое, судя по всему, было

значительно. Максим Грек после Вассиана был самым ярким поборником «нестязательности», голос которого не только не умолкал после суда над ним и в малолетство Грозного, но оставался таким же твердым. Актуальность обличений Максима Грека была обусловлена уже тем, что они являлись среди тогдашней публицистики самыми содержательными выступлениями по вопросам монастырской и церковной жизни и вполне отвечали как практической остроте этих вопросов, так и необходимости их широкого освещения. Сочинения Максима, обличающие монашество и духовенство, вошли в сборник Слов, составленный самим автором и при жизни его получили распространение. Настроение общества было подготовлено этими сочинениями. Сознание необходимости реформы как монастырского, так и церковного быта нарастало даже в правящей среде, и жизненность обличений Максима не только в плоскости партийной борьбы «нестязателей» с «иосифлянами», но и в плане касания с острыми социальными противоречиями тогдашней современности — была велика. Культурная близость между Максимом Греком и виднейшими представителями московского боярства первой половины XVI века не заслоняла от взора Максима отрицательных явлений и фактов в деятельности правящих феодалов. Раскрытие их содержат в себе два произведения, относящиеся, как надо думать, к эпохе около 1537 г., т. е. к ранним годам малолетства Грозного, а именно: 1) «Слово о неизглаголанѣмъ божиѣ промыслѣ, благности же и чловѣколюбїи, въ томъ же и на лихоимствующихъ»; 2) «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостїю нестроенїя и безчинїя царей и властей послѣдняго житїя». Первое Слово «на лихоимствующихъ» важно как публицистическое выступление против судебных злоупотреблений, совершавшихся правителями на местах. Оно предвзвѣщает губную реформу, ограничения судебных поединков и находит себе живой отзвук в дальнейшем развитии публицистической литературы. Второе произведение, «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостїю нестроенїя и безчинїя царей и властей послѣдняго житїя» имеет в виду центральное правительство, т. е. высших представителей верховной власти или тех, кто правит от ее имени. Такая тема делает вполне понятной не только обобщенность изложения данного слова, но и применение иносказательной формы — разговора автора с горько плачущей царственной женой Василией, одетой в траурные одежды и окруженной дикими зверями. Изучение содержания этого Слова в связи с событиями и фактами 30-х годов XVI в. приводит к выводу, что по своей реальной основе оно является аллегорией, изображающей Россию в правление Елены Глинской.

Принципиальная точка зрения Максима Грека на власть логически вытекает из так называемой заповеди Юстиниана и заключается в признании как светской, так и духовной власти божественным даром и в требовании тесного союза, взаимной согласованности между ними. Эта точка зрения Максима Грека оставалась все время неизменной. Менялась только в зависимости от условий времени ее формулировка: сначала он хотел видеть осуществление своего идеала в великом князе Василии Ивановиче и митрополите Варлааме; затем в задачах светской власти подчеркивал обязанность ограждать государство от нападений иноплеменников; позднее в малолетство Грозного смело указывал, что царская власть узурпируется недостойными ее представителями и что высшее духовенство не поднимает своего обличающего голоса; и, наконец, после переворота 1547 г., когда надежды на будущее окрылили многих, и Максим Грек также мечтал о преобразованиях и видел главную задачу царской власти в том, что она «исправляетъ всегда царскіе скипетры на лучшее».

Характеристика взглядов Максима Грека на задачи царской власти во внутренней политике почерпается из посланий его к Ивалу Грозному, ранее известных и одного вновь найденного (см. приложение). Особенно ценный материал в этом вопросе дают «Главы поучительны начальствующимъ правобѣрно», написанные для молодого царя Ивана. «Главы поучительны» нельзя считать кодексом морали, состоящим исключительно из общих мест, вне живой связи с современностью. Анализ вскрывает в них связь с тогдашней реальностью в ряде пунктов, и нужно признать, что «Главы» вписывают видную страницу в историю нравственных воздействий на молодого Ивана с момента появления у власти Сильвестра и Адашева. Из всех попыток нравственного воздействия на молодого царя «Главы» Максима выделяются решительно. Ни у кого из современников вопрос о власти не ставился на такую идейную высоту и не получил такого освещения. Именно здесь, в «Главах» Максима Грека, полагались идейные основы для первых лет царствования Ивана. Сравнивая взгляды Максима на отношения царской власти к важнейшим политическим группам с наиболее яркими направлениями тогдашней публицистики, позицию Максима в этом вопросе можно характеризовать как точку зрения координации политических сил; причем состав их он не ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начинавшую заявлять о себе, — воинство. Взгляд Максима Грека не оставался отвлеченным построением ученого отшельника, но тогда же претворялся в действительность. Политика «избранной рады», повидимому, и представляет собою

политику согласованного действия всех руководящих классов тогдашнего государства. Положение об идейной связи Максима Грека с политикой «избранной рады» подтверждается не только известными посланиями к царю, но и посланием до сих пор не изданным, написанным весной 1551 г. В нем Максим высказывается с глубоким сочувствием о преобразовательной деятельности Ивана и восхваляет царя, как поборника правды и устроителя земли. В послании внятно слышится отголосок церковных и земских реформ 1550 и 1551 гг. — Отношение царя к духовенству во главе с митрополитом, к боярству и воинству в отдельности мыслилось Максимом Греком так: Максим вменяет царю в обязанность выслушивать и принимать от митрополита и епископов полезные советы в делах державы. В отношении к боярству Максим чужд мысли об ограничении царя советом именно боярским, право совета, по мнению его, не есть чья-либо привилегия: советовать царю может всякий человек, способный дать совет, полезный обществу и отвечающий интересам времени. Далекий от чаяний оппозиционного боярства, Максим Грек наряду с боярством ставит воинство и считает заботу о нем серьезным государственным делом. Он оценивает роль боярства не с точки зрения узких симпатий, подсказанных боярскими интересами. Им руководит более широкое понимание роли боярства в изменяющихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти. Но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства. Идеологически, не покидая боярской позиции, он поднимает ее на более высокую ступень. Концепция идеальной власти, по Максиму Греку, завершается возведением в число важнейших обязанностей царя — милосердия к нищим и убогим и заступничества за вдов и сирот.

Устойчивый национальный облик Максима Грека приводил его, в особенности в первые годы пребывания в Москве, к явным столкновениям с отдельными чисто русскими тенденциями как в сфере церковных отношений к Константинопольскому патриарху, так и в области внешней политики. Как истый византиец, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и политическом возрождении ее под властью православного царя из династии московских государей. Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике московского правительства по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. В 1521 г. по поводу нашествия крымского хана Магмет-Гирея он выступил с посланием к великому князю Василию Ивановичу (издаваемым в при-

ложения), в котором ободрял великого князя и советовал воспользоваться моментом для решительных военных действий против Казанского царства. Таков был открыто высказанный взгляд Максима Грека. Судебные же обвинения его в сношениях с турецкими пашами и султаном, с целью поднять султана на великого князя, — следует считать клеветой. Сочувствие к борьбе Москвы с «агарянами» высказывалось Максимом Греком и позднее, после судебного процесса. Так, в 1541 г. в особом «благодарственном слове» он торжествует победу молодого Ивана над крымским ханом Саип-Гиреем. Мир с единоверными и неустанная борьба с неверными составляли смысл взглядов Максима на внешнюю политику.

Изложенные итоги исследования рисуют сложный путь Максима Грека как публициста на протяжении всей его литературной деятельности. Итоги эти, будучи объединены с результатами исследования других публицистов, выражавших идеологию иных общественных групп и классов, могут послужить основой для цельной диалектически построенной истории публицистики XVI в., но это уже особая тема, которая должна быть предметом другого опыта.

НЕИЗДАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

1

Послание великому князю Василию III

По рукописи Публ. библ. в Ленинграде, f. XVII, № 13, л. 75 об. — 82.

(л. 75 об.) Ничто же убо неп'щую безмѣстно, ниже внѣ разума творити възмнится, аще кто любовію, яже к начальствующим, съдрѣжим, съвѣта введет и временем пристоащаго и самѣм во высотах учиненым полезнаго. Аще бо прочаа, яже телесы служенія сим благолѣпно съврѣшающе, и хвалими бывають от них, аще и х(у)дѣйши будутъ, и дарованія приѣмлютъ, множае паче хвалам сподобитися им праведно ест, аще начальствующим слово мудро и съвѣтъ благоразумень покажут. И мнѣ убо любовію къ преимущей дрѣжавѣ царствія твоего подолгу съдрѣжиму, и бывшаа к ней измѣне от безбожныхъ скифѣ навѣты и досажденія к тому не терпящу, наипаче же и болѣзнующу о всѣх случившихся царствію твоему, о них же зрю скорбящу дрѣжаву твою, изволися (л. 76) добрѣ имѣти явьствена представити царствію твоему разума моего, его же малоуміе мое съвѣща ми. Твой же царскый и велемудреный разумъ да подометъ мѣне по обычаю не обинующуся. Но съдѣяннаа уже нам от безбожныхъ скифѣ оставляю глаголати в настоящем, како сиа быша: или божіим праведным судомъ нашаа мудро и праведно правяющаго, и к ним же отечьскы устроится, zde въздающаго о прегрѣшеніи муки, или нашим замѣдлѣніемъ, или воевод лѣнностію и неискусством, или нѣкоимъ иным нестроеніемъ. О тѣх, како убо быша, богъ вѣсть, иже вся къ исправленію нашему устрай: въ иных бо, рече, съгрѣшаим, и въ иных възприемлемъ. Сего ради подобаеъ всякому благочестивому царю в таковых неполученіи бога съ слезами и милостынями и къ подвластным благотвореніи молитва творити, аще убо умилосердится богъ о нас и подаст разумъ благъ и съвѣтъ благополучен и души храбрость на отмщеніе врагом нашим и всяко послушаетъ. «Близ бо, рече, господь всѣмъ призывающим его по истинѣ, волю боящихся его сътворитъ и молитву их послушаетъ и спасетъ их». Да не (л. 76 об.) дивимся убо о случившихся нам паче надежда, ниже

скорбимся чрез мѣры, ничто же бо странно пострадахом, часто бо сичеваа случишася многымъ преславнѣйшимъ царемъ, в них же и блаженный Давыд пръвѣй есть, иже многыя и преславныя побѣды на иноплеменниковъ приемъ, въ востаніи сына своего Авесаломъ, ему изменившаго, въставъ изыде от града Иерусалима, мѣсто даа гнѣву и да соберѣтъ силу; всѣ бо его оставиша, кромѣ малыхъ нѣкихъ сердечныхъ друзей своихъ, с ними же и отступивъ от града, и от многихъ поношаемъ и досажаемъ и «изыди от града, слышя, человекѣ кровей» и таковая вся веледушно и смиренумудріемъ претрѣпѣваше, ожида помощи от вышняго, и не сѣгрѣшилъ: скоро бо богъ заступи его и враговъ его посрамилъ и в первую славу и честь препоставил. Таковъ ест всякъ уповай на бога и помощи от вышняго ожидая. Аще же блаженный онъ от сына своего таковое пострада смущеніе, яко же съ слезами глаголати своимъ: «изыдемъ, изыдемъ отсюду преже, неже Авесаломъ достигнетъ насъ»; что дивно, аще и на насъ случися сичевое что не от сына или от нѣкоего сродника навѣтуемыхъ, но от без(л. 77)божнаго скифа, внезапно на насъ нашедшаго, и от своихъ оставленныхъ. Сего ради и ты, царю, уповай на бога, якоже и блаженный Давыд, и утѣшаа себе, глаголи к вышнему: «Господь просвѣщеніе мое и спасъ мой, от кого ся убою? Господь защититель жизни моя, от кого ся утрашу? «И пакы: «А(з) поиду сквозѣ сѣни смертныя, не убоюся злыхъ, яко ты еси съ мною». Сия же глаголя, і попеченіе твори, какъ вперед сичевое что не случится, занеже и блаженный онъ с надеждою божіею въоружися противу отступника сына своего и богъ его не оставил. Но о техъ убо довлѣтъ сіа, о настоящихъ же или о грядущихъ рещи подобаеть. Оно убо да не утайся намъ, яко изначала Исавъ навѣтоваше безспрестани Іакову і враждебне устраяшеся к нему первенства ради. Сія же образы бѣша будущимъ: Іаковъ убо языкомъ вѣровати въ Христа имѣющимъ, Исавъ же — невѣрующимъ; и яко вѣрніи выну гоними будутъ невѣрными и възненавидими, яко же Іаковъ от Исавъ. Ничто же убо странно и дивно ест, аще и на насъ образы исполнишася, и крымскій цесъ нечистый и убійствы христіяньскими радуяшеся и, еже не хранити вѣру и дружбу тверду къ Христу (л. 77 об.) чтущимъ, повелѣние имѣа от сквернаго и проклятаго Моамефа учителя своего, измѣниши намъ и толика злаа и скорби сътвори, клятвовой пер'вѣе ужъ к намъ утврѣдивъ лъжную дружбу. Не мощно бо лгати божественому Ісаию въпьющу намъ и глаголющу по вся дни: «Правдѣ научитесь, живущей на земли, преста бо нечестивый, не научится правдѣ на землю (sic) і истину не сътворитъ». Аще убо преста еже научитися правдѣ и истину на земли не сътворитъ, како убо съхранитъ намъ хаганъ дружбу истинну. Нѣсть сіе, нѣсть! Яко же бо не мощно ест от тмы свѣту

пройти или от желчи сладости, сице не возможно ест и от нечестиваго проити истинѣ, сѣдалище бо и жилище суще самого сатаны, отца лганіи, ест нечестиваго сердце. Подобаше убо сих ради никако же вѣрити таковым, но всегда брежнымъ быти от сих и дарованіемъ великим и сицевым почитаніемъ не сподобляти, занеже еже паче достой(н)ства почитати досажденіе съдѣловаетъ; но довольно им ест еже ничтоже зло от нас чаати, донележе мир с нами обლობызают. Аще же начинают распри и брани, не уступити им претящим, но бога зрителя дрѣмым (sic) положив'ше, оружія противу их взяти съ надеждою, яже къ вышнему, и молитвами преподобных мужей вѣоружившесе (л. 78) и благотвореніи, яже къ подвластным, аще нѣкоим образом быхом предстуживше их. Да не вознимъ бо, яко неправеденъ богъ наносяи гнѣвъ, буди далече от нас таковый неподобный разум. «Богъ бо, рече, судіа праведенъ и крѣпокъ и долготрѣпеливъ и не наводя гнѣвъ по вся дни» и прочаа, но паче убоимся его и благодарим о всѣх его устроеніи. Но тѣм сице имѣющимся и съдѣяннымъ добро и зѣло нужно ест къ будущему утвердити себе и в день и в ночь попечение творити, како вышняго молитва себе сътворим. да будет споспѣшник нам и покровитель въ всяком дѣле, еже аще съдѣловати въсхопемъ. Не возможно бо инако избавитися нам от воставших на ны зол, аще мѣдію и желѣзомъ град наших оградим, аще и всякое окіаньское множество тамошних людій вѣоружим. И да извѣстит нас блаженный Давыд, по толицех на иноплеменники побѣдах глаголя: «Не на лукъ бо мой уповати буду і оружие мое не спасеть мене». Но что глаголетъ: «Сътворим силу о господѣ, и той уничтожит стужающаа нас». Къ сим буди нам вѣдомо, яко варварскаяа несытость и лихоимство, единою вкусивши наших кровей, съ многым безбоязніемъ не престанет, ниже отступит навѣтующи нам разными образы и пре(л. 78 об.)тящи и гордящися на ны, понеже и мучителя имат другого супостата нашего великими и множайшими дары подвизающа его на ны. Нъ суетень въ истину онъ и вел'ми безумен ест и не вѣст окаанный, яко и елико¹ того паче дарми насыпляет, толико на себе раззвѣрит и горшаго съдѣловаетъ. Того ради подобаетъ зде разумно и хитростію дѣлати вещь и добрѣ устроити и противу мѣры силы нашеа. Противу бо обоих мучителей стояти неудобно, но и зело пагубно, да не глаголю невѣзможно ест, занеже и третій волкъ превозношается на ны. Глаголю же во проклятій град Казан гнѣздствующа зміа. Но сего убо удобно ест нам от гнезда отгнати, аще всякое замѣдлѣніе отложивше, нападем нань скоро, донележе отиди (sic) не чаемъ себѣ иное варварское нахождение. И аще про Христа

¹ Испр., в рукоп.: еяко.

небесного царя и владыкы и своего евангеліа подвизатися въсходем и всякое убо сатанинское злочестіе отгуду истребити потщимся, свѣтъ же благочестіа въвести въсходем, и царя себе и царицю Христа и его пречистую матере проповѣдати в немъ попеченіе сътворим и о тѣхъ хвалитися и славятися възлюбим, аще бо сицевымъ разумомъ въоружимся, богъ с нами и по насъ побораа будетъ отгуд. Аще же не тако, не вѣмъ, что богъ устроитъ.

(л. 79) Воспримемъ божественую ревность и отмстимъ кровей убиенныхъ многихъ тамо православныхъ братій нашихъ, да не дадимъ к тому безбожныхъ мѣста хвалитися на Христа и чтущихъ его православныхъ. Единъ естъ намъ царь Ісусъ Христосъ, его же кровію искуплены быхомъ отъ грѣха, но немъ же твоя богохранимаа дрѣжава царь и князь и государь еси истиннѣйши и святѣйши и яко помазаникъ господень. Почто даемъ иноплеменнику дарованную намъ отъ господя славу? Онъ самому сатанѣ сѣдалище и жилище естъ, ты же Христу, истинному богу нашему, образъ живъ и святому духу жилище, о немъ же и венчаеши и освятися. Симъ убо сице сущимъ, еда пристойтъ царю христову поставляти царя сатанина и видѣтися, руку давати помощи поборнику нечестіа, врагу кресту христову, скверному и всякого безаконія исполнену? Не буди тебѣ, благочестивѣйшии царю, таковъи смыслъ, но буди тебѣ в разумъ пріати словеса блаженнаго онаго хваленія богоотца Давыда, яже глаголетъ къ вышнему, акы хваляся: «Ни ли ненавидящихъ тя, господи, възненавидѣхъ и на врагъ твоихъ истаяхся, съврѣшеною ненавистію възненавидѣхъ ихъ, въ враги быша мнѣ». И кои убо могутъ быти болшіи врагы Христу и кресту своему паче (л. 79 об.) безбожныхъ скифъ? Еда разумѣемъ ли, каковыя звѣри на себе питаемъ? Азъ убо во истину срамляюся рещи, ниже бо могу разумѣти бывшую когда намъ отъ нихъ ползу нѣкую, токмо тщеты безчисленныя и озлобленія безмѣрныхъ и стуженія безпрестанныхъ горчайшій животъ намъ съдѣловающихъ, яко ниже мощи вѣдати намъ, каковъ естъ животъ нашъ. Доколѣ въ таковыхъ горчайшихъ злыхъ съдрѣжимся? Доколѣ боязни и ст(р)аху работати врагомъ нашимъ возмнимся? Да изволимъ поздно когда таковое поношеніе отъ себе отринуть, да познаютъ возненавидящеи насъ, яко сущи въ насъ и храбрость душѣвная и разумъ правъ и благъ о господѣ. «Воскую, рече богословый гласъ, смиреныхъ себе сътворяемъ, высокы създаны». Благодатію христовою вся намъ богата и обилна отъ бога дарована сущи потребнаа въ ратное дѣло и ничимъ же лишаемся, усердіа токмо требуемъ и бодрости. Сія же у насъ сущи, аще хоцемъ. Въсходемъ же всяко, аще уразумѣемъ, яко яже къ нимъ дружба наша и великихъ даровъ вселѣтное подаеніе онѣхъ убо паче на насъ раз(ъ)яриша и мертвыхъ бывшихъ ихъ оживиша, насъ же безчисленными озлобленіи и поношеніи безчестія под-

ложиша. Доколѣ убо имамаы благополучное время, доколѣ отиѣкуди инуди языческое вѣстаніе не смущает нас, найдем и мы и нападѣмъ на христіяноубійць града Казани, не истеряем дѣланій время в неплодных (л. 80) дѣяніи. Аще бо ожидаем послов¹ из Литвы, никто же нам запинатель будетъ воюющимъ тамо, аще же и не чаемъ, и тако нужда ест нам поспѣшити дѣло, донележе из Литвы не стужаемся. Скверной бо Казани от срѣд быв'шѣ, удоб намъ противу прочихъ стояти, грознымъ оттуду бывшимъ. Немощно мужемъ спящимъ и возлежащимъ побѣды въздвигнути. Подвигомъ время ест, а не прохлажденій, исгошанія сребра время, а не пощаждѣніа. Глаголаша бо и нѣкии отъ виѣшнихъ философъ къ единому царю: «Сребрянными копіи ратуѣ, и вся победиши». Въскрилимы нашихъ многихъ и добрыхъ сущихъ царскими дарованіи и изыостримъ ихъ благыми словесы и подвижателными и каковыми великый въ царѣхъ Ираклій, на Персыду устремився, изыострилъ естъ своихъ. Дивный, дивный бо сей царь, новополучивъ царство но разореніа Фоки мучителя, и сі(е) емъ обрѣтъ вел'ми озлоблено и изнемогше въ всѣхъ, безчислена зла по вся дни страдаше единнадесять лѣтъ от хагана авар'скаго начальника и Хоз'дроя, перьскаго царя, при немъ же персяни взяша и под собою подложиша весь Египетъ и Палестину и Александрію и Лівію до Ефіоплян. Разумѣв'же Ираклій царь, яко ничто же успѣетъ дары насыпляя царя Хозроя, но наипаче и множае на себе его раз(з)вѣряетъ, божественную ревность (л. 80 об.) въспрїимъ, преведе европійское воинство въ Асію, примирив'шися прежде съ хаганомъ, во второе же на десятъ лѣтъ царствіа своего противу (Пе)рсиды устремися, вѣры подавъ людемъ своимъ, яко с ними и до смерти подвижется и яко чада своа тѣхъ побережетъ. «Хотяше бо, рече лѣтописецъ, власть имѣти не століко страхомъ, сколико любовію». И вел'ми тѣхъ словесы подвижателными на брани въздвигъ, повелѣваше имъ от неправды убо огребатися, благочестіа же дрѣжатися. Прилагаше же и сіа, глаголя имъ часто: «Множество, братіа, враговъ да не смущаетъ вы: богу бо хотящу, единъ поженетъ тысуща. Пожремъ убо себе о нашихъ братіи спасеніи, прїимъ вѣн'ци мученическыя. Даже и будущее время похвалитъ насъ сицевыми мудрованіи и словесы доблественными». Дивный сей царь, воинство свое подвизаа и сіи въкупѣ с ними ратуя и подвизаяся до язвы, божіимъ споспѣшьствомъ в' шести лѣтахъ Хозровое мучительство разори и под собою покори і Египетъ и Палестину и Лівію до Ефіопіи пакы восъпрїятъ. Како убо неправедно и намъ того подражати и ревность божественную въспрїяти Христа ради и спасеніи братіи нашихъ, и разорити убо безбожныхъ скифъ сън'мища, яко же онъ перскаго почитанія,

¹ *Испр., в рукоп.: послав.*

и огнемъ сих опепелити, (л. 81) въздвизати же честныхъ божіихъ церквей, даже и память наша, яко благочестивыхъ и ревнителехъ будетъ въ вѣкы безконечныя възспѣваема. «Въ память бо, рече, вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха лукаваго не убоится». Кто сія рекль ест? Не блаженный ли Давидъ? Еда солга? Ни о немъ бо первомъ исполнися реченое. Колико роды мимотекоша, и память его не истребися, но еще въ устѣхъ всѣхъ носятся его на иноплеменниковъ съ благочестіемъ и правдою безчисленаа исправленія. Что убо? не бѣ ли и онъ царь златомъ и серебромъ обливаемъ и властію великою обложенъ, но ничто же сіа вся возмогоша повредити его не угодити богу, занеже самъ глаголаше о себѣ къ вышнему: «Въ сердци моемъ скрыхъ словеса твоя, яко не съгрѣшити тебе». И паки, отъ иноплеменниковъ стужаемъ, рече къ вышнему: «ибо седоша князи на мя глаголаху, рабъ же твой поучаашеся въ оправданіи твоихъ, ибо свѣдѣнія твоя поученіе мое суть и свѣты моя — оправданія твоя». И елика иная сицѣвая прѣрочество съдръжитъ, ихъ же всѣхъ ревнители явившеся, иже во царехъ равноапостольнѣхъ Константинъ Великій, Феодосій же и Уалентиніанъ и всѣ иже по тѣхъ благочестивѣ царствовавшихъ и богу благочестіемъ (л. 81 об.) и правдою угодиша, и вѣставшіа по времена врагы свѣтло и преславно угодиша, нѣкихъ же и въ благочестіи преложиша святителскимъ ученіемъ и различными благотвореніи, всѣхъ царю бо Христу себе и дрѣжаву свою покоривше, и ничто же отъ привлчачихъ въ сладости и временныя славы предпочитавше паче любве, яже въ Христа, но вся умышляюще въ славу христову и разширеніе божественаго его евангелія, самого всѣхъ царя сподобишася и воеводу и победителя и свѣтника, иже и дрѣжаву твою съблюдаеть и управляетъ, тако же и въ градущее (sic) исправитъ. Готовъ бо естъ славящихъ его прославляти и последующихъ ему наставити въ путъ правъ, ведущій въ животъ вѣчный, его же буди дрѣжавѣ твоей получитьи съ всѣми отъ вѣка царствовавшими славнѣ и благочестивѣ, аминь.

Сія же писахъ къ высоте крѣпкаго и чествуемаго царствія твоего, надѣявша въ ми(ло)сть его и въ дарованную ему отъ бога благоразумную мудрость, ею же кротко услышитъ всѣхъ могущихъ свѣтовати, что полезно обществу и времени пристоящее, избираеть же благоразумно ползующаа, аще и отъ худѣйшаго будутъ реченаа. Аще же нѣгде явится словеси усремленіе дрѣзостнѣ (л. 82) паче подобнаго глаголати, да не вменится, молю дрѣжавы твоея, изволенію писавшаго, но неискусію въ бесѣдахъ, яже къ царствующимъ. Мы же и себе и честную обитель Ватопедъ поручаемъ царствію твоему, яко да изволитъ отпустить и насъ восвоиса, и аще не леть естъ инуди индѣ отпустить насъ, поне откуда отпусти инока Климента.

2

Послание царю Ивану IV

По рукописи Публ. библ. им. Ленина в Москве, б. Румянц. музея № 264.

(л. 302). Да исчезнет от всякыя благочестивыя мысли лъжа и ласканіе и завистливъ нравъ, такожде да исчезнет всяко неправодѣство и лихо-радство, да множит же ся всяко праводѣство и истина и христіанолѣпенъ нравъ и кротост, в них же имі же изрядно украшается иже по образу и подобію божію рукою божіею създанный изначала человекъ, о немъ же премудрѣйшѣ речено быст пророкомъ и боготцомъ: «и человекъ въ чест быв' не разумѣ, приложися скотом несмысленным и упод(би)ся имъ», сирѣчь нетлѣниемъ и безсмергіемъ и всякою премудрѣстію и разумом преукрашенъ бывъ, не разумѣ изрядную высоту даровъ небснаго сана ему от създавшаго его, прельсгився словесы льстивыми жены легкоумныя, его же ради приложися скотом несмысленным и уподобися имъ, смертенъ бывъ от безсмертнаго и тлѣненъ от нетлѣннаго преступлені(е)мъ порученныя ему спасителныя заповѣди и вмѣсто съсуда избраннаго и вмѣстителнаго разумѣніи и дѣбаніи всякыя премудрости и божественнаго разума, показася прочее съсуд погубленъ, давидьскыи рещи, еже ест съкрушеніа достоинъ, акы непотребенъ прочее бывъ и безсчестенъ отнуд въходомъ всяческыя злобы. Но еда презрѣлъ ли създаніе пречистыхъ рукъ своихъ съкрушено бывше по зависти зміини же нѣкїи прелести? Никако же, но не преста¹ всякыми образы посѣщая его и руку помощи простирая (л. 302 об.) ему знаменні, яже съ небесъ, знаменні от земли, знаменні въ мори, законоположеніи и поученіи и наставленіи мужей святыхъ и иныхъ от земли бывшихъ премудрыхъ въ всякомъ языкѣ еллинѣхъ же и египтянъ и халдеехъ и аравлянъ и бывшихъ въ Індіи, в рахманехъ, ихъ же каждо своимъ съплеменникомъ писанныхъ оставиша различныхъ ученіи и яже о нравехъ законоположеніа ко всякой добродѣтели и правдѣ наставляюще своихъ съплеменныкы и къ познаніи съдѣтеля всѣхъ руководяще ихъ по даннѣй имъ свыше божественнѣй помощи, послѣ же и самъ всѣхъ съдѣтель и промысленикъ съставная премудрость божіа, в немъ же сут вся съкровища божіа премудрости и разума събрана, едиnorodный сынъ и слово божіе утробами щедрот своихъ победенъ иже единъ непобѣдимый самоизволенъ прииде на помощь своего създаніа. И сіе преже многихъ лѣтъ предвъзгласилъ блаженный пророкъ Давидъ, глаголя: «богъ явѣ приидет и не премолчитъ» и накы: «явит богъ боговъ въ Сіонѣ». И богоглаголивый Аввакумъ: «богъ от юга приидеть».

¹ Испр., в рукоп. праста.

О нем же пришедшим и сугубѣ сущемъ естествомъ бога и чловѣка глагола она моляс о немъ богу и отцу, глаголя: «боже, суд твой цареви дай и правду твою сыну цареви судити людемъ твоимъ правдою и нищимъ твоимъ судомъ». Сицевымъ же молится о немъ, акы о чловѣцѣ, яко же богъ бо иматъ сѣя въ естествѣ в'сажена, яко же самъ глаголетъ, отецъ (л. 303) судитъ ни единому, но вес суд далъ естъ сыну, да вси почитаютъ сына, яко же почитаютъ отца, а яко конецъ пріятъ сицевая молитва бога отца, никто же противляясь, вездѣ бо по подсолнечнѣй въспаша луча разумнаго солнца правды просвѣщающе душа богопокорно и благо разумно прикляющихъ выся своя подъ иго благое евангельскихъ велѣній и лѣхкое бремя ихъ съ усердіемъ приемлющихъ, яко же и божественый Аввакумъ, о немъ же предвзвѣщаетъ, глаголя: «Покры небеса добродѣтелъ его и хваленіа его испльнь земля, и сіаніе его, яко же свѣтъ будетъ» и прочая... Но яко же повышше предрече ми ся, и нынѣ глаголю: Да изчезнетъ отъ всякыя благовѣрныя мысли всяко ласканіе и лѣжа и завистливъ обычай, истину же и правость права да любитъ всякъ и нарочитая и достохвалная исправленіа царствующихъ благовѣрно и якоже богу благоугодно естъ не мльчаніемъ миновати, ни забвенію предати, завистию побѣждаемъ, но да хвалитъ я у себе и инымъ вѣдома да творитъ, да презѣлнѣ въспѣваемъ бываетъ и славится царь царствующихъ и господь господствующихъ, отъ него же учинени сѣтъ по божественому апостолу сущая на земли власти, отъ нихъ же едина естъ изрядна и свѣтлѣйша царствіе твое, еже по отческому жребію многолѣтному дошедше даже до твоего благовѣрія, благочестивѣйший самодержьче всея Руси, государь князь великий Иване Василіевичъ, ему же вручену бывшу ти отъ вышняго богочначаліа, правись е всякою правдою и правосудіемъ, очищая е (л. 303 об.) премудрѣйшими умышленіи и строеніи отъ всякаго неправдованія разбойничества же и кровопролитія неправеднѣйшихъ и клеветникъ бездушнѣйшихъ и вльшебныя прелести и всяческыя сатанинскыя играніи чюществныхъ бѣсовъ, слуговъ антихристовыхъ, пленящихъ душа вѣрныхъ въ всякыя богомрѣзскыя блуженіи, яко и намъ съ необиновеніемъ мощи глаголати и о твоёмъ царствіи рѣчи пророчскыя молитвы, глаголюща: «Боже суд твой цареви нашему далъ еси и правду твою сыну цареви, яко судити людемъ твоимъ правдою и нищимъ твоимъ судомъ и избавляти сыны убогихъ отъ насильствующихъ я и обидящихъ лютѣ, тѣмъ же никто же толь готовъ и усерденъ, якоже избранный твой царь и защититель нашъ въ еже пособляти обидимымъ и отмѣстити насилничаемыхъ, поминая добрѣ молящагося тебѣ пророка и царя глаголющаго: «Сътворихъ судъ и правду, не продажь мене обидящимъ мя вѣдимымъ и невѣдимымъ врагомъ». Утишилася земля древлѣ.

убо, яко же слышимъ, при пресловутыхъ царѣхъ Александрѣ Маке(до)нѣ-стѣмъ и Августѣ кесарѣ. Утішила же и при тебѣ, благовѣрнѣйшій самодръжче нашъ отъ различныя злобы и неправодѣльства велеименитаа страна всея Рус(и), управляема предобрѣйшѣ твоими премудрыми умышленіи и велѣніи, по ихъ же уловаемъ извѣстно, яко и горы словеніи въсприимутъ людемъ съврѣшенный (л. 304) мир и холми сущеи о благовѣрнѣй дрѣжавѣ твоей славніи князи и велможи възлюбятъ всяку правду, повинующися твоимъ праведнѣйшимъ уставомъ и велѣніемъ взирающе на твое челоувѣколюбнѣйше изволеніе, якоже на доброту одушевленную и образъ самыа божественнаа благодати, изъ нея же невидимо озаремъ велемудреный и быстрѣйшій умъ твой царскый. Всѣхъ преимѣши и всѣхъ одолеваеши яко же царскымъ саномъ, тако же превъходиши всѣхъ и разумомъ и премудростію божественою и благодію къ всѣмъ требующимъ твоея благолѣпныа помощи царскыа, ея же да сподоблюся получитьи и азъ, окаянный, лѣта ужъ доволна удръжимъ и различныи обстояніи озлобляемъ и якоже лодіа въ пучинѣ безпрестанно обуреваемъ всякыи тревоженіи. Ущедри мя, благовѣрнѣйшій царю, и многолѣтнаго озлобленіа благоизволи избавити мя щедротъ ради всемилостиваго бога, да и съ веселымъ сердцемъ обилнѣйшихъ приношаю вышнему яже о¹ твоей благовѣрнѣй дрѣжавѣ длѣжныхъ молитвахъ, ихъ же николи же престахъ принося вышнему, якоже свѣсть иже вся свѣдѣй, яко не лѣжу. Аще и не сподобихся видѣти царское твое лице по моимъ грѣхомъ, а слышаніемъ твоихъ всехвалныхъ исправленій и строеній радости духовныа...²

3

Объ Александре Македонскомъ

По рукописи Публ. библ. им. Ленина в Москвѣ, б. Румянц. музея № 264.

(л. 18). Александрѣ Македонскый, царь великъ и преславенъ, егда вси государи греческыа земли зговоромъ и единомысліемъ избрали его царя и государя над собою, греческою земл(е)ю, и его отпустили противу персидскую дрѣжаву, и събралися о немъ число премного благородныхъ государехъ и князь и властелехъ, и видѣвъ Александрѣ усердіе и рѣзвость ихъ, что готови вси головы своя положити за отечество свое, сирѣчь, да избавятъ греческую землю отъ частыхъ находженій и плѣненійхъ персидскихъ, и похваливъ мысль ихъ, все царство свое Македонское, рекше грады, волосте и

¹ Испр., в рукоп. от.

² Текст обрывается, вероятно, недостаетъ слова «исполнихся».

села, имѣнія вся роздавалъ имъ нещадно. Удивилися вси и говорили ему: «Царю Александре, государю, вся твоя намъ роздавалъ, а себѣ что еси оставилъ»? И онъ отвѣчалъ: «Себѣ есмь оставилъ надѣжды, рече, что въпередъ добуду вашими трудами и подвигами, то себѣ оставилъ». Таковому подобаесть быти всякому преславному государю и воеводѣ пресловутому: воинолюбцу, а не самолюбцу, подвиголюбцу и трудолюбцу, а не лѣнливцу и пицелюбцу, на поляхъ за все съ вой своими въдворяющуся (л. 18 об.) въ шатрѣхъ, а не въ теплыхъ и прекрасныхъ храминахъ и частыхъ мыльняхъ, аще въ истину желаетъ свою убо державу крѣпнати отъсюду, а своя недруги смирити.

ОТ РЕДАКЦИИ

В своей статье В. Ф. Ржиги ставит задачей дать широкую характеристику одного из виднейших публицистов России конца XV в. и первой половины XVI в. — Максима Грека, деятельность которого, по словам автора, представляет «глубокое идеологическое образование, требующее, поэтому, углубленного анализа». Как самое исследование В. Ф. Ржиги, так и приложенные к нему новые, впервые печатаемые произведения Максима Грека, — дают действительно ценный и интересный материал по истории публицистики того времени.

Однако, автору не удалось разрешить полностью поставленную им задачу «глубокого анализа» как самой деятельности и личности Максима Грека, так и всей «сложности развертывающейся тогда, — по словам самого же автора, — классовой борьбы». Не удалось потому, что как раз на связи изучаемого автором предмета с общественными отложениями того времени он слишком мало останавливается.

Вторая половина XV в. и первая половина XVI в. для России были временем бурного роста производительных сил со всеми вытекающими отсюда следствиями. На сцену выступает молодая буржуазия, развертывается борьба между ней, феодалами старого и нового типа, растут вспышки недовольства и революционного настроения угнетаемых масс, на очередь ставятся крупнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Не случайно, поэтому, что в изучаемое время мы наблюдаем столь яркие вспышки публицистической мысли, появление ряда других выдающихся для того времени публицистов, выражающих идеологию той или иной классовой группировки (Башкин, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Василий Патрикеев, Ермолай Эразм и др.).

Этого в работе В. Ф. Ржиги не показано, место Максима Грека в классовой борьбе не выявлено. Этот основной пробел необходимо иметь в виду, знакомясь с интересной по поданному материалу работой В. Ф. Ржиги.

А. Д. СЕДЕЛЬНИКОВ

Следы стригольнической книжности

1

Вопрос о стригольническом движении XIV и XV веков во Пскове и Новгороде — один из тех вопросов, при разрешении которых соблазн проблематических параллелей оказывается слишком силен, чтобы не пре-возможать, хотя бы по временам, скудные показания источников. Объясня-лось стригольническое движение по разному: не только путем туземного гевезиса, но и путем заноса ереси извне, с юга или же с запада. С юга ее выводил авторитетный византинист акад. Ф. И. Успенский. Свои пре-восходные «Очерки византийской образованности» он заключил далеко не удачною главою, связующею русских стригольников с греческими и болгар-скими богомилами.¹ Вся аргументация этой главы сводится к сходствам, находимым лишь вследствие крайне субъективного истолкования данных о русской секте. Оригинальный, составляющий как бы неотъемлемую при-надлежность стригольничества обряд исповеди земле приравнивался Успен-ским к обряду богомильской исповеди с участием лица из иерархии сектан-тов (диакона). Достаточно полемисту, московскому митрополиту Фотию (в грамоте от 1421 г.) сказать про стригольников, что они «... на небо взирающе бѣху, тамо отца собѣ нарицають. . . отъ земля къ воздуху зряще», чтобы тотчас же в этом была усмотрена дуалистическая метафизика, вра-ждебная, как у богомилов, всему материальному миру; стбит другому поле-мисту, новгородскому архиепископу Геннадию (1490 г.) сказать про стри-гольничающего игумена, что тот в свой монастырь «перестригг детей боярских», чтобы опять была готова параллель, на этот раз — с бого-мильским обрядом обрезания (!). Каким образом в севернорусские респуб-лики проникло богомильство и почему оно, отличаясь столь типичными особенностями, не называется как таковое никем из современников, не

¹ Журн. Мин. нар. просв., 1892.

одних русских, но и греков, в XIV и XV вв. прекрасно знакомых с богомилством и его разновидностями, — Ф. И. Успенский вообще отказался объяснить.

Еще до Успенского искал зарубежных источников стригольничества, но не на юге, а на западе, в среде немецких самобичующихся XIV в., акад. Н. С. Тихонравов. Параллель с флагеллянтством у него обставлена соображениями, почти исключительно касающимися идеологии, гораздо меньше — обрядности и «литературы стригольников» (Успенский последнего вопроса не затронул вовсе). Шаткость проблемы сознавалась, конечно, таким трезвым и осторожным исследователем, каким был Тихонравов. Тем не менее, даже в тщательно отделанной после ряда пересмотров редакции VI очерка «Отреченных книг древней России» говорится: «... Летописец после мора записал о появлении русских хлыстов» (sic!); равным образом и в не ранних уже по времени университетских курсах Тихонравова можно найти категорические выводы в том же роде.¹

Одинаково с богомильской гипотезой, и эта не сильна по части генезиса движения. На русскую территорию гейслеры никогда не заходили, шествия их, например, в 1349 г. по Германии (на что ссылается Н. С. Тихонравов) были территориально далеки даже от соседних с Псковом земель Литвы и Ливонского ордена. Подобно Тихонравову эпигоны той же гипотезы избегают задавать вопрос о путях проникновения, во Псков или Новгород, идей и обрядности флагеллянтства. Вообще все, внесенное ими в теорию, носит на себе печать большей легковесности, поскольку сближения даже внешне не умеряются тем «не обязывающим» приемом параллелизма, к которому в своих работах прибегал Тихонравов. Например, попытка В. Ф. Боцяновского увидеть в легенде о свержении идола Перуна, главным образом в ее истолковании, намек на самобичевания, заслуживает быть названа именно легковесною. По Боцяновскому получается так, что известная фраза летописца о палице Перуна, брошенной им на Волховский мост, «ею же (палицею) и ныне безумнии убиющеся (упиющися — по другим спискам летописи) утеху творят бесомъ», говорит о самоистязаниях на мосту через Волхов в Новгороде, — и это рядом с фактом исторически знаменитых партийных побоищ на том же мосту, под каковой факт легенда и подводится, вероятнее всего со слов местного новгородского интерпретатора, записавшим ее в XVI в. Herberstein'ом.² Приписывая легенде при-

¹ Литографированные издания лекций 1880-х годов.

² Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 119. — В. Ф. Боцяновский. «Богоискатели». СПб. 1911. Очерк 1.

менение к стригольникам, Боцяновский придает ей, можно сказать, некую нескладность и в том отношении, что по связи с исповедью земле не было, казалось бы, более неподходящего места для легендарной мотивировки самобичеваний, чем мост через реку. Что касается, с другой стороны, попытки А. В. Маркова связать один из духовных стихов со стригольничеством, то она вполне приемлема и правдоподобна, без привлекаемого тут же аргумента, который к ее убедительности ничего не прибавляет: что «непрощаемый грех» стиха, убийство «брателка крестового» отразил понятие о самобичующемся, отпрыске немецких Kreuzbrüder. Кому лучше А. В. Маркова было знать, насколько мотивом крестового братства переполнен былевой эпос, что им самим же констатируется, кстати, на одной из страниц «Бытовых черт русских былин»...¹

Существует, однако, третья возможность, до сих пор не бывшая строго оформленною на подобие первых двух, но в то же время и самая обоснованная внутренне, так как не опирается ни на какие рискованные сближения и не выводит стригольничество из источников территориально далеких. В пользу туземного русского генезиса высказался историк церкви акад. Е. Е. Голубинский, правильно (хотя и вскользь только, не развивая своей мысли в доказательство) отметивший, что основной мотив стригольнического движения, именно мотив борьбы с так называемой симонией, был еще в начале XIV в. возбудителем тверской полемики против митрополита «всех Руси» Петра. От нее сохранилось ценное по высказыванию послание монаха Акиндина к тверскому и «всех Руси» великому князю Михаилу Ярославичу. Мало того, что послание так же, как позже идеология псковских и новгородских сектантов, негодуяще относится к «святокупству», оно содержит и важный для понимания стригольничества мотив обостренного пизетета, даже своего рода ужаса перед евхаристией. Акиндин глубоко убежден, что «приобщаясь пречистых таин от него (мздоимца, «святокупца») ведаю, с ним осудится».² В основе этой убежденности лежит, повидимому, смешение разных со стороны их смысла терминов при передаче с греческого на славянский. Термины *μετάληψις*, *μεταλαμβάνειν* (*τινος*, τοῦ δεύτου χυριαχοῦ преимущественно) переводились через: причастик, причащати са, или приобщение, приобщати са, т. е. одинаково с передачей греч. *μετοχή*, *μέτοχος εἶναι*, также *κοινωνία*, *κοινωνεῖν* (*τινος*, напр. — *αἱρετικῆς*;

¹Стр. 61—62 (из Этнографического обозрения, М., 1904); его же: Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении. Богосл. вестн., 1910, VI, стр. 364—367.

²Памятники древне-русского канонического права, ч. I, СПб., 1908, стлб. 153.

вообще преимущественно по отношению к лицу).¹ Отсюда получалась дальнейшая своеобразная трактовка тех многочисленных текстов Номоканона (напр. «апост. правила» X, XI, XLV, LXX, ап. Павла XII, Антиохийского собора II), где предписывается избегать еретика, причем «причащающийся, приобщающийся еретику» (или — «еретика», γεν. part. τινος) сам отлучается, извергается, осуждается. Из сопоставления ранних свидетельств о стригольниках видно, что ими разделялись те же в сущности понятия. Отколовшись от общения с церковью, всех кроме себя считая еретиками, ибо все вокруг соприкоснулись со мздоимной иерархией (см. грамоту константинопольского патриарха Нила, 1382 г.), сектанты стали «отлучать худоумных от причастия», так как последнее раздается в церквях ставленниками на мзде, а не по достоинству (см. «Списание» епископа Стефана, около 1386 г.).²

Путь зарождения стригольнического образа мыслей делается еще яснее, если вспомнить, что в начале второй четверти XIV века произошел массовый отлив населения из тверской области в сторону Новгорода и Пскова, и что обстоятельства, вызвавшие миграцию, были особенные. Запустение тверских удельных волостей после «шевкаловщины», точнее — после нашествия орды в отместку за убийство ханского баскака Шевкала (1327 г.), летопись рисует в весьма мрачных тонах. По рассказу тверской летописи, когда князья, братья опального и бежавшего Александра Михайловича, вернулись в свою вотчину, то им пришлось собирать жителей, «а кто избыл от безбожных татар, а те бы опять были по своим местом».³ Так как опустошено было все Тверское княжество, и так как карательная экспедиция на Тверь шла с востока и юго-востока, то вполне понятно, куда должно было отхлынуть население. «В летописных сводах», говоря словами А. Е. Преснякова, «отразились народные толки о фантастических замыслах татар — разорить христианство, избить князей».⁴ Но ведь при наличии этой молвы, конечно, враждебной Москве (Тверь разорялась союзными

¹ Оттенки слов: причастия, причастити и пр. см. в Материалах для словаря древнерусского языка, И. И. Срезневского, т. II, стлб. 1490—1494.

² Памятники древне-русского канонич. права, I², стлб. 211 и сл.

³ Полное собрание русских летописей, XV², вып. 1 (II. 1922), стлб. 44. Ср. ПСРЛ, X, 195 (Никон.), с более картинным и выразительным рассказом о князьях: «...седоша во Твери в велицей нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля Тверская пуста... начаша помалу збирати люди».

⁴ Образование великорусского государства, Пгр., 1918, стр. 137. Относительно «народной песни», по которой якобы также нам знакомы те же толки, согласиться с цитируемым автором не приходится ввиду того, что подразумеваемая здесь песня о Щелкане является композицией сравнительно позднего (XVI в.), типа памфлета и с заимствованием из летописных источников. См.: Художественный фольклор, вып. IV—V (М. 1929), стр. 36—51.

силами татар и москвичей), было неизбежно оседание в широкие массы той атмосферы, в какой неособенно давно происходил у местных книжников спор с митрополитским «святокупством». Массовую миграцию населения сопровождала, надо полагать, некоторая сравнительно небольшая миграция памятников. Физической гибелью среди позднейших перетасовок книжного имущества этот процесс скрыт от нас почти целиком. Можно, кажется, указать только на один относящийся сюда памятник, именно на пергаменный пролог московского Архива Печатного двора (б. Типографской библиотеки) № 157, фолио, вывезенный в XVII в. из Пскова и зарегистрированный И. И. Срезневским под датой «около 1323 г.».¹ По языку среднерусский без заметных диалектических особенностей, а по письму скорее всего начала XIV в., данный пролог имеет на полях две приписи-памяти: одну тверского содержания, об умершем (в 1323 г.) епископе Андрее, и другую — псковского, о князе Всеволоде Мстиславиче, обе тоже XIV в. Давнюю жизнь рукописи во Пскове вскрывает запись на входном ее листе, частью затертая, но с отчетливо выделяемыми псковитизмами; и эта запись палеографически принадлежит тому же XIV в.² Упомянутая первая приписка: «и преставленъ андрѣа ѿпа тѣфѣрьского а по немъ братыа годину правьте», сделана, само собою понятно, в среде, чтившей человека, ославленного еретиком и распространителем клеветы на главу русской церкви, митрополита Петра, и во всяком случае, виновника целой церковной смуты.³ На образце типографского пролога можно себе представить переход во Псков и других книжных памятников из Твери, связанных с личностью и деятельностью епископа Андрея. Такие памятники тем естественнее туда тяготели, по переходу части тверской аристократии в 1327 г., что Андрей сам по происхождению был псковский выходец, сын литовского князя Гердена, плененный из Литвы в детстве (в 1267 г.).⁴ История псковского княжества Александра Михайловича (1327—1337) с последовавшими событиями как нельзя лучше была способна продолжить оппозицию времени епископа Андрея и князя Михаила Ярославича (отца Александра): пока тверской князь сидел во Пскове, московские князь и митрополит

¹ Памятники русского языка и письма² (СПб. 1882), стлб. 180. См. о нем же у А. А. Покровского, Древнее псково-новгородское письменное наследие (М. 1916, из т. II «Трудов XV Археологического съезда в Новгороде»), стр. 80. Говорит о нем же Н. Серебрянский, Древне-русские княжеские жития (М. 1915), стр. 263.

² О ней: А. Седельников. Псковские писцы XIV в. и фольклор. Slavia (Прага, 1927), стр. 70.

³ См. современное житие м. Петра (в редакции ростовского епископа Прохора): Макарий, История русской церкви, т. IV (СПб. 1866), стр. 308—312. Также: ПСРЛ, VII 165 и 263.

⁴ ПСРЛ, там же.

(Феогност, с 1329 г.) все время стерегли свою жертву, то жалуясь в орду, то грозя интердиктом или отказывая в поставлении епископа во Псков. Характер вражды, так сказать княжеско-фамильный на первых порах, демократизировался вскоре же и тем успешнее, что Псков XIV в. не знал епископального строя. Псковская церковная община как бы унаследовала от Твери враждебность к митрополии, с тою однако разницею, что недовольство, то тлея, то вспыхивая, имело перед собою промежуточный этап — Новгород. Длительные правления Феогноста (1329—1358) и его ставленника на новгородскую кафедру Василия Калики (1330—1352) не обошлись без заострения по разным поводам, большею частью глубоко бытовым, а потому понятным даже для широких народных масс, вопроса о «мзде».¹ Со своей стороны разложившееся духовенство, в связи с отсутствием над ним местной церковной власти и с непопулярностью новгородского архиепископа — занятого, в глазах недовольных, всего больше поборами на себя и на свой клир — само приводило к идее об учительстве мирян.

Так, надо думать, слагались условия для открытого выступления стригольнических деятелей: отлученного от службы дьякона Карпа, дьякона Никиты и «третьего человека простца (т. е. мирянина)», поплатившихся за свою проповедь жизнью в 1376 г.²

2

Книжность стригольников, по крайней мере тех, с которыми в конце XIV в. полемизирует епископ Стефан, вне сомнения. Они удо-

¹ Между прочим, обращает на себя внимание длительный (1337—1347) интердикт, наложенный на Псков Василием Каликой по случаю отказа ему в судебной пошлине.

² Упоминание о их казни (свержении с Волховского моста в Новгороде) см. напр. в IV Новгородской летописи: ПСРЛ, IV (Пгр. 1915), стр. 305; в старом издании той же летописи (СПб. 1848), стр. 72. Едва ли не тем же низким, в глазах их церковных противников, социальным положением главарей секты вызвано было презрительное прозвище «стригольник». В. Ф. Боцяновский, предлагавший для него этимологию от стрѣкати «бить, колоть» и стрѣвало «жгут» (?), разумеется, не смог бы объяснить переход к и между гласными. Мало того, что такой переход необъясним фонетически, не помогает и обращение к аналогии со стороны основы стриг-, раз первопричина прозвища заключалась в самобичеваниях, должеествовавших только мешать его затемнению и видоизменению. Гораздо проще иметь в виду значения от стриг-: либо «сам себя стригущий», либо «не идущий дальше стрижки» (как знака принадлежности к кругу низших клириков — дьячков, чтецов, певчих, пономарей, ср. данные об обряде посвящения у А. Неселовского, Чины хиротесий и хиротоний. Каменец-Подольск, 1906, I, гл. V). Говорить же о стригольниках, как о секте, свившей себе гнездо сначала в профессиональной среде, сколько-нибудь серьезных оснований не имеется. Старшие памятники, во главе со «Списанием» Стефана, нигде не связывают прозвище с профессиональными занятиями стригольников, что подрывает, конечно, кредит к фразе из «Просветителя» Иосифа Волоцкого (Каз. 1903 г., стр. 541) о том, что ересиарх Карп был «художеством стригольник», т. е. цирюльник по ремеслу.

блжаются фарисеям — «таким же книжникам, постникам, лицемерам»; говорится об изученных ими «словах книжных», «яже сладка суть слышати христианом». О главаре секты дяконе Карпе передается, что он соблазнял народ, «показуя писание книжное, еже и списа на помощь ереси своей». Подобного рода отзывы полемиста, отдающего должное эрудиции своих противников, заставляют спросить: какого же характера была стригольническая книжность?

Гипотезы заноса стригольничества извне русских пределов вопрос о литературе движения игнорируют. Если тихонравовская гипотеза и обращалась частично к литературным данным, проводя параллель между гейслерской «Эпистолой» и славянорусской «Епистолией о неделе», то это было оторвано от идейности, как последняя известна по полемическим отзывам о стригольниках, не говоря уже о том, что упомянутая параллель не считалась совершенно с близостью «Епистолии» к греческим и югославянским текстам того же апокрифа несравнимо большею, чем к той специфической Эпистоле, которой немецкий текст сохранен страсбургскою хроникю Klosener'a, а французский — хроникю de-Nangis'a.¹ Поскольку стригольничество являлось проповедью книжных людей, своего рода начетчиков, нельзя ограничиваться указаниями на чужеземные аналогии. Наоборот, обследуя местную, северно- и среднерусскую письменность XIV в., легко убедиться в существовании обширного круга памятников, примыкавших к идеологии стригольничества, причем они, в свою очередь, уходят литературными корнями вглубь византийско-славянской традиции, но не обнаруживают связей с западноевропейскою. Таким путем создается туземно-бытовая характеристика литературы, входившей в обиход стригольников.

Прежде всего, среди поучений против язычества, изданных и комментированных Гальковским,² есть несколько, где противоязыческие выпады текстуально сближены с нападками на духовенство. Анализ таких поучений, как «Слово христолюбца и ревнителя по правой вере», «Слово... о том, како первое погании веровали в идолы» или же «Слово о посте к невежам», устанавливает, что это оригинальные русские произведения, лишь на основе из переводного материала, и что они происхождения частью еще домонгольского, частью раннего примонгольского. В них наблюдаются не только следы недовольства духовенством, но и следы проповедничества

¹ См. А. Н. Веселовский, Опыты по истории развития христианской легенды, II, Эпистолия о неделе. Журн. Минист. нар. просвещ., 1876, III, стр. 50—116.

² Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II, М., 1913.

от лица «христолюбцев» — мирян, уходящие в древность за XIV век. Такие поучения не могли исходить с церковного амвона, они враждебны кастовому праву поучать. Особенно они приходились ко двору таких церковных общин, как псковская, где, за отсутствием епископальной дисциплины, выдвигался вперед низший, мирской слой церковников.¹

Далее: несомненно близок к судьбам стригольнического движения, по своей композиции, один из туземно-бытовых сборников, именно Измарагд в его двух наиболее отчетливо выделяемых редакциях, «первой» и «второй». Списки первой редакции, как известно (и как, действительно, полагается столь оппозиционному подбору статей), составляют величайшую редкость, однако все же и среди сохранившихся числится старейший список, на пергамене, XIV в. (Рум. № 186, в московской Публичной библиотеке СССР). Списки второй редакции насчитываются многими десятками, приближаясь к цифре 200. Исследователь Измарагда В. А. Яковлев отмечал, что редакция, названная второю, изменяет существенно весь состав сборника, но тенденцию этих изменений он даже не пробовал установить.² Установить же ее было бы весьма нетрудно. Во-первых, тема «почитания книжного» проходит буквально через весь старший тип, проскальзывает во многих местах статей и на иные темы; в младшем, представленном списками начиная со второй половины XV в., огромное большинство этих мест исчезло: либо отсутствуют сами статьи, либо читаются в вариантах без соответствующих мест о «почитании книжном».³ Во-вторых, мотив величайшего пиетета перед евхаристией; применительно к недостойным священнослужителям характерно урезан и дополнен в младшем типе главами на тему о почитании священника и о мирянах, причащающихся недостойно.⁴ В-третьих, обличительные тирады по

¹ На этом очень удачно останавливался еще А. И. Никитский в статье «Очерк внутренней истории церкви во Пскове». Журн. Мин. нар. просв., 1871, V (глава III).

² К литературной истории древне-русских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893.

³ Вероятно, что группа статей, идущая по типу Рум. 186 вслед за открывающим его «Слосовом» патриарха Геннадия, сознательно была взята как руководящее начало при составлении сборника в редакции, близкой к тому же старшему типу: таковы главы под №№ 2, 3 (вариант последней — № 5 младшего типа, см. у Яковлева), 4 (с нею № 4 младшего типа имеет только начало общее). Младший тип лишен статей, затрагивающих данную тему: №№ 22, 28, 63, 71, 72, 76, варианты же к статьям 27 (мл. т. — 21), 36 (85), 44 (35), в нем читаются без соответствующих мест о почитании книжном.

⁴ Так, глав №№ 75, 76 с упреками иереям нет в младшем типе, главы 7, 8 являются сведенными во едино (вариант — № 95). В главах мл. типа 18 и 56 трактуется о почитании пресвитера, не взирая на его личность (тогда как соответствующий по ст. типу № 48 о «пресвитере» не говорит, содержа особую обезличивающую версию; ср. греческий текст Анастасия Синаита: Migne, Patrol. curs. compl. ser. gr., LXXXIX, 848. Центр тяжести переносится на

адресу духовенства, в связи с только что упомянутыми особенностями двух типов, в младшем опять-таки почти совершенно отсутствуют.¹ И наконец, четвертая резкая особенность старшего типа, мотив права учительства простцам-мирянам, — права, полностью к ним переходящего во времена «духовного глада», сведена младшим типом Измарагда к нулю, так как статьи, говорящие об этом праве, потерпели где-то по пути к младшему типу (может быть, при редактировании старшего типа непосредственно во «вторую» редакцию) урон максимальный.² Все эти рассеянные по книге изменения не оставляют сомнений, что их основная причина — определенного порядка тенденция, вызванная враждебной идейностью более древнего состава статей, хотя бы и не того в точности, какой теперь известен под названием «первой редакции». Но мы знаем, какая среда в XIV и XV веках всего ближе реагировала на весь комплекс мотивов, изгоняемых младшим типом раннего Измарагда, а потому вряд ли возможна ошибка насчет идейной близости старшего типа этого сборника к стригольничеству. Здесь имеет значение, конечно, не просто тот факт, что рукопись Рум. 186 относится к XIV в. (притом, повидимому, к срединной части этого века), и что она же отличается новгородским, в широком смысле слова, консонантизмом (менюю ц' на ч'). Эти ориентирующие приметы из-за значительной дефектности Рум. 186 были бы по отношению к Измарагду, как стригольническому сборнику, малодоказательны, если бы не точная повторяемость всего уцелевшего состава Рум. (более 100 листов фолио) тем полным составом Измарагда, который только-что был охарактеризован в качестве старшего. Среди глав, отсутствующих в Рум. и наличных по полному составу (рукоп. XVI в., б. Троице-Сергиевского лаврского собрания № 204, теперь также в Московской Публичной библиотеке СССР), нет ни одной опаздывающей для датировки XIV веком; а глава, стоящая идеологически на первом месте во всей пропаже Рум., — что всего важнее — действи-

«недостойных» мирян, которые не только недостойно причащаются (№№ 112, 155), но и не постыятся, не каются, не посещают храм (упоминание глав приведено Яковлевым, стр. 252, 269).

¹ В силу ассоциативной связи мотивов, относящихся сюда рассеяно по большей части только что перечислявшихся статей на темы старшего типа. Несмотря на единичный лишек у типа младшего, в виде отсутствующей в старшем главы 41, устанавливается недочет и обличительного мотива (против духовенства), при очевидном выдвигании, наоборот, защитительных: главы под №№ 18, 56, 154. Редкая здесь апелляция к священникам имеет, как замечено еще Яковлевым, ту особенность, что делается как бы между прочим, сопровождая увещания мирянам внимать преподаваемому учению, поскольку учительство есть обязанность священнического чина: главы младшего типа 41, 125 и др.

² Помимо замечательной главы № 71 старшего типа, где формулировка учительства мирян наиболее резкая и полная, младший тип не знает также глав старшего: №№ 6, 16, 22.

тельно известна по списку XIV в., притом, как увидим дальше, достаточно специфичному; это, именно, «Слово о лживых учителях», 71-я глава старшего типа Измарагда.

Вводя Измарагд в литературу стригольников, мы тем самым сдвигаем с привычных устоев понятие о ней. Становится ясным, почему можно искать ее и не находить, если ожидается что-либо резко отступающее от церковно-православной догмы. Такие ожидания не могут оправдаться, раз стригольническая литература состоит по преимуществу из старых учительных памятников, с давних пор входивших в «почитание книжное». Очевидно из тона и содержания полемики, что стригольническая книжность не вызывала возражений по существу. «Словеса» этих книг было «сладко слышати христианом», после чего поясняется еще явственнее: стригольники соблазнились в книжном писании, совратив и других, хотя для людей правоверных то же самое «...книжное почитаніе... — недвижимо спасеніе. Всякъ бо, почитаа книжная писаніа безъ смиренія и кротости, ища кого укорити чимъ, и тѣмъ впадаетъ въ ересь, и бываютъ ему соблажненію камень, и на жизнь вданаа ему заповѣдь обрѣтается ему въ смѣрть».¹ Не может быть двух мнений о свойстве подразумеваемой здесь книжности: ее признавала, не могла не признавать и церковь. Далее, по самой своей природе, опять-таки со слов первоисточников (в данном случае особенно из грамоты патриарха Нила, 1382 г.), движение было слишком ортодоксальным и консервативным, чтобы ожидать от его литературы каких-нибудь специфических признаков. Людям, взявшим на себя охрану канона, остались чужды образовательные интересы, одинаково — с элементами ли научной схоластики или религиозной гностики. Оставаясь начетчиками, эти люди имели дело с книжным арсеналом, общим у них и у их противников. Только в таком русле шла и могла идти полемика.

3

Показания литературы в типе, представленном ранним Измарагдом, подтверждаются со стороны несколько иного типа книжной продукции, принадлежащей заведомо стригольническому району и времени разгара движения. К сожалению, псковская и новгородская письменность XIV—XV веков в своих сохранившихся остатках дает очень скудный для этого материал, так как сборники «неопределенного состава», т. е. не стесненные традиционными рамками, а стало быть проявляющие наибольшую инициативу по своему подбору статей, среди упомянутых остатков встречаются

¹ Памятники древне-русского канонического права, стлб. 12, 227.

крайне редко. Характеризуемая ниже рукопись, сборник Ленинградской Гос. Публичной библиотеки, Софийского новгородского собрания № 1262, является без сомнения уникальной.

В научный оборот данный сборник вошел давно. Так, отсюда были изданы: «Слово поучение иерусалимское» (Луки Жидяты) и поучение Феодосия Печерского к келарю;¹ три «слова» против язычества;² «Устав о среде и пятнице»;³ «Послание Есифа к детям и братии».⁴ Отсюда же был извлекаем обильный материал для характеристики языка Пскова и его области.⁵ Если, несмотря на все соприкосновения с рукописью, до сих пор отсутствует в печати описание ее состава, то в этом причинно (помимо того обстоятельства, что надолго осталось недоизданным описание новгородского *софийского собрания*) слишком библиографичное, так сказать, ее использование: интерес к ее той или иной статье был слишком оторван от впечатлений, какие дает она же, но в своем целом. Здесь говорится, конечно, о впечатлениях литературных, связанных с идеологией непосредственно, на основе уже имеющегося описания языковедного. Последнее не оставляет сомнений в псковской стихии, фонетически чрезвычайно ярко окрасившей собранные в книгу статьи.⁶ Что рукопись происходит из псково-новгородского района, говорят и записи об ее принадлежности, начиная с XV в., новгородскому Видогощинскому монастырю.⁷ В Софийскую казну, т. е. в кафедральное книгохранилище она попала, повидимому, очень поздно, так что по крайней мере два века ее жизни протекли в подгородном новгородском монастыре. Важно было бы знать, на какое время приходится испытанные сборником крупные утраты. Вероятнее, что они имели место, пока были действительны, в смысле их одностности, мотивы рассеянные и по сохранившейся части сборника; например, показательны дефекты «Властимии», переводного (с греческого) трактата против «святокупства», который все же и при дефектах занимает свыше трети всего объема рукописи.

И по материалу (чередование пергамента и бумаги) и по характеру письма (старший русский полуустав) сборник Соф. 1262 относили обычно

¹ Макарий. История русской церкви, II, 334—335.

² Летописи русской литературы и древности, т. IV (М. 1862), отд. III, стр. 107—112; Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества, М. 1913, стр. 59—63; 248—255; также (варианты к тексту) стр. 271—276.

³ С. И. Смирнов. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины, М. 1912 (Чт. ОИДР, III), стр. 187.

⁴ Н. К. Никольский. Материалы для истории древне-русской духовной письменности. СПб. 1907, стр. 135—140.

⁵ Н. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке, СПб., 1909, стр. 129—139.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 129—130.

к концу XIV или началу XV в. Детальный палеографический анализ при помощи филиграней бумажной части рукописи позволяет относить ее, однако, к восьмидесятым годам XIV в.¹ Что касается среды, из которой вышел сборник, то она была хотя и книжная, располагавшая нешаблонным подбором статей, но чуждая орфографической моде, владевшей уже в конце XIV в. псковской письменностью.² В правописании Соф. 1262 отмечают полное отсутствие югославянского влияния.³ Почерк, во всяком случае, не школьный.⁴ Судя по общему облику книги, она писалась не на заказ, а для собственного, домашнего чтения. Изготавливая книгу, предпочитали, кажется, пергамен бумаге, но не располагали средствами или, вообще, возможностью для того, чтобы иметь хороший пергамен, без лакун.

Все это, вместе взятое, приводит к мысли, что от Соф. 1262 следует ожидать более или менее яркого отражения эпохи, что эта рукопись, иначе говоря, служит хорошим рупором для переживавшихся во Пскове и его области, под конец XIV в., идейных интересов. Действительно, если состав Соф. 1262 не может претендовать на роль прямого книжного наследия сектантов, которое руководитель движения переписал «на помощь ереси своей», то все же с очевидностью идеологически близок их среде, и элементы того, что составляет искомую стригольническую литературу, в нем представлены обильно. На общем учительно-каноническом фоне здесь довольно часто повторяются мотивы, образующие также идейную канву старших типов Измарагда. Мотив «достойного причащения» трактуют: послание Есифа, выписка «яко не подобает сблзняться о службе святых даров», направленная против стригольнических понятий о недостойности, отрывок из «Слова... о том, како первое погании веровали в идолы», Предсловие честного покаяния, Поучение Феодосия Печерского к келарю.⁵ Рядом звучит другой часто повторяемый мотив, пизтета перед «книжным почитанием», причем связуется обычно с мотивом невежества, неучительности духовенства. Упреки последнему в плохом исполнении своего долга, в невежестве и лихоимстве, характеризуя, например, толковое «Сказание Григория Богословца папы римского(sic!)», достигают наибольшей остроты

¹ По авторитетному определению Н. П. Лихачева, сделанному (устно, в связи с настоящей работой) еще в 1921 г.

² А. А. Шахматов. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. (рецензия на вышеупомянутую книгу Н. М. Каринского. Журн. Мин. нар. проsv., 1909, VII).

³ Н. Каринский, ук. соч., стр. 131.

⁴ Старший русский полуустав. Письмо вообще изобилует описками, что также говорит за «нешкольность» писавшего или писавших (скорее — один писец).

⁵ Лл. 11—12а, 55 и об., 108 об.—110, 121.

в текстах Власфимии и Слова о лживых учителях.¹ В качестве образца, роднящего друг с другом Соф. 1262 и проповедь сектантов, следует указать еще (помещенное без заглавия) «Слово святых отец о праздновании духовном и о пьачтстве». На первый взгляд специально сектантского, псково-новгородского в этом «слове», восходящем по имеющимся текстам к XII в., ничего нет. И тем не менее, оно вполне уместно, как источник и материал для стригольнической проповеди. Автор поучает воздерживаться, особенно в господские праздники, «... тело кормаще земнымъ брашноу, а дшю дхвнымъ брашию. То же брашно въ съсудѣхъ лежитъ книжныхъ. снесено сънбси. еже есть оучение книжное. ѿ том же брашиѣ ксть речено. иже и глеться хлебъ аягльскыи гать человекъ... Да что бо ны недоставатъ въ стмь писании. И пакы рече оупиютъся. ѿ ѿбиле домоу моего. Дом бий бо ксть пркы. а питие книжнаа словеса. А еже оупиютъся рекше оумудратса...», и т. д. У стригольников мы встречаем рационалистическое развитие того же самого мотива. Сектанты «отлучали худоумных от причастия», ссылаясь на недостойнство священников, но не противопоставляя причастию чего-либо иного кроме своего писания книжного. Недаром же и обращающийся непосредственно к сектантам («вы, стригольницы!») полемист начинает с параллели между змием искусителем и Карпом стригольником: оба, и змий и стригольник, отлучили людей от «древа животного», указав им на «древо разумное» (библейское «познания добра и зла»).

По свидетельству того же полемиста, образовавшие секту и особую от церкви общину опирались на текст (I Тимоф. III, 7), согласно которому апостол Павел «и простому человеку повеле учить». Этот вывод к проповеди мирян как нельзя более ярко и в соупутствии резких обличений духовенства делается Словом о лживых учителях. Непереводность этого Слова (заимствования из Златоструя), равно как и то, что оно русское (в нем перечень «неудобъ исцелимыхъ» грехов, включающий русскую языческую обрядность; ссылка, как на источник, на русское «Предсловие чистого покаяния»), бесспорна. И вот оно-то, появляясь впервые в псковском списке кон. XIV в., неприемлемо в устах церковного проповедника, а кастовому характеру иерархии враждебно. Когда духовенство «возволчилось» и небрежет об овцах, говорится в нем, — вперед обязаны выступить книжники-простцы: «... егда, пастуши възволчатса. тогда подобаетъ ѿвци ѿвцѣ паствити. въднѣ глада насытатъся. рекше близъ смьртнаго днѣ. не сущю еппоу ни оучтлю. да аще добре наоучить и простыи и то добро».² Поучение

¹ Лл 35—49, 87—97, 106—108 об.

² Л. 106 об.

дает богатый подбор ссылок в пользу проповеди мирян, не ограничиваясь только толкованием писания, но прибегая и к причте. Среди его ссылок особенно интересны две: 1) «... моисѣи не стѣль баше но стѣли ставлаше и оучаше. елдадъ и молдадъ въ зборѣ оучаста люди. и завидѣвъ имъ ѿ сънавгинъ поведѣ Моисѣю. Моисѣи рече кгда (sic) ты имъ и завидиши не дѣхъ ли наоучи вса проричати. егда боудеть има далъ дѣхъ стѣи. много же наказа стѣмъ дѣмъ. и звѣремъ. благовѣстовати на ползу члѣвкомъ». — 2) «... того ради павель апѣль рече. подобакъ оубо стѣлемъ послушество имѣти ѿ внешнихъ. Вѣдомо же боуди послушание ксть оучение, а внѣшнии же соуть иже не имоуть ни ерѣиства ни дияконѣства но певци или четци соуть».¹ Не к таким же ли, в сущности, выводам пришли псково-новгородские сектанты, которые, в глазах своих противников «ни священства имущи, ни учительскаго сана, сами ся поставляют учителя народа, от тщеславия и высокоумия»?

Занимающая значительную часть Соф. «Власфимия» была обследована по полному списку (нач. XVI в., б. Казанск. дух. академии № 1085, поступил также в Ленинград. Публичную библиотеку) Пл. П. Соколовым.² Но еще раньше Н. К. Никольский, по поводу «Послания Есифа к детям и братии», упомянул об ее наличности в новгородско-софийском сборнике. Догадка же (Соколова), что своими главами «Власфимия» служила тверским противникам митрополита Петра, и что именно в связи с тем спором появился ее переводный текст, приобретает себе существенную точку опоры только теперь, когда, во-первых, можно вскрыть созвучие «Власфимии» с другими статьями Соф. 1262, и во-вторых, устанавливается историческая обстановка передвижения стригольнической идеологии во Псков и Новгород из Твери. Не подлежит сомнению и пережитое средство текста «Власфимии» ко времени формирования рукописи Соф., с мотивами стригольничества, которые она, т. е. «Власфимия» не впервые, конечно, сопровождает в местной письменности. Так, обратим внимание на повторяемость следующего мотива, варьируемого софийскою «Власфимией»:

«мнѣ же слезы приходать кгда слышу ѿ нашего црви нѣкыа нѣмыа црѣвники глѣца. ѿ на нѣкыа глѣца. яко не глѣхутса си въ стѣхъ книгахъ» (л. 92, в составе «Власфимии»).

«мнѣ же слѣзы приходать егда оуслышу некиа и нѣмыа црѣвники глѣца. яко не суть си въ стѣхъ книгахъ писана» (л. 107 об., в составе «Слова о лживых учителях»).

¹ Лл. 106—106 об.

² Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, стр. 209 и сл.

Не менее нагляден другой след освоения «Власфимии». Страницей с ее же текстом оклеена (совнутри) нижняя доска переплета Соф. 1262, причем без редакционных отличий повторяется вписанное в книгу. При этом в некоторой части упомянутой страницы обклейкою текст не только дублируется, но — по отношению к XXV главе «Власфимии», именно новелле Андроника Палеолога (начин.: «царь и причетници града того в трех чинах избрание да сътворят») — выписывается в третий раз (л. 72 об. 111¹, обклейка). Стало быть: мы встречаемся в современной разгару стригольничества псковской рукописи с размножением того самого канонического документа, который служил, как думали, обоснованием еще для тверского монаха Акиндина.¹

Состав Соф. 1262, сборника глубоко бытового, обязывает учесть все, вплоть до пергаменных обрезков, использованных в нем кое-где в качестве скрепы листов при переплетении — имея в виду несомненную современность переплетения сборнику. Обращает на себя внимание скрепа лл. 92—92 об., изъятая из недописанных наполовину листов пергамена, со следующим чтением: «Прътъи несквѣрнии безна(чальный; дальше на обороте скрепы:)... же дѣлы гавлаги виегда спасеную стртъ приять пода... намъ образъ смѣрениа грѣши...». Это не что иное, как начало и дальнейшие купюры молитвы, помещавшейся в Цветной Триоди на предмет произнесения во время троицкой вечерни. Припомним, что одна из молитв той же вечерней службы (с формулой: «и тебе, земле мати, согреших душою и телом») указывалась, как возможный импульс к стригольнической исповеди земле.² Простое ли совпадение в данном случае, или нет, — т. е. Соф. 1262 даже переплетался, так сказать на почве, удобренной стригольническими текстами, — остается конечно, не решенным. Как бы то ни было, если здесь и случайность, то случайность весьма кстати дополняющая впечатления от рукописи.

Резюме всему наблюденному относительно Софийского сборника: не являясь вышедшим непосредственно из-под сектанского пера, он весьма последовательно несет в себе стригольнические интересы, что сказалось на вариациях определенных, связуемых с «ересью» тем, другими словами — на литературной насыщенности мотивами раннего Измарагда и «Власфимии». Вообще Софийский сборник в значительной мере сохраняет физиономию стригольничества, как такого рода комплекса понятий, который исходил из прямолинейного пуризма догмы, почему собственно и ассимилируются

¹ Пл. Соколов, назв. соч.

² С. И. Смирнов. Исповедь земле (прилож. к исследованию: «Древне-русский духовник»). Чт. ОИДР, 1914, II, стр. 255 и сл.

столь легко элементы стригольнической книжности, лишь с трудом поддаваясь выделению. Обрисованная выше история движения со своей стороны поясняет, насколько глубоко его прошлое и насколько оно туземно; даже осуществившийся его переход с верхов тверского общества начала XIV в. в псковскую и новгородскую демократию конца XIV в. нейтрализовался до поры до времени консерватизмом, присущим строго охранительной идеологии.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Эволюция русской повести в XVII веке

I

Изучая, в связи со своими занятиями в Комиссии по древне-русской литературе Академии Наук СССР, историю оригинальной (непереводной) русской повести XVII века, как круг литературных явлений этого времени, недостаточно еще до сих пор освещенный исследователями, я остановился на ряде повестей, до сих пор почти не привлекавшихся к исследованию. Это дало возможность не только ввести в научный обиход несколько новых фактов, но также сделать несколько наблюдений более общего характера над эволюцией повести этого времени, наметить несколько черт этой эволюции повествовательного жанра в XVII в., не лишенных, думается, интереса для уяснения отдельных черт в истории русской повести и в следующем столетии, а в иных случаях даже и в XIX в., по крайней мере в его начале.

Чтобы несколько ближе подойти к этой эволюции, охарактеризовать ее фактами, извлекаемыми из самих повестей половины XVII в., я останавливаюсь на первый раз на двух, почти неизвестных до сих пор исследователям повестях на темы якобы из византийской истории, предпослав несколько замечаний общего характера, которые помогут определить место этих повестей в ряду других того же времени, к которому я нахожу возможным отнести заинтересовавшие меня повести.

В половине XVII в. во всей московской литературе наметился, как известно, настолько отчетливо сдвиг в сторону Запада, что историки русской литературы, например, Н. С. Тихонравов, В. М. Истрин, П. Н. Сакулин и др., находят возможным — и не без основания — говорить об этом времени, как о начале нового периода в истории русской литературы, тесно связывая литературу этого времени уже с литературой первой половины XVIII в., когда характер этого нового периода ее окончательно определился. При этом исследователи имеют в виду главным образом ту часть

русской литературы XVII в., которую можно назвать передовой, бывшей уделом преимущественно верхних классов русского общества, как преимущественных носителей этой передовой по направлению литературы. В то же время, как и в других отношениях, в русском обществе и его литературе яснее прежнего обнаруживается классовая или, по крайней мере, групповая дифференциация или расслоение, в котором мы имеем возможность уже более определенно выделить не только высший слой, но и другие. В числе этих групп намечается группа средних и низших классов грамотных людей, интересующихся и культивирующих литературу; к ней относились низшее духовенство, может быть, монашество, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство. Сдвиг по направлению к Западу в этой среде выражается не одинаково и не в одинаковой степени; они в различной степени идут навстречу новому направлению, различно к нему относятся, начиная с горячих сторонников новизны и кончая старообрядством. Вот в этой-то среде, как мне представляется, можно наметить, в свою очередь, одну меньшую группу, которая, тесно связанная в своих литературных интересах с предшествующим временем (как впрочем и вся литература половины XVII в.), но не примыкающая открыто к новизне, в то же время реагирующая на оживление литературного движения половины века, создает в области поветствовательного жанра нечто своеобразное, совершает в своем кругу также сдвиг, но по характеру иной, нежели простое обращение к Западу, и вносит таким образом несколько черт для характеристики литературы средних и низших классов и в XVII столетии, давая возможность понять в ней те черты, которые до сих пор оставались не достаточно ясными. Эта группа, под влиянием общего перелома, вызванного западным течением в жизни и литературе, вырабатывает свое отношение к материалу, представляемому литературой старшего периода, в то же время лишь слабо отражая новое направление, но зато, черпая свои особенности из иных источников; вместе с тем она вырабатывает или, по крайней мере, пытается выработать — свои формы, свою стилистику, отличные от остальных. Это-то свое, мне кажется и можно в некоторой степени определить на основании анализа нескольких повестей половины XVII в., а в том числе и на основании ознакомления с теми двумя малоизвестными повестями, о которых мною и предлагается ниже несколько замечаний и сопоставлений с другими повестями приблизительно того же времени.

Среди рукописей собрания В. М. Ундольского (в Гос. Публ. библ. им. Ленина в Москве) есть две небольших мало известных повести (№№ 942 и 943 в 4-ку, на 7—8 листках каждая), обе одной рукой, скорописью се-

редины или второй половины XVII в.¹, о византийском царе Михаиле III (842—867), сыне Феофила и Феодоры. Повести эти в рукописи Ундольского носят одинаковое заглавие: «Слово о благочестивом царе Михаиле», сходны по начальным словам, но различны по содержанию. Греческого или какого-либо иного оригинала этих повестей не известно, и, как видно будет из дальнейшего, его и искать нет надобности, так как повести эти следует считать произведениями русского книжника, вероятнее всего середины XVII в., пользовавшегося отчасти греческими источниками, но не в подлинниках, а в существовавших уже до него славянских или славяно-русских текстах.

Первая из интересующих нас повестей (№ 942) рассказывает несколько эпизодов из жизни царя Михаила III, говорит об убийении его Василием Македонянином и заканчивается рассказом о воцарении Василия. О беспутном характере Михаила, о восстановлении при нем иконопочитания (о чем обычно говорит большинство греческих хроник) нет в Повести ни слова: характер Михаила определяется заглавием² и начальными ее словами «Бысть во Цареграде царь Михаил благочестив и славен зело во всех странах»;³ согласно с этим Повесть обходит все отрицательные черты личности Михаила, говорящие о его неприличном для царя увлечении конским спортом,⁴ попойками, о его самодурстве (о чем с теми или иными подробностями сообщают греческие хроники, а за ними и русские хронографы); и самая смерть Михаила объясняется не этими его «качествами», а скорее просто случайностью — обидой, нанесенной им честолюбивому Василию, и только косвенно указывается повод к этой обиде.

¹ Две тетрадки из расплетенного Ундольским большого сборника К. Истомина (см. ниже). Называя эти повести «малоизвестными» (а не неизвестными), я имею в виду доклад о них, сделанный 21 янв. 1894 г. в Обществе люб. др. письм. И. Н. Ждановым (см. Отчеты о заседаниях ОДЦ в 1893-94 гг., стр. 11; ср. Виз. Врем. II, 1894, стр. 308—309). Доклад И. Н. Жданова остался не напечатанным; поэтому более обстоятельное содержание доклада остается нам не известным; судя же по изложению доклада в отчетах Общества, можно заключить, что со Ждановым я расхожусь в определении времени создания указанных повестей (И. Н. относил их к XVI в.) и в объяснении имени Левтасара (во второй повести): он находил возможным солижать это имя также с именем Льва Хазара. Об обеих этих повестях есть глухое упоминание в Летописях русск. литерат. и древн. (т. II, 1859, 100, прим.) при издании повести об Еруслане. Об издании второй из повестей см. ниже. Во всяком случае, обе повести, особенно первая из них, остаются до сих пор не исследованными в научной истории русской литературы.

² «Слово о благочестивом царе Михаиле».

³ И в самой Повести ему придется тот же эпитет «благочестивого» в обращении к нему бояр.

⁴ Но характер его как любителя коней остался, почему эпизод с диким конем и сохранен повестью.

В самой сцене убийства Михаила есть, как будто, попытка указать еще положительную черту его облика: когда Василий ударом меча отсекает обе руки сонному Михаилу, последний проснувшись воскликнул: «Василий, судит тебя бог со мною, что ты мне за добро злом воздал!» Таким образом под пером автора Повести образ Михаила получился совершенно иной, нежели Михаила, исторического царя Византии: это — не Михаил, получивший за свое поведение прозвание «Пьяницы», а скорее, действительно, благочестивый царь Михаил, хотя его благочестие и проявляется очень не ярко.¹ Тем не менее надо сказать, что составитель Повести имел в виду, составляя свое произведение, именно исторического Михаила III, императора IX в.; но к созданию этого образа и к освещению событий из его жизни он отнесся совершенно самостоятельно: канву для своего рассказа он взял из рассказов византийских хроник о Михаиле III, но обработал ее по своему, взявши только несколько эпизодов из ряда входящих в историческую биографию Михаила и отчасти Василия, придав им анекдотическо-фабулезный характер; заимствуя из этих источников (или источника) не только канву, но и отдельные мотивы и ситуации, он совершенно свободно переносит их на новые места, перефразирует, сохраняя только общую мысль, почему и заимствование получает у него иной смысл, иное приурочение сравнительно с источником. Вместе с тем составитель сумел придать своему рассказу не только стройность, но и живость и законченность.

Чтобы убедиться в таком именно характере обработки составителем его источника, достаточно сравнить его Повесть с тем рассказом о Михаиле, который — в общем однородный в силу связи между собою самих источников — дают византийские хроники, часть коих могла быть доступна составителю Повести или в переводе подлинного текста, или в одной из русских компиляций, построенных на этих хрониках. Вместе с тем мы получим таким образом возможность ближе подойти и к источнику, который был в основе русской Повести.

Вот в сжатом виде содержание нашей Повести. В Царьграде был благочестивый царь Михаил. У него родился конь такой дикий и особенный (чуден и грозен), что никто не мог с ним справиться, и содержали его в железной конюшне и бросали ему осужденных. Царь кликнул ключ по всему Цареграду, вызывая искусного человека, который бы взялся объездить

¹ Впрочем, Михаил III называется «благочестивым» и в Степенной книге при рассказе о восстановлении иконопочитания и об иконе Богородицы Римляныни, оба раза рядом с именем Феодоры (ПРЛС, XXI, 34,435), очевидно по связи с этими рассказами.

этого коня. «Извоз(д)ник» (возница) из Македонской (рук. Московской) области Василий берется укротить коня, за что царь обещает ему сан «второго» царя, половину Царьграда и часть бояр, князей и вельмож. Василий идет к конюшне, кулаком сбивает замки, хватается коня за ухо, после чего конь становится кротким и тихим, взнуздывает его, садится на него и три раза объезжает вокруг Царьграда, после чего передает коня царю. Царь исполняет свое обещание. «Тогда извозник, — говорит Повесть, — воцарился и бысть грозен вельми»; его превозносят в Царьграде больше, чем Михаила. Михаил приглашает Василия к себе кушать. Когда Василий приходит, Михаил не встает для приветствия своего «посаженика», а велит ему снять с него и опять обуть башмак. Оскорбленный этим Василий сопротивляется, Михаил грозит казнью, после чего Василий исполняет приказание. Затаив злобу, он уходит от обеда, собирает своих бояр, велит им вооружиться и притти ночью к палатам Михаила. По наступлении ночи, когда Михаил ушел опочивать, Василий проникает со своими боярами в спальню царя, убив предварительно пятьсот стрельцов на царском дворе и больше того в сенях, хватается меч, ударяет царя и отсекает ему обе руки. Но наруганный укоризнами проснувшегося царя, бежит из палаты, однако по настоянию своих сторонников возвращается и добивает царя, приказывает его похоронить по царски. Утром собирает народ, объявляет о кончине Михаила и спрашивает, кому народ желает поручить оставшуюся после Михаила половину Царьграда? Разумеется, присуждают Василию. Так извозник Василий стал владеть много лет Царьградом, заканчивает Повесть.

Как не трудно заметить из приведенного изложения, внимание составителя Повести остановилось главным образом на трех моментах биографии Михаила: эпизоде с диким конем, ссоре с Василием и смерти царя: настоящим же героем рассказа является, скорее, не он, а Василий. Эти эпизоды автор нашел в своем источнике — византийской хронике. Из таких хроник в славянских переводах ему могли быть доступны: Амартол, Зонара, Манассия и русский Хронограф (в редакции так наз. 1512 г.), построенный, как известно, на основании этих хроник: в них он мог найти наиболее обстоятельное изложение жизни Михаила и Василия. Какой или какими из этих компиляций воспользовался автор Повести,¹

¹ Можно сказать, что Хроникой Манассии, дающей своеобразное изложение, недостаточное для объяснения содержания нашей Повести, он не пользовался. То же следует заметить и относительно Никоновской летописи и Степенной книги, стоящих в зависимости от Хронографов. Ср. А. Н. Попов, Обзор Хронографов, 1, 163 и сл. Популярную в XVII —

с уверенностью сказать трудно, но весьма вероятно предположение, что главным источником автора Повести была хроника Георгия Амартола, или компиляция, тесно с нею связанная. Это предположение может быть подтверждено такими сопоставлениями между собою хроник и Хронографа в редакции 1512 г., с одной стороны, и нашей Повести, с другой:

И. Эпизод с укрощением коня. В хронике Зонары и Хронографе он читается так:

Зонара

Прилучи бо се въ то време, и приведеше цару коня вельми добра даровьна; имѣяше же вину едину неключиму и не можаше всѣсты никтоже . . . нь всѣхъ низлагаше грѣдостью своею; и скръбляше царь о семь и гнѣвашесе . . . Сущу же Теофильцу тогда ту, рече къ царю: есть у мене такови, якова трѣбуеть царство ти, и аще повелиши, приведу его. И абие повелѣ царь, и прииде Василие, и поемь копя за узду и погладивъ и съ кротостию скочивъ, краснѣ всѣдъ нань и потомъ пусти его потѣщи, елико хочеть (Starine, XIV, 141 = рук. Ундольск. 1191, л. 310).

Хронограф

В то же время цареву Михаилу Кесарійский стратиг конь приведе добль и яръ, и никтоже може удръжати его, еже поглядати ему на зубы, колико лѣтъ имать. И о сем царь печалень бѣ. И возвѣстиша ему о Василии, онъ же призвав его и повелѣ коня взяти. Василие же единою рукою вземъ и показа кротчайши овчати. (ПСРЛ, XXII, 343 внизу).

Чтение Хронографа — сокращение следующего места из перевода Амартола: «Кесарійский (Ув. Ч.) же стратигъ по сих конь цареву приведе Михаилу добля и яровидима . . . нравом же видѣти хотя царь, каковъ есть, и в зубы гладати, от нихже увѣдати, коликолѣтенъ есть. коневе же дръзающу и премагающу, печаловашесе царь, яко не имѣа мужа силу конскую премоци. ту иде ж Теофиличъ онъ, сын комисъ саномъ граду и номером, рече к цареву: есть у мене, царю, мужъ нѣкыи добль, силенъ и хытръ конемъ томимом быти, имя ему Василие. Цареву же повелѣвшу

XVIII в. Хронику Дорифея Монеивасийского оставляю в стороне: переведенная в 1655 — 1665 гг. она не могла быть использована Повестью, сохранившейся в списке половины XVII в.

вборзѣ ему приити . . . царь же повелѣ коня ази. Тѣи же единою рукою узду вземъ, а другою же за ухо емъ, овчате кротчеише и коня показа». (В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола, 1, Пгр., 1920, стр. 505).

В нашей Повести передано это так: «родился у него (Михаила) конь вельми чуденъ и грозенъ, и никто на него не смѣяша сестъ, царь на немъ не ѣздиша . . . и повелѣ царь Михаил во Цареграде клич кликать, хто б царевъ конь укратил, чтоб мог ѣздить Михаилъ на чудном и грозномъ конѣ. И разошлася вѣсгъ по вѣсгъ градомъ . . .» Василий беретса укротить коня, (см. выше) «и вниде Василий в конюшню и ухватил коня одинава прозаромъ за ухо, и бысть конь кроток и смирен» (Унд. 942, л. 3). Подробность о способе укрощения коня сближает нашу Повесть именно с Амартолом: она отсутствует у Зонары и в Хронографе, хотя этот последний заимствовал этот эпизод из Амартола.

II. Ссора Михаила с Василием:

Зонара

Слыша Василикина (Михаил), како хвалить его и от радости сънѣтъ сапогы свое царскіе и дааше сему обутисе и цара его поставляше. Василикинъ же говѣе, възращесе възираше на Василіа Македона и не смѣаше приети сапогы оны; царь же Михаил гнѣвашеся о сѣхъ, и видѣ сего Василіе гнѣвающасе, помаавъ Василикину възети сапогы оны, и приеть сих, обусе. Обративъ же се царь къ Василіу гневаесе рече: вѣщшее достоит Василикину царь быти, нежели тебѣ; или не имамъ азъ область въ дому своемъ? да якоже сътворишь тебе царя, съвору и другаго (Starine, XIV, 142 = Унд. 1191, л. 311—311 об.).

Хронограф

И дѣкогда четверицу добрѣ управивъ и отъ нѣкогого именемъ Василиска похваленъ бывъ, почте похваливаго не каменіемъ, ни бисеромъ, но царскою выотою одаривъ его, восхотѣ царство от Василія взяти и тому даровати (ПСРЛ, XXII, 349—350).

Приведенное место Хронографа заимствовано из перевода хроники Манассии¹. У Амартола читаем (начало цитаты испорчено): патрикии Васи-

¹ См. Jo. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgara, făcută pe la 1850 (Bucur. 1922), стр. 176.

лискианъ царь ѣздаше яко с хытростию на колесницѣхъ снузѣи. царь же повелѣ въставшу ему изути его из царьскихъ сапогъ и самому са обуви. сему жъ въсклоншуся и на Василиа взирающе, с яростию царь повелѣваше се створити. Василию же поманувшу ему, обуса в черленя сапогы, глагола же царь с клатвою к Василию: паче тебе и лучее сапоги си сут подобни. ли не имам власти, иже тебе створих царемъ, иного створити?» (Истрин, ук. изд., стр. 516). В Повести эпизод этот переименован, в него вложен иной смысл и приурочен он к Василию целиком: «царь же Василей поиде ко царю Михаилу . . . царь же Михаил не воста с места своего противу царя Василиа, посаженника своего, и повелѣлъ царю Василию с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достоянию честь воздает. Царь же Михаил рече: аще не снимеши башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить. Царь же Василей не могъ ничемъ отвятца и сотворил ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил» (Унд. 942, л. 4 об. — 5). Несмотря на самостоятельность в построении эпизода и сходство между Амартолом и Зонарой в его изложении, можно думать, что автор Повести имел перед собою (либо в памяти) текст именно Амартола, а не Зонары, на что указывают подчеркнутые в цитате слова: они восходят к сказанному именно у Амартола, но в ином месте и в иной связи: кесарь Варда оскорблен непочтением паракинумена Дамиана, не вставшего с места, когда Варда входил в палату, на что он и приносит жалобу царю Михаилу, который за это и приказывает заточить Дамиана в монастырь (см. у Истрина, ук. изд., стр. 511 к концу). Здесь, как это не редко у автора Повести, то, что относилось в подлиннике к Варде, отнесено на долю Василиа; ни у Зонары, ни в Хронографе подобной заметки о Варде не встречается.

III. Убиение царя Михаила:

Зонара

Пришьдъ (Василий) поеть съ собою злосѣвѣтницы оны, съ нимиже клѣтовънь бѣ, и пришьдъ съ ними, въсхотѣ вниити въ чрьтогъ, клѣврѣти же възбраняху сему, и сице борещимсе мѣжду собою, быше глаголи и мльва, и убудисе царь.

Амартол

Василии напрасно къ дверемъ прииде, инѣхъ с собою вода, двери отверзе. Игнатии же съ трепетомъ ишед, Василееви вниити възбранаше. Българин же и Петр, под пазухою Василеевою пришед, къ ложу цареву устремиса, егож Игнатиемъ бораса с ним царя

и абие единый другъ Василиевъ вышьдъ извлече мьчъ усѣкнути Михаила; Михайль же прострѣ руцѣ свои възбраняесе, и отсѣче убиѣца онъ обѣ руцѣ Михайловѣ и изыде вьнь къ другому своимъ. Михайль же не възможе бѣжати, омраченъ бо бѣ пиянствомъ и падѣ ницѣ плачесе. И вышьдъ единый другъ отъ Василиевѣхъ, обрѣте Михаила еще жива и вьзи мьчъ въ прьси его (Starine, XIV, 142—3).

убуди. Халдѣанинъ же Іоаннъ, вборзѣ мечемъ ударивъ, обѣ руцѣ отга . . . Симъ жъ вкушѣ шедшимъ съвѣтъ дѣаху о створшимъ, Асулеонъ же къ Василию рече, яко аще и руцѣ Михайлу усѣкнухомъ, но жива его оставихомъ, и възвративса обрѣте Михаила на ложи лежаща, и усѣкнувѣ ему руцѣ и ничесому же достоинѣ плакася и безъ милости невѣрное домышленіе Василиево въздыхая. Асулеонъ же, немилостиво имѣа срьдце, нагъ мечъ в перси Михайлу всунувъ . . . (Истрин, ук. изд., стр. 517—518).

В Хронографѣ (ПСРЛ XXII, 350) — сжатое и не совсем удачное изложение по Амартолу. В Повести же все убийство совершаетъ Василий одинъ, и изложено оно своеобразно (см. выше), но, несмотря на это, в изложении этомъ можно уловить, хотя и слабую, связь именно с Амартоломъ: а) речъ Асулеона (отсутствующая у Зонары) нашла себе отражение и полное по смыслу выражение в словахъ «изменниковъ Михайловыхъ» Повести, и б) упрекъ Михайлу Василию есть развитие и облечение в форму прямой речи сжатого «воздыхания» по поводу вероломства Василия. Такой процесс переработки вполне в духе манеры автора Повести.

IV. Образъ Василия какъ силача:

В Повести прямо не сказано о выдающейся физической силѣ Василия, но это, ясно, входило в представление о немъ составителя, когда онъ сообщаетъ об укрощении коня: явившійся къ царю Василий «извозникъ поклонився царю и поиде къ железной конюшнѣ, гдѣ конь стоитъ, и ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки всѣ с пробоевъ долой спадоша» (Унд. 942, л. 3). У Зонары в характеристикѣ Василия — только: «видѣвъ же сего (Василия) Теофилицъ и добра и храбра, приеть сего с радостию» (Starine, XIV, 140 внизу), и об его физической силѣ не упоминается, тогда какъ такое указание у Амартола находимъ: «мужъ нѣкыи добль, силенъ и хытръ» (Истрин, ук. изд., стр. 505, слова Теофилицы). Весьма возможно, что автор Повести, по своей манерѣ, воспользовался этимъ намекомъ, чтобы дать картинку,

приведенную выше.¹ В Хронографе — то же, что у Амартола, с распространением по Манассии: «Бѣ же Василій добръ, хѣбръ, крѣпкорукъ, твердоперсъ, крѣщѣ и мышица имѣа» (ПСРЛ, XXII, 343). Уже из приведенных только что сопоставлений можно судить об отношении составителя Повести к своему источнику: оно — самое свободное; он заимствует общую мысль поправившегося ему мотива или эпизода, но пользуется им, не стесняясь даже отношениями этого эпизода или мотива к другим в его источнике, как это имеет место в значительной степени в старой литературе при заимствованиях; видимо, над автором Повести уже не тяготеет традиционное уважение к букве, традиционная боязнь отступить от написанного в книге; его собственное творчество в его глазах имеет, по видимому, уже право на выражение, не считаясь с авторитетом писания; поэтому у него нет уже стремления говорить словами его источника: взявши мысль или образ из своего источника, автор Повести излагает их своими словами, почему на его рассказе и отражается его личность и индивидуальность. Это свободное отношение к образцу и источнику, характерное для повествовательно-описательного жанра уже XVIII в.,² видимо, своими началами восходит еще к XVII в. и даже, быть может, к первой его половине. И дальнейшее наблюдение над композицией нашей Повести не только подтверждает сделанное, но и дает возможность его расширить.

Имея перед собою в источнике рассказ, сложный по деталям и количеству действующих лиц, притом в большинстве случаев с чуждыми ему именами, составитель Повести очень умело выделил из них самое существенное, относящееся непосредственно к Михаилу и Василию, опустив сложные детали дворцовых интриг, вставные эпизоды (напр., о нападении Руссов, знаменья небесные и т. п.), всю историю Варды и Феодоры, что заставило его выпустить и имена лиц, фигурирующих в этих эпизодах и мелочах, и таким образом сосредоточить внимание читателя на его главных героях — Василии и Михаиле: их имена только и встречаются в Повести. Кроме того, и самый рассказ о них, как видим, он значительно упростил, но при этом, однако, он использовал кое-что и из опущенного им, употребив кое-какие детали в качестве материала для разработки основной своей темы, стало быть, самостоятельно применив их к своим це-

¹ Тут же, кстати сказать, у Амартола идет речь о железных воротах, за которыми содержится дикий, злой конь: может быть, это замечание Амартола дало толчок составителю Повести к общению о железной конюшне, где стоял конь (Унд. 942, л. 2).

² Ср., напр., два пересказа «Девгениева дѣяния» в текстах Пыпина и Тихонова (Сб. ОРЯС, т. XС).

лям. Но этим обработка темы не ограничилась: для ее развития у него был и другой источник — его наблюдательность, чувство окружающей действительности, придавшие его рассказу реалистические и бытовые черты. Так: чтобы найти подходящего человека для укрощения коня, Михаил повелел «клич кликать» по Царьграду; Василий по дошедшим таким образом до него слухам сам является к царю (а не присылается сообщившим о нем царедворцем) с предложением услуг; чтобы заявить царю о своей готовности, Василий пользуется случаем добраться до царя, когда царь идет к вечерне, ловит его на дороге; после первой неудачной попытки («бояря отбиша его прочь») повторяет ее, когда царь идет к заутрени — и на этот раз удачно. Накануне ссоры оба царя, Михаил и Василий, были у заутрени и на литургии, после чего Михаил приглашает Василия через посла к своему столу («посла весть к царю Василию»). Царь принимает Василия, сидя на престоле, после чего переходит и садится за стол кушать. Царскую спальню охраняют пятьсот «стрельцов» во дворе и еще больше на крыльце и в сенях. Убивши Михаила, Василий приказывает соорудить столп — лобное место, с которого объявляет о смерти Михаила народу («князи, бояря и вси Цареградстии мужи») и спрашивает, кому быть наследником Михаила в его владениях; народ же собирают при помощи звона в «вечный» (вечевой) колокол. Словом, вся обстановка рассказа такова, будто дело происходит в Русской земле и даже в царской Москве XVI—XVII вв.: эта обстановка, видимо, хорошо известна и привычна для составителя Повести.¹ Эти реально-бытовые черты в Повести говорят будто за то, что и сама Повесть сложилась в Москве, во всяком случае в центральной России.

За такое же, русское, происхождение Повести говорят и точки соприкосновения ее в композиции и строении с произведениями не книжной, а усной русской словесности, в частности со сказкой: таково самое начало Повести, напоминающее обычный «зачин» сказки, двукратная попытка Василия с предложением услуг царю, передаваемая при помощи повторения одинаковых выражений (в сказках чаще «повторение» — трижды); совершенно так же, как в сказках, в Повести охотно применяется и более простая формула «повторения»: «князья, бояря и вельможи», эпитеты:

¹ Ср. И. Е. Забелин, Быт русских царей, т. I (изд. 4), главу IV, а также т. II, стр. 360 и сл., также стр. 467. Сцена «избрания» на царство Василия и «вечный» колокол, может быть, восходит к каким-нибудь воспоминаниям о Новгородских порядках или порядках Смутного времени, конечно, хорошо известных и памятных и в Москве. Характерна, быть может, по отношению к происхождению Повести описка писавшего Унд. 942: Василий происходит из «Московские (вм. Македонские) области».

«грозный» конь и др.; подобно сказкам и в Повести можно подметить местами ритмичность речи и стремление к созвучиям-рифмам: «В конюшне стояше — повинных к нему меташе», «много дивися царскому на коне сиденью — и чудного коня течению»; и обещанная Михаилом за укрощение коня награда Василию также напоминает обычную награду за подвиг (кстати сказать, непосильный для обыкновенного человека и у нас, как и в сказках): полцарства, в тех же сказках; близка к сказочной и гиперболою: Василий убивает пятьсот стрельцов во дворе, а того больше в сених и на крыльце. Заключительная фраза Повести также в духе «исхода» сказок: «царь же Василий-извозник всем Цареградом владеа многое время» (ср. что-нибудь в сказках вроде: Так Иван-царевич царем стал и царил до старости . . .). Самый же мотив о том, как человек низкого происхождения (иногда при том считающийся дурнем) достигает высокого положения (чаще всего становится царем) — ходячий международный мотив, широко распространенный в той же русской сказке.¹

В согласии с таким характером Повести оказывается и ее язык в собственном смысле этого термина: он близок по словарю и по формам к произведениям устной словесности и живой речи: славянизмов книжной речи в нем очень немного, да и те почти исключительно ходячие, шаблонные (каковы, напр.: аще, зело, вельми, аористы от глагола «ити» и сложных с ним), и самое их употребление говорит о небольшом навыке в пользовании формами книжной речи: писавший путает окончания единственного и множественного числа.²

Обобщая сказанное о характере нашей Повести, мы можем видеть в ней образчик нарождающейся повести нового типа, отличного от старшего: создателем ее руководит не правоучительная, тем менее религиозная цель, его интересует прежде всего занимательность сюжета, самый рассказ, т. е. перед нами произведение повествовательного характера, новелла, в том чисто литературном смысле, какой повесть приобретает

¹ См. хотя бы у Афанасьева, Русск. нар. сказки, №№ 78, 79, 80, 83 и т. д. Ср. еще, напр., грузинскую сказку (идущую от русской) о том, как Петр В. стал царем из кучеров (Сборн. для описания местностей и племен Кавказа, X, 47; ср. И. Н. Жданова, Былевой эпос, стр. 56—57 прим.).

² Такого рода неумелое употребление старых книжных форм, показывающее ослабление старой традиции церковной письменности в среде грамотных людей, уже иначе смотрящих на писание, подходящих к произведению более с литературной стороны, характерным становится уже в XVIII в., но зачатки этого намечаются таким образом уже в XVII в., когда под влиянием Запада началось «обмирщение» всей литературы, прежде всего чужьей, в частности, наиболее близкой к жизни повествовательной письменности. Таким образом наша Повесть — один из довольно ранних фактов этого порядка.

в последующую эпоху нашей литературы. Отсюда — свободное отношение к традиционным приемам творчества, такое же отношение к источнику и его содержанию. В связи с этим стоит и реализм (преимущественно бытового характера), местный колорит Повести. Взгляд на свое литературное произведение автор готов считать тождественным со взглядом на «мирское» устное произведение, свободно пользуясь изобразительными средствами и техникой устной сказки. Все это позволяет сделать попытку подойти к той социальной среде, где могло сложиться, стать обычным подобное отношение к задачам книжного творчества: цель его — доставить удовольствие, развлечение, цель — эстетическая. Такие литературные вкусы, скорее всего, могли иметь место в среде низших и средних классов русского грамотного общества XVII в., где требования важной, учительно-церковной письменности не оказывали своего влияния в полной мере, как то видим в высших слоях грамотного общества, смотревшего на себя, как на выразителя подлинного, настоящего, правильного направления общественной мысли. Повидимому, повести, подобные нашей, создавались и циркулировали в городской среде низших служилых и торговых и, быть может, даже грамотных крестьянских слоев: в них, при отсутствии тяготения к важной серьезной литературе (а, возможно, и при недостаточном уже знакомстве с этой литературой), в то же время литературные интересы, потребность в их удовлетворении — налицо; с другой стороны, при отсутствии ригористичности, которую можно отметить в литературе высших классов по отношению к «мирской» словесности, в этой среде несомненно следует признать интерес и знакомство с этой «мирской», в частности устной словесностью, почему, напр., в сборниках, врацавшихся и вышедших из этой среды, в XVII в. мы встречаемся с первыми записями произведений этой устной словесности или с близкими их подражаниями, пересказами.¹ Таким образом в мирозерцании и литературных вкусах

¹ Можно сделать попытку и ближе подойти к той среде, в которой врацалась наша и подобные ей повести, присмотревшись к самым рукописям, в которых они встретились, к их составу. Наша Повесть, как было упомянуто, идет из расплетенного на несколько отдельных рукописей большого сборника; до некоторой степени, руководясь палеографическими данными, можно восстановить этот сборник: А. Е. Викторов в своем описании рукописей В. М. Ундольского дает для этого материал, именно, указав, что части этого сборника находятся в том же собрании под №№: 620, 705, 736, 915, 947, 942, 943, 919, 930, 923 (см. стр. 46; № 676, внесенный сюда же, внесен по ошибке). В целом своем виде он, как видно из записи, принадлежал известному Кариону Истомину, писателю второй половины XVII в., священнику и монаху Чудова мон. в Москве: он это собрание «историю» подарил монашенке московского же Вознесенского монастыря Любови Степановой. В состав этого сборника входили разнообразные статьи, бывшие, повидимому, ходовым чтением в половине XVII в.; эта пестрота состава сборника довольно характерна для четвѐй литературы этого переходного

этой среды уже в XVII в. были налицо все те данные, которые делали возможным появление произведений, подобных нашей Повести. Повидимому, и наша Повесть не была в этой среде явлением исключительным и единичным: помимо повести, о которой придется говорить ниже, по стилю, приемам творчества и задачам самых произведений к той же группе следует причислить несколько и ранее уже известных нам повестей и новелл, не укладывающихся в рамки рядовой серьезной повествовательной литературы XVII в., каковы: повести о бражнике, об Аггее, о молодце, коне и сабле, «о молодце и девице», наконец «Богатырское слово» и «Горе-злочастие» — все эти, как и некоторые другие, повести объединяются между собою (при различной, разумеется, степени талантливости и различии форм, в зависимости от источников) тем свободным отношением к книжной традиции, которую мы отметили в нашей Повести, близостью к устной словесности, своим стилем, сближающим их с этой словесностью и живой речью, а также своим более отчетливо выраженным чувством окружающей действительности — реализмом.

В частности, с методологической стороны, наша Повесть представляет тот интерес, что она, как очень несложная по композиции и построенная на вполне определенном, нам известном круге источников, дает

времени: в него вошли писания и старшего направления и нового западного; здесь находим: Сказание о посольстве (подложное, якобы 1570 г.) Ищеина в Царьград, Послание к кесарю Максимилиану (1576 г.), Лаодикийское послание (памятник эпохи жидовствующих), грамматику старого типа (т. н. Ио. Дамаскина), Сказание о знаках зодиака, о Сивиллах, Александрию, с другой стороны — новинки: Космографию и группу для «занятого» чтения, в которой — опять та же двойственность: старая Троянская «притча», Акир Премудрый, с другой — Повесть о семи мудрецах, Бова, Бруслан и среди них обе наши Повести о Михаиле, повесть о Басарге. Характерен этот состав и для владельцев сборника в XVII в.: монах-священник Карион Истомино, один из типичных людей переходного времени, «пестрый» (подробнее о нем см. исследование С. Брайловского, «Один из пестрых», СПб. 1902) и монахиня одного из кремлевских монастырей Любовь Степанова: видимо, сборником подобного состава интересовались люди среднего грамотного класса, уже вкусившие плодов от новых венений в жизни и литературе. Кажется, эти литературные вкусы в этой же среде сохранялись и позднее, как о том можно судить по составу и записям сборника (ОЛДП, СХХХII, 8-ка, нач. XVIII в.), где нашлась еще в одном списке вторая из наших повестей; здесь находим: шутивную форму исповеди, изложенную живым языком, «Возрасты», широко распространенные в лубочной литературе с XVIII в., Акира Премудрого, популярное Сказание о «женской злобе», сказочное житие Петра и Февронии; сборник побывал в руках подьячего Андрея Симмакова, думного дворянина Ивана Семенова, сержанта Лефортовой слободы и др., наконец, крестьянина села Клементьева. Приблизительно о том же говорит и состав сборника Петровского времени № 238 собрания Тихонравова (Гос. Публ. Библ. им. Ленина в Москве), где вторая из наших повестей помещена между весьма распространенным Сказанием о Дмитриии Иоанновиче (в одной из поздних редакций) и чрезвычайно популярной в рукописях XVII и XVIII вв. Повестью о царице и львице (см. Г. П. Георгиевский, Рукописи Тих-ва, М. 1913, стр. 38). Рукопись принадлежала дьякону в г. Ярославле.

возможность шаг за шагом проследить весь процесс ее создания, (как это я и попытался сделать) иначе: определить приемы творчества Повести этого характера в XVII в. и уловить связь повести XVIII в. с одной из предшествующих стадий ее развития.

II

Приблизительно такой же, как и первая, представляет интерес и вторая повесть о Михаиле — в рукоп. Ундольского № 943. В ней намечаются те же приемы творчества, то же отношение к источнику, те же черты литературного стиля и языка, наконец те же проблески реализма. Для изучения этой повести мы располагаем несколько большим материалом, нежели для первой, а именно: помимо старшего ее текста в рукоп. Ундольского, нам доступно еще несколько ее текстов: 1) из собрания б. Тихонравова № 238, в 4-ку, скоропись Петровского времени, лл. 92 об. — 96 об.; здесь она носит заглавие: «Сказаніе о дрѣве златомъ и о залатом¹ попугае і о царѣ Міхаіле да о царѣ Львкасорѣ», и по чтениям наиболее близка к Унд. № 943; 2) рукоп. б. Вострякова (в Гос. Ист. Муз.) № 207-ж, в 4°, конца XVIII в., л. 25 об., без заглавия, принадлежит к одной редакции с Тихонравовским, но текст сокращен и с пропуском эпизода о попугае (см. ниже), а Левтасор заменен Львом; 3) рук. ОЛДП СХХХІІ, в 8-ку, нач. XVIII в., лл. 1—8; текст неособенно исправный по письму; он озаглавлен: «Сказаніе о царе Лавтасаре, как во Цареграде царствовалъ и как преставися²»; 4) рукоп. второй половины того же века в собрании Вяземского (ОЛДП) № XVI, в лист, л. 555: текст очень сжатый, озаглавлен: «Глава 10. О царе Валтасаре Вавилонском»;³ 5) рукоп. б. Забелина (Гос. Ист. Муз.) № 604, 4°, нач. XVIII в. с заглавием: «Сказаніе о царѣ Валтасарѣ», и 6) рукоп. Лен. П. Б. Q. I. № 1009 (б. Богданова), 4°, конца XVII в., л. 734 об. — 735, — текст, озаглавленный: «Слово о царѣ Валтасарѣ Вавилонском»; оба текста совпадают с текстом Вяземского. Все тексты восходят к одному оригиналу, но дают, каждый, ряд разночтений и переделок.

Содержание этой повести по старшему ее списку вкратце таково. Благодетельный царь Михаил, много делавший на пользу церквей и монастырей, обладает чудесным золотым деревом: на его ветвях сделаны разнообразныя птицы, которые поют «разными гласы». Посмотреть это

¹ В тексте довольно заметные следы аканья.

² Текст целиком напечатан Х. Лопаревым в *Опис. рук. ОЛДП, ч. III, стр. 141—144.*

³ Описание этого большого сборника (из Сулакадзевских) см. в *Описании рукоп. П. П. Вяземского (изд. ОЛДП, СХІХ, 1902), стр. 35.* Самый текст с частью самого сборника издан факсимиле в числе изданий Общества, № XV (1877).

дерево и послушать этих птиц приходят послы иноземных царей и королей, причем за это подносят Михаилу богатые дары. Попытку этих царей и королей приобрести это золотое дерево за города и «имение много» Михаил отклоняет: этим, де, деревом он и славен и всем обилен. По смерти Михаила воцаряется сын его Лавтасар; он — пьяница, который не только пропивает все имущество отца, но и церковные сосуды, обирает все церкви, монастыри и бояр, и все прокучивает; когда уже больше ничего не оставалось, пропил он и золотое древо, от которого осталась одна только ветвь с сидящим на ней золотым попугаем. Однажды, пируя со своими боярами, царь услышал слова попугая: «Сей ночью царю Лавтасару умереть напрасной смертью!» Взглянув на потолок палаты, царь видит пишущие руки, а лиц не видно; пораженный видением, царь считает это навождением; по совету бояр посылает за пророком Даниилом, который живет в шестидесяти поприщах от Царьграда в монастыре. Даниил разъясняет ему видение и подтверждает предсказание попугая. Разгневанный царь сажает пророка в темницу, а себя окружает стражей, удаляется во внутренние покои, поручив охранять его лично Дарию Мидянину: ему он приказывает никого к нему не пускать, а пронзить копьем всякого, кто будет называться его именем. Под утро царь, выйдя незамеченный Дарием из спальни и проверив стражу, возвращается к себе, но Дарий, несмотря на то, что царь называет себя по имени, согласно его же приказу, пронзает его копьем.

Все остальные тексты Повести в отношении содержания ничего лишнего не дают сравнительно со старейшим, так что содержание ее, представляемое сп. Унд., можно считать установленным. Но в деталях тексты XVIII в., именно, Тихонравовский и ОЛДП, представляют ряд своеобразных чтений, которые представляют частью только обычные для списков этого времени изменения «словесного» (стилистического) характера, подтверждая тем не раз уже отмеченное мною свободное отношение к тексту (см., напр., сказанное о текстах XVIII в. в «Сказаниях об Индейском царстве», Изв. РЯС, III, 375—6), частью же такие чтения, преимущественно мелкие дополнения, которые могут счесться принадлежавшими первоначальному тексту Повести, т. е. указывать, что и старейший список кое в чем уже отступил от этого первоначального текста, преимущественно, идя по пути сокращения текста с помощью пропусков; иначе сказать: и он уже не представляет в чистом виде первоначальный текст (в смысле изложения), и для более полного представления о Повести должны быть привлечены варианты и списков XVIII в., сохранившие иногда более первоначальные чтения. В этом последнем отношении значительную ценность и представляет

список Тихонравова, как сохранивший Повесть во всем ее объеме и старший среди списков XVIII в.

Оставляя в стороне, как не идущие в дело в данном случае, его индивидуальные чтения, приведу несколько примеров лучшего сохранения в нем чтений, нежели в Унд.; эти чтения в большинстве случаев находят себе оправдание и в сп. ОЛДП, поскольку этот последний сохранил самую Повесть. Так: 1) в рассказе о том, как Лавтасар, пропивши все, разломал золотое древо, в Тих. читается в конце фраза, отсутствующая в Унд.: «одна осталася ветвь златаго древа, на золотой ветви залатой попугай»; эта фраза — необходима по смыслу: без нее был бы не обоснован последующий эпизод (о предсказании попугая), который находим и в Унд.; эта же фраза читается в этом месте и в ОЛДП (стр. 142). 2) Более близким к первоначальному в Тих., нежели в Унд., повидимому, следует признать порядок изложения эпизодов о чудесных знамениях во дворце Лавтасара; здесь он таков: услышав слова попугая, Лавтасар, обращаясь к боярам, решает, что в попугая вселился нечистый дух (этого нет в Унд.); увидавши затем на «подволоке» пишущие руки, он же, в речи к боярам, предполагает, что «некие волхвы чары на меня нанесоша» (так и в Унд.), и добавляет: «портить меня хотят» (в Унд. нет, но читается в Тих. и ОЛДП): ожидающийся по смыслу ответ бояр заключает в себе их совет созвать через глашатаев всех во дворец (ответа в Унд. нет, но есть в Тих. и ОЛДП) посмотреть чудо. Несомненно с точки зрения связности рассказа и последовательности изложения Тих. и ОЛДП надо отдать предпочтение. 3) То же следует сказать и о следующем эпизоде — встрече Лавтасара с Даниилом: царь повторяет ему то, что говорил он боярам, и получает более обстоятельный и стройный, нежели в Унд., ответ Даниила. 4) Самый конец рассказа в Унд. представляется уже сокращенным: в ответ на вопрос пришедших утром приветствовать царя бояр: «Дарей, что такое незгодие (в Унд. хуже: чудо) учинися над царем», Дарий обстоятельно в оправдание себя передает наказ царя (его и погубивший), тогда как Унд. сообщено только: «Дарей же Менденинъ все по ряду расказал, как царь приказал». Упоминания об отпуске в монастырь Даниила, по смерти царя, требующегося естественным ходом всего рассказа, в Унд. нет, но он налицо в Тих. и ОЛДП. И некоторые отдельные выражения Тих., по их характеру, кажется, следует предпочесть выражениям Унд., стершего в этих случаях колоритные для стиля выражения; например: в Унд. отпускается такая каргинная деталь, внушенная автору воспоминанием реально-бытовой обстановки, как вручение даров посольством: послы,

кланяются царю, «дары держа — пред ним» (Тих.; повторено два раза при каждом появлении послов); стерто в Унд. также картинное выражение: послы предлагают Михаилу продать древо золотое «на города и на орды и на золото и на серебро», тогда как в Унд. общее выражение: «много городов и имения много».

Список ОЛДП по своему оригиналу близкий к Тих., конечно, имеет то же значение для реконструкции первоначального вида Повести, но только для второй ее части: в нем опущена вся первая половина, рассказывающая о Михаиле и его золотом дереве, так что упоминание об этом дереве в нем является неожиданностью, ничем не обоснованною. Таким образом в ОЛДП мы имеем простое механическое сокращение текста, подобного Тих., почему он и поддерживает чтения Тих. в случаях, указанных выше.

Нечто иное по отношению к Унд., Тих. и ОЛДП, объединяемых общим оригиналом довольно тесно, представляет текст Вяземского и сходные с ним остальные. Здесь рассказ не только «слишком сокращен» (Опис. рукоп. ОЛДП, III, 144), но изменено и самое содержание его значительно: достаточно указать для его характеристики следующее: 1) в самом заглавии он имеет имя Валтасара (а не Лавтасара или Михаила): «О царе Валтасаре Вавилонском»; 2) сообразно с этим действие рассказа происходит в Вавилоне (а не Царьграде); 3) о разгульном образе жизни Валтасара, об ограблении им церквей, бояр и народа ничего не говорится: Валтасар платится жизнью за то, что стал церковные сосуды (потир и блюдо) употреблять для питья и еды, как ему и объясняет прор. Даниил; 4) Даниил живет в пещере в самом Вавилоне (а не в монастыре в 60 или 17 поприщах от Царьграда); 5) предсказание о грозящей смерти дается царю во сне: во сне его ударяет ангел скипетром:¹ поэтому о попугае и «пишущих руках» речи нет вовсе. Таким образом весь рассказ по рукоп. Вяземского есть своеобразное возвращение к известному библейскому эпизоду из книги Даниила (гл. V). Но в то же время отрицать связь этой переделки с интересующей нас Повестью о Лавтасаре нельзя: вся вторая половина рассказа (отсутствующая в библейском эпизоде) по сп. Вяз. построена, несомненно, на нашей повести, хотя также с сокращениями и изменениями: царь, желая предупредить приход смерти, сгавит стражу около всего города и 30 «удальцов» — перед своей палатой, дает стражам тот же наказ, что и в нашей Повести, так же убит исполнявшим этот наказ, но не Дарием Мидянином

¹ Самый сон Валтасара в повести по рук. Вяземского, если не по содержанию, то по идее восходит, вероятно, к тому же библейскому эпизоду — к сну Навуходоносора (Даниила, гл. IV), о котором, сказать кстати, упоминается и в речи Даниила к Валтасару, (там же, гл. V).

(его в Повести текста Вяз. нет), а «большим стражем»: этот страж так же заснул-было, но царь будит его, наступив ему на ногу; объяснения стражем происшедшего, прихода бояр, освобождения Даниила, нет. Таким образом перед нами в рукоп. Вяземского — переделка (судя по рукоп. Богданова, не позднее XVII в.) полной Повести, причем переделывавший, заметив сходство Повести с библейским эпизодом о Валтасаре, приспособил к нему свою переделку, заменив, кроме того, попугая и «пишущие» руки более шаблонным ведем сном царя. Небольшое искусство переделывателя сказалося (помимо нескладности всего рассказа) и в речи прор. Даниила, который развивает перед царем идею о святости церковных потира и блюда в евхаристическом смысле.

Как можно было видеть из краткого изложения содержания Повести, она отличается от первой прежде всего тем, что в ней соединены два сюжета: о Михаиле и Лавтасаре; первый сюжет, давший и заголовок всей Повести по списку Унд,¹ восходит по основному источнику к византийским хроникам (разумеется, уже в русских переводах), второй — к известному библейскому (см. книгу прор. Даниила, гл. V) эпизоду о Валтасаре (входящему, кстати сказать, и в византийские хроники). Как явилась у составителя Повести мысль соединить в одном рассказе оба сюжета, объясняется, скорее всего, тем, что оба их он встретил, хотя и в разных местах, в своем источнике, который таким образом и мог ему подсказать такое соединение. Как получилась у него та фантастическая генеалогия византийских царей (царь Михаил, Лавтасар его сын), можно также только догадываться; дело было, повидимому, так: ему из источника были известны два Михаила: Михаил II Травл-Шепелявый (820—829) и Михаил III (842—867) и между ними Феofil (829—842), устроитель «золотого дерева», но вместе с тем сопоставляемый с библейским Валтасаром;² создавая образ благочестивого царя Михаила (как и в первой Повести) и наделяя его положительными чертами, составитель в числе других качеств

¹ Каково было заглавие подлинника, сказать точно затруднительно: судя по заглавию в Тих., можно предполагать, что оно было обширнее, нежели в Унд., склонном, как мы видели, к сокращениям; очнь вероятно, что имя Михаила было в подлинном заглавии: оно есть и в Тих. и в Унд.; этим, вероятно, следует объяснять одинаковость заглавий обеих повестей в сп. Унд.

² В источниках: «По Михаилъ же (т. е. Травле) царствова Феофилъ сынъ его, новый Валтасаръ и богостудный...» (Амартол; В. М. Истрин, указ. изд., стр. 501); то же в русском Хронографе: «По Михаиле же царствова сынъ его Феофилъ лѣтъ 12 и мѣсяца 3, новый Валтасаръ и богу мерзский...» (ПСРЛ; XXII, 337); то же и в Еллинском летописце (б. Моск. Патр. библ. № 86, л. 548). У Михаила III, убитого Василием Македонянином, как известно, детей не было.

приписал ему обладание «золотым деревом» (согласно с хрониками), но не мог разумеется, говорить о гибели этого дерева по вине того же царя: оно могло погибнуть только после Михаила; тут то, кажется, и явилась мысль приписать эту гибель диковинки его преемнику, но таким не мог явиться Василий Македонянин, по хроникам ничего общего не имеющий с убитым им Михаилом III, как раз отличавшимся теми недостатками, которые привели к гибели «золотое дерево», по рассказу тех же хроник; имя же Михаила, только что изображенного благочестивым, также — не годилось для царя-пьяницы, с убившего диковинку: тут-то на выручку и явилось сопоставление также византийского царя с библейским Валтасаром, похожим отчасти на нечестивого царя-пьяницу.¹ Его он и делает преемником благочестивого своего Михаила, наделивши чертами исторического Михаила III хроник и изменивши слегка имя Валтасара, как слишком хорошо известное из библейской истории, и взявши судьбу библейского Валтасара в качестве материала для рассказа о судьбе царя, погубившего «золотое дерево». Таков приблизительно мог быть путь составителя Повести, главным центром которой было, повидимому, золотое дерево с говорящими на нем птицами.² Если высказанное предположение о процессе сложения повести представляется вероятным, то оно даст новое подтверждение отмеченному выше, при анализе первой повести, наблюдению о свободном отношении составителей этого типа повестей XVII в. к своим источникам. Принявши же сделанное наблюдение, мы будем в состоянии уяснить себе и другие подробности в нашей Повести.

Что касается основного источника Повести, то он, повидимому, был у составителя иной на этот раз, нежели для первой: тех мелких точек соприкосновения рассказа с Амртолом, которые были отмечены выше для первой Повести, здесь подметить не удалось; первый же, главный, из основ-

¹ Он, ведь, в библейском рассказе изображен пирующим, при том еще пьющим из церковных сосудов византийский Михаил хроник пропускает все, что можно, в том числе и утварь, отобранную в церквах.

² Почему он не назвал наследника своего благочестивого Михаила Феофилом (также бывшим сыном Михаила, но иного — Травла), можно только догадываться: Феофил, ведь, был по хроникам создателем диковинного дерева (что было известно и составителю Повести), и называть тем же именем царя, погубившего, при том так позорно, это дерево, конечно он находил неудобным, а тут к его услугам было сопоставление Феофила с Валтасаром, напомнившим ему царя-пьяницу. Так, смешавши воедино имена Михайлов, Феофила и Валтасара и почерпнуть о них сведения, составитель из этой смеси вылепил свой образ и как благочестивого царя, так и царя-пьяницы. Что центром его внимания было именно «золотое дерево» с говорящей птицей, показывает самое содержание Повести и заглавие ее в списке Тихонравова, где это дерево и попугай поставлены на первом месте, и где, быть может, воспроизводит я заглавие подлинника.

ных сюжетов Повести — «о золотом древе» — из Амартола объяснения не получает: у него рассказа о «золотом древе» вовсе нет, а есть он у Зонары (Starine, XIV, 135 = Унд. 1191, л. 302 об.; 305 об.)¹ и отсюда в Хронографе русской редакции 1512 г. (ПСРЛ, XXII, 338, 342, 349). Не находим у Амартола и эпизода о попугае, прототип коего однако есть у Зонары (Starine, XIV, 150) и в том же Хронографе (ПСРЛ, XXII, 252 — из Зонары же). Какая же из этих двух хроник, Зонары или русский Хронограф была знакома автору Повести, решить помогут опять мелкие отличия друг от друга этих двух хроник, поскольку эти мелочи нашли себе отражение в тексте нашей повести.²

I. Описание золотого древа. В Повести оно очень кратко: «И бысть у него (ц. Михаила) древо золотое, и ветви у того древа золотые и серебряные, а на том древе птицы поют различными гласы» (Унд.)³. У Зонары описания древа не находим, находим только упоминание вскользь по поводу расточительности Михаила: «повелѣ (Михаил), и разварише въ грѣнилѣ дубѣ золотыи, нареченыи Платонь, егоже художы сътворише бѣху» (Унд. 1191, л. 305 об. = Starine, XIV, 135). В Хронографе же находим такие описания даже дважды: в царствовании Феофила и в рассказе о расточительности Михаила:

Створи же (Феофил)... и золотая дрѣвеса, на нихже птица пѣснивыя златокованіи сѣдяху яко на вѣтвехъ тополныхъ, сирѣчь древесныхъ, или пѣвгохъ островерхихъ, хитростию издающе песни медовныя (стр. 338).⁴

даст (Михаил) на разорение... и доброкованную золотую тополу, сирѣчь древо, на немже сѣдяху многоразличныя птица золотыя и пѣсни возглашаху, яко отъ жива языка и слышащим их удивленіе творяху (стр. 349).

Но, вместе с тем, у Зонары находим любопытный намек, отсутствующий в Хронографе, но, быть может, использованный (по какому-либо особому списку Хронографа?) составителем Повести: сказавши о золотом древе и прочих драгоценностях, расплавленных Михаилом (см. приведенную выше

¹ Единственный из известных русских, но списанных с сербского, текстов полного Зонары; список XVII ст.

² Приходится говорить лишь о мелких отличиях, так как сходные по содержанию в общем места в обоих совпадают: Хронограф, как известно, пользовался той же хроникой Зонары в качестве источника, заимствуя отсюда целые пассажи.

³ Или: «У него древо золотое, на том дрѣве птицы золотыя и серебряныя, велики украшены, поют различными гласы» — Тих.

⁴ Взято из хроники Манассии (см. издание И. Богдана, стр. 104).

цитату), Зонара добавляет: «имѣше бо сіа вьса отьць Михайловъ Теофиль, и вьнѣгда прихождаху посланьници иноплѣмничьсци, зреще сіа дивляхусе» (Starine, XIV, 135); это место могло дать повод составителю Повести набросать целую картинку прихода иноземных послов к Михаилу, чтобы посмотреть на диковинку и попытаться ее приобрести. Такого рода прием — развитие намека в целый образ или сюжет — мы видели уже в первой Повести.

II. Эпизод с попугаем дан в Повести, как один из двух, к мотиву предсказания Лавтасару о грозящей ему смерти; внешним образом он соединен с рассказом об уничтожении золотого дерева: понравившийся ему мотив о попугае, найденный им в источнике, хотя и в ином окружении, составитель Повести, чтобы им воспользоваться в связи с первой половиной своего рассказа, должен был от себя осложнить новой деталью в рассказе об уничтожении дерева, будто одна из веток этого дерева, на которой сделан был сидящим золотой попугай, уцелела от уничтожения и находилась в палате, где пировал Лавтасар. Самый же мотив о попугае, как говорящей птице, найден им в том же Хронографе, недалеко от места, где говорилось о расточительности Михаила III, — в рассказе про царствование Василия Македонянина:¹ раздраженный на сына своего Льва по проискам и доносу (впрочем, ложному) некоего Сантаварина, Василий приказывает заключить сына в темницу: «в день праздника его (т. е. Или прор.), обѣдающе ему (Василию) со князи своими, в храмѣ же томѣ висяще птищъ, нарицаемый пс(и)такъ — нѣци же его папега глаголють — подобить же ся глазомъ своимъ всякому глаголу, иже услышити от человекѣ. И услыша тогда человекѣ, вѣѣ плающа и глаголюща. «Леому, Леому», начать и сей ясно и чисто глаголати: «Леонъ, Леонъ!». Князья и бояре, услыхавши эти слова, начинают просить Василия о прощении сына: царь прощает (ПСРЛ, XXII, 352). Связать же мотив о попугае с мотивом о золотом дереве, в частности с золотыми птицами на нем могли навести на мысль слова Хронографа об этих птицах: «птица... пѣсни възглашаху яко от жива языка», т. е. подобно попугаю выговаривали слова. Таким образом, привыкнув непринужденно обращаться с материалом своего источника, составитель Повести и в данном случае, истолковав найденное в нем в смысле мотива о говорящей птице, приспособил этот мотив для усиления эффекта предсказания о грозящей Лавтасару гибели, предпослав пророчеству на «подволоке» (взятому из истории Валтасара) еще предсказание от говорящей птицы, построенное на материале из Хронографа.

¹ Здесь рассказ идет из Зонары (ср. Starine, XIV, 150); у Амартола эпизод отсутствует.

III. Характеристика Лавтасара перенесена в значительной мере с образа Михаила Хронографа на образ библейского Валтасара, а с него на Лавтасара. Данная ему в Повести характеристика («бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил... сосуды серебряные из церквей поимал, все пропил...») вполне покрывается материалом, представляемым Хронографом: «сокровища... именіам истощевахуся... сего ради убо не довляху жилы златыя, сирѣчь сокровища царская... тѣм же и златоконанныя украшенія древних царей и дрѣвеса златая и птица пѣснивыя и лвове кованіи въ златѣ устроени и все, спроста, сѣяющее в царскомѣ дворѣ, яже иногда Феофилъ содѣла любочестнѣ в похвалу грекомѣ, разливахуся и злѣ истощевахуся на проходы гнусны...» (стр. 342). Составитель Повести подчеркнул эту характеристику еще тем, что дал ее и вторично почти в тех же выражениях, что и выше, связав ее с обличительным словом прор. Даниила. Может быть, здесь на составителя Повести оказал влияние и рассказ библейский о Валтасаре: отсюда, быть может, идет деталь — сообщение об ограблении сосудов из церквей, так как в Хронографе об этом нет речи в этом месте, но найдем указание на это в 86-й главе Хронографа, именно, в рассказе о Валтасаре (см. там стр. 171).

IV. Дарий Мидянин — убийца Лавтасара. В таком качестве Дарий легко мог быть представлен по указанию того же Хронографа, где в гл. 87 читается: «Дарий Мидский сѣкнѣся с Валтасаром и уби его божіимъ гнѣвомъ» (стр. 171).¹ Откуда же взяты подробности об убийении Лавтасара, как они рассказаны в Повести, установить мне не удалось: в известных мне хрониках и в русском Хронографе их не нашлось.

Исходя из сделанных сопоставлений, можно, кажется, отдать предпочтение русскому Хронографу, как вероятному источнику сведений, послуживших материалом для Повести; и это представляется тем более вероятным, что Хронограф как в редакции 1512 г., так и в других в XVII в. был самой популярной исторической компиляцией в русской письменности, тогда как Зонара и Амартол (не говоря уж о Манассии), особенно первый, не были распространенным чтением. Отдельные точки соприкосновения нашей Повести с Зонарой в случаях отсутствия соответствий с Хронографом ред. 1512 г. объясняются, скорее всего, тем, что в распоряжении составителя Повести был список Хронографа, несколько отличный от известного нам изданного и принятых в варианты: в нем заимствования из Зонары могли быть более значительными, нежели в изданном.

¹ Ср. в Еллинском летописце: «Валтасара, царя Вавилоньска, в тоу ношь оуби Даріи Мидянинъ» (по Чудовск. сп., л. 35).

Что касается приемов творчества составителя разбираемой Повести, то нельзя не заметить, что в общем они очень сходны с теми, какие мы отметили, знакомясь с первой Повестью: и здесь — то же свободное отношение к своему источнику, то же стремление развивать самостоятельно мотив, сюжет или даже намек, поправившиеся в источнике, та же оценка привлекаемых мотивов и сюжетов с точки зрения их занимательности (а не поучительности, как часто видим в старшем периоде повести);¹ внесение «бытовых», реалистических подробностей, хотя и не столь ярких, как в первой Повести, может быть отмечено и во второй: сюда следует отнести указание на «вестовой» («вечный», т. е. вечаевой, в Тих. и ОЛДП; ср. в первой Повести) колокол, которым оповещают жителей Царьграда о чудесных знамениях во дворце; смотреть эти чудеса пускают во дворец жителей «по десяти человек»; сюда же, вероятно, следует отнести самую форму приема иноземных послов, переговоров с ними, напоминающую обычные приемы и речи в статейных списках и при приемах Московского двора;² торговля на «городы и орды» носит по форме пословичный характер, характер «крылатого слова».

Не трудно заметить, сходство и в самом языке и стиле обеих Повестей: и во второй Повести язык также не отличается обилием княжних славянизмов (среди встречающихся так же преобладают неразнообразные глагольные), рядом с довольно значительными элементами живой, народной речи.

В стиле — те же точки соприкосновения со сказочным стилем: составитель особенно охотно пользуется повторениями, напр.: в описании пропойства Лавтасара слово «пропил» повторяется несколько раз подряд; формула: «некоторые волхвы чары на меня нанесоша» также повторяется не раз; отметим также обороты: «цари и короли», «князи, бояря и вельможи»,

¹ Поэтому, кстати будет отметить, что и библейский сюжет о Валтасаре для составителя Повести уже перестал быть связанным с религиозными или дидактическими представлениями: для него — это просто эффектный, интересный материал для одного из мотивов его повествования, такой же, как и другие, вошедшие в его рассказ; никакого особого почтения к нему, как к библейскому, уже нет. Повидимому, этому сюжету о Валтасаре, оцениваемому именно с этой точки зрения («занятности»), особенно посчастливилось в старой письменности среднего периода: помимо отмеченной по рукоп. Вяземского, Забелина и Богданова переделок, нам встретился в рукоп. Погодина (Лгр. Публ. библ.) 1590, конца XVI в. (л. 120), текст о том, как Валтасар видел руку («исшедшу ис стены»: текст представляет близкую, неуклюжую переделку IV и V глав книги Даниила с перестановкой частей; по тону она носит еще благочестивый и поучительный характер, что согласно с воззрениями времени написания рукописи. Этот текст еще раз подчеркивает эволюцию, происшедшую во взглядах на литературные мотивы, взятые из религиозной сферы, которая произошла в пол. XVII в. в среде, создавшей Повесть. Такой же характер интересного рассказа представляет изложение истории Валтасара по тексту XVIII в., вписанному в рукоп. № 12, XVII в., собр. б. Тихонравова (л. 185).

² Краткие в Унд., о и подробнее в сп. Тих.

последовательно повторяющиеся в рассказе. И в этой Повести можно заметить следы склонности к ритмичной речи: созидал — поставлял — воздвигал — зиждѣл; веселящесѣ — тешащесѣ, повторяющесѣ «пропил».

Все эти черты второй Повести, сходные или аналогичные с первой, какие удалось извлечь из ее анализа, невольно наталкивают на предположение: не были ли обе повести произведением одного и того же автора, заинтересовавшегося темой о Михаиле и золотом чудесном древе, о которых он узнал из византийско-русских ходячих компиляций своего времени и попытался разработать в двух повестях одного и того же типа, применяясь ко вкусам и поэтике своей среды, которая уже отошла — или, правильнее, отходила — от старых литературных традиций под влиянием самой жизни, уже вырабатывавшей новые взгляды, чтобы перенести их в следующее столетие? Автор принадлежал к определенной группе носителей и любителей литературы из средних, вероятно, городских служилых слоев московского грамотного общества, и позднее несших на себе литературу тех же классов в XVIII в. Представляя несомненный историко-литературный интерес для исследователя русской литературы, повести эти представляют и с методологической стороны интерес: не сложные по композиции, поддающиеся определению со стороны источников, они дают возможность довольно отчетливо наметить складывающуюся поэтику новой русской повести, история которой протекает уже в XVIII в.

ТЕКСТЫ

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЦАРЕ МИХАИЛЕ.

(по рукоп. Ундольского, 942)

Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и славенъ зело во всѣхъ странах. И родился у него конь велми чуденъ и грозенъ, и никто на него не смѣяша сестъ, царь на нем не ѣздиша, в желѣзной конюшне стояще, повинныхъ к нему меташе. И повелѣлъ царь Михаил во Цареграде кличъ кликать: хто б царевъ конь укротил, чтоб могъ ѣздить царь Михаилъ на чюдном и на грозном конѣ? И розошлася вѣсть по всѣм градомъ. Слышав же то Московские области извоздникъ нѣкто именем Василей и приде во Царьград и виде царя Михаила к вечерне идуща и воскрича извоздникъ и рече: «Великій царю Михаил, яз грозново коня твоего укрочю, что имешь ты, царь Михаил, ѣздить на грозномъ конѣ!» И слыж(ш)евъ же то, князи и бояра и отбиша ево прочь и рекоша: «Али в твою пору во Царе-

граде нѣтъ ни в князех ни боярех кому укротить грозново коня!» На утре ж увидевъ извоздникъ царя к заутрене идуще, и возопил великим гласом: «Великій царю, аз конь твой излечю, что ты, царь, имешь на конѣ ѣздить». Царь же слышавъ и рече: «Аще так сотворишь, яз тебя учиню вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда и князей и бояр и велмож». Извоздникъ же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшине, где конь стоит, и, ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки всѣ с пробоевъ долой спадоша, и вниде в конюшню и ухватил коня одинова прозаром(?) за ухо, и бысть конь кротокъ и смиренъ, и положилъ на конь узду и оседлал грозново коня и, всед на него, и поехал около Царяграда трожды. И веде коня тиха и кротка и, приѣхавъ на царев двор, воскричал громко: «Великій царю Михаил, чюдной конь твой тихъ и кротокъ и смиренъ. Вели на него положить конской нарядъ». Царь же Михаил со князи и з бояры своими, видеv грозново коня, и много дивовася и повелѣлъ конской наряд положить. Извоздникъ же рече: «Великій царю Михаилъ, всяди на грозной свой конь тих и кроток». Царь же всяде на конь и поѣха по царскому своему двору, князи же и бояря и велможи много дивися царскому на конѣ сиденью и чюдного коня течению. Царь же Михаилъ велми радостенъ и веселъ повелѣлъ чюдново коня поставить въ деной кандуле(?), а извозднику повелѣлъ подле своего царского двора царский двор устроить, и наркли извозника царемъ, по немнозе времени извоздника посадиша на царскомъ престоле и платье царское на него возложиша и венець царской на главу ему возложиша и скипетр царской в руку ему дасть и дасть ему половину князей и бояръ и велмож и половину Царяграда и (заповѣда)¹ всѣмъ ево повелѣлъ слушати. Тогда же извоздникъ воцарився² и бысть грозенъ велми, вси князи и бояре, половина Царяграда славят его по всему Царьграду; некоторые князи и бояря и велможи старого царя благочестиваго пришед царю своему рекоша: «Посаженика твоего славят всему Царюграду царем, а тебя, благочестиваго царя, и не слышеть». Царь же Михаил слышавъ и посмеявся и повелѣлъ царя Василья, посаженика своего, к себе на пир звать. На утрии же день оба цари у заутрени и у литоргѣи быша, и, как убо время кушать царю Михаилу, послалъ вѣсть ко царю Василью, а самъ царь Михаилъ сяде на престоле своемъ царскомъ и повелѣлъ многимъ около себя быти княземъ и бояром и велможам. Царь Василей поиде ко царю Михаилу на пир, а с собою не много взяше князей и бояр и вниде в полату, где царь Михаилъ на своемъ на царскомъ престоле сядя; царь же Михаил

¹ Лишнее.

² В рук.: во цари всему.

же воста с мѣста своего противу царя Василья, посаженника своего, и повелѣлъ царю Василью с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: «Не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достойянию честь воздает». Царь же Михаил рече: «Аще не снимеш башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить». Царь Василей не могъ ничем отнятьца и сотворил ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил, царь же Михаил востал, всѣл с престола своего царского и сяде за столъ кушать. Царь же Василей ишед в свои хоромы, за стол ко царю Михаилу не пошел и, пришед во свои хоромы, начал велми сердитовать, аки левъ ревуще, и повелѣл к себѣ всѣм своимъ княземъ и бояромъ быть тотчас. Князи и бояря съѣхашеся, царь же Василей начал имъ жаловатца: «Князи и бояря и вси велможи! царь Михаилъ зазвал меня к себѣ на пир, яз к нему пришел, и он меня заставил себя розувать и обувать и меня тѣмъ обесчестилъ. И вы мнѣ придумайте, как мнѣ отомстить царю Михаилу позор свой». Князи же и бояря и вси велможи рекоша: Великій царю Василей! подобает тот позор отомстить: единому живу быти, а другому мертву. Царь же Василей слышав повелѣл к себѣ быть от мала и до велика в третьемъ часу ночи всѣмъ вооруженнымъ. День проиде, бысть ноч. Царь Михаил ляже опочивать, а князи и бояря вси поѣхаша кождо по себѣ. И бысть третей час ночи, ко царю Василью съѣхашеся, царь же Василей вооружая поиде на царя Михаила, ко вратомъ царскимъ прииде, пятьсот стрелцов побил, на двор вниде, а на крыльце и в сѣнях болши пятисот побил и прииде г дверямъ полаты, царевы и выломиша двери и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ почивает, и прииде ко царю Михаилу и, вынявъ мѣчь свой, и хотѣл царю Михаилу главу отсѣчь; а царь Михаилъ опочивает, а руцы его на выми (выи?). Царь же Василей тялъ мечемъ и отсѣче обѣ руцѣ. Царь же Михаилъ проспудея от сна и рече: «Царь Василей! судить тебя богъ со мною, что ты мнѣ за добро злом воздал!» Царь же Василей ужаснулся и побежал ис полаты вонъ, изменники же царя Михайловы возвратиша царя Василия и рекоша ему: «Царю Василей! аще ево ныне не докончаешъ, утре тобѣ тою ж самому смертью умереть». Царь же Василей возвратився в полату и отсеке царю Михаилу главу и повелѣлъ ево тое ж ночи похоронить по достойянию по царскіи, бутто своею смертью умер. А на утрѣи ж день повелѣл столбъ высок сотворить и повелѣл в вѣчный колокол звонять, чтобы к столбу все цареградцкие князи и бояре съѣхалис. Тот же час съѣхалис всѣ, царь же Василей вниде на столбъ и нача велегласно говорить: «Князи и бояря и вси цареградцкие мужи! царь Михаилъ царствовалъ во Цареграде единъ

много лѣтъ, а меня сотворил над половиною Царемъ городом,¹ а самъ царствовалъ надъ другою половиною. А ныне царь Михайло преставился, и яз его похоронилъ чесно. И вы кого выбираете на другую половину во цари?» Князи ж и бояря и вся цареградцкие мужи рекоша: «Царю Василей! Коли царь Михайлъ преставился, кому другому быть? Ты единъ царь буди надо всѣмъ Царемъградомъ царь и всему». И всему Царюграду прославиша царя Василья царемъ. Царь же Василей извозьдникъ всѣмъ Царемъградомъ владѣя многое время.

А. СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ.

(по рукоп. Ундольского, 943).

Бысть во Цареграде царь Михаилъ благочестивъ и богобоязлив, великъ былъ к богу подвиженъ: святая святыхъ созидал, сосуды златыя и серебряныя по церкви поставлял, церкви пресвященныя воздвизал и монастыри строил и грады зиждалъ. И бысть у него древо златое, и ветви у того древа златыя и серебряныя, а на томъ древе птицы поютъ различными гласы. Слышевъ же многие цари и короли про то златое древо, и посылаху пословъ своихъ во Царьградъ з дары бесчисленными ко царю Михаилу благочестивому и прошаху у него, чтобы далъ древа златова посмотреть. И послы придоша во Царьградъ и поклонихася благочестивому царю Михаилу и дары подаша и прошаху у царя древа посмотреть. Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а посломъ повелѣлъ древа посмотреть. И послы же, видя древо, и дивяся много и поклонихася царю и пойдоша во свою землю ко царемъ и королевемъ своимъ и пришедъ все по ряду повѣдоша. Цари ж и короли, слышавъ отъ пословъ своихъ про златое древо и много дивяся и умысливъ, совѣтъ сотвориша, хотяху у царя Михаила древо златое отставить. И отрядиша иныхъ пословъ своихъ и послаша во Царьградъ и повелѣлъ(-и) давать за златое древо города и именья многа. Послы же придоша во Царьградъ з дары и поклонихася царю Михаилу и рекоша: «Великій царю Михаилъ, цари наши и короли насъ прислали къ тебѣ, великому царю, а велѣли тебѣ говорить и у тебя просить древа златова, а велѣли тебѣ царю давать много городовъ и имѣнья много». Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а посломъ повелѣлъ древа посмотреть, а на города и на имѣнья древа златова не отдал. И рече царь Михаилъ посломъ: «Рките царемъ своимъ и королевемъ: цареградскій великій царь Михаилъ велѣлъ вамъ говорить: за что царю Михаилу златое древо отдать на города

¹ Следует: «царемъ надъ половиною Царягорода».

и на имения? во Цареграде древомъ златымъ царь славенъ, зело изобиленъ во всемъ однеи дарами». Послы же поклонившася царю Михаилу и поидоша во свою землю ко царемъ своимъ и королемъ и сказаша все по ряду, что царь Михаил приказал. Цари же много дивяся. По мнозе ж времени благочестивый царь Михаил преставися от царствия своего, и на ево мѣсто во Цареграде сяде на царство царь Левтасар. И бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил, с цареградцких и князей и бояр много казны взял, все то пропил, церкви пресвещенные разграбилъ, сосуды серебряные из церквей поимал, все пропилъ, монастыри разграбилъ; да уже нѣчево ему пропить, дограбився до златова древа и все древо златое розламал и все то пропил. И некоторого вечера веселящеся со князи и бояры пьюще и тѣшася велми, и слышавъ, что древа златова одна ветвь, а на той ветви золотой попугай говорит человѣческимъ голосомъ, что сей де ноци царю Левтасару напрасною смертию умереть. Царь же Левтасар рече: «Князи и бояре, слышите, что золотой попугай говорить»? Князи же и бояря рече: «Великій царю Левтасар, слышимъ». Царь же Левтасар, возревъ на подволоку, и виде много множество на подволоке рукъ человѣческихъ пишуща, а лиц не видить. И велми царь Левтасар ужаснуса и рече. «Князи мои и бояря, видите ли, что на подволоке руцѣ человѣческіи пишут, а лиц не видеть: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». И повелѣлъ в вестовой колокол звонить и проповѣдникомъ повелѣлъ по улицамъ ѣздить, чтоб все князи и бояря и велмужи ѣхали на царев двор велия чюда смотреть. Тот же час съѣхашеся весь град на царевъ двор и начаша ходити смотреть чюда в полату по десяти человѣкъ; руки же не бояшеся никого, пишуща харатби, из руки в руку подающе, аки буря великая шумяше от харатей в полате. И рече царь Левтасар: «Князи и бояря и все мужи градцкіи, что у меня в полате велие чюдо учинилос: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». Князи ж и бояря вси рекоша: «Великіи царю Левтасару, то намъ не свѣдома, а свѣдома то чюдо Данилу пророку. Данил пророк живет в монастыри от Царяграда шестидесят поприц». Царь же Левтасар повелѣлъ послать тотчас по Данила пророка. Посланник же к Данилу пророку приеде и з Даниломъ пророкомъ стал во Цареграде у царя в полате во многования ока. И сказаша царю про Данила пророка, царь же встретилъ среди полаты пророка Данила и рече Данилу пророку, «что в полате у меня велие чюдо явися; некоторые волхвы чары нанесоша». Данил же пророкъ виде, ангельские руцѣ пишутъ, и бысть трепетенъ велми. Пророкъ же Данил рече: «Великіи царю, не волхвы чары нанесоша на тебя, — то пишутъ ангельские руцѣ действо твое, царю, что ты царскую казну пропил, святая

святых разорил, сосуды церковные золотые и серебряные все из церквей поимал, то все пропил, монастыри розграбил, бояр и всяких людей ограбилъ, то все пропил, и золотое древо все то пропил: Царьград да и вы, цари, во Цареграде ото всѣхъ царей и королей з древомъ золотымъ чесны и славны были, и весь Царьград изобилень был древомъ золотымъ. Сей тебѣ нощи напрасною смертью умереть». Царь же Левтасар со гнѣвомъ повелѣлъ Данила пророка посадить в темницу, а самъ повелѣлъ себя стереги всему царству, чтоб к нему смерть не пришла. И начал он в полате своей единъ пребывать, толко с ним Дарей Менденис. И дасть ему копье свое и приказал ему никою к себѣ в полату не велѣлъ пущать: «хто станет царскимъ имянемъ пролыгатца, убей ево, не вѣрь ему». И повелѣлъ ему у дверей стоять, а самъ царь Левтасар опочива(е)т и уснул три часы и проснулся от сна и посмотрил в окошко на двор и виде на дворе огненное пламя, оружное блистание человѣческое и говор, и воста поиде ис полаты сторожи смотреть. И увидеша царя вси с трепетом. И походил по двору и виде, крѣпко стерегут, и рече: «Как хочет смерть проитить ко мнѣ через такую крѣпкую сторожу?» И вниде в полату свою и ляже опочивати и заснул шесть часов. И будет девятой час и проснулся от сна и поиде ис полаты сторожи смотреть и виде, крѣпко стерегут, а Дарей Менденис не слышал, как царь ис полаты вышелъ. Царь же Левтасар походил по двору и пошел в полату свою, царь отворил дверей, хотел войти, Дарей же Менденинъ вспрынул с копьемъ и скочил ко дверем и рече: «Ты, смерть, почто идешь сюды?» Царь же рече: «Дарей, не убей! Яз царь Левтасар». Дарей же рече: «Не царь ты, смерть, — пролыгаешься царскимъ имянемъ!» И ударилъ его копьемъ и прободе его навскос. Царь пал мертвъ. Дарей же посмотривъ на царской постеле царя, и (не) наиде и посмотрилъ у дверей и виде мертва царя и бысть в великой кручине. И бысть же утру солнце настало, востече велми рано, а Царьград во тме совлечень царскою кровью. Князи же и бояря поутру пошли ко царю здравствовать: дай бог здрав был за нашею сторожею, и внидоша в сени и увидеша царя мертва, и ужаснувся весь Царьград. И рече к Дарию: «Что есть великое чюдо учинилось?» Дарей же Менденинъ все по ряду рассказал, как царь приказал, князи же и бояря и все граждания рекоша: «Богъ так изволил, что хочеть, такъ творить». Царя же по достоянню погребли чесно поцарски, а Дария сказнили и рѣкоша: «Все-проклять тот, хто государской убища».

Б. СКАЗАНИЕ О ДРЪВЕ ЗЛАТОМЪ И О ЗАЛАТОМ ПОПУГАЕ І О ЦАРЬ МИХАИЛЕ
ДА О ЦАРЬ ЛЪВКАСОРЪ.

(по рукоп. Тихонравова, 238)

Бысть во Царѣградѣ царь Михаила благочестны и богабоязливъ и велми был к богу подвиженъ, славою и величеством был превыше многих и великих царѣ(й), святая святыхъ созиждал церкви преосвещенныя, и сосуды церковныя златыя вси и серебряныя в церквахъ поставлял, монастыри созиждал, грады строил. У него древо златое, на том дрѣве птицы златыя и серебряныя, велми украшены, поютъ различными гласы. Имея бѣчисленно много злата и сребра у благочестиваго царя Михаила, изобилен Царьград в немъ великъ и славенъ (л. 93) зело. Во многи царства слышать про то златое древо: цари и короли отпущали пословъ своихъ во Царьград з дары великими и повелеша посломъ своимъ у царя Михаила дрѣво златое посмотри(ь). Послы шь пришетъ во Царьград, поклонишася благочестивому царю Михаилу, и дары держаще пред нимъ, и прошаху царя древо посмотри(ь), чтобы имъ въ своихъ сръствахъ (sic) такое древо учинить. Благочестивы ж царь Михаила повеле у пословъ дары принять, а послам д(р)ево з(л)атое смотрит(ь). Послы же, видевше древо златое, много дивишася и поклонишася царю и поидоша во свою землю, и пришедше¹ к царѣмъ своимъ и королемъ, поведаша про златое дрѣво. Царі же и короли, слышавше от пословъ своихъ, много дивишася и отрядиша во Царьград своихъ пословъ иныхъ (л. 93 об.) з дары с великими и повеле(ша) посломъ у царя Михаила дрѣво златое торговат(ь) на городаы и на орды и на злато и на серебро. Послы же, пришетше во Царьград, поклонишася царю Михаилу, и дары держаще пред ним, и прошаху у царя древо златое на городаы и на орды и на злато и на серебро. Благочестивы жа царь Михаила повеле у пословъ дары принят(ь), а посломъ повеле древо златое смотрит(ь), а на городаы и на орды и на злато и на серебро древа златаго не отдат(ь) и повеле послы отпустит(ь), и на походе имъ рече царь: «послы, скажите вы царемъ своимъ и королемъ, что они, себя ставя разумными, а меня они ставятъ несмысленнымъ, торговать они (хотят) у меня древо златое на городаы и на орды и на злато и на серебро; а я древомъ златымъ честенъ ото всехъ вас от царей и от королев, и у меня Царьград и обилен и богат зело древом златым, а они мнѣ дают (л. 94) злато и серебро, городаы и орды, а они и сами мои все с теми царствы,

¹ В рукоп. дважды.

в которыхъ ани царствуютъ». И се рекъ отпустивъ. Послы же поклонившася царю Михаилу и поидоша во свою землю и, пришет к царем своимъ и королемъ, поведаша про златое древо все по ряду и приказное цареве слово сказаша. Цари же и короли, слышавше от пословъ своихъ, много дивившася, но ничтоже учиниши.

|| По немнозем же времени благочестивый царь Михаила преставися от царства своего, и на ево места во Царѣграде селъ на царство царь Левкасоръ. И бысть пьющ велми, царскую казну всю пропил, с князей и велможъ и с царегратскихъ мужей казны взял, все пропил, святая святыхъ разорил, сасуды церковныя побрал, все пропил, и златое древо разламал, (в)се пропил, уже отна (sic) ветвь осталася златаго древа, на златой (л. 94 об.) ветви залатой попугай. Говорит (попугай) человѣческимъ языкомъ: «сие тебѣ нощи умеретъ(ь) напрасною смертию». Царь же Левтасар слыша рече: «князи и бояре и велможи, слышите ли, что золотой попугай говоритъ человѣческимъ языкомъ? Одно сие в немъ нечистый духъ вселился». И возре на подволоку и виде подволоку полну руку (sic) человѣческихъ — пишут, а лицъ ихъ не видетъ(ь). И рече царь Левтасор: «князи и бояре и велможи, а сие чюдо на подволоце. Однолично азъ мню: волхвы на меня чары нанесоша — портитъ(ь) меня хотятъ». Князи же и бояре и велможи вси рекоша: «богу тако изволившу», и пересташа веселитися и рекоша: «великий царю Левтасоре! вели, царю, в вечный колоколъ звонить и проповѣдникомъ по улицамъ ездитъ(ь), чтобы вси князи и бояря и велможи и вси царѣградския мужи шли и ехали на царевъ дворъ велие чюдо смотритъ(ь)». В тот часъ вси князи и бояре и велможи и вси царѣградские мужи съехали и видеше (л. 95) великое чюдо и рекоша: «великий царю Левтасорѣ, то велие чюдо намъ не вестимо, а ведомо то велие чюдо Даниле пророку, а живетъ в монастыре, а отседе 17 поприщъ». Царь же Левтасоръ тотчасъ посланника¹ посла в монастырь к Даниле пророку, и тотчасъ из монастыря его взял и з Даниломъ пророкомъ в полату сталъ пре(д) царемъ. Царь же Левтасоръ рече: «Донило пророкъ, повеждь ми, что у меня в полате такое чюдо? Однолично азъ мню, что в попугая нечистый духъ вселился; а на подволоце рече человѣчески пишут, а лицъ ихъ не видетъ, — а я мну (sic) одно: сие волхвы на меня чары нанесоша — портитъ(ь) меня хотятъ». Данила ж пророкъ рече: «великий царю Левтасорѣ, не волхвы на тебя чары нанесоша: то, царю, пишутъ ангели святии рущѣ действие твое, что ты, царю, во Царѣграде на царстве сидиши, а не по царски и (л. 95 об.)

¹ В рукоп. — посланника.

чинишь — бѣз времени пьешь, царскую казну всю пропил, с князеи и з бояр и з градских мужей много казны взял, все пропил, святая святых разорил, сосуды церковныя златыя и церковныя припасы взял, все пропил. Сию тебѣ ночь умерѣть напрасною смертию». Царь же Левтасор со гневом на Данила пророка и повеле в темницу посадить, а себѣ повеле всему граду стерещи со оружиемъ, а самъ царь начат в полате единъ пребыват(ь), толко с ним ближние люди властеличным(sic) Дарей Мелденинъ. И заповеда ему царь у дверей стоять и повелѣ его к себѣ никаго пушат(ь), ни князя, ни боярина, и даде ему свое копие и заповеда убит(ь), аще кто станет царским именем пролыгаться: «и ты не вер(ь), убѣй его!» И ляже царь опочиват(ь) и, уснувъ три часа и воспрянувъ от сна, и посмотри оконце и виде огненное пламя и оружное блистание (л. 96) и поиде ис полаты сторожи смотреть. И похотивъ царь и видѣ крѣпко сторожу и вниде в полату и ляже опочиват(ь). А Дарей Мелденикъ видел, как царь ходил и вниде в полату. И усну царь 4 часа и воста от сна, посиде и поиде вон сторожи смотрит(ь), а Дарей Мелденикъ не видалъ, как царь вышел и ходил. Царь же рек; «уже заря утренная занимаетца». И рече царь: «Даниле пророку самому бы тою смертию умереть, что рекъ: уже ночь проходит, день настает». И поиде въ верхъ, отвори двери полаты своя и похоте внити в пол(а)ту: Дарей жѣ Мелденикъ уснул бѣше о копие опершиш и очутився от сна своего, скочи ко дверем с копием и рече: «ты, смерть, почто идешь?» Царь же рече: «Дарей, не убѣй меня: аз — царь!» Дарей же рече: «не царь ты — смерть! пролыгаешься царским именем!» и удари (л. 96 об.) его в рѣбро и прободе его. Паде царь мертвъ на землю. И посмотривъ царя на постеле, и не обрете и бысть въ великой печали и вне ума. Уже солнцу восходящу князи же и бояря и велможи поидоша к царю челом ударит(ь), чающе царя здрава; и приидоша ко дверемъ полаты и видеша царя мертва, и бысть во ужасе велицем и рекоша: «Дарей, что такое незгодие учинися на(д) царем?» И сказа все по ряду: «царь мне приказал к себѣ никого (не) пушат(ь), и я впервые слышал, как царь ходил, а в другореть не слышал, как царь вышел ис полаты, и я чаял: смерть пришла, и уби его». Князи же и бояря и велможи вси рекоша: «богу тако изволившу, как богъ восхотель, так и сотворил». И похраниша царя честно, а Дария Мелденика казниша, а Данила пророка ис темницы проводиша¹ в монастырь. Пророчество Данила пророка первое, нынѣ и присно и во веки вековъ. Аминь.

¹ В рукоп. — дважды.

В. ГЛАВА 10. О ЦАРЕ ВАЛТАСАРЕ ВАВИЛОНСКОМ.

(по рукоп. собр. Вяземского, № XVI)

Царь Валтасаръ Вавилонскій взялъ сосуды церковныи, потиръ да блюдо, и нача з блюда маса ясти, а с потира нача пити и веселитися. Во едину же ноцъ видѣ царь Валтасаръ во сне ангела (хотяща?) его ударити скипетромъ, онъ же убудився от сна и воставъ, посла же по вся велможи своя и сказа имъ сонъ свой; они же отвеща ему: «Мы, царю, видения сего не слыхали; есть у насъ в Вавилоне граде пророкъ Даниль в пещере: того вопроси». И посла царь Валтасаръ по пророка Данила, и прииде Даниль ко царю Валтасару, и сказа царь видение свое. И рече ему пророкъ Даниль: «Въ сие ноци тебе, царю, убиенному быти того ради, что ты пилъ и елъ изъ сосудовъ церковныхъ, понеже на потире пишется: самъ господь закалаемъ бываетъ и кровь свою претвори в вино, источи в потиръ и тело свое разъдроби на блюдо и преврати въ хлебъ; а ты, царю, с техъ сосудовъ ешь и пьешь, и для того дела в сей ноци убиенну тебе быти». Царь же постави себе стражи около всего града и по всему двору и пред полатою у себя верных удалцов 30 человекъ и приказалъ всемъ имъ крепко, чтобы отнюдь никого нигде не пускать; еще жъ рече имъ царь: «Аще ли вамъ кто станетъ царемъ называтся, а вы его не слушайте, ссеките его». А самъ царь в полате своей заперся. И нача стражи стрѣщи часа своего, и к утру възгласившу, царь Валтасаръ и выде ис полаты своея и виде стражей всех спящихъ, болшему стражу своему наступилъ на ногу; онъ же убудився и вскочи, нача сеци царя мечем. И рече имъ царь: «Не секите — азъ вашъ царь!» И рече ему стражъ его: «Не облыгайся царемъ! Нашъ царь приказалъ накрепко: кто станетъ хотя царемъ назватся, повелель съсечь его». И сим царь скончался (л. 394, стлб. 1—3).

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

„Праздник кабацких ярыжек“

Пародия-сатира второй половины XVII века

I

В русской литературе второй половины XVII в., в силу определенных общественно-экономических отношений, начинает развиваться сатира, нападающая и на государственные учреждения и на общественно-бытовые явления. К этому времени относятся яркие сатиры на судопроизводство — повесть о Шемякином суде, о Ерше Ершовиче, на пьянство, распущенность и корыстолюбие духовенства — Калязинская челобитная, повесть о попе Савве и др. Все эти памятники объединяются тенденцией их авторов, явно враждебной тому, что происходило в тогдашнем социально-экономическом мире, оценкой этого мира в духе определенной классовой идеологии.

Это было время, когда на поверхности оказались и оппозиционно настроенные классы, и группы внутри классов. После Смутного времени социальная борьба не прекратилась. С одной стороны, внутри господствующего класса дворян-помещиков создалась рознь, благодаря возрождению вотчинного землевладения, латифундий, рознь, заставлявшая иногда отдельных дворян объединяться с представителями других классов, с другой — назревает вражда между дворянами и буржуазией, доходившая до резких столкновений между ними и обусловленная противоречием их классовых интересов. С обеих сторон выделяются оппозиционно настроенные группы, выступавшие с резкой критикой некоторых явлений государственной жизни. А на этом фоне идет непрерывное брожение против обоих господствующих классов внутри тех, кто нес на себе все бремя «тягла», т. е. среди крестьян и «меньших» посадских людей. Многочисленные челобитные в Москву, обнаруживающие попытки законным путем добиться восстановления своих прав, служат прекрасным комментарием

к литературной сатире второй половины XVII в. и вполне разъясняют, на какой почве она выросла. Начиная с буржуазных верхов и кончая закабаленным крестьянином, появлялись недовольные дворянской администрацией; вся эта масса временами вспыхивала, перевес в отдельных случаях брала то одна, то другая сторона, но политически бесправные или недостаточно сильные эти оппозиционеры не могли еще выступить с настоящим активным протестом; оттого-то сатира оказывается для них в эту пору подходящим орудием.¹

Разумеется, каждая отдельная сатира должна быть основательно изучена с точки зрения ее идеологической установки, чтобы явилась возможность прикрепить ее к той или иной из оппозиционно настроенных в эту эпоху групп. Как мы видели, они очень разнообразны, и рассматривать все сатирические памятники XVII в. суммарно было бы неправильно: каждый из них отразил свой класс, имеет свою направленность и наконец свое художественное оформление в зависимости от среды, из какой вышел автор, и к какой он адресуется. Все эти вопросы встают перед исследователем, приступающим к изучению «службы кабаку» или «праздника кабацких ярыжек» — пародии-памфлета, с незнакомой еще в московской литературе силой и резкостью ставящего вопрос о вреде «царева кабака».

II

«Праздник кабацких ярыжек» или «служба кабаку» сохранился в трех списках, различающихся по составу. Все они имеют центральную часть, к которой собственно и относится название; но два из них кроме того дополнены рядом статей — выписок о пьянстве из различных источников и компиляций на ту же тему, а один имеет еще и новое предисловие, оправдывающее непривычную для тогдашнего читателя форму пародии.

Все эти дополнения составляют новую рамку для старого текста и должны изучаться отдельно. Первая задача исследователя — изучить генезис основного текста, т. е. пародии-службы.

Старший текст этой службы сохранился в списке Исторического музея, № 3860, который датируется следующей записью (л. 291—5): «сии кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Прилуцкого монастыря дякон Юрьё Попов назвищем Удачных лета 7174 (1666) году марта в 4 день». В этой записи большой интерес представляет указание на Прилуцкий монастырь. В XVII в. существовало

¹ Подробную характеристику этой эпохи см. М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 218—255.

два монастыря, носивших название Прилуцкий и Спасо-Прилуцкий: первый был построен в 40 верстах от Великого Устюга на левом берегу Северной Двины, второй — в 5 верстах от Вологды, на левом берегу реки Вологды.¹ Указание записи следует, вероятно, относить к тому из этих двух монастырей, который находился на берегу Северной Двины — в самом тексте службы мы найдем сведения об этой местности.

Список Прилуцкого монастыря (в дальнейшем называю его II) сильно попорчен, листы в нем иногда вырваны, иногда перебиты при переплете, приходится восполнять его пропуски и явно ошибочные чтения с помощью двух более поздних списков — половины XVIII в.: Историч. музея № 3859 и б. Румянц. музея из собрания Беляева № 1565.²

Оба последние текста, несомненно, идут от общего оригинала, имеют часто одни и те же ошибки, одинаково исправляют или наоборот искажают старший текст, сами не лишены большого числа ошибок, и таким образом также не дают целиком представления об оригинале памятника. Основной первоначальный текст предположительно восстанавливается на основании взаимной проверки всех трех списков.

Насколько можно судить по сохранившимся спискам, служба кабаку состояла из пародий на «малую» и «великую» вечерню с канонам, а в конце имела житие пьяницы. Порядок этой службы рисует нам судьбу постепенно пропивающегося пьяницы. На малой вечерне — благовест «в малые чарки, в полведришки пивышка, таже стихиры в меньшей заклад, в перстни и ногавицы и в рукавицы и в штаны и в портки», — на великой вечерне все принимает более грандиозные размеры: «позвоним во все платье, изопьем ковша по три вина, понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье, вина до нага, вседневно скорби с въздыханием». К литии уже происходит «отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения», и наконец после канона идет «чтение на тюремном дворе».

Отдельные песнопения дают подробную характеристику «питуха» — героя службы. Перед нами проходит вся его жизнь, начиная с момента, когда он еще учится пить: «исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от друзей своих ближних и мало по малу и сами гораздни станем пити и людей станем учити . . . где и не зовут и мы идем». Затем идет подробное описание того, как у пьяницы «во многие времена собираемо богатство во един час все погибе».

¹ Православные русские обители, СПб. (без года), стр. 86 и 93.

² Эти списки ниже называю И и Р.

« Очистился до нага, перстни на руке мешают, ноговицы тяжело носить, портки, и ты их на пиво меняешь всякому у себя велишь пить, а на завтра и самому будет просить рукоделье заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси и глядети прилежно ис чюжих рук извыкл еси пропився в раздранные ризы облечется. На кабак пойти не с чем, даром не дадут, заложить нечего . . . »

Та же бедность у него и дома: «ни единыя ризы в дому оставити . . . на ветр живот свой развеяша . . . дом потешен, голоду и холоду изнавашан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся».

Пропившийся пьяница, как один из участников «стада» ярыжных, который готов льстить каждому, кто достанет ему вина, рисуется в нашем памятнике в крайне реалистических тонах: «для ковша душу свою топши, пьющему потакаеш, льстиш, вежлив ся твориш пред ним, огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаеш, не гораздо светиш, пропоицу садиш и место ему одуваеш, чтоб ему сесть седалища не изгрянити, избу мятеш . . . , а как его опьеш, так ты, что бес, на старые полаты скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полаты, и приставай к нашему стаду . . . привыкай к побоям, поститися научись». Или вот грустные воспоминания самого пьяницы: «Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег алтын десять, то все вычистили, и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался, и в калу перевалаяся, дошел до заходу, тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку умылся, яз всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детей своих розгонял, суды все притоптал, не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем».

В уста этого пьяницы вложено грустное признание: «валяюся с похмелья, жадает ми душа пити . . . умильно к целовалнику вопию: помилуй мя похмельнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно». Этот питух «оголя скачет, белые руки в роте греет, с ярыжными спознался, и на полатях в саже повалаяся, взявши кошель и под окны пошел просит денешки на чарку». Пропивши свое, не довольствуясь добровольными подачками, пьяница идет на воровство: «пропоица день за печью лежит свернувся, яко пес голодом мрет, а в ночи у пьяных мошны холостиш . . . , прутье терниш . . . на полатях смьшляеш, как бы кого облупити». Это настолько обычное явление в кабаке, что автор говорит о нем, как о своеобразном кабацком законе:

«лож ся не выводит, а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати век около корчмы воры держатца» «Кто с пропою не научился лгати?» — спрашивает иронически автор и продолжает: «не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати».

Пьяницы знают, что за это воровство они пострадают: «с кнутьем по торгу водими будем и оттуде и в тюрьму ввержемся». Не без грустной насмешки над самим собой, пьяница описывает «мзду» за свои «труды»: «в тюрьму вселился еси, и тамо сущую мзду трудов своих прием — ожерелье в три молоты стегано, перстень бур[мит]ской на обе руки наложил еси и нозе свои во кладе утверди» Правда, случается изредка, что люди поймут такого вора по неволе и отпустят его с миром, «яко бити его некого и сняти с него нечего».

Неприкрашенная жизнь видна в тех строках, где автор рисует отношение окружающих к пьянице. Вот жена и домашние жалуются на пьяницу-мужа: «Гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернеш ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю. Всегда муж тои пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чужую сторону спознаша». С этой жалобой совпадает и признание самого мужа: «с блудницами расточих все свое имение родители мене отвергошася много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился и слышах жену и детей злословящих мя: ты пьеш и бражничашь, а мы с голоду помираем».

Но и на кабаке судьба пьяницы невеселая: «хвалят пропоицу, как у него в руках видят, в кои поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился» — этот мотив повторяется у нашего автора часто.

Конец жизни пьяницы печален: «скончавшуся ему от воровства, никто по нем не потужит».

Таково в общих чертах содержание литературного памятника, по новому подошедшего к старой, хорошо знакомой древней Руси теме о пьянстве.

Пьянство вообще и в частности русское пьянство — это тема, с которой мы встречаемся в самых разнообразных жанрах древнерусской литературы, начиная с XI по XVIII в. включительно: слова и поучения, летопись, повесть, притчи, вирши, пародии — с разных точек зрения, но всегда с осуждением изображают это, глубоко вкоренившееся в русский быт,

явление. Причину такой актуальности этой темы в течение всего древнего периода нашей литературы следует искать не только в той идеологии, которая вместе с христианством в готовом виде была перенесена к нам из Византии, но и в тех местных условиях, которые эту идеологию отчасти укрепили, отчасти переработали уже на русской почве. Эти местные условия сделали то, что, начавши, по примеру византийской литературы, с осуждения пьянства как греха, с его моральной оценки, — наши писатели под влиянием быта стали переходить к обнаружению экономического вреда пьянства для определенных классов населения. Так постепенно церковно-религиозные обличения пьянства заменяются общественной сатирой на него, за которой нетрудно рассмотреть суровое осуждение тех, кто помогал развитию пьянства, т. е. правящих кругов, и искреннее участие к меньшей братии — «питухам» —, которых пьянство пускало по миру. Не перспектива адских мучений с неугасимым огнем заставляет в XVII в. предостерегать от пьянства его ревнителей, а экономическое разорение, угрожающее им. В итоге — слово против пьянства, которое слагал русский книжник, повторяя часто дословно аргументацию византийских отцов церкви, сменяется пародией-памфлетом, каким является «праздник кабацких ярыжек».

III

Для того, чтобы уяснить себе не только идеологическую установку этой пародии, но и ее художественное оформление, необходимо ближе подойти к вопросу о том, какую роль играло пьянство в русском быту этого времени, в какие формы оно облекалось. Поэтому, не захватывая картину развития пьянства на Руси на всем протяжении ее древней истории, я остановлюсь на значении его в быту Московской Руси XVI — XVII вв. Нам не важно в данный момент определить, права ли была летопись, вложившая в уста князя Владимира известное изречение — «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти»¹ — изречение, которым, как ссылкой на характер русского народа, принято издавна оправдывать русское пьянство; важно точно установить его общественно-экономическую роль в быту интересующего нас периода. Эту роль мы выясним по данным официальных документов и полуофициальных источников, каковыми являются описания России иностранцами. На этом фоне изображение пьянства в художественной литературе Московской

¹Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926, стр. 83.

Руси выступит перед нами, как факт не только литературный, но — в первую очередь —, как явление широкого общественного значения.

Московскую Русь, начиная с царствования Ивана Грозного, иностранцы посещали довольно часто, и за XVI—XVII вв. мы имеем в их описаниях много интересных данных для характеристики быта этого времени. Даже учитывая возможные у них ошибки, объяснявшиеся плохим знанием языка, принимая в соображение то, что иногда они писали не все по собственным наблюдениям, а повторяли слова своих предшественников, мы все же не можем не признать большой ценности этих описаний.

В частности, что касается пьянства русских, то все иностранцы, побывавшие в Москве в XVI и XVII вв., с редким единодушием пишут о его грандиозных размерах. Исключение среди них представляет один Михаил Литвин (Отрывки о нравах татар, литовцев и москвитян. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Пер. К. Мельник. Киев, 1890), который, укоряя своих единоплеменников за пьянство, все время ставит им в пример москвитян и татар: «в областях Московии и Татарии воспрещено пьянство», «москвитяне воздерживаются от пьянства», пишет он (стр. 26), добавляя, что Иван Грозный заботится о трезвости своего народа и потому для пьянствующих литовских солдат устроил в Москве слободу Налевки — «имя ее должно служить укором для нашего народа, склонного к пьянству» (стр. 27—28). Как увидим, этот автор был введен в заблуждение: о московских нравах он знал, видимо, лишь по недостоверным рассказам.

Все очевидцы вынесли другое впечатление. Они знали об ограничениях, введенных Иваном Грозным, но видели, что эти ограничения не сократили пьянства. Так, Дживованни Тедалди (Известия Дживованни Тедалди о России времен Ивана Грозного. Е. Шмурло. СПб., 1891) иначе объясняет происхождение той же самой слободы Налевка: «... здесь жили католики... они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и проч., что не дозволено самим москвитянам, в виду того, что им, как слишком склонным к пьянству, от которого сам государь весьма далек, он вообще не разрешает приготовления и продажи пива, исключая восьми дней до и после Р. Х., когда пить позволено ради праздника» (стр. 19).

Насколько правильно пояснил Тедалди причину такого запрещения, покажут нам ниже официальные данные, но уже из его слов мы видим, что о примерной трезвости москвитян в это время говорить не приходится.

Об ограничении права продажи и приготовления вина говорят и Герберштейн и Бох, но англичанин Дженкинсон, бывший в Москве в 1557 г., свидетельствует о существовании царских кабаков, в которых и мужчины,

и женщины пропивали не только имущество, но и детей своих (Середовин, Известия англичан о России во второй половине XVI в. Чтения в Общ. ист. и древн. рос. 1884, IV, стр. 34—35).

Флетчер (О государстве русском. СПб., 1905) оставил нам описание домашнего пьянства высших классов русского общества, которые во времена Грозного сохраняли за собой право не только держать дома вино, но и курить его. «Стол у них (русских. В. II.) более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку или небольшую чашку водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно как и ночью... Напиваться до пьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное» (стр. 124). Что касается народа, то Флетчер, отметивши «рабское и жалкое состояние» его, этим объясняет его пьянство: «Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания» (стр. 55).

От XVII в. мы имеем еще более яркие описания русского пьянства не только дома, но и в кабаке. Эти описания непосредственно подводят нас уже к тем картинам обнищания, которые рисует и «Праздник кабацких ярыжек».

В этом отношении особенно интересны показания Олеария, который впервые так резко и определенно нарисовал всеобщее пьянство, не пощадивши в своем описании и духовное сословие (Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Перев. Барсова, М., 1870). «Порок пьянство распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, старыми и молодыми, до такой степени, что если видишь по улицам там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление самое обычное. Попадет извозчик на такого пьяного, валяющегося на улице и ему знакомого, то взвалит его на телегу и отвезет домой, где получает плату за благополучную доставку. Русские никогда не упускают удобного случая выпить или опохмелиться чем бы то ни было, но большей частью просто водкой. Они считают за великую честь, если кто в гостях или собраниях их поднесет чарку и более водки, а простой народ — холопы или крестьяне — так ценят такую честь, что если какой-нибудь боярин поднесет им из соб-

ственных рук 3 и 4 и т. д. чарок, то они все будут пить, из опасения оскорбить отказом, до тех пор, пока не свалятся на месте, причем иногда отдают тут и душу богу, как это случилось однажды, в нашу бытность в России, когда служащие при посольстве нашем угощали и неотступно просили русских выпить еще. И не только простой народ, но и знатные бояре, даже царские великие послы, обязанные строго блюсти и поддерживать в чужих странах высокое достоинство своего государя, тоже не знают никакой меры в употреблении предлагаемых им крепких напитков, и если только напитки эти прилутся по вкусу, то они льют их в себя, как воду, так что совершенно теряют человеческий смысл, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай был с одним великим русским посланником, отправленным в 1608 г. к шведскому королю Карлу IX. Несмотря на предостережение о том, что предлагаемая ему водка была весьма крепкая, посол этот напился ее до того, что в тот день, когда ему следовало представиться, его нашли мертвым в его постели». «... Пьянству русские люди преданы более всякого другого народа в мире. Когда они уже через меру напьются, то как необузданные звери предаются всему, к чему побуждают их страстные желания». В виде иллюстрации, Олеарий рассказывает, со слов великокняжеского переводчика, случай, который тот наблюдал в Новгороде на площади перед кабаком, где народ собрался около пьяных мужчины и женщины, заснувших посреди дождя. «Целая толпа молодых парней смеялись и глумились над таким зрелищем, до тех пор, пока наконец не подошел один старик, который накинул кафтан на лежавших, и таким образом прикрыл срамоту их», — так заканчивает этот эпизод Олеарий.

Описание русских праздников у Олеария наполнено изображением сугубого пьянства, которым отмечаются эти дни. Так на масленой, по его словам, «русские до такой степени услаждают себя и напиваются водкой, медом и пивом, что теряют всякое сознание, вследствие чего бывает всякого рода разгулье и шалости, а в прежнее время... совершалось множество драк и убийств» (стр. 356). «Во все время св. Пасхи русские... как духовные, так и светские люди, мужчины и женщины, ревностно посещают питейные дома и другие лавочки с продажей пива, меда и водки. Причем они так напиваются, что валяются по улицам, и уж тут родственники таких напившихся хлопочут, чтобы свезти их на телеге или санях домой, потому что при таких случаях нередко бывает, что на другой день находят на улицах много убитых и ограбленных до нага. Такой беспорядок и безобразия в посещении кабаков, впрочем, в настоящее время несколько уменьшились по настоянию Патриарха» (стр. 93).

Пьянству приписывает Олеарий частые убийства в России: «чаще всего совершаются они в большие праздники, преимущественно на масляной неделе, в течение восьми дней перед великим постом, когда русские целые дни пьянствуют до безумия» (стр. 188). Им же он объясняет частые несогласия в русских семьях: «Несогласия между супругами и даже побои происходят у русских или от того, что жены поносят мужей своих неприличными и бранными словами, на что они всегда бывают готовы, или от того, что жены пьянствуют чаще мужей» (стр. 212). «Духовные особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, так же как и миряне и крестьяне, часто встречаются пьяные. Хотя ни в одном монастыре не держится вина, водки, меду или крепкого пива, но только употребляется квас, то есть тонкое пиво, но монахи пользуются свободой в этом случае, когда выходят из монастыря, посещают своих добрых приятелей, причём не ограничиваются тем, что сильно выпивают в гостях, но требуют также, чтобы напитки отпустили с ними и домой, и часто они так напиваются, что только и можно по одежде отличить их от пьяных мирян» (стр. 183).

Олеарий описывает и свои впечатления от кабаков, отмечая, что они способствуют росту пьянства в народе и его обнищанию: «В бытность нашу в Москве там везде находились открытые питейные дома или кабаки, в которые всякий желающий имел вход и пил за свои деньги водку; при таком удобстве простой народ все, что зарабатывал, приносил в кабак, и так крепко засиживался там, что, пропивши заработок, снимал с себя платье, даже рубашку, и оставлял ее продавцу за водку, а затем, нагой, как родился, возвращался домой. В 1643 г., когда я был в Новгороде, и помещался в гостинице, что на Любецком дворе, недалеко от моего пребывания находился кабак, и тут-то случалось часто мне видеть, как эти напившиеся и пропившиеся молодцы выходили из кабака — кто без шапки, кто без сапог и чулок, а кто и в одной рубашке. Между прочим я заметил одного, который, пропивши кафтан, вышел из кабака в одной рубашке и, встретив на дороге хорошего приятеля, также направлявшегося к кабаку, опять вернулся с ним в кабак. Через несколько часов молодец мой вышел снова из кабака, но уже без рубашки, в одних портах. Когда я спросил его, где дел он рубашку, кто обобрал ее у него, он отвечал с прибавкою обычной матерной брани, что это сделал целовальник. Затем, заметивши, что где остались кафтан и рубашка, там могут остаться и порты, он вернулся опять в кабак и через несколько времени вышел оттуда уже совершенно наг. Сорвавши полную руку травы одуванчик, росшей около кабака, он прикрыл

ею свое срамное тело и отправился себе домой веселый и припеваючи» (стр. 179—180).

Указав, что теперь вместо маленьких кабаков в каждом городе заведены Кружечные дворы, где не продают водку маленькими порциями, Олеарий добавляет: «Но от такого распоряжения повседневное пьянство мало уменьшилось, ибо несколько соседей складываются вместе, покупают себе штоф и более водки, и не расстаются, пока не опорожнят посуды, причем часто тут же и свалятся друг подле друга. Некоторые же покупают водку разом по большому количеству и тайно распродают ее по чаркам. Поэтому хотя теперь не видно уже такого множества до гола пропившихся, но все-таки немного меньше прежнего встречается пьяного народу, шатающегося и валяющегося по улицам. Женщины также вовсе не считают за стыд напиваться до пьяна и валяться пьяными на дороге подле мужей своих». (стр. 181—182).

Известно было Олеарию и то, какую роль играли кабаки в пополнении царской казны. Перечисляя царские доходы, Олеарий пишет: «Трактиры, корчмы, кабаки или кружечные дворы, как их теперь называют, приносят великому князю вообще огромные деньги, так как ныне во всем государстве он один имеет право держать их, и как русские предаются употреблению вина выше всякой меры... В Новгороде постоянно было три кабака, из которых каждый давал в год доходу по 2000 рублей, что со всех трех составит 12000 рейхсталеров; при теперешнем новом порядке доход этот еще увеличился. Теперь кабаков, хотя они не все приносят такие большие доходы, во всей стране считается до тысячи» (стр. 261).

Путешественники конца XVII в. не могут добавить ничего существенно нового к картинам, набросанным Олеарием. Но для полноты напомним и их впечатления.

Яков Рейгенфельс (Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. Падуя 1680. Перев. А. Станкевича, Москва, 1906) бытовыми картинами и историческими анекдотами описывает пьянство русских: «Они думают, что невозможно оказать гостеприимство или заключить тесную дружбу, не наевшись и не напившись предварительно за одним столом, и считают поэтому наполнение желудка пищей до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь... В праздники им позволено, даже дано преимущественное право напиваться безнаказанно до пьяна; тогда можно видеть, как они валяются на улицах, замерзнув от холода, или развозятся, наваленные друг на друга, в повозках и санях, по домам. Об этот камень часто спотыкается и слабый пол, а также непо-

рочность священников и монахов». Последние, по его словам, «крайне невежественны и нередко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми действительно» (стр. 145, 169). «Хотя русские и стараются извинить свое постоянное пьянство, ибо они предпочитают пить водку и днем и ночью, тем, что, кроме давнишней привычки, (весь север-де уже с издавна много пьет), оно им еще необходимо для защиты от холода, но все-таки им не удается вполне смыть с себя позорное пятно пьянства» (стр. 146). Рейтенфельс приводит рассказ о том, как Стефан Баторий взял Динабург, спивши водкой московский гарнизон (стр. 146).

Немного позже характерное описание русских праздников дает Иоанн Георг Корб (Дневник путешествия в Московию. 1698 и 1699 гг. Перев. А. Малейна, СПб., 1906). Заметивши вообще, что «чем большей торжественностью отличается какой-нибудь праздник, тем больше и поводов к широкому пьянству» (стр. 52), — он более детально останавливается на некоторых из них. «Неделю, предшествующую четырьдесятице, русские называют масленицей... правильнее я должен назвать эту неделю Вакханалиями, потому что во все время ее московиты предаются сплошному разгулу. Похоть становится тогда совершенно бесстыдною, пропадает всякое уважение к высшим властям, повсюду царит самое вредное своеволие, как будто преступления, совершенные в это время, не подлежат никакому преследованию ни со стороны суда, ни со стороны беспристрастного закона. Разбойники пользуются такой безнаказанностью, что ни о чем почти и не слышно, как только об убийствах да похоронах. Правда, в определенных местах расставлены караулы, чтобы предупредить подобные бедствия, но часовые пьяны и заражены общими пороками, а потому их не связывает никакая забота, никакой страх» (стр. 128). Праздник Пасхи русские справляют «непрерывным разгулом. При этом женщины не отличаются большим воздержанием сравнительно с мужчинами; обыкновенно они первые начинают безобразничать от неумеренного употребления водки, и почти на всех улицах можно встретить их, бледных, полунагих и бесстыжих» (стр. 51). «День св. Николая, покровителя Московии, считающийся у русских большим праздником, они справили с большой торжественностью. Они считают неприличным и непристойным не уииться в этот день вином или водкой, так как чем больше торжественности у праздника, тем более позволительно, по их мнению, увлечение пьянством и другими утехами» (стр. 150).

Фан-Кленк и современники Петра Великого были свидетелями главным образом пьянства в высших слоях. Описание посольства Фан-Кленка до

Москвы (Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900) наполнено перечнями подарков, которыми встречали и провожали по пути знатных гостей — среди этих подарков всегда называются бочки водки, ведра пива и меду. Порции этих напитков, полагавшиеся ежедневно к столу посла и чинов его свиты, соответствовали, очевидно, привычкам русских распорядителей приемами иностранцев. Здесь послу назначалось, например, — «по 6 чарок вина двойного, по 2 чарки романей, или реиского, по 2 кружки меду обарвого, по 3 кружки меду паточного, по ведру меду цеженого, по 2 ведра пива доброго ячного» (стр. 310). Описание внимательно отмечает все пиры, которыми чувствовали гостей, и ответные обеды и приемы у самого посла. После одного из таких обедов «переводчик Фан-Асперен был послан с поручением к губернатору; этот последний заявил, что он такое получил хорошее угощение в предыдущий день, что, по его словам, он еще до сих пор его чувствует и, пожалуй, не встал бы еще: по-русски считается комплиментом, если они, быв где-нибудь в гостях, на следующий день при благодарности прибавляют, что были мертвецки пьяны» (стр. 334). Описывая похоронный обряд у русских, автор замечает, что после похорон «для друзей готовится поминальный пир, на котором как мужчины, так и женщины топят свое горе в доброй попойке». В поминальные дни также устраиваются пиры, где «все как священники, так и другие напиваются до того, что уже не могут стоять на ногах» (стр. 438).

Фан-Кленк также отмечает особенное пьянство на праздниках: «В Москве принято и у немцев, и у русских эту (пьянскую) *В. П.* неделю угощаться, пировать и так напиваться, что они забывают обо всем и находятся почти в бесчувственном состоянии: это они называют хорошо угоститься». Фан-Кленк был поражен цифрой дохода с кабака: «...С ноября до половины января за два с половиной месяца в новом кабаке или гостинице в Польской слободе получено 136 тысяч рублей, каждый ценою в дукат; это, хоть и кажется невероятным, тем не менее истинный факт. Эти люди пьют до такой степени, что пропивают не только свои деньги, но и одежду, жен и детей, даже сами себя, и делаются через это рабами» (стр. 443). Последние сведения относятся уже к характеристике того широкого пьянства, которое шло по кабакам и вело к обнищанию народа — картина, с которой мы встретимся и в «Кабацком празднике». Этот кабацкий разгул, видимо, обратил на себя особое внимание автора, и потому он еще раз возвращается к изображению его. «Простой народ так падок до вина, что часто они не только летом, но и зимою при жестоком

холоде, не только пропивают свое верхнее платье, но и нижнее, даже рубаху с тела, и голышом выбегают из кабака домой. Даже женщины из просто-народья допиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог и голые, вытолканные из кабака, валяются от пьянства на улице и часто терпят ущерб своему целомудрию, которое и так не очень велико» (стр. 528—9).

Репутация пьяниц держалась за русскими прочно, и потому, например, Фоккеродт (Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта и Отгона Плейера. Перев. Шемякина. М., 1874), описывая татарскую конницу, говорит: «они самые трезвые, хорошие и прилежные люди, пока держатся магометанской веры... но зато согласившиеся креститься, зауряд пьяницы, преданы также и разным другим порокам, потому что побратались потом с русскими» (стр. 46).

Джон Перри почти целиком повторяет картины повального пьянства, знакомые нам по Олеарию. (Джон Перри капитан. Состояние России при нынешнем царе. Перев. Дондуковой-Курсаковой, М., 1871). «В народе, а также между священниками в праздничные дни существует обыкновение утром ходить в церковь, а после обеда напиться пьяным до ночи, и чем больше праздник, тем более это считается извинительным и обычным. В такое время, проезжая по улицам Москвы, в вечер великого праздника, вы видите священников, равно как и других людей, лежащих пьяными на улицах. Если кто-либо заговорит с ними или подойдет к ним, чтоб помочь им встать, они говорят: Воля твоя, батька, праздник, я пьян... Напиться пьяным нимало не считается непристойным для женщины, и не только женщины низкого происхождения, но даже знатные светские женщины нисколько не стесняются признаться, что они были пьяны и, возвращаясь в общество, где их угощали, благодарят за то, что их напоили, как за вежливость и любезность. Действительно в то время, когда я приехал в эту страну, и в течение нескольких последующих лет существовало обыкновение не только на больших праздниках, где присутствовал двор, но и в частном собрании приятелей, перед тем как гости разойдутся, напавать их до опьянения, а не то считалось, что прием не был достаточно радушен. Обыкновенно их приневоливали и заставляли пить, и доходило до такой степени, что двери и ворота замыкали, и к ним приставлялась стража, чтоб никто не мог выйти, прежде чем получит свою долю, а не то это считалось скупостью, и как будто хозяин не хотел радушно угостить приятеля». Перри отмечает, что в высшем обществе после 1705 г. этот обычай выводится, но «в среде простого народа еще господствует обычай

напиваться пьяным в день праздника какого-либо святого, считая это знаком уважения к нему, и делом религиозным. Таких праздничных дней у них бывает много в году. Сколько бесчинства, убийства и злых дел связано с этим обычаем, и все это оттого, что священники не просвещают их, они даже присоединяются к ним и поощряют примером своим. Я положительно тысячу раз видал их столь пьяными, что они не могли стоять на ногах. Предоставляю читателю судить: даже страшный грех Содомский в этой стране почти не считается преступлением, в пьяном виде они очень к нему склонны. Ничего нет более обыкновенного, как во время русской масленицы и в другие дни утром после великих праздников слышать о совершенных убийствах и видеть ограбленных и убитых людей, лежащих на улицах Москвы» (стр. 147—148).

Что же в итоге дают нам эти наблюдения иностранцев над русским пьянством? Они отмечают, что оно было распространено во всех классах населения, что оно вело к огрубению нравов, семейным неладам, а с организацией кабаков — и к обнищанию народа. Этот экономический момент в общем мало затронутый иностранцами, может быть дополнительно освещен историей кабаков по документам. Они вскроют и объективные причины, которыми диктовалась государственная организация пьянства, осуждение которой нашло себе отражение и в художественной литературе.

IV

Феодальная Русь предоставляла всем сословиям право варить пиво и мед дома, при условии выплаты медовой дани и подати с солода и хмеля. Рядом с этим свободным курением пива, вина и меду существовали общественные питейные дома, где продавалась и еда и питье. Эти корчмы в княжеских городах держали сами князья, а в других местах корчемником мог быть каждый. Но уже с XV в. начинаются ограничения в праве готовить питье, и это право постепенно остается лишь за казной, да в виде привилегии сохраняется за представителями высших классов. Однако, XV в. и XVI в., до половины его, еще не знают исключительно питейного дома: корчма сохраняется в прежнем виде, только «вольные» корчмы преследуются; их могут держать лишь недельщики, десятники.¹ Корчмы как доходная статья даются боярам. Одновременно с 1552 г. запрещается посадским людям и становым и волостным крестьянам держать питье на продажу.

С Ивана Грозного на смену корчме приходит кабак, как специальный питейный дом. Он предназначался главным образом для крестьян и посад-

¹ Прыжов. История кабаков в России, стр. 39.

ских людей, так как остальные классы еще сохраняли право готовить напитки дома, хотя это право постепенно также подвергалось ограничениям (Прыжов, стр. 46).

С половины XVI в. в Москве, торговля которой, и внутренняя, и отчасти даже и заграничная, носила еще вполне ремесленный характер, начинается поворот в сторону накопления торгового капитала. Этот поворот выразился на первых порах в образовании целого ряда царских монополий. Первые цари дома Романовых монополизировали постепенно в своих руках наиболее ценные предметы сбыта; недаром долго проживший в России Коллинс назвал царя первым купцом в своем государстве: этот купец торговал икрой, рыбьим клеем, лососиной, мехами, шелком.¹ Таким образом водка далеко не была единственным товаром, торговать которым составляло привилегию царской казны.

В течение XVI и XVII вв. царская казна еще колеблется: то она забирает в свои руки все кабаки, то жалует «тамгою и кабаком» бояр, одинаково русских, немцев и татар; то подтверждает приказ всему церковному причту и монастырям не курить вина дома, а покупать его на кружечных дворах, то сквозь пальцы смотрит на то, как монастырский кабак или корчма конкурирует с сельским (Прыжов, стр. 53—4); то отдает кабаки на откупа, то опять ставит выборных «на вере» людей торговать в нем. За всеми этими мерами кроется одна цель — «искать перед прежним прибыли», т. е. увеличивать доходность с кабаков, которая должна была пополнять оскудевшую, особенно после Смутного времени, царскую казну.

Как же был организован кабак, и почему он сыграл такую печальную роль в жизни народа, от души возненавидевшего сразу это новое учреждение?

В кабаке, в отличие от старой корчмы, можно было только пить. Управлять кабаком выбирался на год из самого населения или присылался со стороны голова и целовальник. Этот «кабацкий служитель», огорванный от своего хозяйства, не только не получал жалованья за службу, но отвечал еще за недобор кабацкой прибыли против сметных предположений, присылавшихся из Москвы, и нес ряд расходов, непосредственно связанных со своей службой: с него брали деньги на служебные поездки, с него шли в Москве взятки подьячим и приказным (Ан. Попов. Царев кабак в старом Архангельске. Ассоциация по изучению производительных сил Севера при Архангельск. Губ. ланд. и Архангельск. общ. краеведения. Бюлл., вып. I, Арх. 1927, стр. 41). Поэтому, когда выбор падал на бедняка, то, по словам

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, стр. 80, 87—91.

Посошкова, «если ему не украсть, то и хлеба ему добыть негде» (Попов, стр. 62). В итоге — одни на этой службе разорялись сами, другие разоряли народ, и от выбора на кабацкую должность всеми силами старались отделаться. При выборе давали присягу и целовали крест; это не мешало, однако, так усердно грабить и казну, и народ, что в 1679 г. патриарх советовал Собору не приводить голов и целовальников к вере, «чтобы клятвы и душевредства не было», но бояре возразили, что и «за верою было воровство многое, а без подкрепления веры опасно, воровство будет больше прежнего». После двухлетнего опыта, когда «объявилось многое воровство и питейной казне кража и во многих городах большие недоборы» — присяга была восстановлена (Попов, стр. 65).

На каждый кабак был положен оклад, который на всякий следующий год высчитывался с прибылью против прошлых лет. Для сбора его целовальникам было позволено действовать «бесстрашно, за прибыль ожидать его государевы милости и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять».

По точному смыслу этого разрешения один целовальник доносит в 1618 г.: «Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нешадно, побивал на смерть». Но если мы вспомним, что за недобор целовальника вели на правож, то станет отчасти понятной его жестокость. Если же он пытался оправдаться в недоборе, донося — «в твоих, государь, царских кабаках питухов мало». — то ему обиженно отвечали: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало» (Прыжов, стр. 69—71).

Итак кабаки надо было сохранить во что бы то ни стало, хотя вред их бывал подчас ясен и самим устроителям. В 1652 г. в Москве созывается специальный «собор о кабаках», постановление которого предусматривает ограничение продажи вина — «больше той указной чарки одному человеку продавать не велели... всяким людям в долг и под заклад и в кабалы вина с кружечных дворов не продавать». Были указаны дни и часы, когда торговля вином запрещалась; «а на кружечном дворе питухам и близко двора сидеть и пить давать не велели и ярышком и бражником и зерщиком никому на кружечном дворе не быть». «А священнического и иноческого чину на кружечные дворы не пускать и пить им не продавать» (Попов, стр. 45).

Но «в условиях экономического кризиса, переживавшегося Московским государством, это соборное определение в ближайшие же годы подверглось поправкам, изменившим самое существо реформы». Уже в 1659 г.

посылается в Архангельск царская грамота воеводе — «пиво и мед продавали б, как бы нашей казне было прибыльней, а питухов бы с кружечных дворов не отогнать». Запрет продажи вина духовенству также не выполнялся. В записных тетрадях 1683 г. Архангельского и Кулупской заставы целовальников среди покупателей находим попов, дьячков и монастырских старцев. Последние покупали, видимо, иногда на всю братью, так как в тетради значится покупка 14 ведер вина (*ibid.*, стр. 46—47).

Насколько кабаки были ненавистны народу, показывает ряд челобитных с просьбой снести их (Прыжов, стр. 105). Жалобы на то, что головы и целовальники кабацкие обирали народ, чтобы не уменьшался кабацкий сбор, слышались нередко: шуянин Ивашка Тихонов бьет челом царю, что его отец пьет в кабаке безобразно, а голова и целовальник «кабацкого питья дают ему в долг не по животом и промыслу». Земский староста от себя и всех шуян бьет челом царю на шуянина Короба, что он «пьет и бражничает безобразно и зерню и карты играет и жену свою бьет и мучит не по закону» (*ibid.*, стр. 115). А вот документ, показывающий, как пропивались на кабаке: в одной из расходных книг Николо-Карельского монастыря 1584—85 гг. читаем: «Ивашка крылошанин варзужанин пропил на Колмогорах платье монастырское ферязи мерлушки под сукном под синим да сермягу да рубашку да чернильницу — выкупили платье, дали под платье десять алтын» — около 30 рублей наших (Попов, стр. 50).

Ненавидя кабак, насильно введенный в его быт, народ продолжал тайно курить вино и продавать его, хотя еще указом 1660 г. напоминалось за это «сечь руки и ссылат в Сибирь» (Прыжов, стр. 112). Даже монастырь позволял своим крестьянам только в определенные праздничные дни держать «явленное» ему пиво, иначе их обвиняли в корчемстве, и за это приказывалось «доправить пеню и бить плетью нещадно», а «кто беден и нечего из него взять, того бить батогами» (*ibid.*, стр. 49). Но несмотря на то, что кабацкие выборные усердно следили, чтобы «мимо кабаков вина не курили, пива не варили, медов не ставили», — корчемствовали всюду — крестьяне, солдаты, монастырские служки, сами кабацкие головы с товарищи, бурмистры, воеводы, дьяки, и даже в Московском Кремле при Алексее Михайловиче возле царского двора в земском приказе торговали табаком и вином. По примеру кабаков, в этих тайных корчмах также грабили народ, брали в заклад перстни, пояса и все платье, брали заклады «статинные и разбойные и сами пьяных грабили... А зерню... запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости

и карты подделывают» (ibid., стр. 79). Знатные люди за корчемство платились вотчинами, народ шел на правез, но пьянство не сокращалось от этих мер, так как правительство, борясь с тайной продажей вина, поощряло свои кабаки: «питейная прибыль» играла слишком видную роль в его финансовой системе. Недаром современник серб Юрий Крижанич считал кабацкую монополию — «самоторжие» — причиной «мерзкого, гнусного и страшного пьянства». (Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов, ч. 1, М., 1859, стр. 297—301). Истолкование вредных сторон монополии на вино, данное Крижаничем, представляет значительный интерес, как голос современника этой монополии.

«Како могут кабаки быть причина пьянству?» ставит он вопрос и обстоятельно отвечает: 1-е. Або для ради того самоторжия не смеют си люди пива варить, без приказничего допущения: а тамо им ся напишует, да беху за три или за четыре дни после уварения питье изпили, и долже в домех не хранили. Тем адда люди да беху навареное питье скорее изпили, на силу пият и опияют ся. А суседи немаюць ся чесо дома напить, нить где инде напиток купить, без срама седят, и не отходят от оного пива; доколе чуют едину каплю быть в бачве. Ино тако краль (царь — установитель монополии, *В. II.*) бывает причина и участник и право велитель греху народному. 2-е. Або люди мелкого счастья (и) немают силы, да беху си дома пива или вина приготовили. А корчем нигде несть, в коих беху ся со временем напили; окром царских корчем, в коих и место и посудие есть от всякого свиньского котца гнуснее, и питье само пребрідко, и самою бесовскою ценою ся продает. А что вяще, и те сами адны кабаки несуть людем на руках, но в одном великом граду, еден или два кабака. Для ради того, мовлю, мелки люди мало не и в век бывают лишены напоев: и по наслідку постают несмерно лакомы на питье, бесстыдны, и згола бешены: тако да какову коли велику посуду вина им в руки подаси, заповедь божию и цареву быть нещят, да беху ю на еден душок изпили. Они же аще когда с колико пенязцев соберут, и в кабачный ад придут, тогда ся в конец збесят, да и рухлядь, кую имают дома, исукно из хребта пропиют. 3-е. Або без добывеного допущения несть вольно варить пития. А допущение ся не дает, аще ся просит без приписания причины которья или ти нужи. Для ради того люди настоят выдумовать разныя причины, да беху могли добыть допущение на уварение напоя. Отселе изходят пировны законы и обычаи: до окром светлого воскресения, и иных годовных великих праздников, введен есть бешен закон, для ради праздника Миколы и строить пирь

и бують да пьянчевать за одну и за две целыя недели. Отголе же изидоша заговейны пиры, отголе имянины, родины и крестины: отголе поминания тако часта, коими ся души паче обтяжчают неже облегчают. Пьянством бо и новым грехом не чистится старый грех. Отголе наконец исходят и сами Дворски пиры: которые велики господари наряжают либо послом иностранским, либо своим домашним властелем и дворяном».

На вопрос, не есть ли это пьянство результат природного гостеприимства славян, Крижанич отвечает ссылкой на другие славянские народы, родственные русским и, однако, не склонные к «скаредному пьянству», «да беху ся по улицам в блату утоплены валяли мужи и жены мирски и духовны, и да беху многи от пьянства умирали. Нигде ся не зрит толико поневольных пиров и тако различных пиром имен. Нигде инде ся не зрят таковы промыслы и таково принуждание к упоению, неже токмо где ся обретают бесовски кабаки» (стр. 300).

Как видим, Крижанич довольно глубоко затрагивает вопрос о русском пьянстве. Для него кабаки вредны не только сами по себе, разоряя народ подчас до тла, но они страшны и своим развращающим действием на весь быт: приучая не пить, а напиваться, они переносят это обыкновение в домашнюю жизнь, чем усугубляется не только нравственное, но и экономическое разложение целых сословий.

V

На фоне всех приведенных исторических данных особенно ярко выступает реализм автора «службы кабаку». Его тема — именно кабацкое пьянство. Изредка наравне употребляя оба названия — кабаки и корчма, автор надеяет их одинаковыми эпитетами, и только в одной стихире отразилось воспоминание о различии этих имен. Там автор различает прошлое и настоящее: «иже прежде зовема и в древняя наша лета корчма, ныне же тайно глаголем и умильно взываем: радуйся, кабаке...». Но обычно современная автору корчма ничем не отличается в его сознании от кабака. О том же, как мы видели выше, говорят и официальные данные. Ко второй половине XVII в. корчемство пустило глубокие корни, добралось почти до самых царских палат в Кремле, и приемы спаивания и грабежа в этих тайных корчмах практиковались те же, что и в кабаке. Таким образом, смешивая иногда эти два термина, автор по существу не искажает историческую картину: «людем обнажение велие» происходило везде. Но целовальник, как представитель кабацкой власти, «неправым богатством» разбогатевший, упоминается в сатире не раз: к нему «умилно вопиет»

пьяница, прося в долг опохмелиться, он негодует на пьяницу, зовет ярыжных с батогами, ведет его на правож или в тюрьму. Все это, как мы знаем, точные картины быта, и они, видимо, преобладают в памяти нашего автора, несколько оттесняя на второй план корчму, тускнеющую перед прелестями царского кабака.

Отмечая, что постоянными посетителями кабака были представители разных классов, автор показывает нам целую галерею портретов их, метко схватывая при этом профессиональные особенности каждого в перечне «даров», которые «со усердием сердца своего» несут в кабак и корчму клиенты. Перед нами проходят «поп и дьякон, черницы, дьячки, мудрые философы, служилые люди, князе и бояре и воеводы, пушкар и солдаты, сабелники, лекари и обманщики, тати и разбойницы, холопи, женки, мужние жены, зернщики и костари и такалщики, ростовщики, скупщики, купцы, десятники и довотчики, пономари, повары, лесники, кузнецы». Одни пьют, другие грабят — и все вместе составляют живую картину кабацкого быта. Нельзя не заметить, что в этом перечне автор с особым вниманием останавливается на различии даров у представителей духовенства. О пьянстве его выше еще он дает очень резкий отзыв: «Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестгани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дьяконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро, глаголюще: пропьем однорядку темнозеленую да повесе имся, не пошадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами откупимся. Сиде попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать; черными сермягами оболчемся и у мужиков во брачинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим». Вспомним, что писали иностранцы о пьянстве русского духовенства: Олеарий рассказывает, как в Новгороде он видел «попа, шатавшегося пьяным на улице, только в одном кафтане или нижнем платье, верхний кафтан свой он, без сомнения, заложил в кабаке. Проходя мимо гостиницы, в которой я останавливался, он хотел, по обыкновению своему, благословить стрельцов, державших стражу; но в это время, когда он, простерши руку, несколько наклонился, голова у него отяжелела, и он упал прямо в грязь. Стрельцы подняли его на ноги, и он все-таки благословил их, хотя и вымаранными в грязи перстами. Так как подобные зрелища повторяются ежедневно, то никто из русских не обращает на это никакого внимания» (стр. 182—3). Описывая одежду священников, Олеарий отмечает особое значение их шапочки — скуфы: «Если кто ударит попа и при этом попадет по шапочке или сронит ее с головы священника на землю, тот подвергается большому взысканию и должен заплатить попу бесчестие. Но от этого попы не меньше получают побоев

ибо вообще они более нетрезвый и праздный народ, чем все другие люди. Чтобы не тронуть священной шапочки, сперва бережно снимают ее с пона, затем поколотят его хорошенько и снова бережно надевают на него оную» (стр. 351). На поминках по покойникам «священники и все другие напиваются до такой степени, что домой ползут уже на четвереньках» (стр. 367).

В таком же резком тоне о пьянстве духовенства позже писал Корб: «Священники всегда имеют обыкновение носить с собой крест. Очень жаль, что драгоценнейший символ нашего искупителя, носимый самыми презренными человечешками, должен часто валяться в сору и грязи в руках у ослабевших и шатающихся от чрезмерно выпитой водки людей» (стр. 230—231). Монахи, продолжает Корб, «во время поста до такой степени изнуряют свою плоть, что грехом считается даже давать лекарство больным; по миновании же срока поста, они предаются всякому разгулу и, более похожие на гуляк, чем на монахов, пьяные неистовствуют на площадях. Часто можно видеть, как, сбросив с себя всякую стыдливость, они предаются разврату на проезжих площадях» (стр. 229).

В описании русской свадьбы автор, указывая момент, когда невесту везут в церковь, говорит: «Жених и его друзья следуют затем сейчас же за священником, который иногда успевает уже настолько напиться, что приходится с обеих сторон его поддерживать, чтобы он не упал с лошади, а иной раз поддерживать и в самой церкви при церемонии венчания» (стр. 479).

Таким образом детали в изображении пьющего духовенства у автора «службы кабаку» вполне совпадают с историческими свидетельствами. К этому вопросу мы вернемся еще ниже, выясняя, кто же был этот автор.

Не щадя пьяницу, которого автор называет — «малоумны рабе, непослушливый, делатель бесованию, высокоумный, буявый, непокоривый, мерский смутотворец», — все же всю силу своего негодования он обрушивает на кабака. Обилие эпитетов, которыми он наделяет это учреждение, изумительно. Среди них есть и старые привычные эпитеты, подчеркивающие греховность пьянства, — «греху учитель, душевному дому разорение, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, дьяволу спутниче, душам губителю», — но их сравнительно мало: они тонут в перепадах одного основного мотива — кабака «людем обнажение велие»: песнопения пестрят этими эпитетами. Кабак «несытый, несытая утроба, от всего добра отводитель, домовная пустота, неблагоприятная нищета, неистоцимая нищета, нищета пребедная всем, нищета сказуемая, дому разоритель, богатства истощитель, нагота и босота, голое сиротство, сокровище некрадомое нашему имению,

мирским людям обнищание и одолжение и всего добра лишение, чистота и лупитель пианицам, маломожное житие, имению истощитель». Кабацкие пороки также нашли себе отражение в этих эпитетах. Кабак — «злодеем пристанище, воровству наставниче, грабежю наставниче, приезжим гостем досада великая, неправедны, пронырливы, скаредным рукам грязнение, костем ломание». Нравственное воздействие кабака на пьяницу выразилось в ярких образах: «гневу водворитель, человеконенавистниче, злый учителю, злыдням наставниче, бесованию наставниче, самовольное бесование, злосмердение и злоневерие, священником омрачение, иноком посмех, простым людям нечестная смерть, пьяным тма и омрачение, погибелны, премудрая суета, мнишескому чину поругание велие, злословны, неподобны, непотребны, неблагодарны, людский губителю». Даже состояние пьяницы с похмелья вошло в эпитеты кабака: «с похмелья великая стонота, очам отемнение, уму омрачение, рукам трясание». Кабак делает пьяницу одиноким — «ближним моим разлучитель».

В этих ярких и разнообразных эпитетах, присвоенных кабаку, сказана вся народная ненависть к нему, или точнее к его устроителям, не обращавшим внимания на просьбы челобитных «свести кабаки», и к целовальникам, грабившим там народ, чтобы заслужить царскую милость, собравши прибыли «против прошлых лег», и, добавив, не обижавшим часто и себя. В них видна картина полного разорения «питуха», которого, по приказу начальства, целовальник старался «не отводить от кабака», который, как мы знаем из документов, «пил безобразно» и «не по животом и промыслу», оставляя на кабаке и платье, и домашнюю рухлядь, а потом шел на правож платить и за выпитое, и за неправильно насчитанное усердным целовальником, радевшим о царских доходах. Это тип, все черты для характеристики которого дала автору тогдашняя жизнь.

VI

Выяснив идеологическую установку автора, мы вправе поставить вопрос: кто в половине XVII в. мог дать такое резко-отрицательное изображение государственного учреждения, каким в ту пору был кабак? Правящие классы в это время были слишком заинтересованы в росте «питейной прибыли», необходимой и для обнищавшей казны и для их собственного кармана, которому жалованный кабак приносил верный доход, чтобы они могли поднять голос в защиту «питуха», оставлявшего в кабаке не только имущество, но иногда и личную свободу. Эти классы упорно боролись с царским правительством за свою привилегию, и никакие распоряжения

последнего о переходе всех кабаков в казну, об отмене откупов до XVIII в. не выполнялись: и бояре, и дворяне, и высшее духовенство продолжали держать кабаки, давая их на откуп своим людям. Сами они, как мы знаем по отзывам иностранцев, пили много, но пили главным образом дома и в гостях, сохраняя право держать дома вино постоянно. Не в этой среде, конечно, следует искать автора «службы кабаку»: он, как мы видели, рисует именно кабацкое пьянство с теми деталями кабацкого быта, которые сложились после запрещения широким слоям населения свободного курения вина. Крестьяне, посадские люди, мелкое служилое сословие, младшее духовенство — словом податные сословия — вот постоянные посетители того кабака, который рисует наш автор. Мы обратили выше внимание читателя на то, с каким особенным вниманием и знанием дела он изображает пьянство духовенства: в кабак несут «поп и дьякон — скуфы и шапки, однорядки и служебники; черницы — манаты, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейные; дьячки — книги и переводы и чернилы и всякое платье и бумажники.... пономари — воск и свечи....»; идут в ход «сорокоустные деньги»; пьяные попы «помышляют, коего бы мертвеца с зубов одрать», как бы «у мужиков во братчинах напиться», и наконец — «от попаден жюрбы» убежать. Все это такие подробности, которые наводят на мысль, не из низшего ли духовенства вышел автор «службы кабаку». Он, несомненно, видел близко «священником помрачение, иноком посмех и поругание», происходящие на кабаке. В его осуждении слышен голос сочувствия, а не назидания издали, свысока. Может быть, он и сам был из этих жалких «питухов», во славу казны и целовальника доходивших на кабаке до «великой стоноты». Но вряд ли он был из мирян — против этого говорит та форма, какую он выбрал для своего памфлета. Анализом ее мы и займемся, прежде чем решить окончательно вопрос, кто же был наш автор.

«Служба кабаку», пародирующая церковную службу, обнаруживает в авторе человека, с одной стороны, с незаурядным умением овладеть литературной формой, с другой, — с основательным знанием того материала, который он использовал в качестве своего оригинала. Дать пародию на отдельную, хорошо знакомую в ту пору каждому грамотному человеку молитву было нетрудно. Обученный чтению по Часослову, усердно посещающий церковные службы и домашние моления, всякий «книжный» человек в Московской Руси в XVII в. мог справиться с несложной задачей — облечь в церковную форму какой-либо житейский сюжет. Но выдержать конструкцию целой службы, уловить стиль отдельных типов

церковных песнопений, их последовательность, и наконец четко повторить форму не только повседневных, но и редко употребляющихся в службе молитв — мог не всякий: профессиональные навыки отчетливо выступают у автора «Праздника кабацких ярыжек». Он владеет церковной службой вполне, он не спутает ирмос с кондаком, тропарем или величанием, правильно поместит в должной последовательности паримийные чтения, не забудет предварить, где полагается, каждую песнь «стихом», «запевом» или «славой», различает гласы, — словом поступает в данном случае не как дилеттант, а именно как профессионал, основательно изучивший церковную службу. Он хорошо понимает и чувствует церковный язык, улавливает не только отдельные обороты его, которые затем перелицовывает для своей цели, но и ритм церковных песнопений, их звуковую окраску. Заметно, что церковный оригинал находится у него прочно именно в слуховой памяти, и он часто пародирует не смысл, а звуковой рисунок. Остановимся подробнее на характеристике техники автора «службы кабаку», чтобы, наряду с его идеологией, отчетливо выступила и его литературная физиономия: это значительно облегчит нам решение вопроса, какая среда выдвинула подобного писателя.

На протяжении всего текста церковная служба дает автору постоянно как бы толчок, отправной пункт, от которого он затем начинает свободно развивать свою тему. Поэтому дословных совпадений чаще всего следует искать в начальных строках или словах песнопений, запевов и проч. По этим первым словам обычно сразу узнается оригинал.

Приведу примеры:

1. Заглавия отдельных частей службы явно напоминают соответствующие места в богослужебных сборниках:

«Месяца китовраса в нелепый день иже в неподобных » ср. — «Месяца мая в 8 день иже во святых » (Миняя сл., май); «На малей вечерни поблаговестим в малые чарки таже позвоним в полведришки пивийшка » ср. — « . . . и изшед благовестит в колокол, таже звонят во вся колоколы три звона » (вечерня, Часослов); «и отпуст безо всего платья по обычаю ж и многое колпаком и ронянию шапкам пред обедом » ср. — «и отпуст по обычаю » «по отпущении же идут в трапезу вечеряти и творим метание » (Час., Мин.); «По сем псалом избранной. Терпя потерпех на кабаке живучи » ср. — «Псалом избранной. Терпя потерпех господа.» (Мин.); «Канон по накрам по краегранесию» ср. — «Канон преподобному ему же краегранесие сичево» (Мин.).

2. Стихи и запевы:

«Да уповаает пропойца на корчме испити лохом» ср. — «Да уповаает Израиль на господа» (Час.); «И той избавить тя до нага от всего платья твоего пропитаго на кабаке с увечьем» ср. — «И той избавит Израйля от всех беззаконий его» (Октоих); «Пьяница яко теля наго процвете убожеством» ср. — «Праведник яко финик процветет» (Мин.); «Многи скорби с похмелья живучи бывают» ср. — «Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь» (Мин.); «Изведи из непотребного пьянства душу мою» ср. — «Изведи из темницы душу мою» (Час.).

3. Песнопения, где использованы лишь начальные слова оригинала, дальнейшее же развивается независимо от него:

«Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се твориша, питием омрачаху свои сущии разум» ср. — «Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Июда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся» (Час.); «В терпении своем стяжал еси мзду свою, почесть трудов своих приема, скорби, соломянным венцем» ср. — «В терпении твоём стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах . . .» (Час.); «Воду прошед, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрбы убежал» ср. — «Воду прошед яко по суху, из египетска зла избежав . . .» (Час.); «Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси» ср. — «Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство» (Час.); «С похмелья встав дуростию и шаловством держим» ср. — «От сна встав, всесвятая Троице» (Час.); «Кто может изрещи бесование твое, кабаке веселыи . . .» ср. — «Кто изрещи может подвиги твоя, отче . . .» (Трефологий); «Очистил мя еси, кабаке, до нага, много было имения . . .» ср. — «Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя . . .» (Треф.).

4. Песнопения, повторяющие общую конструкцию оригинала, но словесно значительно отличающиеся и большие по объему:

«Хвалите имя пропойцино, аллилуиа. Хвалите ярыжные его и стоящег пред ним, трубите ему во всю пору, . . исповедаитеся ему ласткою и приветкою . . . яко в век обычай пьяных . . .» ср. — «Хвалите имя господне аллилуиа. Хвалите раби господа . . . исповедаитеся господави, яко благ, яко в век милость его . . .» (Треф.); «Что ти принесем, веселая корчмо, кажды человек различныя дары тебе приносят . . . поп и дьякон скуфы . . . чернцы манатки . . .» ср. — «Что ти принесем, Христе . . . каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносят, аггели певие,

небеса звезду . . .» (Треф.); «Избранному кабаку безумныя песни при-
несем, вкупе пьюще . . . но яко имея к нагоде дерзновение . . . да
вси, кабаке неблагоприятне, зовем тебе: бесованию наставниче, радуйся,
глупости великий учителю» ср. — «Взбранному и дивному и чудотворцу . . .
плетуще песнь . . . но яко имея дерзновение ко господу . . . да зовем ти:
радуйся, утверждение граду нашему» (Час.); «Что ты наречем, кабаке,
река ли еси быстрая . . . моли с голянскими своими о недостатках наших».
ср. — «Что ты именуем (наречем), апостоле, реку ли . . . моли о спасении
душ наших» (Мин.).

5. Но, наряду с таким свободным варированием церковной темы, мы
часто встречаем песнопения, где автор все время идет параллельно со своим
образцом, как бы зацепляясь за отдельные слова его, и лишь промежутки
заполняет собственным содержанием:

«Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам, лягу
спати, благ еси нам хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою
хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на
нас, яко же уповахом пьюще на тя» ср. — «Сподоби, господи, в вечер сей
без греха сохранитися нам, благословен еси . . . и хвално и прославлено
имя твое во веки аминь. Буди, господи, милость твоя на нас, яко же
уповахом на тя» (Час.); «Ныне отпускаеши с печи мене раба своего еще
на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко
видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте
их, светло тамо открыти окна и двери приходящим людям» ср. — «Ныне
отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста
очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. Свет во
откровение языком и славу людии твоих Израиля» (Час.); «Свяже хмель,
свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас голянских» ср. —
«Святый боже, свягы крепкии, святыйи безсмертныи, помилуй нас» (Час.);
«Слава отцу и матере их и сыну . . . и ныне с вами и во веки аминь»
ср. — «Слава отцу и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веком»
(Час.); «Отче наш, иже еси седиш ныне дома, да славитца имя твое нами,
да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя, яко на дому, тако и на
кабаке на пече. Хлеб наш будет, дай же тебя, господи, и сего дни и оста-
вите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы своя на кабаке,
и не ведите нас на правез, нечего нам дати, но избавите нас от тюрьмы»
ср. — «Отче наш иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет
царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси, и на земли, хлеб наш
насущенный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оста-

вляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (Час.); «Величаем тя, кабаچه веселыи, и чтем дурость твою и со глупостию, ты бо купиш собины наша и велиш нам по миру скитатися» ср. — «Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего» (Мин.); «Ты еси, кабаچه, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма и омрачение, и пьющи даруют стоя на тебе» ср. — «Ты еси, утверждение притекающим ти, господи, ты же свет омраченным, и поет тя дух мой» (Мин.); «Песнь 5 тормос. В бездне кабацкой одержим похмельями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел» ср. — «Песнь 6 ирмос. В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи» (Треф.); «Песнь 9 тормос. Ты ми, кабаچه, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одратися, несытством своим все приобрел еси, тем з гольянскими вопию ти: слава дурости твоеи, человеконенавистниче» ср. — «Песнь 4 ирмос. Ты ми, Христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог, ты ми радованье, не оставь недра отча . . . тем с пророком Аввакумом зову: силе твоеи слава, человеколюбче» (Треф.); «На хвалу на кабак потекл еси малоумне человеचे, и тои тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси» ср. — «На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той ты прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему моли спасти души наша» (Треф.).

Нельзя не заметить, что особенно точно и в звуковом отношении близко автор все же пародирует наиболее часто употребляемые песнопения, такие, которые не только он сам, но и читатели его знали наизусть. В этих примерах его мастерство доходит иногда до того, что при быстром и невнятном произношении создается полная иллюзия, будто слышатся церковные молитвы. Таковы, напр. «свяже хмель», «слава отцу» и др. — в них ритм выдержан вполне.

Но не только в отдельных частях службы автор сохраняет церковную манеру: расположение групп песнопений также следует порядку вечерней службы. Конечно, мы не найдем одной службы, которая была бы целиком использована им: по самому сюжету — праздник задуман им в честь новых мучеников, на кабаке пострадавших, — естественно чаще всего он вспоминает молитвословия в честь преподобных и мучеников, но мы встречаем у него пародии на песнопения и из других служб до страстной недели

включительно. Даже паримийные чтения выбраны им не случайно: это как раз те три паремии, которые в том же порядке читаются в службе преподобному. Самое обилие эпитетов, которыми он наделяет кабака и пьяницу, подробное описание подвигов последнего — все это соответствует церковному прославлению святого, его родины и места его подвигов.

Параллель пьяница — мученик завершается житием, мастерски пародирующим форму жития. Трудями ряда ученых (Ключевский, Безобразов, Лопарев, Шестаков и др.) давно уже установлен тот шаблон, по которому обычно составлялось житие святого: его происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги, послушание, раздача бедным имущества, мученические подвиги в бедности — вот канва, которую можно найти в массе житий. Эту канву, несомненно, улавливали и внимательные читатели, привыкшие к определенному порядку изложения подвигов преподобных и к мотивировке этих подвигов. Следуя этому шаблону, и наш автор после традиционной начальной фразы проложных житий — «Сии убо родишася...» говорит о родителях пьяницы, о раннем непослушании его, о том, что пьяницы «разтрочиша имение не бога ради», об их мучениях в кабаке и злой смерти. Сообразно с общим тоном изложения, житие пьяницы насыщено славянизмами в языке, риторическими оборотами, которые показывают, что у автора, начавшего с подражания кратким проложным житиям, в памяти вставали и жития пространные, с похвалами святым, с теми украшениями, которыми так богата московская агиография XV — XVI вв. Мы не можем, конечно, указать точно, каким именно из этих житий автор подражает: он, как отмечено, повторяет лишь их общую манеру, отстоявшийся шаблон.

Этим житием, резюмирующим отдельные черты быта пьяницы, разбросанные в песнопениях, заканчивается та основная часть, которая и носила название «службы кабаку». Вся она, как мы видели, выдержана в одном стиле пародии; с начала до конца она обнаруживает у автора отчетливое знание церковного оригинала. Но, вчитываясь в ее язык, мы видим, что в нем соединяются и при том неравномерно, две стихии.

С одной стороны, книжная, славянская, идущая от оригинала, который пародируется, подсказывает автору всю терминологию — стихи, стихирь, гласы, запевы, прокимен, паремьи, лития, тропарь, псалом, канон и др.; она диктует морфологические славянизмы в виде остатков аориста — погыбе, утвердися, лишихся, сложных форм прошедшего времени — очистился еси, купил еси и проч.; звательных падежей типа — кабаке непотребне, учителю, истожителю; местных падежей со старым смягчением — в тузе, человеце,

в велицей; местоимения — мя, ты, ти, неполногласные формы — мраз, глад, клада, чрево и др. Таких фонетических и морфологических славянизмов мы найдем довольно много, по преимуществу в начальных строках песнопений, особенно близких к церковному оригиналу, в паримийных чтениях и в житии. В лексике славянская струя выражена слабее, если не считать приведенных выше терминов; слова вроде — благонароचितии, ликовствуют, отрываются, паче, яко, вскую, семя и овамо — встречаются не часто.

Гораздо ярче в языке «службы кабаку» обнаруживается народная живая речь. У автора наблюдается склонность к оборотам, имеющим форму поговорок, иногда даже рифмованных; таковы его выражения — «хлеб, господине, по силам, а полога по плечам». «Не часто твое вологу кушают, да часто отрыгается». «Попадайся по рукам, ино легче волосам». «Каково кликну в лес, тако и откликнется». «Как видят у нас, так и любят нас». «Без воды на суше тонет». «Был со всем, а стал ни с чем». «Гледение лихое пуще прошения бывает». «Каеты много, а воротить нельзя». «Тебе нелюбо, да мне за честь». «Глухой клубок на себя наложим». «Под лесом видят, а под носом не слышат». «Когда сором, ты закройся перстом». «Было да сплыло». «Жити весело, а ести нечего». «Родила вас мама, да не приняла вас яма». «Живете, что грязь месите». «Люди в рот, а ты глот». «Кропива кто ее ни возмет, тот руки ожжет».

Часть этих оборотов мы находим в сборниках пословиц и поговорок конца XVII в., например, — «Был со всем, да стал ни с чем» (см. П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1, СПб., 1899, стр. 83). «Жить весело да есть нечево» (101), «Как в лес кликнеш, так и откликнется» (112, 179, 214), «Лихое гляденье пуще доброва прошенья» (118, 184), «Родила мама, а не озинула яма» (138), «Под лесом видишь, а под носом не слышиш» (193). Другие выражения держатся той же манеры, вплоть до господствующей и в старинных поговорках рифмы.

Рифмованная речь вообще слышится в «службе кабаку» нередко: «Дом потешен, голодом изнаवेशан, робята пицат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся», «с конца бо горят, а с другога говорят», «в кою пору у нас пили, тогда и хвалили... «а ныне в руках не видят, и они нас же осмевают и дураками называют», «взявши кошел да под окны пошел, Христа помянул, а собак подразнил», «как обнажился, так и всяк отлучился» и т. д.

Чрезвычайно реалистические картины пьянства создаются у автора именно с помощью живого образного языка, в котором книжные элементы

поглощаются той бытовой речью, какой говорили и изображаемые им лица. Нельзя не заметить, что есть у него излюбленные обороты, повторяющиеся на протяжении текста не раз: это как бы постоянные формулы, подчеркивающие ту или иную сторону в характеристике пьяницы или в изображении его судьбы.

Пьяница пропивается до нага, и автор постоянно напоминает об этом, сгущая впечатление частыми вариантами слова «наг»: «до нага пропитися, наг объявляешся, очистил мя до нага, нагому пред всеми людьми ходити, видя нагих пред собою, прибрел наг и бос, обнажен до нага, весь обнажися, приходящих к тебе обнажаеши, людем обнажение велие, телеса же своя наготою одеяша, наготы ради покинулся воровати, наготу кабацкую понесл еси на полати, кто наготе не удивитя, имея к наготе дерзновение, ты ми нагота и босота, наготы ярем до конца носити, спаси боже наготою с пропою люди своя...».

Пьянице нечего есть, и автор повторяет эту мысль в таких выражениях: «как проспитца, перекусить нечего», «а проспимся хватимся, в руке тоще, а в другой ничево», «а как проспитя, лакомого хватитя, ажно и хлеба нет»... Ему нечем опохмелиться, и читатель не может забыть об этом, встречая на каждом шагу напоминания: «зевается с похмелья, изпитися хошет, взять негде», «с похмелья встав, скорбию одержим, молюся знаемым и ближним моим, дабы мя опохмелили», «от похмельныя болезни каявся», «даи же ми с похмелья оправитися», «призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил», «с похмелья видети не могу», «валяюся с похмелья», «жадает ми душа пити, а взять негде», «опохмелитя нечем», «со похмелья кручиною увязетя», «с похмелья встав, пить хочетя, а взять негде», «с похмелья великая стонота».

В пьяном виде пьяницу обокрали — «вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничево не сыскал», «хватился за мошну, мошны не сыскал», «в мошне было денег алтын с десять, то все вычистили».

Теперь ему или на сторону игги — «с соруому чужую сторону познавает», «чужая сторона от тебе неволею познавается», «чужую сторону с позором познавахом», «от срама толко чужая сторона спознати», — или с кабацкими ярыжками у кабака остаться — «голым... сажу с полатей мести», «на полатях в саже повалялся», «садися с нами на печь голым... сажу мести», «поедем с полатей оголи... на печь», «сажу и руду на полатех претерпел», «сажу уготовался терти», «мзда ваша многа на полатях в саже», «и отпуст на полати спати», «по запечью с ярыжными валятися».

Эта склонность к постоянным формулам напоминает у нашего автора приемы народного творчества с его традиционной поэтикой, частыми повторениями. К ней же примыкает и отмеченная выше любовь его к поговоркам, к ритмической речи.

VII

Кто же мог соединить резкое осуждение кабака и целовальника, т. е. государственной организации пьянства, сочувствие к пьянице, тонкое знание кабацкого быта и его постоянных посетителей — с таким основательным знанием церковно-богослужебной литературы? Кто мог, отдавши дань традиционным элементам тогдашнего книжного языка, внести такую сильную струю живой народной речи? При отсутствии в 60-х годах XVII в. в Москве правильной духовной школы, такое знание богослужебных книг следует искать в среде, где оно было связано с профессией, т. е. в церковном причте.

Но мы знаем, что духовную среду в древней Руси нельзя рассматривать, как одно целое: высшее и низшее духовенство с самого начала христианства у нас представляли два разных класса. Высшее духовенство до XV в. было вполне феодальной организацией, ничем не отличавшейся по существу от светских феодальных установлений, идеологически примыкало к ним полностью. К XVI в. с ростом московской централизации и церковью, т. е. высшая церковная иерархия становится московско-дворянской. Но и в ту и в другую эпоху низшее духовенство по своему социальному положению было на стороне податных или тяглых сословий, не имело никаких привилегий, которыми в изобилии владело высшее духовенство, но зато несло тяжесть двойных налогов — и от светской и от своей церковной власти. Неудивительно поэтому, что уже с XIV в. нам известны случаи, когда низшее духовенство объединялось с мирянами для борьбы сначала с феодальной, потом с дворянской властью. Социальные моменты несомненно существовали в тех движениях, которые долгое время рассматривались, как исключительно религиозные: начиная с стригольников и кончая так наз. раскольниками, русские «еретики» всегда соединяли борьбу с церковными догматами с протестом против церковной, а следовательно и поддерживающей ее светской власти. Таким образом оппозиционные настроения в младшем духовенстве появились в XVII в. не внезапно: они росли долго на почве его социального положения. К половине XVII в. положение приходского духовенства, этих, по выражению того времени, «тяглых попов», значительно ухудшилось. «Сельский и городской клир лишился той защиты,

какую он раньше мог находить у своих светских господ, бояр и братчинских организаций; боярство и самостоятельные городские миры были разгромлены, и между попом и епископом не было больше светских посредников. Законодательство XVII в... запретило прежние свободные выборы попов и дьяконов из крестьян и даже холопов..., запретило свободный переход из одного прихода в другой без разрешения архиерея..., отбирались у церковных причтов земли, запрещалось попам торговать и заниматься ремеслами, вводилась архиереями такса за требы. Ограничивая доходы подчиненного клира, архиерей не только не уменьшали своих требований, напротив, увеличивали их, стремясь наверстать ущерб от потери судебных пошлин и уменьшения вотчинных доходов; при этом архиерейские аппетиты не сдерживались более той силой, какую представляли из себя прежние свободные крестьянские миры и исчезнувшие городские общины, превращенные теперь в податное орудие Московского государства. Сместить попа при помощи помещика или воеводы ничего не стоило; и с приходским духовенством перестали церемониться. Пошлины за поставление и архиерейский оброк возрасли до огромных размеров; архиерейские сборщики, следуя директиве своих господ, «все подати собирать без недобору», «с большим поспешением днем и ночью», «а на ослушников правити без всякия пощады», действовали чисто грабительским образом — «всякие окладные и неокладные доходы собирали с прибавкою, не против того, как дань накладывается», не считая «корысти» воевод и прочих агентов светской власти. «Правеж», который предписывался архиерейскими приказами, был самый жестокий: недоимщиков бросали в тюрьмы, заковывали в кандалы, нещадно били; патриаршие стрельцы устраивали даже вооруженные облавы на неаккуратных попов среди бела дня и иногда на самых людных улицах и площадях. Этот тяжелый кризис не мог не вызывать оппозиции среди приходского духовенства. Тяжелее всех было сельскому духовенству и его протест был наиболее радикален и решителен... Не отличаясь ничем по хозяйственному положению от крестьян, принужденные одновременно и наряду с пахатными мужиками браться за соху и за косу, сельские попы прониклись ненавистью и негодованием по отношению к князьям церкви и проявляли свое недружелюбие еще до начала раскола в весьма осязательной форме — вместе с прихожанами попы били и увечили архиерейских десятников, не хотели судиться у архиереев и «презирали» архиерейское благословение... Учреждение патриаршества только усилило смуту и недовольство. Для провинциального духовенства оно создало новое тягло, но, по словам одной челобитной сельского духовенства этого времени,

в возмещение этого тягла патриаршество не может и не хочет защитить его от все возрастающего своеволия и произвола «дворян и людей боярских». «Попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают»... Оппозиция против архиереев соединялась с оппозицией против дворян и бояр; сельское духовенство было тут солидарно с крестьянством не только в настроениях, но и в тактике: ...эта оппозиция иногда перерастала в прямое неповиновение начальству и даже бунт» (Никольский. История русской церкви, стр. 95—97). Среди городского духовенства оппозиция вылилась в другие, менее резкие формы, так как при бедном малочисленном посадском населении им не на кого было опереться. Здесь борьба идет путем обличения пороков всех христиан, начиная от епископа и кончая прихожанином. Такова была в половине XVII в. позиция протопопа Стефана Вонифатьева и его сторонников.

Все эти факты говорят о том, что критика существующих порядков в половине XVII в. не только не миновала духовное сословие, но наоборот чрезвычайно резко обнаружилась в той его части, которая от этих порядков сама сильно страдала. Как мы видели, эта критика по ходу вещей не могла ограничиться лишь осуждением своей церковной власти и ее распоряжений: дворяне и люди боярские были не менее ненавистны младшему духовенству, чем своя архиерейская власть. С другой стороны, падение правов одинаково обличалось и среди светских и среди духовных сословий, пороки тех и других уже были признаны, и следы этих обличений находим в литературных памятниках, авторами которых были несомненно представители младшего духовенства.

На этом фоне делается вполне возможным появление протеста против «царева кабака» в среде того же младшего духовенства. Ведь в вопросе о «хмельном питии» его интересы так же резко расходились с интересами высшего духовенства, как и в других экономических и правовых вопросах.

Одним кабаком был выгоден как доходная привилегия, других он разорял; одни и дома могли в любой момент доставить себе удовольствие выпить по желанию, другие обязаны были для этого идти в кабак, где так легко было «сотворить с плеч возношение платью» и «не мотчи ся удержати пропити». Младшее духовенство, идеологически, как мы видели выше, оставаясь на стороне той «тяглой» массы, которая пропивалась на кабаке, продолжая говорить ее языком, в то же время по профессии знало и книжный язык и богослужебную книгу. Есть основание думать, что именно из него и вышел автор «службы кабаку», особенно резко осудивший среди

других пьяниц свою церковную братью. Это осуждение было как раз в духе того времени, когда по почину Стефана Вонифатьева и его кружка, был поднят вопрос об оздоровлении духовенства, которое в его тогдашнем состоянии не могло и паству свою направлять на путь истинный. Вторая половина XVII в. дала и другой образец сатиры на пьянство монастырское, вышедший из монастырских стен — имеем в виду Калязинскую челобитную.

Выбор нашим автором пародийной формы не был случайным. Эта разновидность сатиры в московской литературе второй половины XVII в. появилась в связи с тем брожением, которое, выдвигая на сцену новые слои населения, обнаруживалось в разных видах критики старых порядков. Оттого-то и «служба кабаку» — эта старшая из известных нам московских пародий — представляет собой типичный образец политической пародии, осмеивающей общественно-политические и бытовые явления непосредственно, а не через направленность на литературный стиль.¹ Действительно, трудно подходить к «службе кабаку», как к литературной пародии. Цель ее автора, конечно, не осмеяние церковного языка вообще или формы церковной службы в частности. Изображение пьяницы теми стилистическими приемами, которые приняты для прославления мученика за веру, — это лишь прием, особенно резко подчеркивающий те стороны пьянства, которые автор осуждает. Выбор контрастирующего приема в данном произведении не случаен. Как «искусство второго отражения», пародия доходит до сознания читателя только в том случае, если пародируемый объект ему хорошо знаком. Для XVII в. форма церковной литературы была именно таким классическим образцом. И грамотный и неграмотный читатель и слушатель в силу всего бытового уклада древней Руси ощущал церковный язык, как привычный. Оттуда он черпал изобразительные приемы, когда брался за перо, ее формулами уснащал свою речь, цитатами из нее привык аргументировать. Поэтому новое применение этого привычного языкового материала должно было, несомненно, произвести надлежащее впечатление. В данном случае избранная автором параллель — мученик за веру, отдающий богатство бедным, и пьяница, нищающий в кабаке, — была очень выразительна и открывала широкую возможность к ее углублению и развитию.

Кажущееся несоответствие между избранным нашим автором способом применения церковной литературы и его духовным званием не должно нас удивлять. Еще с средних веков в Европе нарождается масса латинских церковных пародий, и все они идут из духовной среды, преимуще-

¹ Е. Гальперина. Печать и революция, 1929, кн. 12, стр. 21.

ственно из монастырей. С зарождением духовной школы и у нас церковные пародии стали появляться в изобилии: фамильярное обращение с предметами церковного обихода всегда шло рука об-руку с церковной профессией. Не забудем, что наряду с формальным благочестием, очень характерным для древней Руси и приписывавшим главную силу в религии ее обрядовой стороне, оппозиционно настроенная часть и духовенства и мирян часто доходила до крайних выводов именно в своем отрицании необходимости и важности обрядовой внешней стороны религии. В этой-то части и могла зародиться идея такого вольного обращения с церковным текстом, какое мы видим у автора «службы кабаку», человека, несомненно, как мы видели, настроенного оппозиционно и радикально.

VIII

Остается на очереди вопрос — где появился «праздник кабацких ярыжек». Описывая один из текстов памятника, А. Викторов (Описание рукописей И. Д. Беляева, М., 1881, стр. 35) отмечает, что «в одном стихе есть указание на местность, в которой получила происхождение эта сатира», и цитирует «стихиру пустошную»: «Иже прежде зовема и в древняя наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаचे, отемнение Вычеготскому Усолию, а ныне не токмо ты Усолие почитает, но и в дальних языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале и в протчих волостях сердечное въздыхание и в перси биение».

Хотя этой стихиры нет в старшем списке (II), но мы уже указали, что он вообще сильно испорчен, и часть листов в нем, несомненно, потеряна, поэтому такой пропуск не дает оснований считать эту песнь поздним добавлением. В ней дана вполне точная географическая номенклатура, с которой совпадает и запись на старшем списке. Прилуцкий монастырь, откуда идет старший список, находится на Северной Двине, как раз в центре между бассейнами трех упомянутых рек — Вычегды, Лалы и Виледи, недалеко от Сольвычегодска. Не случайно, очевидно, старший список сохранился именно в этом монастыре, находящемся в том районе, где, видимо, возник и самый памятник.

Какова же была историческая обстановка в Сольвычегодском краю в половине XVII в., и могла ли она способствовать появлению именно там резкой сатиры на кабака? Первые сведения о кабаках в этой местности начинаются с 1579 г., когда было приказано «в Усольи на посаде держати наместнику кабака, а на кабаке вино, мед и пиво» (Прыжов, стр. 44). С тех

пор кабаки расцветали на Усолии, и по официальным данным в 1677 г. кабацкая прибыль с Сольвычегодска составляла 3662 р., т. е. при переводе на довоенный рубль — около 62000 рублей. Принимая во внимание небольшую плотность населения в то время, нельзя не счесть эту цифру достаточно солидной и свидетельствующей о великом усердии голов и целовальников кабацких. О том же говорит несколько более поздняя цифра — количество вина, отпущенного в 1633 г. с московского отдаточного двора в Соликамск на Усольские кружечные дворы равнялось 10000 ведер (там же, стр. 120). Напомним, что сравнительно недалекая Вологда была во второй половине XVII в. центром, откуда вино шло на продажу на Холмогоры, в Архангельск, здесь же на ярмарке закупались предметы, необходимые для пивоварения — хмель, солод ячменный, мед-сырец и патока. (Попов, стр. 43). Таким образом, с точки зрения снабжения Усолие Вычегодское находилось в удобных условиях для процветания кабаков. Но были здесь и еще специальные обстоятельства, которые должны были способствовать и быстрому росту кабаков и столь же быстрому обнищанию народа с помощью этого полезного государственного учреждения.

Сольвычегодский край в течение XVI и XVII вв. постепенно перешел в руки предпринимателей, крупных капиталистов из рода Аники Строганова, которые, пользуясь всевозможными льготами от московского правительства, нуждавшегося в их помощи для устройства солеварен, постепенно стянули в своем владении путем скупки ряд промыслов, конкурировавших с ними, (см. об этом статью А. Введенского — «Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве». Сб. статей по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову, П., 1922, стр. 90—113) и промысловые места у мелких держателей. Кроме соляного промысла, Строгановы держали в своих руках железодутный и кузнечный, ярмарочную торговлю по селам Поморья и посадам Московского государства, добычу пушнины и торговлю оптовую и розничную всеми товарами как своего производства, так и скупочного характера. До введения хлебной монополии Строгановы были одними из самых крупных скупщиков хлеба. Одновременно Строгановы собрали и громадный земельный фонд по всем соседним уездам, вдоль рек, пользуясь не столько покупкой, сколько ссудно-денежными операциями под залог имущества. Имея все средства для закабаления мелких владельцев, Строгановы не могли, конечно, пренебречь и таким легким способом для него, каким было испытанное в Московском государстве спаивание населения в кабаке под залог имущества. И когда автор «праздника кабацких ярыжек» говорит о широкой славе кабака, он перечисляет именно местности, находив-

шиеся под властью Строгановых. Не случайно цитированный выше стих упоминает и о «дальних языческих странах», которые слышат кабацкое «обнажение». О хищнической торговле Строганова пушниной с инородцами сохранились даже воспоминания у голландца Витзена (Введенский, стр. 102). Хорошо известно, как до недавнего времени шла подобная торговля с полудикими северными и сибирскими инородцами: спаивание населения, которое за водку почти даром отдавало свой товар, практиковалось издавна; не миновали, конечно, такого способа и агенты Строгановых; недаром о них сохранилась такая печальная память.

Хозяйственная деятельность Строгановых, как видим, неизбежно должна была создать в этом крае чрезвычайно обостренные отношения между населением, последовательно пролетаризировавшимся в результате их экономической политики, и хозяевами с их обширным штатом чиновников-исполнителей, не забывавших, конечно, и собственных интересов. Обезземеленное, лишенное промыслов население разными способами попадало в кабалу к предпринимателям, и в числе этих способов не последнее место занимал, конечно, по обычаю того времени, и кабак.

Все эти данные делают вполне вероятным появление памфлета против пьянства именно в Сольвычегодском краю.¹ Здесь на севере, вдали от праявщей Москвы, смелее могла быть и критика государственного учреждения, каким в ту пору был кабак. В эпоху, когда для царской казны, не оправившейся еще от финансового кризиса, вызванного Смутным временем, кабаки были особенно нужны, автор «службы кабаку» прямолинейно и без оговорок высказал точку зрения противоположную государственной: для той кабак — один из главных источников дохода, откуда черпаются средства на самые разнообразные нужды вплоть до оплаты погребения (см. указ царя в 1615 г. взять на погребение умершей в Суздале царицы-старницы Александры из кабацких денег 50 р. — Прыжов, стр. 108), — для нашего автора кабак прежде всего — «людям обнажение велье». Противоречие интересов праявляющих и управляемых классов в вопросе о кабаке сказалось вполне отчетливо. Эта сатира-пародия прекрасно дополняет историю борьбы народа с кабаком, как мы ее знаем по документам XVII в.

¹ Собственные имена, встречающиеся в тексте «службы кабаку» известны по документам XVI—XVII вв. в северо-восточной России. Н. М. Тупиков (Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903) приводит следующие имена, параллельные нашему тексту: Т. Розинка — с. к. Розянка, Т. Кокора — с. к. Кокорка, Т. Трус — с. к. Трус. Т. Кур, Курия, Курец — с. к. Куреха, Т. Гомзяк — с. к. Гомзин, Т. Черной, Черный — с. к. Черный. Эпитет пьяницы «дурносоп» имеет интересную параллель в фамилии Дурносопов, отмеченной Тупиковым в 1551 г. у белозерца (стр. 540). Таким образом и эти данные не противоречат нашему предположению, что памятник возник на Севере.

IX

Итак мы выяснили, насколько позволил это сделать имеющийся материал, при каких социальных условиях могла возникнуть сатира на пьянство с идеологической установкой «службы кабаку». Что же можно сказать о социальной функции этого произведения? Как встретили его читатели, оказало ли оно воздействие и на них, и на последующую литературу? По свойству материала ответы на эти вопросы можно дать лишь более или менее предположительные.

Прежде всего — каково было распространение нашей сатиры? Мы уже указали, что сохранилась она всего в трех списках. Внешний вид их показывает, что они были очень зачитаны: стертые и полустертые строки и буквы, вырванные листы, списки, обнаруживающие потерянный оригинал, тоже уже достаточно испорченный — все это говорит за то, что до нас дошла лишь незначительная часть когда-то существовавших копий «службы кабаку», и что читалась она усердно. Это довольно обычное явление в древней Руси: именно много читавшиеся памятники в ней иногда сохранились в очень малом количестве списков. Ведь «служба кабаку» — это не была та священная книга, которую берегли: это было чтение не только назидательное, но и занимательное, и к такой книге не было привычного уважения. Не забудем и того, что по всем данным этот памятник возник в провинции, довольно глухой; нет ничего удивительного, если списки его, ходившие по рукам, так и оставались где-нибудь в глуши у частных владельцев, не дойдя до крупных книгохранилищ. По счастью, до нас все-таки дошло одно свидетельство о том, что «служба кабаку» действительно была хорошо знакомым произведением, и именно в той среде, какую в ней нарисовал автор.

Новое предисловие, прибавленное к тексту, повидимому в конце XVII в., содержит в себе прямые указания на популярность сатиры и даже говорит о том впечатлении, какое она производила на читателей и слушателей. Посетители кабака, по словам автора этого предисловия, за свое поведение «ни поведания какового чиновнаго быша достоини, не бо хочет кто от них слышати или разглагольствовати. . . про их скаредное житие». И вот «ни некто от обрстшихся писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигореею их чином, сии ест глаголяи и иная изъявляя». Так характеризуется форма изложения, избранная автором «праздника». Этот праздник «им толико сотвори ненавистен, елико одинаго слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо

же они, но и елицы в доме (далее испорченное место «клитвостреи») живущих и сикор любящих, и сии такожде слышати ненавидят и яко нечистым духом одержими бесятся и не престанут от молвы, дондеже преминется сей праздник читати». Эти слова довольно образно рисуют нам чтение вслух «службы кабаку» в большой компании любителей хмельного питья, которые, узнав самих себя в герое сатиры, поднимают шум, чтобы заглушить неприятное чтение. В этом изображении на первый план выступает впечатление от обличения самого пьянства, питуха, а не кабака, как виновника спаивания. Да и трудно было ожидать, чтобы масса сразу осознала этот социальный момент сатиры. Привыкшие издавна к разным литературным формам обличения пьянства, слушатели, конечно, и здесь сразу должны были воспринять этот хорошо знакомый им мотив — пьянство грех, который губит душу. Резко реалистическое изображение этого греха не могло быть лестно и приятно завсегдатаям кабака, оттого они и «бесятся, яко нечистым духом одержими». Слишком в упор бьет их автор, напоминая, до какого падения доводит их кабак. Не в этой безнадежно опустившейся среде надо искать тех, кто мог оценить и другую сторону сатиры — бичевание кабака, этой «несытой у гробы». Родственники и вообще близкие, «питухов», т. е. люди того же класса, кто подавал челобитные на усердных целовальников, отпускающих вино в долг «не по животу и промыслам», кто исчислял убытки от пропитого и заложенного имущества, кто просил о закрытии кабаков, — вот кто мог оценить и понять Кабацкий праздник не только как осуждение пьяницы, но и как крик целой системы спаивания.

Но предисловие заграживает и еще одну существенную сторону нашей сатиры. Мы уже ставили выше вопрос о том, как в условиях русской жизни XVII в. могла появиться пародия на церковную службу. Оказывается, новая непривычная форма действительно вызвала у некоторых читателей смущение. Были люди, которые сочли «увеселительное» применение церковной службы кощунством «и от сего совесть немощна сущи смущается». «Таковыи да не понуждается к читанию», продолжает автор предисловия, «но да оставит могущему и читати и ползоватися». Вот эти смущающиеся и понудили нового автора вступить за своего предшественника, оправдать его добрые намерения, сравнив его с врачом, употребляющим яд «в мерном разтворении»: «и по сему не ель порочно сие изложение кабацкого праздника», так заключается эта защита. Однако, помня об этих соблазняющихся, новый редактор счел полезным к «смехотворному образу» прибавить «выписки из божественного писания о тех

же пьяницах... да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости». Так создалась вторая редакция «службы кабаку», новая рамка для него, значительно ослабившая прежний резкий тон его: самый текст при этом не потерпел изменений, но он несколько растворился в обширных добавочных статьях, которые возвращают нас к старой привычной точке зрения — пьянство прежде всего грех. Оттого и статьи эти использовали старый материал, иногда лишь переложивши его в новую согласную с модой того времени форму. Опять перед нами мелькают хорошо знакомые образы из переводных поучений против пьянства, из апокрифической, исторической и повествовательной литературы. Эта новая редакция — особый этап в развитии нашего памятника, создавшийся в другой среде, и подлежит поэтому специальному исследованию.

Заканчивая вопрос о воздействии «службы кабаку» на читателя, мы не можем миновать еще один момент. Как уже выше сказано, это была первая из дошедших до нас пародия в московской литературе XVII в. Нашла ли она себе продолжение? Несомненно.

В списках конца XVII и XVIII вв. бытовала повесть о попе Савве. Это история попа, который промышляет безжалостным обиранием ставленников, пропивает все, что они несут ему за поставление, и наконец попадает под суд. Резкая сатира на жадность духовенства заканчивается пародическим «смешным икосом безумного попа». Как и «служба кабаку», этот икос написан в форме церковного песнопения, в данном случае использована форма акафиста с его характерными единоначатиями. Для примера привожу образец из этой пародии (по списку Забелина 536, Моск. Историч. музея): «Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво, Радуйся в хлебе сидя, ставленнически сидне, Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла, Радуйся, глупый попенцо, (непостриженное гуменцо). Радуйся породны русак, по делам вонстинну дурак...» и т. д. И здесь, как в Службе, пародирование представляет не самоцель, а лишь прием для обличения общественного, а не литературного явления.

Пародии на разного рода формы церковной литературы в изобилии мы встречаем затем в XVIII в: самые разнообразные поводы порождали сатиру, и она часто облакалась в это время в хорошо знакомые формы церковной литературы.

На фоне этих литературных фактов особый интерес приобретает и «всецпьянейший собор» Петра Великого. Эта не была индивидуальная затея, не имевшая корней в прошлом: как мы видели, задолго до Петра

пьяницы оказались героями своеобразного церковного чествования, по типу мучеников и преподобных. Оставив в стороне политическое значение церемониала посвящения папы всепьянейшим собором, мы не можем не признать, что внешняя форма этого церемониала почти целиком пародирует православные церковные обряды посвящения. Но в этом случае мы уже не можем так резко отделить пародию на форму от ее общественного значения. Несомненно, известный элемент непосредственной насмешки над сложными церковными обрядами был в петровской затее: пародирование церковных возгласов и обрядов вряд ли было здесь только средством.

Традиция церковных пародий держалась долго и прочно. Не говоря о многочисленных анонимных пародиях, выходявших и в XIX в. из среды воспитанников духовных школ, и бывших зачастую уже настоящими образцами литературной пародии, без всякой общественно-сатирической окраски, мы встречаем в это время и обличительную политическую пародию, использующую старый прием. Вспомним Н. Щербину, который отдал дань и обычному в духовной школе пародированию витиеватой славяно-русской речи с библейскими цитатами в своих «аттестатах студиярусам семинарии» Апполинарию Тропаревскому и Викентию Курильскому (см. Полное собрание сочинений, 1873 г., стр. 279—285), и высмеял с помощью того же приема некоторых литераторов своего времени (Шевырев). Его «Хвалебная песнь блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (ср. Христа ради юродивые), как и «икос безумному попу Саве» XVII в., пародирует церковные акафисты: «Радуйся, Испании невидание, Радуйся, Испании описание, Радуйся живописи непонимание, Радуйся, живописи трактование, Радуйся, жандармов трепелание» (стр. 294) и т. д. Здесь опять, как в XVII в., цель — общественная сатира, а пародия лишь прием для ее оформления.

Так каждая эпоха в моменты усиления в литературе обличительной сатирической струи среди других приемов не минует и использования церковно-литературного материала. Даже в наше время, когда для большинства этот материал перестал быть той «классической» формой, какой он был в XVII—XVIII вв. почти для всех, а в XIX еще для многих, — мы иногда встречаем возврат к старому приему. Правда, теперь эти случаи имеют специфический оттенок. Остап Вишня в 1925 г. отвегил пародией, воспроизводящей технику церковной службы, на распоряжение Синода «отметить день Октябрьской годовщины торжественной службой в перквах». Вся литературная сущность его рассказа «Нате й мій глек на канусту, щоб і я була Химка» выступит только для такого читателя, кото-

рый знаком с церковной формой. Образец ектении, которым он предлагает начать эту торжественную службу, только тогда вызывает настоящий комический эффект, когда в памяти возникает и его церковный прототип, например, «Коллективом Господеві помолимося» (ср. Миром господу помолимся) или «Елиці угодовні ізидіте, да ніхто бо угодовці, елико революціонери, паки и паки коллективом Господеві помолимося» (ср. Елиця оглашення ізидіте, да нікто от оглашених елиця верни, паки и паки...) и т. д. (см. изд. Книгоспілка 1925). И другая пародия, далеко впрочем уступающая по своим литературным достоинствам рассказу О. Вишни, не случайно прибегла к церковному материалу для оформления сатиры. Имею в виду рассказ Исидора Гуревича «Жертвоприношение» (Красная веч. газ., 1926, 4 авг.). И здесь толчок к выбору формы был дан самим обличаемым фактом: в газете появилась заметка: «Беда в том, что во многих случаях процесс сокращения штатов превращается сейчас в приношение умиловительных жертв». Эти слова — «умиловительная жертва» — вызвали по ассоциации образы из церковной жизни, и в итоге появилась, правда технически слабая, пародия на церковную службу.

Как мы видели, литературную преемственность данного приема пародирования нам удалось проследить на протяжении почти трехсот лет. Но было бы неправильно совершенно обособлять развитие пародий на церковную форму от эволюции пародии вообще. Возвращаясь к материалу XVII в., в частности к «службе кабаку», мы, конечно, не можем ограничить круг аналогичных ему памятников церковными пародиями. С этого времени развиваются также пародии на самые разнообразные формы предшествующей литературы — азбуковники, лечебники, челобитные, описи приданного и др. Весь этот материал, рассыпанный по рукописным сборникам конца XVII и XVIII вв., еще подлежит изучению, и вместе с «службой кабаку» он нарисует нам современем любопытную картину начального периода развития русской пародии, по преимуществу общественно-политической.

Приложение I

В основу издания текста «службы кабаку» положен список Исторического музея № 3860 (II). Это сборник в 8-ку на 389 лл. (по старому счету 461, но часть, несомненно, как видно и из текста службы, утеряна); сборник писан русской скорописью и отчасти полууставом разных рук. Водяные знаки также разного времени и показывают, что сборник сплетен

из тетрадей различного времени: есть знаки 1630—40-х годов (кувшин, кисть винограда), но есть и голова шута, характерная для 70—80-х годов XVII в. Этот знак находим и на тех листах, где помещена «служба кабаку», занимающая лл. 346—387 и писанная двумя почерками вгорой половины XVII в. В оглавлении сборника, приведенном на лл. 2—6 об., после слова о Никите, старце Печерском, следует заглавие нашего памятника — «о службе кабаку». Внизу по лл. 347—362 помещена разобранная нами выше запись с датой списка.

Список «службы кабаку» не исправный: есть не только пропуски и искажения отдельных слов, но местами вырваны листы, либо перепутаны при переплете, когда соединялись в один сборник статьи разного времени. Там, где оказалось возможным, эти пропуски и искажения исправлены с помощью других списков службы, внесены в основной текст с соответствующими указаниями в вариантах. Все они в издании помечены скобками. Внесены в текст и те чтения, которые в более поздних списках службы сохранили большую близость к ее книжному оригиналу, так как допускать вторичную правку текста по этим оригиналам у нас нет оснований, напр. пародия на церковное «Свече тизий...» кончается в сп. II словами — «тем же ты мир хвалит», в обоих других списках — «... мир славит». Выбираем последнее чтение, так как в церковном оригинале читается «мир славит тя». Или — в сп. II читаем: «речение бо злое губит добрая», в двух поздних — «речение, ...», что соответствует оригиналу — паримийному чтению, где находим также «речение бо злое губит добрая». Такие примеры встречаются, впрочем, не часто, да и вообще количество вариантов сравнительно невелико, и ни о какой сознательной переделке старшего текста поздними переписчиками говорить не приходится. Мы имеем либо механические пропуски и ошибки, либо иногда, сообразно с общей стилистической манерой службы, замену книжных выражений народными, иногда даже введение рифмы. Напр. в старшем списке читаем: «Пьяница яко телпаго процвете убожеством», что соответствует церковному — «Праведник яко финик процветет». Вариант в списке И дает — «пьяница яко теля ваялетца». Или — в сп. II читаем — «каменьем бывает бьен» (л. 293) — ср. паримийное «от пращ каменных»; список И заменяет это более понятным и близким к быту — «биют батоги»... Варианты в большинстве случаев объединяют оба поздних списка, чем несколько облегчается установление пропусков и ошибок в списке II. Весь текст службы написан в одной стилистической манере, с одними и теми же излюбленными приемами и оборотами, поэтому нет оснований предполагать дополнение его

поздними переписчиками, и это дает нам право вставить в основной текст песнопения, отсутствующие в старшем тексте, но имеющиеся в двух других.

Второй по времени список службы кабаку находится в рукописи Историч. музея № 3859 (И) первой половины XVIII в. (водяной знак — герб города Амстердама); рукопись в 8-ку, на 57 лл., в начале и конце листов недостает; писана русской скорописью, местами полууставом разных рук, содержит только службу, но с дополнительными статьями о пьянстве, о которых см. ниже в Приложении II. Этот список и в расположении текста, и в вариантах почти полностью совпадает с третьей копией «службы кабаку» половины XVIII в. — б. Румянц. музея № 1565 (Р) (собрания И. Д. Беляева). Это сборник в 8-ку, на 63 лл., скорописи очень неразборчивой, местами почти стертой, особенно по углам внизу. «Служба кабаку» занимает в нем лл. 3 об. — 40 об. Впереди текста службы, хотя и без начала, помещено новое предисловие, а с л. 40 об. до 62 дополнительные статьи, о которых ниже в Приложении II. Оба последних списка, несомненно, списаны с одного оригинала, что обнаруживается наличием в них одних и тех же пропусков, перестановок, ошибок. Вообще варианты к сп. II почти всегда объединяют эти списки. Но и их оригинал далеко не исправен, и их чтения в свою очередь приходится исправлять с помощью старшего текста.

Таким образом наше издание дает текст, предположительно восстановленный на основе имеющегося материала. Но последний не дал возможности исправить все ошибочные чтения: смысл некоторых отдельных мест остается неразъясненным. Впрочем таких темных мест немного. В приводимом далее тексте более мелким шрифтом (корпусом) вставлены отрывки церковных песнопений, пародируемых нашим памятником.

* * *

(280) Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабака шалпаго нареченнаго во иноческом чину Курехи и иже с ним страдавших¹ три еже высокоумных² самобратных по плоти³ хупавых⁴ Гомзиня, Омельяна⁵ и Алафии буявых губителей⁶ [христианских. Празднество в неподобных местех на кабаках, где, когда, кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцов].⁷

¹⁻² трех. Р ³⁻⁴ проп. Р. ⁵ так Р; П. Омельяса. ⁶ дужителей Р. ⁶⁻⁷ доб. Р. П. ость-янских.

На малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки [пивышка],⁸ таже стихиры [в меншей заклад]⁹ в перстни и в но (об.) гавицы и в рукавицы и¹⁰ в ш[т]аны и¹¹ в портки.

и изшед благовестит в колокол; звонит во вся колоколы три звона (вечерня, Часослов).

Глас пустошнии¹² подобен вседневному обнажению.

Запев: Да уповаает пропоица на корчме испити¹³ лохом,¹⁰ а инои и своему достанетца.¹¹

Да уповаает Израиль на Господа. (Час.)

В три дня очистился еси¹⁰ до нага,¹¹ яко же есть писано: пьявицы царьствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человеце, на руке мешают, нога[вицы] (281) тяжело носить, портки [и ты их]¹⁴ на пиво меняеш; пьешь з басы, а проспишся с позоры, воротишь в густую, всякому [у себя]¹⁵ велишь пити, а на завтреи и самому будет просити, проспишся-хватишся.

В третий день воскресл еси, Христе, из гроба, яко же есть писано (Треф.)

Стих:¹⁶ И тои избавит тя¹⁷ до нага¹⁸ от всего платья [твоего прои-таго]¹⁹ на кабаке²⁰ с увечьем.²¹

И тои избавит Израйля от всех беззаконий его. (Окт.)

Три дня испил еси, безо всего [имения стал еси],²² доспе мя еси похмель-ныя²³ болезни и похмелья, на три дни купил еси, рукоделие [не продав]²⁴ за-ложил еси (об.) и около кабака часто ходити извыкл²⁵ еси, и гледети²⁶ прилежно²⁷ ис чужих рук извыкл²⁸ еси; гледение лихое пуше прошенья бывает.

Стих:²⁹ Хвалят³⁰ пропоицу, как у него в руках видят.³¹

Бубенная стукота³² созывает пьющих на шалное дуровство,³³ велит³⁴ нам нищеты³⁵ ярем³⁶ восприяти, глаголет винопицам: приидете, воз-веселимся, в мале сотворим с плечь³⁷ возношение платью (282) нашему, на вине пропивание, се бо нам [цвет приносятся]³⁸ наготы, а гладу время приближается.

Стих:³⁹ Яко утвердися на кабаке пьючи, голым гузном сажу с полатеи мести во веки.

⁸ так Р; П. неясно. ⁹ так Р, И; П неясно. ¹⁰⁻¹¹ проп. Р. ¹² произвольной Р, И. ¹³ испив Р, И. ¹⁴ доб. Р, И. ¹⁵ доб. Р, И. ¹⁶ запев. Р, И. ¹⁷⁻¹⁸ проп. Р, И. ¹⁹ так Р, И. П. пропил ²⁰⁻²¹ проп. Р, И., ²² доб. Р, И. ²²⁻²³ проп. Р, И. ²⁴ доб. Р, И. ²⁵ изволил Р, И. ²⁶⁻²⁷ проп. Р, И. ²⁸ изволил Р, И. ²⁹ запев Р, И. ³⁰ хвалите Р, И. ³¹ видите Р, И. ³² бубенной звук Р, И. ³³ воровство Р, И. ³⁴ веры Р, И. ³⁵⁻³⁶ проп. Р, И. ³⁷ с плачем Р, И. ³⁸ так Р, И. П. свет приносит. ³⁹ запев. Р, И.

Ибо утверди вселенную, яже не подвижится. (Ч., М.)

Кто ли пропився до нага не помявет тебя, кабаचे непогребне?
⁴⁰ Како ⁴¹ ли кто не воздохнет во многия времена собираемо ⁴² богатство, а во
 един час ⁴³ все погибе? ⁴⁴ Каеты много, а воротить нелзе. ⁴⁵ Кто ли (об.) про
 тебя не молвит, кабаче непотребне, да лишитца ⁴⁶ не мотчи? ⁴⁷

Кто тебе не блажит, пресвятая девице, или кто не воспеваает...
 (Треф.)

Слава и ныне сипавая с позоры.

Приидете вси искуснии человецы и благонарочития ⁴⁸ в разуме, ⁴⁹
 почюдимся таковаго пития науке. Исперва [бо младыми отрочаты будучи] ⁵⁰
 неволею нудими бывають [пити] ⁵¹ от родителей своих или от друзей своих ближ-
 них, сегодни [в славу божию] ⁵² и позавтрее от болезни похмельныя нудят ⁵³
 неволею ⁵⁴ пити, и мало по малу и сами (283) гораздни [станем пити] ⁵⁵
 и людей станем учити, а как научимся ⁵⁶ пива ⁵⁷ пити, и не мотчи ся и ли-
 шити; в прежние времена, ⁵⁸ как мы не умели ⁵⁹ пива ⁶⁰ пити, всяк зовет, и на
 дом ходят, и мы не ходим, и в том гнев живет от друзей своих, а ныне
 где и не зовут, и мы идем ⁶¹ своим напрасньством. ⁶² Хош и оговорят, и мы
 терпим, глухой клубук на себя наложим. Се довлеет нам, братие, отбегати,
 яко ото лва, ⁶³ снедающа человека (об.). Тому почудимся, в мале часе, како
 изчезе [от нас] ⁶⁴ мудрость, и ступи же нагота, ⁶⁵ и безумием наполнихся
 [и быхом] ⁶⁶ видящим на смех, а себе ⁶⁷ с пропою ⁶⁸ на великую срамоту.
 Тем же злословим тя, кабаче непотребне, бесованию наставниче. ⁶⁹

Приидете мучинеколюбцы вси, ... благочестно прославим
 славнаго... Приидите сошедшеся, вернии, ... торжество свершим
 днесь... (М.)

На стиховне стихиры, ⁷⁰ подобен: ⁷¹ дом пустеет.

Стихиры глас 2 подобен: Доме Еуфрафов. (М.)

Дом потешен, голодом ⁷² изнаवेशан, робята ⁷³ пищать, ести хотят,
 а мы право ⁷⁴ божимся, что и сами не етчи (284) ложимся.

Дом и жилище духу пресвятому... (М.)

⁴⁰⁻⁴¹ проп. Р, И. ⁴² назбирав Р, И. ⁴³⁻⁴⁴ пропивши Р, И. ⁴⁴⁻⁴⁵ проп. Р, И.
⁴⁶⁻⁴⁷ им же отлучитися невозможно Р, И. ⁴⁸⁻⁴⁹ проп. Р, И. ^{50, 51, 52} доб. Р, И.
⁵³⁻⁵⁴ мало Р, И. ⁵⁵ так Р, И; П. были ⁵⁶⁻⁵⁷ проп. Р, И. ⁵⁸ в Р отсюда большой про-
 пуск — вырван л. 6-й и в рук. идет л. 7-й. ⁵⁹⁻⁶⁰ проп. Р, И. ⁶¹⁻⁶² проп. Р, И. ⁶³ доб. отал И.
⁶⁴ доб. И. ⁶⁵ ступихом на лествицу нагот И. ⁶⁶ доб. И. ⁶⁷⁻⁶⁸ проп. Р, И.
⁶⁹ доб. глупым приставниче И. ⁷⁰⁻⁷¹ проп. Р, И. ⁷² голоду и холоду И. ⁷³ доб. у нас И.
⁷⁴ мы им. И.

Стих: Многи скорби с похмелья⁷⁵ живучи⁷⁶ бывают.

Стих: Многи скорби праведным и от всех их избавит их господь. (М.)

Полати кабацкие, примете пропойцу, нагие веселитесь, се бо вам [нагим другиим]⁷⁷ подражатель явися, голоду тернитель.

Стих: Пьяница, яко теля⁷⁸ наго⁷⁹ процвете убожеством.

Праведник яко финик процветет. (М)

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспится, перекусить нечего,⁸⁰ с сорому⁸¹ чужую сторону спознавает.

Слава и ныне.⁸² Отецкому⁸³ сыну суровому [неученому]⁸⁴. (об.) Отецком сын суровой [роспотешился],⁸⁵ с ярыжвыми спознался, и на полатях [голым гузном]⁸⁶ в саже повалялся, взявши кошел и⁸⁷ под окны⁸⁸ пошел.

И протчее всеобычное пьем по добыткам, во што верят; таже нагота или босота и отпуст [безо всего платья]⁸⁹ по⁹⁰ обычаю ж⁹¹ и многое падение бывает [колпаком]⁹² ронянию шапкам [пред обедом].⁹³

и отпуст по обычаю... (М) По отпусе же... идут в трапезу вечеряти... и творим метание на кийждо стих... (Час)

На вели [цей] вечерни позвоним во все платье,⁹⁴ пред обедом⁹⁵ изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустошную кафизму, что прибрело. Таже⁹⁶ на ризы⁹⁷ пропи (285) вание, понесем ис погреба болиши ведра вина. Таже стихиры на все платье вина до нага⁹⁸ вседневно скорби въздыханием⁹⁹

Глас шестопятой подобен:¹⁰⁰ не радуися пити на людех, да своего не потеряешь.

Залев: Изведи из непотребнаго пьянства душу мою.

Изведи из темницы душу мою. (Час)

Придете всяк град и страна торжествуем мерских смутотворцев память мрачно,¹⁰¹ светлоков запечных¹⁰² возвеселим голодом, воспоем¹⁰³ торговыми казаци, иже от своего (об.) неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых¹⁰⁴ укорим;¹⁰⁵ не бога ради мраз и глад-

75—76 *проп.* И. 77 *доб.* И. 78—79 *валяетца* И. 80—81 *сега ради скоро* И. 82—88 *неучинному* Р, И. *Здесь возобновляется сп.* Р. 84 *доб.* Р, И. 85 *так* Р, И; П *роспотешил еси*. 86 *доб.* Р, И. 87—88 *по подворьям* Р, И. 89 *доб.* Р, И. 90—91 *сем же* Р, И. 92—93 *доб.* Р, И. 94—95 *нот.* Р, И. 96—97 *каризы* Р, И. 98 *доб.* от Р, И. 99 *и въздыхания* Р, И. 100 *Отсюда* 664 *ст. И. большой пропуск — вырваны листы.* 101—102 *сверчков залертых* Р. 103 *воспочти* Р. 104—105 *скорбящих* Р

и наготу терпящих, битьем и похвалами воспоем глаголюще: радуетесь яко мзда ваша¹⁰⁶ многа¹⁰⁷ на полатах в саже.

Всякий град и страна четет моши ваша... (Тр. Цв.)

Стих: Вземлюще заклад, что мне¹⁰⁸ пропити.

Приидете безумнии¹⁰⁹ и воспоите песни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраща себе убыток; приидете, пропойцы, срадутесь, с печи бросаетесь,¹¹⁰ [голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, кои в скаредных местех растут.

Приидите песнями венчаем страдалца Христова, яко цвет селныи рай божественнаго благорасленый цвет, православных овча, чистоте доброта, вере утверждение, слава воздержанию, явися явственно мируи, тем же венец прият царствия непременив. (Мин. Сл.)

Стих: Глухие потешно слушайте, нагие веселитесь, ремением секи-теся, дурость к вам приближается, (8 об.) безрукие възиграйте в гусли, буявые воскликните бражником песни безумия, безногие възскопчте, нелепаго сего торжества злы дладиму украсите праздник сей.¹¹¹

Запев: Яко желает всяк человек с похмелья оправитися.

Дурныя и бесныя спецыгесь, самохотныя вам дары пред грядут, носяще своя кропивныя венцы терпения своего, с конца бо горят, а з другова говорят; безголовыя и слепыя, последуйте ми на печь в про-пасную улиду и видите, какво се приятие в земли пропойцы отлучение своего живота, взяша бо себе коревь тоски, цвет охания (9 об.), ветви сра-моты, з голодом звонят, с босотою припевают, глядят из запечья]¹¹² (286) что живые родители, что жуки ис калу вышолзли, нищат, что щенята, просят¹¹³ ¹¹⁴ денешки на чарку, а инои на хлеб подает; белые руки, что ожоги, рожи, что котелные дна, зубы светлеют, глаза пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут. Как дал тот боголюбец денешку, а инии гла-голет: меня пожаловал. Кто тех жития не похулит, яко вместо добра злые дни себе возлюбиха, аражею и ложью и татбою величают и своен жизни нерадящих.¹¹⁵ (об.)

Стих: От всего блага¹¹⁶ пьянства ради лишихся.

Приидете вси искуснии и благонарочитий в разуме, отбежим таковаго рва самохотнаго, [впадающих]¹¹⁷ в него и влекущих нас друзей¹¹⁸ в сне.¹¹⁹

¹⁰⁶—¹⁰⁷ проп. Р. ¹⁰⁸ чтобы Р. ¹⁰⁹ доб. человецы Р. ¹¹⁰—¹¹² в сп. П здесь вырван лист; (вспоминаем по сп. Р. ¹¹¹ Здесь в Р песнопение, которое в П читается дальше — л. 287: Стих: Всего добра пьянства ради лишихся...) ¹¹³ доб. хлеба куска Р. ¹¹⁴—¹¹⁵ проп. Р, вместо этого ошибочно вставлен отрывок из жития — см. ниже. ¹¹⁶ добра Р; ¹¹⁷ так Р; П впадающего ¹¹⁸—¹¹⁹ проп. Р.

Вси отрвантесе, яко не добре нам смышляющим и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть [нам вино],¹²⁰ но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель. Яко бог прославится (287) в разумном человеце, свет бо ему разум, им же ся озаряет, рассуждение таковых [зол]¹²¹ оглушаетца, тех достоинно ублажаем. б

¹²² Стих: Егда зазвоним во все животы, слава всякому человеку по делом его¹²³

Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуса, тогда егда во многия дни се творимо, питьем омрачаху свои сущии разум, в ноц неразумия преворяху, до нага пропивахуса.

Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещалуса, тогда Иуда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся беззаконным судиям тебе праведнаго судию предает. Видь имением любителю, иже сих ради несытство стяжавше и удушению вдавшесе, бежи несытныя души, яже учителю таковая содеявшия, иже о всех благии господи, слава тебе. (Час.)

Егда же (об.) просыпахуса, срамотою уязвляхуса; егда же от даема пития с похмелья на первыи свои чин возвращаху, на свои живот пагубно оболгахуса, яко ни единая ризы в дому оставити, пространныя пропасти возлюбил, на ветр живот свой розвешаша. Погащи, понеси, наливай, егда же напившиися, тогда же веселием, дуростию и шумом наполнишесе рытье во все горло во отлучение своего живота. Егда же просыпашесе, (288)¹²⁴ тогда болезнию озаряшесе и частым оханьем согубяшесе; егда же в меру трезваго разума достигаше, тогда печалию болезнено уязвляшесе, яко много пропито, неведомо что, конец житию моему будет, не вем, откуда и как почати жити, и обеты¹²⁵ и каеты¹²⁶ на себя и клятву налагаше, яко [я вперед]¹²⁷ не пити. Егда же долго не пиваше, тогда же похотию яко стрелою уязвляшесе; как бы мощно¹²⁸ испити в славу божию (об.). Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашесе и испиваше и [на]¹²⁹ пугвицы изливаше и¹³⁰ семо и овамо,¹³¹ яко болван бездушен [валяхуса],¹³² сам себе душегубец и убица являшесе, и в горшая напасты впадаше горчае перваго, и тайная наша вся ся являше, в позор человеком [быша].¹³³ Чего¹³⁴ и не творим, ино добрые люди вгрое прибавят. Всяк ся ублюет, толко не

¹²⁰ доб. Р. ¹²¹ доб. Р. ¹²²⁻¹²³ проп. Р; отсюда в Р большой пропуск. ^{а-б} этот отрывок в Р читается выше. ¹²⁴ Отсюда возобновляются сп. Р, И. ¹²⁵⁻¹²⁶ проп. Р, И. ¹²⁷ так Р, И; П в среду ¹²⁸ немножко Р, И. ¹²⁹ доб. Р, И. ¹³⁰⁻¹³¹ проп. Р, И. ¹³² соб. Р, И. ¹³³ доб. Р, И. ¹³⁴ доб. сами Р.

всяк на себя скажет; под лесом видят, а под носом не слышат.¹³⁵ Безместно¹³⁶ (289) житие возлюбихом, по глаголющему: злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша, а пьяницы же и пропойцы злату ржавчину протираху и своему житию вейтели¹³⁷ являхуся.¹³⁸ Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет¹³⁹ самородная рубашка, и¹⁴⁰ пуп гол: когда¹⁴¹ сором, ты закроися перстом.¹⁴² Слава тебе, господи, было да с[п]лыло, не о чем думати, лише спи,¹⁴³ не стои, одно лише оборону от клопов держи, а то жити¹⁴⁴ весело, а ести нечего, (об.) руки к сердцу прижавше, да кши¹⁴⁵ на печь, лутче черта в углу не стукаешь. Того ради вси¹⁴⁶ от бездилия¹⁴⁷ вопием ти: веселися, радуися, уляпался, и двожды наимуся, денешку добудь, алтынец съез, а половиною прикуп твори, а иногда¹⁴⁸ и не етчи спи.¹⁴⁹

[Слава]¹⁵⁰ и ныне таков же голос.

Одиннатцать семь и платье с плеч, стремка¹⁵¹ не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала; радуися, уляпался, не один вас у матки [остался],¹⁵² (290) много вас смутотворцов, да не в одном месте, оголи гузном скачут, белые руки в роте греют. Родила вас мама, да не приняла¹⁵³ вас яма. В лете не потеете,¹⁵⁴ [а в зиме не зябете, за щеками руки греете],¹⁵⁵ живете, что¹⁵⁶ грязь весите.¹⁵⁷ Увы нам, куды нам, где ни поживем, везде загрезим, где ни станем, тут воняем, людей¹⁵⁸ от себя¹⁵⁹ разгоняем, за дурость ума нашего и сущии родители нас отлучишася, и глаголют: яко (об.) не родивше нас; житием своим процвели есте, яко голпки, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают, тем достойно злословим и ублажаем¹⁶⁰ вас.

¹⁶¹ Святыя славы кабацкия.¹⁶²

Несвятыя¹⁶³ славы на кабак залесть [желают],¹⁶¹ но недобрые поминанам отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поминают сына [на]¹⁶⁵ воровстве и отцу не пособил, бьют по хребту, а сто (291) ронные люди глаголют: достойно и праведно вора смиряти [и бити]¹⁶⁶ и всяк¹⁶⁷ [смотря на то добру накажется].¹⁶⁸ Сыне, добро слышати отца, жизнь твоя пробавитца, тем же ты мир [славит].¹⁶⁹

Свете тихий, святыя славы безсмертнаго отца, небеснаго святаго блаженнаго Иисусе Христе. Пришедшу солнцу на запад,

¹³⁵—¹³⁶ пьяницы бо безсмертное Р, И. ¹³⁷ глупу делатели Р, И. ¹³⁸—¹³⁹ ничесого бо надеваху не имеет на них Р, И. ¹⁴⁰—¹⁴¹ и голопупым ходяще, егда же бывает Р, И. ¹⁴² доб- благодарение сичево имуще Р, И. ¹⁴³—¹⁴⁴ да лежи жити вам Р, И. ¹⁴⁵ скок Р, И. ¹⁴⁶—¹⁴⁷ проп. Р, И. ¹⁴⁸—¹⁴⁹ нет И; прикуп твори Р. ¹⁵⁰ доб. Р, И. ¹⁵¹ три семь Р, И. ¹⁵² доб. Р, И. ¹⁵³ озинула Р, И. ¹⁵⁴—¹⁵⁵ так Р, И; II лише за щеки зиме не водите. ¹⁵⁵—¹⁵⁶ а ногами Р, И. ¹⁵⁷ месите Р, И. ¹⁵⁸—¹⁵⁹ проп. Р, И. ¹⁶⁰ воздуряем Р, И. ¹⁶¹—¹⁶² проп. Р, И. ¹⁶³ непотребныя Р, И. ¹⁶⁴ доб. Р, И. ¹⁶⁵ доб. Р, И. ¹⁶⁶ доб. Р, И. ¹⁶⁷—¹⁶⁸ так Р, И; II на того ся кажет. ¹⁶⁹ так Р, И; II хвалит.

видевше свег вечерний, поем отца и сына и святого духа бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, сыне божий, живот дайя всему миру, его же ради весь мир славят тя. (Час.)

¹⁷⁰ Таже выход ис погребя с пивом ¹⁷¹. Прокимен ¹⁷² и ермес на печи глаголет: ¹⁷³ Пьяница пропився в раздранныя [рубшица] ¹⁷⁴ облечется.

Всяк бо пьяница отлучится от бога и людей и облечется в раздранныя рубшица. (Шоучение к царем и князем... еже не упиватися Пролог, 7 апреля — см. Пономарев, Памятники... в. IV, стр. 141—2).

Стих: [А буди] ¹⁷⁵ что найдеш или украдеш, ¹⁷⁶ то ¹⁷⁷ понеси на кабак

Стих: Хошь ¹⁷⁸ и любое ¹⁷⁹ платно, ¹⁸⁰ да ¹⁸¹ пропити не мотчи ся удержати.

Таже паремьи. (об.) От мирскаго жития чтение.

Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских [суть] ¹⁸² и прикоснется им мука. ¹⁸³ Непщевани быша ¹⁸⁴ во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костем и [зубом], ¹⁸⁵ отпадения ¹⁸⁶ плоти ¹⁸⁷ его ¹⁸⁸ ибо пред лицом человеческим ¹⁸⁹ непостыдни суть, аще и наготу примут, упование их на пьянство с напрасньством. Аще и биени ¹⁹⁰ от вина, докуки не [любят, пьют до дна], ¹⁹¹ яко бес искуси их и обрете их [подобных себе] ¹⁹², яко (292) смолу на них приготових, и яко всеплодну жертву огненному родству подав, и до время воровства их [наги] ¹⁹³ по торгу [биени] ¹⁹⁴ будут и яко река ото очию их слезы потекут. ¹⁹⁵ Преидет ¹⁹⁶ судят своему удержанию ¹⁹⁷ и обладаеми хмелем и вкоренитца в них пьянство, и в нищете пребудут о нем, яко благодать на полятах и занечная улица на голянских и попечение в [костарнех]. ¹⁹⁸

От премудрости Соломони чтение глава 3.

Праведных душа в руке божи, и не прикоснется ич мука, непщевани быша во очию безумных умерти, и вменися озлобление исход их, и еже от нас шествие сокрушение, они же суть в мире, ибо пред лицом человеческим аще и муку примут, упование их безсмертия исполнь, и малое показани быша, великая воспримут, яко бог искуси их и обрете их достойны себе, яко злато в горниле искуси их и яко всеплодну жертву прият их, и во время посещения их восияют, и яко искры по стебляю отекут. Судят языком и обладают людьми, и воцарится господь в них во веки, надеющийся на нъ разумеют истину, и вернии любовию пребудут в нем, яко благодать и милость в преподобных его, и посещение во избранных его. (Мин.)

^{170—171} в Р, И выше—место «святыя славы кабацкия». ^{172—173} проп. Р, И. ¹⁷⁴ так Р, И; П ризы. ¹⁷⁵ так Р; П ибо; И о беде. ^{176—177} не оп Р, И. ^{178—179} проп. Р, И. ^{180—181} проп. Р, И. ¹⁸² доб. Р, И. ^{183—184} проп. Р, И. ¹⁸⁵ доб. Р, И. ¹⁸⁶ доб. от Р, И. ^{187—188} проп. Р, И. ¹⁸⁹ владычнем Р, И. ¹⁹⁰ пианицы Р, пиании П. ¹⁹¹ так Р, И; П отлагают. ¹⁹² так Р, И; П неблаго царных. ¹⁹³ так Р, И; П ачи. ¹⁹⁴ доб. Р, И. ^{195—196} проп. Р, И. ¹⁹⁷ невоздержанню Р, И. ¹⁹⁸ так Р, И; П костарнех.

От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на [кабаке]¹⁹⁹ живут [об.] и попечение имут о приезжих людех [како бы их облупити и на кабаке пропити и того ради примут раны и болезни и скорби много]²⁰⁰ сего ради приношение их Христа ради примут от рук их денешку [или полденешки]²⁰¹ и две денешки [и взявши читья попотчуют его]²⁰² [и егда хмель приезжаго человека преможет, и разопъется]²⁰³ и ведром пива голянских найдет,²⁰⁴ и примет оружие пьянства и ревностию драки и наложит [шлем дуности и примет щит]²⁰⁵ наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, пойдут стрелы ис полинниц, яко от пружна²⁰⁶ лука и каменьем²⁰⁷ бывает бьем²⁰⁸ (293) пьяница, вознегодует и на них целовалник и²⁰⁹ ярыжные напрасливы з батоги проводит,²¹⁰ яко вихор развиеет пьяных и очистя их до нага, да на них же утро бесчестие правят, и отпустит их [с великою скорбю и с ранами]²¹¹ во свою землю безо всего²¹² Слышите, [благочестивие и младые]²¹³ и внушите приезние гости, а дається вам²¹⁴ сия напасть за глупость,²¹⁵ и сила ваша в немощ претворяется.

От премудрости Соломона чтение глава 5.

Праведници во веки живут, и от господа мзда им, и помышление их пред вышним, сего ради примут царствие благоления и венец доброты от руки господни, яко десницею покрывает их и мышцею защитит их, примет все оружие ревности его и вооружено сотворит создание в месть врагом и облечет я во броня правды и возложит шлем суд нелицемерен, и примет щит непобедимъ преподобие, поострит же напрасен гнев во оружии и поборет с ним мир на безумных, и пойдут праволучне стрелы молниины, яко от благокругла лука облаков на намерение летят, и от пращ каменных ярости исполнь падут грады, вознегодует на них вода морская, реки же потекут жестоцае, сопротив станет им дух силы, и яко вихорь развеет я и отпустит всю землю беззаконие, и злодеяние превратит престолы сильных. Слышите убо, царие, и разумейте и накажитесь судии концем земли, внушите содержащим множества и гордящимся о народех язык, яко дана бысть от господа держава вам и сила от вышняго.

От мирскаго жития чтение.

Правдивый человек аще пьет (об.) и по корчмам²¹⁶ водится, в позор будет; старость его не честна, ни многолетна, и в число²¹⁷ воровство его

¹⁹⁹ так Р, И; П бане. ²⁰⁰ доб. Р; како бы их облупити и на кабаке пропити И. ²⁰¹ доб. Р, И. ²⁰² доб. Р, И. ²⁰³ так Р, И; П яко хмель десницу положит приезжему и опитися. ²⁰⁴ напойт И. ²⁰⁵ доб. Р, И. ²⁰⁶ кренка Р; чренка И. ^{207—208} бият Р, бият батоги И. ^{209—210} начнут бити батоги и проговят их Р, И. ²¹¹ доб. Р, И. ^{212—213} проп. Р, И. ²¹³ так Р, И; П благочестия млады. ^{214—215} сие на память, зане глупость есть Р, И. ²¹⁶ доб. ходит и Р, И. ²¹⁷ силе И.

лишит,²¹⁸ седины же его срам ему приносят, старость бы жития его с позо-ры, изволив житие скверно, благоугоден пьяницам быв, живыи посреде трезвых преставлен бысть шалством, восхищен бысть [и с]²¹⁹ ярыжными на воровстве [уловлен бысть]²²⁰ да злоба покрывает разум его, и леть пьянства превратит душу его; [рачение]²²¹ бо злое (294) губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели;²²² скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии и²²³ угодна бы бесу²²⁴ душа его. Сего ради подщався от среды лукавствия,²²⁵ где что выманити да пронити, у всякого человека просити пива и вина и отнимати насилством. Людие же видевшие у кого²²⁶ имаеть,²²⁷ бити ему согвориша, а иные человецы [бога ради]²²⁸ его пустиша и не (об.) положиша в кручину сего, яко бити его некого и сняти с него нечего.

От премудрости Соломони чтение глава 4.

Праведник аще постигнет скончатися в покои будет. Старость бо честна, не многолетна, ни в числе лет изочтена, седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверно, благоугоден богами быв, и возлюблен бысть, и живыи посреде грешник преставися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или леть прельстит душу его, рачение бо злое губит добрая и желание похоти пременяет ум незлобив, скончався вмале исполнит лета долга, угодна бо бе господени душа его. Сего ради потщася от среды лукавствия. Людие же видевшие и не разумевшие, ни положиша в помышлении такового, яко благодать и милость на преподавных его и посещение во избранных его. (М.)

Таже:²²⁹ Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам. Лягу спати, благ еси нам, хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя.²³⁰

Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси, господи, боже отец наших, и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. (Час.)

Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя. (Ч.)

На литии стихиры: во отлучение достальных крох и прибыток чюжаго имения.

Глас²³¹ иныи: (295) 18.²³² Подобен: о болезненное шествие.

Вооружился на пьющих²³³ крепко,²³⁴ яко гороховое полохало, по образу, яко человек, по разуму же, яко нетопыр, в день не летает,²³⁵ а

²¹⁸ ищитается Р, И. ²¹⁹ доб. Р, И. ²²⁰ доб. Р, И. ²²¹ так Р, И; II речение. ²²² в во-
ровство погибелное Р, И. ²²³⁻²²⁴ не угодна бе Р, И. ²²⁵ злобы Р, И. ²²⁶⁻²²⁷ сила есть
Р, И. ²²⁸ так Р, И; II в бога. ²²⁹⁻²³⁰ проп. Р, И. ²³¹⁻²³² пустошнои Р, И. ²³³⁻²³⁴ пх ол.
Р, И. ²³⁵ проп. Р, И.

в ночь летает, тако и ты,²³⁶ пропойца, в день за печью лежишь свернувся, яко пес голодом мреш, а в ночь яко глуп подвижник²³⁷ у пьяных мошни холостиш, а за труд свой²³⁸ почеть²³⁹ прутье терпиш, но дурнаго обычая не отлучаешся, на преднее свое²⁴⁰ дуровство (об.) простираешся,²⁴¹ яко ворона по полатям²⁴² летает, тако и ты на полатях²⁴³ смышляеш, как бы кого облупити. Сего ради почеть прием трудов своих, кропивным венцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, [и с тоски]²⁴⁴ дектем помазал еси лице свое, процвел еси яко кропива, кто ея ни возмет, тот²⁴⁵ руки²⁴⁶ ожжет, тако и с тобою с пропойцем, хто ни подружитца, тот охнет; житием своим всех удивил еси, светяся, яко запечная звезда (296), или яко²⁴⁷ бисер в нелепе месте являясь, кой свини берут; разумом своим²⁴⁸ во глубину пропасти понырнул еси, и от трудов [сниде]²⁴⁹ во три ады.²⁵⁰

Кондак мученику глас 2. Вооружився щитом веры, нечестивых полки победил еси..... (Час.)

Посреди напасти скочил еси, в тюрьму вселился еси и тамо сущую мзду трудов своих прием, ожерелье в три молоты стегано и перстен бур[мит]-ской²⁵¹ на обе руки [наложил еси],²⁵² и нозе свои во кладе утверди, и тамо не мятежно²⁵³ и не смутно²⁵⁴ житие имел, поминаи²⁵⁵ чтущих²⁵⁶ дурость твою,²⁵⁷ славословие к миру (об.) о милостыни принеси,²⁵⁸ чтоб тебе было чем чрево свое наполнити. Тем²⁵⁹ вас непослушливых в песнях поносных уляпаем.²⁶⁰

²⁶¹Слава²⁶² хватливому по щокам. Глас остатопной.²⁶³

В тернии своем стяжал²⁶⁴ еси²⁶⁵ мзду свою, почеть [по щекам]²⁶⁶ трудов своих приемля, скорби, соломянным венцем главу свою увязе, лице свое для ковша²⁶⁷ поушники пьяным,²⁶⁸ главу свою²⁶⁹ попелом²⁷⁰ изнаполнил, лице²⁷¹ свое сажею удручив,²⁷² постнически²⁷³ жизнь (297) свою скончав, люди в рот, а ты глот.

В тернии твоём стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпя, нищих возлюбив, и сих удоволил еси..... (Час.)

²³⁶ проп. Р, И. ²³⁷ подважник Р, И. ²³³⁻²³⁹ проп. Р, И. ²⁴⁰⁻²⁴¹ воровство возвращается Р, И. ²⁴²⁻²⁴³ проп. Р, И. ²⁴⁴ доб. Р, И. ²⁴⁵⁻²⁴⁶ проп. Р, И. ²⁴⁷⁻²⁴⁸ свиния в кале валяясь Р, И. ²⁴⁹ так Р, И; П взыде. ²⁵⁰ доб. слава Р, И. ²⁵¹ сурской Р, И. ²⁵² доб. Р, И. ²⁵³⁻²⁵⁴ проп. Р, И. ²⁵⁵⁻²⁵⁶ проп. Р, И. ²⁵⁷⁻²⁵⁸ и вместо славословия милостыни ту мира просиши Р, И. ²⁵⁹⁻²⁶⁰ проп. Р, И. ²⁶¹ отсюда в Р, И. большой пропуск, который читается ниже. ²⁶²⁻²⁶³ проп. Р, И. ²⁶⁴ смирил Р. ²⁶⁵ доб. хвасливому Р, И. ²⁶⁶ доб. Р, И. ²⁶⁷⁻²⁶⁸ проп. Р, И. ²⁶⁹ доб. подклонил еси и Р, И. ²⁷⁰⁻²⁷¹ посыпал еси тело Р, И. ²⁷²⁻²⁷³ не по старчески Р, И.

Послушлив быв пьяницам²⁷⁴ и игумна наредят,²⁷⁵ а ты, что бес, скочил; иному на полати на имя ковш подали, а ты с полатен и скочил, бросился, мало головы не сломил, прискоча, что идол, хватился за ковш, ковша не выпил, а поушник²⁷⁶ схватил, спасибо сказал, яз виноват,²⁷⁷ бядина сына вырвал, а ты, пропоица, не вопреки глаголеш: бог тебе платит на добром слове, блажен еси, яко никакова тебе скорбь не может²⁷⁸ от пития²⁷⁹ разлучити (об.), ни побои, ²⁸⁰ни поушники,²⁸¹ ни глад, ни срам, ни родивших тя журбы, непостыдно лице имея, что бес пред заутренею лстиш, тако и ты, пропоица, для ковша душу свою топиш, пьющему потакаеш,²⁸² льстиш, вежлив ся твориш пред ним,²⁸³ огонь у ярыжных из рук рвеш, его осужаеш, не гораздо светиш, руку со огнем вверх протягаеш,²⁸⁴ на место²⁸⁵ [пропоицу садиш и место ему одуваеш],²⁸⁶ чтоб ему сесть, седалища не изгрязнити;²⁸⁷ избу мегеш, как и всегда добрый послушник, а как его опьеш, (298) так ты [ево и бьеш, а сам]²⁸⁸ что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати и приставай к нашему стаду, [избранному и к нашей братье голянской],²⁸⁹ садися с нами на печь голым гузном сажи мести. Поедем с полатен оголи гузном на печь, привыкай к побоям, поститися научись, заглядывай из запечья с нами, что живой родитель, жив провонял, глаза пиликают, зубы светлеют,²⁹⁰ с²⁹¹ радением бажите,²⁹² что вам бог пошлет²⁹³ [на годья зубы]²⁹⁴ (об.), стряпайте около²⁹⁵ ево, что черт у слуды,²⁹⁶ стояния много, а воздаяния мало. Тем вас побоями²⁹⁷ почитаем и напраснство ваше похуляем,²⁹⁸ терпению вашему дивимся, не бога ради страждущих, но з дурносоны непослушливыми хулными²⁹⁹ глаголы воспеваем вас страждущих от своая совести.

И ныне глас той же.³⁰⁰ Отецкому сыну суровому.³⁰¹

Отецкой сын роснотешился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатех претерпел еси, взявши кошел (299), ³⁰²да под окны³⁰³ пошел, Христа помянул, а собак подразнил.³⁰⁴

³⁰⁵Таже³⁰⁶ на стиховне стихиры [глас шестопятой]³⁰⁷ Подобен: [Радуй-теся].³⁰⁸

²⁷⁴—²⁷⁵ иным нарядам Р, И. ²⁷⁶—²⁷⁷ вырвал Р, И. *Отсюда Р, И продолжается как П.* ²⁷⁸—²⁷⁹ отбити и Р, И. ²⁸⁰—²⁸¹ *прон.* Р, И. ²⁸² подаеш Р, И. ²⁸³—²⁸⁴ *прон.* Р, И. ²⁸⁵—²⁸⁶ *так* Р, И; П пропоицы и одмеш. ²⁸⁷ *доб.* платья и гузно не измарати Р, И. ²⁸⁸ *доб.* Р, И. ²⁸⁹ *доб.* Р, И. ²⁹⁰ белеют И; болеют Р. ²⁹¹—²⁹² нечто себе чают Р, И. ²⁹³—²⁹⁴ *так* Р, И; П иново пастуха. ²⁹⁵—²⁹⁶ пьяного Р, И. ²⁹⁷—²⁹⁸ потчиваем и праздноство ваше почитаем Р, И. ²⁹⁹ хмельными И. ³⁰⁰—³⁰¹ *прон.* Р, И. ³⁰²—³⁰³ по подворьям Р, И. ³⁰⁴ *доб.* невенницы просит, чтоб лехче носить И. ³⁰⁵—³⁰⁶ *прон.* Р, И. ³⁰⁷ *доб.* Р, И. ³⁰⁸ *так* Р, И; П дом пустеет.

Радуйся [недостойт глаголати к тебе],³¹¹ каба́че непотребныи, несы-
тая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная
нищета, чужая сторона от тебе³⁰⁹ неволею³¹⁰ познавается. Для [тебе]³¹¹
ради, каба́че непотребне, люди меня ненавидят, взаимы мне не дадут,³¹²
с похмелья еси великая стонота,³¹³ очам еси отемнение, уму омрачение,
рукам трясание. Старость есть (об.) человеком недобрая, не христианскою
смертию мнози человеци от тебе умирают.

Стих: [Умел запити до пьянства и во срамную облещися наготу].³¹⁴

Радуйся [да не возглаголет к тебе никтоже],³¹⁵ корчмо несытая, людем
обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение; во всю землю
слава идет про тебя неблагодарная, мнишескому чину поругание велие. Кто
к тебе ни придет, тот даром не отоидет, всякому человеку еси не постыден
чистоха.³¹⁶ Кто с тобою ни знаетца (300), тот от тебя охнет, а на опосле
много и слез бывает.

Стих: Яко³¹⁷ на корчме всякое воровство бывает.³¹⁸

Радуйся [нелепо есть слышати тебе, каба́че, но паче веселое бесо-
вание, наставниче безумным],³¹⁹ яко мнози тобою хвалятся, и хвастают
по мале же и нищетою болят, проповедают чюдеса твоя великая [вскор-
мленики твои ярышки пьяные].³²⁰ Днесь есми был пьян, не помню, как
с кабака свели, в мошне было денег³²¹ алтын десять,³²² то все вычистили,
и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню
всего (об.), а ни проповедует: яз тебя пьяние был, весь переблевался и [что
свивья]³²³ в калу перевалился, дошел до [заходу]³²⁴ тут и спал, пробудился,
шед в полночь на реку умылся, кому ни [сказать],³²⁵ тому и зблевать.³²⁶
Ии же чюдеса³²⁷ и того дурнее вопиет: яз вас всех пьяние был, пришед
домов, жену свою перебил, детей своих розгонял, суды все притоптал,³²⁸
не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем.³²⁹

³³⁰Стих: Хвалят всякого человека, как у него в руках видят.

Радуйся, каба́че весельи, с плачем (301) людский губителю, приезжим
гостем досада великая. Кто на тебе побывает, тот всего повидает, учителю
молодым и старым и безумным, жалованье ярыгам городским и деревенским
даеш по всему хрепту плети и крепко шиты, да кафтаны даеш, часто стеж,
вековая память, иным даеш ожерелья нашего в три молоты сажено, комуждо

³⁰⁹—³¹⁰ *проп.* Р, И. ³¹¹ *доб.* Р, И. ³¹² *верят* Р, И. ³¹³ *сторона* Р, И. ³¹⁴ *так*
Р, И; П Ибо что найдеш или украдеш, то понеси на каба́к. ³¹⁵ *доб.* Р, И. ³¹⁶ *ходатаи*
Р, И. ³¹⁷—³¹⁸ *утвердися на каба́ке что украдеш или найдеш, то все на каба́ке пропьеш*
Р, И. ³¹⁹ *так* Р, И; П каба́че весельи, бесованию наставниче. ³²⁰ *доб.* Р, И. ³²¹—³²² *проп.*
Р, И. ³²³ *доб.* Р, И. ³²⁴ *так* Р, И; П *проходу.* ³²⁵ *так* Р, И; П *мазать.* ³²⁶—³²⁷ *паки же*
и ити Р; *также иныи* И. ³²⁸—³²⁹ *проп.* Р, И. ³³⁰ *проп.* Р, И.

различныя дары даеш, а иному даеш³³¹ зарукавья железные, а крылошав и старцов жалуеш темною темницею³³² и кормиш их с похмелья (об.)³³³ сущьем³³⁴ з грид, ³³⁵или их дариш³³⁶ осегиною³³⁷ вязовою. по всему хрепту,³³⁸ раздирай платье, не стои, потчивай по монастырски, не робей,³³⁹ хлеб, господине, по силам, а полога по плечам, а на прихлебку не диви, плетей не лучилось. Тем ти, господине, по спине челом бьем,³⁴⁰ не часто тое воло[гу]³⁴¹ кушают, а во веки³⁴² отрыгается.

Слава и ныне³⁴³ недобрая непослушливым.³⁴⁴

Глас высокопятои: Кто доволен дурости твоея исчести и труды кабацкия понести.

Кто бо слыша безмерное (302) твое воровство [и бешенство]³⁴⁵ и терпению и нагоде не удивит ли ся, иже слыша от людей корчмы беретчися, како убо не усумневся нимало в трезвене разуме, егда видя нагих пред собою ходящих,³⁴⁶ да ми с пропою такову же ми быти и по запечью³⁴⁷ с ярыжными валятися и нагому пред всеми людми ходити и насмеяну³⁴⁸ быти. Оле дурости³⁴⁹ кабацкие и воровства, человеческая разумы омрачаючи! О безделие, брате,³⁵⁰ кто с пропою не научился лгати³⁵¹ или бражника вором (об.) назовут крепким, не бога ради, но наготы ради³⁵² не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати, глаголюще: пождем до вечера, да мужика ограбим и упование меду на ведро возложим и иново рукового³⁵³ нечто бог выдаст и грабим³⁵⁴ и узрим всего пред собою много, пива [и вина]³⁵⁵ и меду, а почести³⁵⁶ нечего.

Кто не дивится и кто не прославит, кто не воспоеет верно мудрых и славных чудес безсребреник... О двоице святая, о честныя главы, о премудросте и славо... (М.)

По сем: Ныне отпушаеши с печи мене раба своего [розянку]³⁵⁷ еще на кабак по вино и по мед и по пиво по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо (303) много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, [светло тамо открыти окна³⁵⁸ и двери³⁵⁹ приходящим людям.

³³¹ *проп.* Р. И. ^{331—332} и в железа попал у кнута узол оторвал, а кои крылошани и старцы запиваются и их в темницу сажают Р. И. ^{333—334} *проп.* Р. И. ^{335—336} *проп.* Р. И. ^{337—338} во всю спину Р. И. ^{339—340} хлест по спине, а волога по бокам, а на прихлебку по ногам и по рукам, а что, брате, прилучилось, тем и бьем челом, на мало не повешуя, а велика жди не в частом быванье Р. И. ^{341—342} ядят, да часто Р. И. ^{343—344} *проп.* Р. И. ³⁴⁵ *доб.* Р. И. ^{346—347} и не помысли, яко и мы пропойцы таковы же будем по собачьи Р. И. ³⁴⁸ смеху Р. И. ³⁴⁹ о мудрости Р. И. ³⁵⁰ о бездельнаго братства и единомыслия аще Р. И. ^{351—352} то тичится чужих животов красти Р. И. ³⁵³ иново рокового Р. И. ^{354—355} облупим Р. И. ³⁵⁵ *доб.* Р. И. ³⁵⁶ почитать Р. И. ³⁵⁷ *доб.* Р. И. ^{358—359} из двора Р. И.

Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. Свет во откровение языком и славу людии твоих Израиля. (Ч.)

Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас голянских.³⁶⁰ З — жды.³⁶¹

Святыи боже, святыи крепкии, святыи безсмертныи, помилуй нас. (Ч.)

Слава отцу и матери их и сыну, что родили такова сына, охоч до пьяна пити вчера и ныне [пьет]³⁶² с нами и во веки аминь. Хмель обовладе им³⁶³ гораздо,³⁶⁴ помилуй нас голянских, хотящих пити.³⁶⁵ З — жды.³⁶⁶

Слава отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков. (Ч.)

³⁶⁷Слава и ныне.³⁶⁸ Таже: Отче наш, иже еси седиш³⁶⁹ ныне³⁷⁰ дома, да славитца имя твое³⁷¹ нами, да прииди (об.)³⁷² ныне³⁷³ и ты к нам, да будет воля твоя³⁷⁴ яко³⁷⁵ на дому, тако и на кабаке на пече. Хлеб наш будет. Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша,³⁷⁶ яко же и мы оставляем животы своя на кабаке, и не ведите нас на правез, нечего нам дати,³⁷⁷ но избавите нас³⁷⁸ от тюрмы.

Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. (Ч.)

³⁷⁹Таже³⁸⁰ тропарь кабаку. Глас ³⁸¹11.³⁸² Иже манием содержа³⁸³ и глупостию³⁸⁴ и безумием без меры привлекая множества народа на безумное торжество,³⁸⁵ созывая³⁸⁶ множество искусных³⁸⁷ в разуме³⁸⁸ во тму прела (304) гая,³⁸⁹ в не же³⁹⁰ множество принырая³⁹¹ во глубину пьянства, износят безумныя³⁹² класы,³⁹³ рубахам и порткам и верхним одежам премеменение, и пиву и меду³⁹⁴ истощание, и с похмелья оханию наставниче, кабаке неподобне,³⁹⁵ очистил до нага чтущих тя.

Глас 5. Песнь I. Ирмос: Манием ти на земен образ преложися... (Треф.)

³⁶⁰—³⁶¹ проп. Р, И. ³⁶² доб. Р, И. ³⁶³—³⁶⁴ проп. Р, И. ³⁶⁵—³⁶⁶ проп. Р, И. ³⁶⁷—³⁶⁸ проп. Р, И. ³⁶⁹—³⁷⁰ проп. Р, И. ³⁷¹ доб. с Р, И. ³⁷²—³⁷³ проп. Р, И. ³⁷⁴—³⁷⁵ проп. Р, И. ³⁷⁶ доб. и не просите у нас Р, И. ³⁷⁷—³⁷⁸ проп. Р, И. ³⁷⁹—³⁸⁰ проп. Р, И. ³⁸¹—³⁸² пустошны Р; пустошмешны И. ³⁸³—³⁸⁴ пьяных и в голод Р, И. ³⁸⁵—³⁸⁶ проп. Р, И. ³⁸⁷—³⁸⁸ проп. Р, И. ³⁸⁹—³⁹⁰ иже Р, И. ³⁹¹ понуряя Р, И. ³⁹² безумному Р, И. ³⁹³ доб. нищеты Р, И. ³⁹⁴ вину Р, И. ³⁹⁵ непотребне Р, И.

И отпуст на полати³⁹⁶ спати.³⁹⁷ На утрени с похмелья став, седален, по 2³⁹⁸ чарке на 2 алтына пива, по 2 чарке на 4 алтына меду запити.

По сем полиелеос:³⁹⁹ Понесли целым ведром. Припев: Ушат вам певцем (об.) пивца.⁴⁰⁰

Таже: Хвалите имя пропоищыно,⁴⁰¹ аллилуия.⁴⁰² Хвалите ярыжные его и стоящей пред ним, трубите ему во всю пору и на подворье ему пиво и мед носите. Хвалите его выше⁴⁰³ меры, пойте ему, яко дурному шалну, и вся неподобная ему⁴⁰⁴ в очи лезет. Исповедаются ему ласткою и приветкою ярыжные и гольянские, яко в век обычаи пьяных.⁴⁰⁵ Ведаете не потакати, ино с ним и не пити. Припев тоже:⁴⁰⁶ Исповедаются ему приветкою⁴⁰⁷ и ласткою⁴⁰⁸ выше меры. (305).⁴⁰⁹ Лож ся не выводит,⁴¹⁰ а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати, яко на кого пьяной розклучитца, вы его и пьяные прощайтесь, толко охота с ним и лохом пити, подавайся по рукам, ино легче волосам, толко собою нечем купити, а на людех пити, ино лобои⁴¹¹ терпети.⁴¹² Говорят⁴¹³ без деняг вода пити, яко хто⁴¹⁴ на корчме бытен⁴¹⁵ пьет, всяк его хвалит, в те поры⁴¹⁶ кое у него видят и пьют,⁴¹⁷ а жити⁴¹⁸ про собя⁴¹⁹ на кабаке⁴²⁰ пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбити (об.),⁴²¹ яко⁴²² век около корчмы воры держатца, а хто⁴²³ без ума⁴²⁴ на кабаке пропився деретца,⁴²⁵ яко в век на дурака тюрьма уготована. Хто по мере изопьет в славу божию,⁴²⁶ яко в век⁴²⁷ доброму добрая и слава, а которой без ума живет,⁴²⁸ а вперед не промышляет, как ему жити,⁴²⁹ яко в век живет с позоры. Мы про людей говорим, а про нас люди не молчат же,⁴³⁰ яко в век⁴³¹ какво кликну в лес, тако и откликнется. Хто пьян, то всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево, а в мошне (306) ни пула, яко в век пьяному не ими веры. Хто людей⁴³² добрых⁴³³ слушает, и во всяких мерах сам пребывал, яко благ сам все знает, таковыи милостивыи искусныи во всех⁴³⁴ будет.

Полиелеос. Хвалите имя господне; алилуиа. Хвалите, раби господа, алилуиа. Хвалите господа яко благ господь наш над всеми боги. Благословен господь от Сиона, живый во Иеросалиме. Псалом. Исповедаются госпodeви, яко благ, алилуиа, яко в век милость его, алилуиа. Сотворшему светила велия и единому. И избавил есть от враг наших. Исповедаются богу небесному. (Треф.).

396—397 голым гузном лежати Р, И. 398 первой Р, И. 399—400 таже целым ведром приспели кушать всем певцем. Р, И. 401—402 и воздуряется его Р, И. 403 лишше Р, И. 404 доб. и несоставная Р, И. 405—406 проп. Р, И. 407—408 проп. Р, И. 409—410 проп. Р, И. 411 любо Р, И. 412—413 проп. Р, И. 414—415 весь день Р, И. 416—417 и отечество его знают Р, И. 418—419 ему Р, И. 420 доб. и не Р, И. 421—422 проп. Р, И. 423—424 проп. Р, И. 425 держится Р, И. 426—427 проп. Р, И. 428—429 проп. Р, И. 430—431 аше Р, И. 432—433 проп. Р, И. 434 век Р, И.

Таже величание⁴⁸⁵ кабаку: Величаем⁴⁸⁶ тя, кабаке весельи [и безкручинны]⁴⁸⁷ и чтем⁴⁸⁸ [дурость твою и со глупостью, ты бо купишь собины наша и]⁴⁸⁹ велиш нам по миру скитатися.

Величаем тя, пророче божии, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего. (М.) Величаем тя, апостоле Христов, и чтем болезни и труды твоя... (М.)

По сем псалом избранной. Терпя потерпех на кабаке живучи и прочее.

Псалом избранной. Терпя потерпех господа. (М.)

По сем молитва пред канон⁴⁴⁰ остолон глаголет:

Спаси боже⁴⁴¹ наготово с пропою люди своя (об.) и⁴⁴² благослови дом⁴⁴³ достойныя воры своя,⁴⁴⁴ молитвами закладу и собины нашея честнаго⁴⁴⁵ и славнаго пропою нашего иже во клятых⁴⁴⁶ костарци⁴⁴⁷ кабацких,⁴⁴⁸ иже ненадобных ростовщиков богомерских,⁴⁴⁹ иже неподобных воров⁴⁵⁰ великих Кокорку и Мариловца. Слона поем, иже безумию их подражател, Михаила Труса и Илеику Чернаго и всех головных воров, молящихся бити их кнутьем и в тюрьму сажати их не надобно щадити, рцем им вси.⁴⁵¹

Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое, победы благоверному... (Ч.)

[Канон⁴⁵² по накрам⁴⁵³ по краегранесию: Величаю умное во крепости стояние непоколебимо да будет. Иеремии глаголет: престанем пити; мы же глаголем: зевается с похмелья, изпитися хошет, взять негде, а в стары (24) заклад не верит. Сушью з гущею воздурнем пропоицу.

Канон преподобному ему же краегранесие свцево (М.)

Канон бражником. Глас пустошной, песнь 1, тормос: Воду прошел, болото перебрел, из двора вышел, от жены злой жюрбы убежал, на кабак зашел, три выпил чарки винца, хватился за мошну, мошны не сыскал, песнь победную воспел, одва и платишком пролез.

Воду прошел яко по суху, из египетска зла избежав, израильтянин воиыаше: избавителю богу нашему поем. (Ч.)

485—486 пьяных. Возрадуем Р, И. 487 *доб.* Р, И. 488—489 *так* Р, И; П собину свою, ты бо купиши с нас. 440 кабаком Р. 441 боже Р. 442 *доб.* не Р, И. 443—444 недостойные и дворы их Р, И. 445 нечестнаго Р, И. 446 проклятых Р, И. 447 костарей Р, И. 448 *доб.* зернщиков Р, И. 449—449 *проп.* Р, И. 450—451 величавых и гордых и безумных голянских кабацких, кои кому последуют и дупителей христианских и неподобных обманщиков и костарей и всех проклятых воровских людей, молимся вам, судии, пощадите их, бив кнутом, в тюрьму оковав покидайте их, рцем вси Р, И. 452—453 *проп.* И; в П *отсюда большой пропуск, дополняю текст по сп.* Р, И.

Запев: Слава бывает всякому человеку по делом его.

Лютыя напасти нося, кабаचे злословны, всем еси приходящим пвианицам неистошимаа ницета, егда же пьян, тогда же и весело (об.), а как проспится, лакомага хватится, ажно и хлеба нет.

Лютыми недуги и болезиеными страстьми истязаему... (Ч)

Запев: Во скорби мя сущен и в тузе велией сотворил мя еси.

Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси. Проклинаю тя, дому разорителя.

Кондак глас 2. Богатство свое расточил еси убогим и небесное богатство ныне восприял еси... (Ч.)

Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу.

Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих глаголаше: вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал.

И ныне и завтра и на всяком веку человеческого бывает. (25)

С похмелья встав, дуроствию и шаловством держим, пить хочется, а взять негде, на кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить нечего.

От сна встав, благодарю тя, всесвятая троице, яко многия ради благости и долготерпения не прогневася на мя... (Ч.)

Песнь 7 тормос: Ты еси, кабаче, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма и омрачение и пьющи⁴⁵⁴ дьруют стоя на тебе.

Песнь 3 ирмос: Ты еси утверждение притекающим ти, господи, ты же свет омраченным и поет тя дух мой (Миния, канон мученице единой).

Многими и великими язвами с похмелья уязвляемся на кабаке, вси есмы страждем от своего неистовства; сего ради кленем тя, а не можем лишиться.

Многими одержим напастьми к тебе прибегаю, спасения искии... (Ч.)

Весь обнажися, не имея на себе одеяния ризнаго, вопиющи к полатем, но и тия глаголют: отиди проч, яко и без тебе много голянских валяются zde, а твоего (об.) ради безумия, злыи рабе самоволной,⁴⁵⁵ бешенству работати изволил еси, и от всех человек посрамлен был еси, не можеш лиши- тия, в песнех пононых въздуряем тя.⁴⁵⁶

⁴⁵⁴ пьющим И. ⁴⁵⁵ самоволному И. ⁴⁵⁶ здесь в Р, И читается текст — «В терпении твоём смирил еси...», который в сп. П читаем выше.

И ныне: Многие добрые люди, человеце, тебе глаголют, яко престани упиватися вином, ты же им отвеща глаголя: дайте ми оправитися, уже бо к тому не стану пити, но не можеши лишитися.

Седален глас пустошны: Злым делом, кабаче, сокровище бываеши, и нас приходящих к тебе обнажаеши, но силою никого не призываеши, а кто придет, безо всего имения отпуцаеши (об.), да того ради зовем ти: радуйся, радуйся кабаче веселы, скорбию].

⁴⁵⁷ По сем (307) канун, творение хто без ума и без памяти пьет, не крестиянски скончаетца. ⁴⁵⁸

Канон творение кир Андрея Критскаго. (М.)

⁴⁵⁹ Седален глас 18 подобен: О болезненошен. ⁴⁶⁰

Иже на кабаке пропився, ⁴⁶¹ во своем помышлении ⁴⁶² глаголаше: егда аз без ума пропився до нага, и не видех выкупающаго [мене], ⁴⁶³ ни других [моих] ⁴⁶⁴ ко мне бывающих, но молю ти ся, ⁴⁶⁵ кабаче, даи же ми ⁴⁶⁶ с похмелья ⁴⁶⁷ оправитися.

⁴⁶⁸ [Слава. Глас пустошной. Хвосливо живет всякой бражник, пьет з басы, проспится с позоры. Свинское житие изволил себе восприяти, где найдет, тут рылом нюхает. Слава недобрая про бражников всегда на тебе, кабаче неправедны, и любовь лицемерная составляется; как видит у нас, так и любит нас и отечество наше почитаюг тя. У пива и у меду все друшки напьемся, хвалимся, ⁴⁶⁹ а проспимся хватимся, в руке ⁴⁷⁰ тоще, а в другой ничево, в кои (об.) поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился, и всяк ненавидит, что в руку у него нет ничего.

И ныне: Кто может изрещи бесование твое, кабаче весельи и пропырливы, множество к себе привлачая на безстудие, в ров погибелны поревая, всякая неправда в тебе содевается, и злоба обнажается, и бесования мечты обявляются, и всякое плясание и песни и играние и иная бесования и высокоречие, ницета и лжа с неправдою, сопелное гудение и [с] ⁴⁷¹ бубны биение, скакание бесовское, самоволное грехов умножение, души погу-

⁴⁵⁷ Отсюда возобновляется сп. П. ^{457—458} проп. Р, И. ^{459—460} други седален глас той же Р, И. ^{461—462} иже своим промышлением Р, И. ⁴⁶³ доб. Р, И. ⁴⁶⁴ доб. Р, И. ^{465—466} проп. Р, И. ⁴⁶⁷ доб. дабы мне Р, И. ⁴⁶⁸ Здесь в сп. Р, И. вставлен вторично светилен, который во всех списках читается и выше — см. П л. 309 —, возможно, что это вариант, по ошибке переписанный дважды: «Яко злодеям пристанище, кабаче, к тебе притекающим, явися, шед на подворье, сотворим нагоде терпение, голоду умножение, наготы босоты изнаवेशены шесты, голоду и холоду погребы навалены, радуися пропившиися, а пропився плачися, своим неистовством мучися, и сконча (27) житие свое за собаки место; иногда ед, а иногда нет». Р. И. Отсюда в П большой пропуск; дополняю по сп. Р, И. ^{469—470} в рибе И. ⁴⁷¹ доб. И.

бление и благодати умаление, гласовом возвышение, гневу умножение, брани и драки воздвижение (28), с повелением возми, да убей его до полусмерти. Резать повелеваеши, яко люты зверь всех снедая, бедам великим и блудному греху учитель, душевному дому разорение, скаредным рукам грязнение, грабежу наставниче, костем ломание падающих о землю и неможащих в себе пианства утаити. Мнози же⁴⁷² не часто [на тебе бывают, а часто]⁴⁷³ поминают, чудеса твоя гнилая и непотребная поведает, а нечистоту проклинают. Беззакония еси исполнен, дурости совершен, во вся страны дурость твоя, корчма, с неправдою славится.

Кто изрещи может подвиги твоя, отче, или кто изочте множество трудов твоих и чудес твоих дивных... (Треф.)

Таже чтение на тюремном дворе, в соборнике до денег, как выкупиться, ему же начало не знает, как выкупиться, и никто не верит. (28 об.)

Песнь 9 тормос: Ты ми, кабаचे, злыи учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одряться,⁴⁷⁴ несытством своим все приобрел еси, тем з голянскими вопию ти: слава дурости твоей, человеконенавистниче.

Песвь 4 ирмос: Ты ми христе, господь, ты же и сила ми, ты ми бог. ты ми радование, не оставль недра отча, но милостию си нашу нищету посетив, тем с пророком Аввакумом зову: силе твоем слава, человеколюбче. (Треф.)

Хотя с похмелья оправитися, человечество свое и славу ни во что жевменив, и работав диаволу и злосмрадным своим похотем и всегда к тебе, кабаचे, приходя, упиваяся и с блудницами расточих все свое имение, и ныне плачуся своего неразумия, ваг пребываю, но даждь ми опохмелитися (29).

Воровству, кабаче, наставниче, отпа и матери лишился еси,⁴⁷⁵ и друзи возненавидеша мя, и ныне к кому прибегну, понеже ради моего безделья родители мене отвергошася и вмениша мя аки пса смердящаго.

Слава: Явихся аз сквернен тобою, кабаче, всем в посмеяние и ныне великою бедою одержим есмь. Егда пил, тогда и весел был, ныне же великою скорбию уязвляюся с плачем, но никто может ми помощи, но и паче злословят мя.

И ныне: Ярыжным кабацким подражател явихся, но и те отрывают мя глаголюще: отиди от нас прочь, не умеешь у добрых людей хлеба (об.) выпрошать, и с похмелья чарки вина никто не даст тебе, кабаче, священником еси омрачение, иноком посмех, а простым людям нечестная смерть.

⁴⁷² проп. же И. ⁴⁷³ доб. И. ⁴⁷⁴ одеться И. ⁴⁷⁵ лишил еси мя И.

Песнь 5 тормос: В бездне кабацкой одержим похмелями неизбытныя пропасти твоя, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел.

Песнь 6 ирмос: В бездне греховней одержим, неиследную милосердия твоего призываю бездну, от тли, боже, мя возведи. (Треф.)

Обнажил мя еси, кабаचे, злыдням наставниче, от срама толко чюжая сторона спознати. Тебе ради и сущии родители возненавидеша мя и отрывают мя от себе, глаголюще и проклинающе.

Слава. С похмелья востав, скорбию одержим, к тебе, кабаче, объявится не с чем, но молюся знаемым и ближним моим (30), да бы мя опохмелили, они же вси отрицаются, глаголюще: пропади от нас, не свой ты нам.

И ныне: От похмельныя болезни кааявся и клятву налагах, яко не учну пити; егда же обзатохся, бываю таков же, яко же и вчера, или паки и дурнее того творюся.

От сна востав — см. выше.

Песнь шестая. Очистил мя еси, кабаче, до нага, много было имения, из дому все выносил, и на тебе пропил, и к жене прибрел,⁴⁷⁶ и наг и бос, борже спать повалилися, а в нощи пробудился, и слышах жену и детей злословиящих мя: ты пьешь и бражничаешь, а мы с голоду помираем. (30 об.)

Песнь 6 ирмосы. Очистил мя еси, спасе, многа бо беззакония моя и из глубины зол возведи мя, молюся к тебе: бо воззвах и услыши мя, боже спасения моего. (Треф.)

Тебе ради, кабаче, вся сия претерпех, и друзи мои и ближнии мои далече от⁴⁷⁷ мене сташа и гнушахуся мя,⁴⁷⁸ и бегающе аки пса смердящаго. Ты, кабаче, дому моему разоритель и ближним моим разлучитель.

Слава: Несытством и слабостию одержим, к тебе прибегаю,⁴⁷⁹ кабаче непотребны, наготовю одеяся, яко щитом неподобным, нелицемерно и непостыдно вооружен есмь на восхищение чюжаго имения.

И ныне: Понурихся во глубину пропасти своим нерадением,⁴⁸⁰ собацкое скитание изволих, безместно житие возлюбих, о кабаче не (31) потребне, токмо срамотою побеждаем и знающим и в глаза появиться немощно].

⁴⁸¹ Кондак ⁴⁸² кабаку ⁴⁸³ глас 10. ⁴⁸⁴ Избранному ⁴⁸⁵ кабаку безумныя песни принесем, вкупе пьюще, ⁴⁸⁶ а на утре день весь оханьем (об.) провожающе, но яко имея к нагоде дерзновение, житию поруха, голоду величание, о всех

⁴⁷⁶ пришел И. ⁴⁷⁷ проп. от И. ⁴⁷⁸ проп. мя И. ⁴⁷⁹ прибегах И. ⁴⁸⁰ неразумием И.
⁴⁸¹ Отсюда возобновляется сп. П. доб. та же Р, И. ⁴⁸²⁻⁴⁸³ проп. Р, И. ⁴⁸⁴ плошной Р, И.
⁴⁸⁵ Вабранному Р, И. ⁴⁸⁶ доб. радующеся Р, И.

нас пьющих кабацкая пазуха веселися, а⁴⁸⁷ целовалники неправым богатством возбогатеша; с веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на криве⁴⁸⁸ божбою своею⁴⁸⁹ души свои ломаите, вам бо невозбранно адова врата отворяются, и во аде болшое место готовится, да вси, кабаचे неблагоприятне, зовем тебе: бесованию наставниче [радуися, глупости велики учите лю.]⁴⁹⁰

Взбранному и дивному чудотворцу наша земля днесь прителем любовью, тебе плетуше песнь, богоносе Петре, но яко имея дерзновение ко господу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти; радуйся, утверждение граду нашему. (Час.)

⁴⁹¹Икос (308). Кто ли пропився до нага не воспомянет тебя, кабаче неподобне? Како ли хто не воздохнет во многие дни собираемо богатство, а во един час все погибе? Каяты много, а воротить нелзе. Пил еси, после будет тебе о сермяге въздыхати. Три дни испил еси, с похмельч оханья на три дни залезл еси, рукоделия заложил еси, около кабака часто ходити изволил еси, глядети часто ис чужих рук извыкл еси; глядение лихое пуше прошения бывает.

Бубенная стукота созывает (об.) пьющих на шалное воровство, велит нам нищеты ярем восприяти и глаголет винопицам: приидете, возвеселимся вмале, а опосле заплачем, сотворим возношение платью нашему всякому на вине пропивание. Тому почюдимся, как вмале был разумен, а в мгновении ока стал безо всего, крепок безумен видящим на смех, а себе на великую срамоту с поношением. Кто ли про тебя молвит, кабаче непотребне, да лишитися не мотчи тя, тем же злословим тя, кабаче неблагоприятне, бесованию наставниче. (309).⁴⁹²

[Микос: Восхваляем ныне людем вино пиющим, да пивом на оправку возвеселимся.]

Кто явится от вина весь шумен и безумен, да пивом он обзадорится, по мале же нищетою болит,⁴⁹³ яко разцвел душою, обнажен до нага, неподобен: тем же, яко дурень, явися пианица на пакость видящим на смех, а себе на убогую нищету; тем же аз малоумныи не возмогу изрещи про⁴⁹⁴ пианство: поле пекелное, но како возмогу, толико и възглаголю, тем же от юз содрогнувся, от многия печали малодушне изреку, зане глупостию покровен и недоумением содержим есмь и ужасаюся рещи. Како возмогу глупы аз козни твоя изрещи? (32)

⁴⁸⁷ доб. кабацкие Р, И, ⁴⁸⁸⁻⁴⁸⁹ проп. Р, И. ⁴⁹⁰ доб. Р, И. ⁴⁹¹⁻⁴⁹² этого отрывка в Р, И. на данном месте нет, но, как и в сп. П, эти песнопения встречаются выше — возможно, что здесь они по ошибке переписаны второй раз. Дальше в сп. П также вторично читаем: «Яко злодеем пристанище...» Отсюда в сп. П. пропуск; дополняю по сп. Р, И. ⁴⁹³ болим И. ⁴⁹⁴ проп. про И.

Кто ли возшед в избу кабацкую, испив вина гораздо, не шален отидет?⁴⁹⁵ Кто ли от земнородных изрещи возможет глупость твою, хмель высокоумны? Кто ли не похвалит вино, данное нам на веселие, и мед во сладость гортани нашей и пиво беседа наша добрая? Кто ли не вспомянет частыя твоя ковши? Кому ли не вспомянути ниския твоя поклоны, и како ли не ублажатся на завтрое из ковшев сладкия ти пития? Кто ли не въздыхает пропився до нага? Тем же умилно подшибши руки к сердцу зовем: богатства истощителю, прият власть над всеми пьяными и всех в мир пущаеши.

Како не дивимся житию твоему или не похвалим, преподобне, житие твое равноангельное, помысла целомудрие и кротость твою... (Мин.)

Песнь 6. Дивно и ужасно и студа исполнено трезвому слушать, яко про пьяного глаголют (32 об.), токмо ъханием и частым въздыханием усугубляя, да вси от сердечныя болезни тя злословим и похуляем.

Странна и ужасна содеваеши чудеса... (Сл. св. Николаю, прмос).

Погубих безчисленное имене, в кою пору у нас пили, в то время нас и величали, а ныне у нас в руках не видят, и они нас же осмежают и дураками называют.

⁴⁹⁶ Слава. Радуйся, кабаचे, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю, имению истощителю.

И ныне. Ин никто же таков⁴⁹⁷ явился, яко же ты, кабаче, всякому человеку неложная пустоха,⁴⁹⁸ гневу водворителю, нищета пребедная еси всем.

Песнь 8. Всякую мя, хмель, отринул от лица людей добрых и света не [заходимого]⁴⁹⁹ с похмелья (33) видети не могу, покрыла мя есть чюжая тма от похмелья,⁵⁰⁰ но обрати к свету, от похмелья,⁵⁰¹ пити давай, молюся.

Всякую мя отрину от лица твоего, свете незаходяи, покрыла мя есть чужа тма окаянного, но обрати мя и к свету заповедей ти пути моя направи, молюся ти. (М.)

Вскую валяюся с похмелья, жадает ми душа пития, а взять негде; умилно к целовальнику вопию: помилуй мя похмельнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно, молюся.

Легок есмь и добро течение сотворю кабацкому двору, вшед в ызбу быстро зрение содеваю, кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашихся поушника, взашей ихания, елико возмогох,

⁴⁹⁵ будет И. ⁴⁹⁶⁻⁴⁹⁷ проп. И. ⁴⁹⁸ питоха И. ⁴⁹⁹ так И; Р заходимы. ⁵⁰⁰⁻⁵⁰¹ проп. Р, И.

скочих, взях (об.) и востах, и на [полати]⁵⁰² текох, и реку ему: на твоём жалованье челом бью; тебе нелюбо,⁵⁰³ да мне⁵⁰⁴ за честь.

Слава. Сокровище некрадомое нашему имению, кабаке несыты, яко в пропасти понырающе сами ницетою одержими, а твоя несытыя утробы наполнити не можем.

Песнь 4 ирмос. Богатство почерп от сокровища некрадомого божественнаго благодетелю копием прободеннаго ти ребра премудрости и разума наполняет мир близнец. (Т. Цв.)

И ныне. Ныне мы вси от безделья вопием ти: ницета еси сказуемая, поругание иноческому чину, а мирским людям обнищание и одолжение и всего добра лишение.

Песнь 9. Всяк хмелен да взыграется (34) [дуростию]⁵⁰⁵ озарен, ликовствует же и бесовские полки; бесовство бо⁵⁰⁶ на кабаке почитаемо и в бубны биение и песней воспевание: радуися, кабаке, чистоха и лупитель пианицам.

Всяк земнородный да взыграется духомь просвещаемь, да торжествует же безплотных умов естество, почитающее священное торжество богоматере, и да вопиет: радуися, всеблаженная, богородице чистая приснодево. (Сл.)

По сем. Достойно есгь яко вора батоги бити приставом велети и прослався да на правез имати; в те поры пить любо было, а теперево платить нечем; честнее было бы скоро отдати и славнее бы было, чтобы с платежем сам пришел [а ныне]⁵⁰⁷ без всего имения стал скован и изувечен, а опохмелится нечем.]

Достойно есть яко воистину блажити тя богородицу, присноблаженную и пренепорочную и мать бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую во истину серафим, без истления бога слова рождшую сущую богородицу тя величаем. (Ч)

Таже светилник.⁵⁰⁸ Светилен глас пустошной.⁵⁰⁹

Яко злодеем⁵¹⁰ пристанище, кабаке, к тебе притекающим, явил, сошедшея на подворье, сотворим пестом возношение,⁵¹¹ ступам воздвизание,⁵¹² овсяной⁵¹³ соломе извождение, наготы, босоты⁵¹⁴ и гладу⁵¹⁵ изнавешано шесты. Радуися с пропивающими, а просыпаяся плачися, своим неистовством мучися, житие скончавая за собаки место.

На хвалите стихиры глас пустошныи, подобен: терпящи нужу.

⁵⁰² так И; Р полатку. ⁵⁰³⁻⁵⁰⁴ даст И. ⁵⁰⁵ так И; Р доростию. ⁵⁰⁶ проп. бо И. ⁵⁰⁷ так И; Р к мне. ⁵⁰⁸ Отсюда возобновляется сн. П. ⁵⁰⁸⁻⁵⁰⁹ проп. Р, И. ⁵¹⁰ злодеи Р, И. ⁵¹¹⁻⁵¹² проп. Р, И. ⁵¹³ всякой Р, И. ⁵¹⁴⁻⁵¹⁵ проп. Р, И.

Терпяще томления гладная (об.) крепко радуящиеся надеемых, коего дни сыту быги, друг ко другу глаголюще: ярыжные кабацкие, егда убо пьяной⁵¹⁶ из мошны денег выимет,⁵¹⁷ и от дурнаго обычая не оставляем, [восприимем ярость]⁵¹⁸ з голоду, терпение не добро с молотцы пропивати, но добро⁵¹⁹ у мужиков⁵²⁰ у пьяных напиватися, не убоимся, о голенские, мало⁵²¹ поворуем, да с кнутьем по торгу [водими будем от судей в тюрьму ввержемся]⁵²² [и тамо мы с голоду не умрем.

Терпяще зубом искоренение и руку отрезание и ногу и соспу раздробление удом от беззаконных судей в доброты женихов взираючи болезни претерпевающи паче естества, многострадальная, невеста нетленная христова, моли еже спасти душа наша. (М.)

Мечюще одеяние свое, ходяще безпрестани на корчму друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дяконы склад чиняху и на мед посылаху на ведро глаголюще: пропьем⁵²³ однорядку темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленого, сорокоустными денгами окупимся; сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать (35 об.), черными сермягами оболчемся и у мужиков во братчинах изопьем и от попадеи жюрбы убежим и опять по старому жити почнем, видяще наготу кабацкую, текуще яко⁵²⁴ к убытку великому, друг ко другу служивые люди глаголаху: немножко меду возмем для уныния, посидим, никакo с себя ничево не заложим, и как хмель силу возмет, пропита будет и однорядка; поживем на кабаке, не спустим и кафтану своему, не пощадить пианица платья своего.]⁵²⁵ Хочет до нага пропитися з басы, пред собою стояти ярыжным повелевая. да скоморохами⁵²⁶ [вострубит, без всего живота станет, да с похмелья кручиною увязется и от добрых людей отлучится, и без всего имения станет.

Ины стихиры пустошныи: Самозван еси, человече, прииди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух вытти, мечты творишь во уме: немножко посижю для уныния, ажно в долгое время пройдет, веселие твое в печаль обращается, болезнь умножается, стонога и охание с похмелья.

На хвалу на кабак потекл (36 об.) еси, малоумне человече, и той ты прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси.

Глас 8. На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той ты прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему, моли спасти души наша.

⁵¹⁶ у пьяного Р, И. ⁵¹⁷ выимем Р, И. ⁵¹⁸ так Р, И; П яро. ⁵¹⁹⁻⁵²⁰ проп. Р, И. ⁵²¹ убо о голенские тако Р. ⁵²² так Р, И; П увяземся и оттуде и в тюрьму; с этих слов в П большой пропуск. ⁵²³ И. доб. одеяние сиречь ⁵²⁴ доб. слепи И. ⁵²⁵⁻⁵²⁶ эти слова есть и в П

Изучился красти по миру ходя, малоумны рабе, и непослушливы делателю бесования, ты наготу кабацкую понесл еси, ты живот свой пропил еси, и пришедшим по тебе не завидел еси, тем же и на полати гузном сажю уготовался терти, выиди за печь в пробойную улицу, чтобы ты з голоду не уморили.

Иже прежде зовема и в древняя (37) наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуися, кабаچه, отемнение Вычеготскому Усолию, и ныне не токмо ты Усолие почитает, но и в далних языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе и на Лале⁵²⁷ и в протчих волостях сердечное въздыхание и в перси бление.

Кто твоя гнилая чудеса изочтет, кому ли ты потребна нареку? Беснующему ли ты уподоблю, но беснующии неволею страждет, ты же самоволно скакати и плясати повелеваеши, да того ради зовем ти: радуися, кабаچه, ярыгам и дьячком и прочим христианам самоволное⁵²⁸ (об.) бесование, злосмердение и зловерие, маломожное житие,⁵²⁹ многое въздыхание, кабаچه веселы, мучися своим неистовством.

Слава и ныне пустая, глас шестопятой.

Егда приидет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху: сего дни видевши подворницы его непрестанно кленяху, ови же укоряху его глаголюще: яко ясти нечего, а пьеш; гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернешь ему шею на сторону, о чем долго не бросиш о землю, но убо з горем тако глаголется, яко не мощи терпети (38),⁵³⁰ всегда муж той пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чюжю сторону спознаша.

На стих[овне] стихиры. Глас пулной. Подобен: что ты наречем.

Что ты ныне, кабаچه, нареку, дурна ли или безумна, разбойника ли ты нареку, но манием о землю бросаешь, купца ли ты нареку, ибо не даром даеши многое твое бесование и больше истощание, кабаچه мои, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.

[Стих].⁵³¹ Многия скорби с похмелья бывают.

Како ты ныне, кабаچه, призовем, умна ли или безумна, всякие беды от тебя приходят, но мы от тебя откупаемся и заклады емлем, иные перемменяем к тебе (об.), безчестия не хотим; кабаچه, моли з голянскими своими.

Стих: пианица яко теля наготою и убожеством процвете.

Что ты наречем, кабаचे, река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время ноцное, и быстрины твоего течения престанут, целовалники учнут; корчмо несытая утробо, моли с голянскими своими о недостатках наших.

Что ты наречем обрадованная, небо яко восияла еси, солнце правды рай, яко возрастила еси цвет нетления, деу, яко пребыла еси нетленна чистая... моли спастися душам нашим. (Ч.)

Стихиры глас 8 подобен: что вас наречем. Что ты именуем, апостоле, небо ли, яко славу исповедал еси божию, реку ли, яко тварь напояеши тайно... моли о спасении душ наших. (М.)

Слава недобрая пианицам. Глас пулной.

Вооружився крепко на пиющих, кабаче недостойны, веселы, яко неки зверь при горах, такожде и ты, кабаче погибелны, по вся дни привлекаая к себе на веселие и на пропитие платья и денег, всяким неправдам крепки воевода, напаче воеводы, занеже и самого воеводу (39) обидишь, понеже ты молча уловляеши человеки, яко же и всего им лишитися имения, иже долго время привлекаеши к себе на веселие, долго быти повелеваеши у себе, премудрая суета, голое сиротство, з басы говоришь не то: понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладывай, выкупаи, а после отходяще⁵³² и воздыхающе.⁵³³

О великое чудо, кто на тя безделное не пронесет, но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим. Тем же присно с воздыханием⁵³⁴.

И ныне глас остаточной.

Что ти принесем, веселая корчмо? Кажды человек различны⁵³⁵ дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон — скуфы и шапки (об.), однорятки и служебники; чернцы — манатъи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги и переводы и червилы и всякое платье и бумажники пропивают, а мудрыя философы — мудрость свою на глупость пременяют; служилые люди — хребтом своим на печи служат; князе и бояре и воеводы за меду место величаются; пушкарни и салдаты тоску на себя купили, пухнут, на печи лежат; сабелни[ки]⁵³⁶ саблю себе на шею готовят; лекари и обманщики⁵³⁷ напастья на тебе⁵³⁸ величаются; тати и разбойницы веселятся, а холопни спасаются, кости нося]⁵³⁹ (310) в приполе, говорят быстро, плюют далече, з басы на погибель бросаютца, басливые батоги на тебе освящаются, жовки блуд и скарество приносят, мужни жены добрые срамоту себе улучают, зер[н]щички и костари и такалщички усовую болесть себе получают, ставают, охают, ложася стонут,

⁵³² отходят И. ⁵³³ воздыхают И. ⁵³⁴ доб. поминаем И. ⁵³⁵ доб. всякия И. ⁵³⁶ доб. И. ⁵³⁷⁻⁵³⁸ на И. ⁵³⁹ возобновляется сп. П. откуда проп. до жития в Р. И.

ростовщики ворогушу себе вырастили, тружает их сухотою по вся часы; скупщики всякие стонут на тебе; купцы, десятники и довотчики (об.) кнутом венчают, пономари туды ж, что люди, в стадо бредут, воск и свечи приносят, что былные ж люди туды же пьют, и всякий человек рукоделны и простыи искуснии всякими дурогми тебе веселяя, корчмо величают, мы же вси любящей тя и отцов и матери оставихомся, чужую сторону с позоры познавахом; всякий тя человек проклинает, толко тебя не лишатся, повары всякия мудрости свои на винную чарку предают, лесники (311) кунцы и соболи и векши на пече ище имавают лежа, тот соболь ведра другово суден. Кузнецы топоры и ножи и наковална молоты и клещи и косы себе на шею готовят. Хмелю, проломил еси нас, всякому вежству з басы научил еси нас, веселие нашему веку и сухоту, славим тя болезнено во веки.

Что ти принесем, Христе, яко явися на земли человек нас ради. Каяждо бо тобою бывших тварей благодарение ти приносит, аггели пение, небеса звезду, воисви дары, пастырие чюдо, земля вертеп, пустыни ясли, мы же мать деву иже преже век, боже помидуи нас. (Т.)

Припев: Нападает помышление на чтущих соборов, в сердцы ж советующих пребывает свет чреву и скорбящу смирится сердце, ботеющу телу (об.) сверепеют помышления.

⁵⁴⁰ Житие и позоры и горкое терпение и о любящих многое питие ⁵⁴¹ без меры бла[го]словите мя плутати. ⁵⁴²

Сии убо родишася от многих стран различных от неподобну родителю безумну и з горестию хлебом воспигани быша. Друзии же от добру и богату родителю быша рождени, воспитани же нескорбно и безпечално. Егда же достигоша юношескаго возраста ⁵⁴³ и не изволиша по отеческому наказанию жити (312), но ⁵⁴⁴ изволиша по своей воли ходити, родители же здержавше их и не возмогоша и предаша воли их. Они же приложишася ⁵⁴⁵ ко онем наказным ⁵⁴⁶ и начаша ходити на вечера и на вино многое; ⁵⁴⁷ родители же их не возмогоша здержати никакими наказанми и предаша воли их. Они же быша буяви и храбри, не быша же не древоделцы, ни земледелцы, ⁵⁴⁸ взяша же некую часть имения ото отец своих, и приидоша на корчмицу, разточнша же (об.) имение свое не бога ради, после же обнищаша и взалкаша, телеса же своя наготою одеяша, срамные уды обявиша, не срамляху бо ся лица чловеча, не пекущеся о житейских, но чрево имуще несытно, пьянства желая всегда упиватися и яко болван валятися

⁵⁴⁰ отсюда возоби. сп. Р. И; доб. Чтение по 3 песни Р. И. ⁵⁴¹⁻⁵⁴² н[а] он. Р. И. ⁵⁴³⁻⁵⁴⁴ проп. Р. И. ⁵⁴⁵⁻⁵⁴⁶ в невоздержанию Р. И. ⁵⁴⁷⁻⁵⁴⁸ проп. Р. И.

и досаждати человеком нелесными глаголы, приемлюще побои и ударения⁵⁴⁹ и сокрушения⁵⁵⁰ костем,⁵⁵¹ в ию же нужу⁵⁵² терпеша глад и наготу и скорбь всяку, не имеяху ни под (313) стилания мягкаго, ни одаяния⁵⁵³ тепла, ни⁵⁵⁴ под главою⁵⁵⁵ зголовья,⁵⁵⁶ но яко пси⁵⁵⁷ свернувся⁵⁵⁸ искаху себе запечна места,⁵⁵⁹ телеса же их обагрени быша сажею,⁵⁶⁰ дым же и жар терпяху, вся та не бога ради, но⁵⁶¹ для своего бешеня.⁵⁶²

Аще бытакия беды бога ради терпели, воистину бы были⁵⁶³ новые⁵⁶⁴ мученики, их же бы достойно память их хвалити. Ныне же кто не подивится безумию их, без ума бо сами себе исказиша; не довлеет бо им (об.) милостыни даяти,⁵⁶⁵ но вместо даяния сами восхищяху, вместо коленаго поклонения плескания предлежит, вместо же молитвы к богу сатанинския песни совершаху, вместо бдения ношнаго всенощно спяху, и инех опиваху, друзии же обыгрываху, вместо поста безмерное питие и пьянство, вместо фимияннаго обоняния смрадаху бо телеса их, от афендров их исхожаху лютыи (314) безмерныи смрад, вместо понахиды родитель своих всегда поминающе матерным словом,⁵⁶⁶ [от юнаго]⁵⁶⁷ возраста достигше до средовечия, никако же первых обычаев отлучишася, но на горшая прострошася и заблудишася.⁵⁶⁸ [от истины внадоша в ров погибели (40 об.), в нощи убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще чюжие дома призирающе, дабы нечто украсти; аще же что украдут, то все в несытую свою вливающе утробу аще ли стрегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут и уранят и в темницу отдадут. Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничто же им поможет, не достигли бо суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения.]

Приложение II

В списке б. Румянц. музея, № 1565, половины XVIII в., тексту службы кабаку предшествует новое предисловие, к сожалению, сохранившееся без начала и в сильно испорченном виде. В этом предисловии рассказывается о том, как некто «по божню милосердию отторгшийся» от пьяниц возве-

549—550 *проп.* Р, И. 551—552 *проп.* Р, И. 553 одеяла Р, И. 554—555 *проп.* Р, И. 556 *доб.* высокого Р, И. 557—558 скверны всегда Р, И. 559—560 телом же беша почернели, аки арапи сини Р, И. 561—562 но являя свое бешенство, на все горкое отлучишася житие: зернию бо и карты безстыдно забавляющася напивахуся Р, И. 563—564 *проп.* Р, И; 565—566 *проп.* Р, И. 567 *так* Р, И; II отговнях. 568 *отсюда в II пропуск, доп. по сп.* Р, И. В II по лл. 291—295 *внизу запись:* «Син кабак Никиты Петрова сына Новоселцова а подписал по его велению Придучского монастыря дьякон Юрье Попов назвищем Удачных лета 4 дрвд году марта в въ 9 день».

стиль об их «скаредном житии», а другой и «письменно издаде» его рассказ. Далее идет описание того впечатления, какое у слушателей вызывало это сочинение. Поэтому совершенно ошибочно Викторов, описывая этот список «службы кабаку», счел данное предисловие принадлежащим его автору (см. Описание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 33). В стиле этого предисловия и последующих статей нет ничего общего с языком пародии, при том же в нем совершенно ясно говорится о службе кабаку, как о готовой, уже «прежде положенной», к которой лишь добавляются теперь для большей убедительности ссылки на авторитетные источники. Имея в виду, что эти «выписки из божественного писания о тех же пианицах» встречаются в списках уже конца XVII в., мы должны к тому же времени, во всяком случае не более позднему, отнести и самое предисловие, хотя список его имеется лишь от половины XVIII в. (Викторов ошибочно датирует его концом XVII в.: ни почерк, ни водяные знаки не дают на то оснований). Издаем это предисловие полностью по единственному сохранившемуся списку.

Дополнительные статьи или, как их называет автор предисловия, «выписки из божественного писания о тех же пианицах», сохранились в трех списках: Архива Мин. ин. дел, № 250—455 (подробное описание этой рукописи см. П. К. Симион. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. первый. СПб. 1899, стр. 1—68) на лл. 278 об.—295, конца XVII в.; Историч. музея, № 3859, нач. XVIII в., л. 31—58; Б. Румянц. музея, № 1565, половины XVIII в., лл. 40—62. Ниже даем перечень этих статей с указанием их главных источников.

[Предисловие].

Б. Румянц. музей, № 1565, XVIII в.

(л. 1) а вместо славословия божия всегдашнее сквернословие з драки, бои и мятеж; и толико быша скаредни и мерски всякому, яко и худши и бедственнейшии их в человетецх не обретається. Сего ради ни поведания каковаго чинословнаго быша достоини,¹ не бо хочет кто от них слышати или разглаголствовати, на... по некоему божию милосердию отторгшеса от них, возвещааи мало от... про их скаредное житие. Ии же некто от обретшихся и писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть алигорею их чином, сии есть глаголюи и иная изьявляя. Сотвори убо то... (об.) от них во образе торжествен начало² их

¹ Рук. достоини.

² Рук. начало.

праздника, подобно яко бы вечерню и утреню, понеже они обыкли от вечера даже до утра в пустошных беседах упраздившися; того ради вящие обличая их шаловество, состави яко бы праздник кабацких ярыжек, но им толико сотвори сея праздниче не ненавистен, елико единого слова они ярыжные слышати не могут, и не токмо же они, но и елицы в доме клитвострех живущих и сико любящи, и сии такожде слышати ненавидят, и яко нечистым духом одержими, бесятся, и не престанут (л. 2) от молвы, дондеже преминется сей праздник читати.

Сей праздник разсуждается от неких не без прибытка быти человеческого пребывания, и явво суть в нем приувеляющих и возбраняюще, аще кто имеет таковую страсть к запойству, да останется неимушии слышав и возгнушався опасен будет от нея, увеселительное аще и возмнит кто применить к кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковыи да не понуждает[ся] к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися. Всякое доброе, аще не добре творит, добро побеждает, яко же и при враческом (об.) художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разстворении ко здравью, сице и зде, аще благоискусныи читатель, иже весть предложити и ко времени и к лицу и к потребе сотворити по намерению своему ползу добрую, яко же и от протчих святых писании, по злomu своему намерению приводя, кощунствует, и сему определения несть, яко же восхощет, тако и сотворит, и от благаго злое и от зла благаго по коегождо, яко же рехом, намерению, но зде, аще и начинается смехотворным образом, но напоследок положены (3) суть многия выписки из божественнаго писания о тех же пианицах, согласна прежде положенному кабацкому празднику, которыи вкупе с божественным писанием обличают и гаждает пианиц, да тем устрашают прочих, видевших такое злосмрадное их житие, и да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости. И по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника, но и полезно по вышепоказанному и[з]явлению,¹ его же начало полагается зде сицевым образом.

[Перечень дополнительных статей].

1. «Пишу ти от недомыслия моего и малоумия моего...» — обращение автора последующей повести к «возлюбленному о Христе брату моему имя рек многосогрешивый и непотребный имя рек много челом бию и писанием сицемь беседую...».

¹ Рук. явлению

2. «Притча. Бе некий человек невоздержно пианственное питиа пиаше и повсегда упивался...» — повесть о пьянстве, составленная на основе главным образом интерполированной редакции Откровения Мефодия Патарского [см. В. М. Истрия. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературе. Москва. 1897, стр. 116. То же см. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 17] и отчасти Слова о высокоумном хмелю и о пьянице [см. рук. собрания Погодина, № 1594, XVI в.]. Повесть оканчивается правоучением «блажен той иже весма хмелному питию не прикасяся, поминая реченное Иоанном Златоустом...» и затем следует ряд выписок¹ из Иоанна Златоустого, Василия Великого, Тропника, ап. Павла, Соломона, Илариона Великого, пророка Исаии, Иисуса сына Сираха, Варнавы, из патерика, папы Иннокентия; за этими цитатами следуют ссылки на примеры из библейской и византийской истории, свидетельствующие о губительном действии пьянства. Эти ссылки заканчиваются рассказом о том, как в Смутное время поляки подвезли вина на Ходынку, московские люди перепились, и были посечены поляками: «все сие от пианства учинилось, толико телес под меч подклонилось, сами они себе погубили, что велми много вина пили, толко им вина немного пити и такои бы силе потраченои не быти» — таким рифмованным правоучением заканчивается этот эпизод.

3. «Двоестрочием о безмерном питии и о злом запойстве». Нач.: «Егда человек много вина испивает, Тогда он все свое домовное радение забывает...» — вирши о пьянстве, составленные на основе «Слова св. Кирилла Философа о хмелном питии ко всем людям» (см. Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древнерусск. литературе, с. 25), Слова о высокоумном хмелю и о пьянице [рук. Погодина, № 1594], проложного поучения «к царем и князем и епископом и попом и ко всем христианом, еже не упиватися» (см. Пролог 7 апреля; Пономарев. Памятники церк.-учит. литературы, вып. IV, стр. 141—142). Здесь в новой форме собрана вся старая, давно знакомая русскому читателю аргументация против пьянства, частью взятая из византийских образцов, частью из русских подражаний им. Вирши неравносложные, сбивающиеся еще сильно на рифмованную прозу.

4. Послесловие, представляющее вместе с введением к притче о пьянстве рамку, объединяющую все предшествующее, снова обращается к «честнейшему отцу, великому господину, дражайшему брату, богом лю-

¹ Об этих выписках см. П. К. Симони, назв. соч., стр. 19.

бимой душе», к какому-то анонимному корреспонденту, судя по титулу, духовному лицу, представителю высшей иерархии. Кто именно это был, точнее установить трудно за неимением данных. Благодаря этой рамке весь набор старых обличений пьянства получил здесь вид послания к неизвестному лицу, формы, хорошо знакомой московской литературе XVII в. Эта форма вместе с добросовестно использованными источниками определили и язык автора: он не имеет ничего общего с живой образной речью Кабацкого праздника, возвращая нас назад к старой славянорусской литературной речи, лишь украшенной сообразно с модой XVII в. рифмой. Рифмованные отрывки встречаются и среди прозаического текста.

5. В списке б. Румянц. музея № 1564, вслед за этим текстом помещено еще виршами изложенное «слово о пьянстве сотворено и о злом злопийстве учинено трезвым на утверждение, а пьяницам на посрамление», нач.: «первы стих о(т) пьяных крик. Дивну траву с прелестию лукаваго являем и ведения ради пьяницам обьявляем...». Часть этих вирш попала в лубочные картинки (см. о них В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. СПб. 1911, стр. 4—5); здесь они явно добавлены по сходству темы к предшествующей вполне законченной части.

В. Ф. ПОКРОВСКАЯ

Повесть о Фроле Скобееве

(По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам)

«Повесть о Фроле Скобееве» принадлежит к числу наиболее характерных произведений той русской повествовательной литературы XVII—XVIII вв., которая, освободившись от агиографических и религиозных тенденций, преобладавших в эпоху расцвета феодализма, направилась в сторону реалистического изображения русского быта. Светская по происхождению, далекая по форме, по стилю и по содержанию и от жития и от нравоучительного сказания (вроде повестей о Горе-Злочастии, о Савве Грудцыне и т. п.), она по своей фабуле и замыслу резко выделяется от всей той учительной письменности, которая в изобилии распространялась церковниками в предшествующие столетия. Как одному из первых (ныне известных) опытов нового литературного течения, постепенно проникавшего в русскую литературу под влиянием возникавших классовых группировок, «Повесть о Фроле Скобееве» несомненно обеспечено далеко не последнее по своему значению место в истории русской повествовательной литературы XVII—XVIII вв. К сожалению, более точное определение этого места встречается с рядом затруднений, до сих пор не устраненных. Повесть сохранилась в весьма ограниченном числе поздних списков, имя автора и время его жизни остаются неизвестны, ряд однородных повествовательных памятников XVIII в., при помощи сравнительного изучения которых могла бы получиться возможность установить, хотя бы приблизительно, время и место ее появления и социальную среду, к которой принадлежал ее анонимный автор, остаются частью неизданными, частью неприведенными в известность. История идеологии, стилистики и лексики — с их классовыми особенностями, наблюдаемыми в произведениях конца XVII и XVIII столетий, еще ждет своего исследователя. Наконец, и самый текст «Повести о Фроле Скобееве»

до сих пор не был издан по всем сохранившимся спискам, что не могло не затруднять изучение этого интересного по своему сюжету и его трактовке сочинения. Но если для научного и окончательного решения перечисленных сложных вопросов не настало еще время, то вряд ли может быть оспариваема необходимость и своевременность подготовительных для их решения справок.

Задачей настоящей работы поэтому и является обзор истории изучения «Повести о Фроле Скобееве», попытка наметить круг вопросов, связанных с ее исследованием, оценка существующих изданий ее, сравнительная характеристика рукописных ее текстов и воспроизведение «Повести» по всем, известным в настоящее время, спискам.

I

Первые указания на «Повесть о Фроле Скобееве» встречаются в журналах XVIII в. В журнале «И то и сию» за 1769 г. «Фрол Скобеев» упоминается рядом с другими рукописными повестями и романами, которые в то время переписывались от руки и продавались на рынке.¹ В том же году в «Адской почте» (письмо 58-е) «один из сотрудников журнала «И то и сию», говоря о своем литературном образовании, заявляет иронически, что — «набрался разума, чистого слога, изрядных замыслов и «удивительного к истории расположения» из книг: О побеге из пушкарских улиц белого петуха от куриц», «О Фроле Скобееве» и «Азиатская Банннза».² Из самого характера этих сообщений видно, что в 1760-е гг. от читателей «Фрола Скобеева» нельзя было еще ожидать исследовательского подхода к повести; она была в то время просто занимательным чтением, сюжет которого не утратил такого интереса и в дальнейшем. Так, несомненно под ее влиянием был написан несколько лет спустя в сборнике И. Новикова «Похождения Ивана Гостинного сына и другие повести и сказки» (СПб., ч. первая, 1785, стр. 112—152) рассказ «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным», являющийся близким пересказом «Повести о Фроле Скобееве».³ (Перепечатан В. В. Сиповским —

¹ Ф. И. Буслаев. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков». М. 1861, столб. 1442—1444. Также «Древности. Тр. Слав. комиссии Московск. Археол. общ.», т. V, М. 1911 Протоколы, стр. 6—7.

² В. В. Сиповский. «Очерки из истории русского романа», т. I, СПб. 1908, стр. 22.

³ В 1869 г., уже после издания повести, сюжет ее был переработан в «Комедии о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей Нардын-Нашекина дочери Аннушке» Аверкиева. Комедия была напечатана в журнале «Заря», 1869 г. № 3, отд. II, стр. 1—129, и переиздана отдельно в 1872 г.; о постановке ее см. «Зари», 1869 г. № 2 «Театральные заметки»

«Русские повести XVII—XVIII вв.», Приложение 2-е, и Б. И. Дунаевым— «История о российском дворянине Фроле Скобееве». Приложение 1-е.). Близкая связь этих двух произведений подчеркивается всеми исследователями «Повести о Фроле Скобееве». Сама «Повесть» была опубликована в печати только в 1853 г. («Москвитянин», 1853, кн. I, отд. IV, стр. 3—16), т. е. спустя 68 лет после Новиковской переделки, и произвела впечатление искреннего рассказа о московском быте конца XVII в. И. С. Тургенев писал о ней С. Т. Аксакову, 22 янв. 1853 г.: «Я уверен, что вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве, в первом номере Москвитянина. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны и наивность слога трогательна».¹ В том же 1853 г. в «Отечественных Записках» появилась заметка И. Е. Забелина.² «История эта», говорит автор, «без всякого сомнения, истинное происшествие», которое, «по многим данным, может относиться к концу XVII столетия» и «первоначально ходило в простом рассказе и потом в первой половине XVIII столетия было записано со слов рассказчика канцелярским слогом того времени». «В восьмидесятих годах XVIII столетия „История“ эта была переделана и, может быть, по другому рассказу, потому что в этой переделке („Новгородских девушек святочный вечер“ — В. П.) находятся значительные пополнения и даже перемены». Мнение И. Е. Забелина вполне разделял и А. Н. Пыпин. Он полагал, что в основу повести легло истинное событие, сначала передававшееся устно, а затем записанное в форме повести, причем ее безымянный автор обнаружил большое умение самостоятельно, без малейшего подражания переводным образцам повествовательной литературы, в простом и безыскусственном изложении передать сюжет повести.³ Кроме издания «Москвитянина» и списка «Повести» в рукописи из собрания Погодина № 1617,⁴ А. Н. Пыпин указывал на «Историю о Новгородском дворянине о Фроле Скобееве и Аннушке, — как он себе достиг за семь рублей благополучие» в сборнике г. Забелина, XVIII в., № 82.⁵ (В настоящее время рукопись Забелина хранится в Гос. Историческом музее в Москве, под № 536 из собрания Забелина).

¹ Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 12, СПб., 1898, стр. 276

² И. Е. Забелин. «Еще несколько слов о „Фроле Скобееве“». Отечественные Записки, 1853, май, отд. V, стр. 107—108. Также И. Е. Забелин. «Заметка о старинных повестях». «Опыты изучения русских древностей и истории», ч. I, М. 1872, стр. 192—193.

³ А. Н. Пыпин. «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», СПб., 1857, стр. 283.

⁴ Варианты Погодинского списка были напечатаны в «Москвитянин», 1853, кн. III, отд. VIII, стр. 81—82.

⁵ А. Н. Пыпин. «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», стр. 284.

Во втором томе «Истории русской словесности древней и новой», изданной А. Галаховым, помещена большая статья А. Н. Веселовского, которому был известен также список «Повести» в рукописи из собрания Ундольского № 945 и свидетельство ее о написании повести в 1680 г.; эта дата послужила ему основанием для отнесения данного произведения к XVII в. Тип героя «ловкого ябедника» А. Н. Веселовский сближал с сюжетом безнаказанного плутовства в «Повести о Ерше», но стилистически затруднялся дать параллель к изложению «Повести о Фроле Скобееве», отмечая, что она является «единственной (из пока известных) русской повестью XVII в., стоящей вне двух преобладавших направлений: духовно-легендарного и смехотворно-сатирического».¹

Почти на столетие моложе склонна считать ее Н. Белозерская,² по мнению которой «Новгородских девушек святочный вечер» был более ранним вариантом какой-то старинной оригинальной повести, нам неизвестной, и «повидимому представлял вполне самобытную передачу старинной повести, передачу, быть может, более раннюю и, во всяком случае, более неумелую, чем «История о Фроле Скобееве».³ В пользу этого предположения, по мнению Н. Белозерской, говорит и то, что в «Новгородских девушек святочном вечере» исторические имена отсутствуют (Кошкодавов — Нардин-Нащекин; Собакин — Ловчиков; Сальников — Скобеев), так как «судя по множеству прочитанных» ею «повестей и романов, если только это не простая случайность, исторический элемент в романе едва ли не является впервые в последней четверти прошлого столетия».⁴ Очевидно, автора ввело в заблуждение то, что «Повесть о Фроле Скобееве» сохранилась лишь в списке конца XVIII в., который и был принят Н. Белозерской за первоначальную запись.⁵

В 1905 г. вышли в свет «Русские повести XVII—XVIII вв.» под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского. Книга содержит тексты 14 повестей и предисловие редактора, где все напечатанные повести разделены на четыре группы (в первую, «переходную от жития к повести», отнесены: «Горе-Злочастье», «Савва Грудцын», отчасти «О царевне Пер-

¹ А. Галахов «История русской словесности древней и новой», 2-е изд. СПб., 1880, т. II, стр. 511—516 (статья А. Н. Веселовского).

² Н. Белозерская. «В. Т. Нарезный. Историко-литературный очерк». СПб., 1896, стр. 73—76.

³ Там же, стр. 73.

⁴ Там же, стр. 75—76.

⁵ Необходимо отметить, что Н. Белозерская ссылается на рукопись из собрания Погодина № 1617, ошибочно указывая, что именно этот список «Повести» издан в «Москвитяине» за 1853 г. Сравни ниже, стр. 258—259 об изданиях «Повести о Фроле Скобееве».

сике»; ко второй группе, «первых русских повестей новелл», относится «Повесть о Фроле Скобееве» и «Отрывок романа в стихах»; третья группа — повести Петровской эпохи, резко отличающиеся и по внешней форме, по языку, и по содержанию от повестей московских дореформенных, это — повести об Архилабоне, об Александре кавалере российском, о Василии матросе; в четвертую группу «любопытных только в литературном отношении, иллюстрирующих разные частные явления из истории романа и повести» попали все остальные повести)¹ и изложен взгляд на историю литературы (и русской повести в частности), как на отражение непрерывного хода развития духовной культуры, раскрытия реальной жизни человечества, обусловившее эволюцию апокрифа и легенды 1) через посредство духовных стихов к «Повести о Горе-Злочастьи» и 2) от апокрифического жития к сказанию и повести.² Анализируя взаимоотношения «Новгородских девушек святочного вечера» с «Повестью о Фроле Скобееве», В. В. Сиповский пришел к выводу, что, возможно, и остальные рассказы, входящие в сборник Новикова, — «такая же литературная обработка повестей, до нас не дошедших, подобно тому, как рассказ «Новгородских девушек святочный вечер» — есть обработка старой повести о Фроле».³

Как один из факторов возникновения чисто светской повести в XVII—XVIII вв., наряду с переломом в мировоззрении, В. В. Сиповский подчеркивал мощную струю переводных светских произведений, «быть может не без влияния которых русский книжник пойдет дальше в своем творчестве, откажется совершенно от религиозного колорита и попытается дать изображение русской действительности в оригинальной реальной повести о Фроле Скобееве».⁴

¹ «Русские повести XVII—XVIII вв.» под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского, СПб., 1905. стр. XXIX.

² Это мнение В. В. Сиповского вызвало возражение С. П. Розанова. См. рецензию: С. Розанов «Русские повести XVII—XVIII вв. под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского». «Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. Наук», т. IX (1904), кн. 4, стр. 366—379. В частности, по отношению к «Повести о Фроле Скобееве» нельзя указать предшествующую форму ни в апокрифическом житии, ни в легендарном сказании или духовном стихе.

³ В. В. Сиповский. «Русские повести XVII—XVIII вв.», стр. XLIX. Дальнейшие разыскания по этому пути сделаны были Н. Н. Кононовым и в результате их был прочитан им доклад в 1907 г. в Славянской комиссии Моск. Археол. общ. на тему: «Один из рукописных источников «Похождений Ивана Гостинного сына», в котором он приводит ряд тождественных по содержанию параллелей к отдельным рассказам «Похождений» из рукописных сборников: «Примеры и жарты XVIII в.» Погодинское собр. № 1777 и рукопись № 1628 Гос. Историч. музея. См. «Древности. Тр. Слав. ком. Моск. Археол. общ.», т. IV, 1907. Протоколы, стр. 45—46.

⁴ В. В. Сиповский. «Русские повести XVII—XVIII вв.», стр. XVII.

В предисловии к «Русским повестям XVII—XVIII вв.» затронут также и вопрос о том, действительно ли имело место событие, описываемое в «Повести о Фроле Скобееве» и насколько соответствуют исторической действительности имена действующих в ней лиц? В. В. Сиповский склонен видеть в Нардине-Нащекине ближнего сподвижника царя Алексея Михайловича боярина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащекина, «но он не был стольником»; стольник Ловчиков тоже не известен Сиповскому, так же как и имя Фрола Скобеева не попадалось ему в документах того времени. «Очевидно», заключает В. В. Сиповский, «фамилии общеизвестных современников взяты для того, чтобы придать произведению более правдоподобия».¹

Попытки вскрыть характер и степень иноземного влияния в отношении «Фрола Скобеева» до сих пор остаются единичными. Одна из таких попыток была сделана Ю. Яворским, который в 1907 г. писал в своем отчете Отделению русского языка и словесности Академии Наук: «мною найдены некоторые интересные историко-литературные данные, позволяющие заключать о том, что известная «Повесть о Фроле Скобееве» — не оригинальное русское произведение, а только, в лучшем случае, более или менее самостоятельная переделка итальянской новеллы о Гиневре и Диомеде, или какого-либо из позднейших литературных отражений последней. Выяснение и установление характера и степени этой несомненной зависимости русской повести от итальянской новеллы потребует, однако, еще много сравнительно-литературных разысканий и справок, без которых я пока и не решаюсь представлять свои, может быть, и скороспелые заключения на публичное рассмотрение».² Несколько лет спустя, на одном из последних заседаний Славянской комиссии Московского Археологического общества, проф. А. С. Орловым был прочитан реферат о популярном в начале XVIII в. переводном романе «о Петре Златых Ключах и о прекрасной Магилене», как имеющем ряд совпадений в фабуле рассказа с «Повестью о Фроле Скобееве».

По вопросу об историческом элементе в «Повести» больше положительных данных, по сравнению с работой В. В. Сиповского, удалось собрать Н. Н. Кононову, в 1911 г. выступившему с докладом о «Повести о Фроле Скобееве» в Славянской комиссии Московского Археологического общества.³

¹ Там же, стр. XLV.

² «Отчет Академии Наук по Отделению русского языка и словесности» за 1907 г., стр. 53—54.

³ «Древности. Тр. Слав. ком. Моск. Археол. общ.», т. V, 1911. Протоколы, стр. 6—7.

Следуя указанию «Повести» (по списку из собрания Титова № 2461) на 1680 г., как на возможное время происшествия, давшего сюжет для повести, Н. Н. Кононов нашел, что титулы современников полностью подтверждаются «Алфавитным указателем к боярским книгам» Иванова, где указаны два стольника Ордин-Нащекина (Василий Богданов был стольником с 1676 г. по 1686 г., а Лаврентий Богданов — с 1676 г. по 1692 г.) и два стольника Ловчикова (Иван Богданов — стольник с 1677 г. по 1682 г.; Степан Богданов — стольник с 1677 г., в 1682 г. был комнатным стольником и с 1683 г. по 1692 г. — думным дворянином).¹ Кроме того, по словам Н. Н. Кононова, В. О. Ключевский в своих лекциях отмечал, что в XVII в. в Новгородском уезде сидело целое гнездо мелкопоместных дворян Ордин-Нащекиных. Так как в «Повести о Фроле Скобееве» упоминаются вотчины Ордина-Нащекина в Симбирском у., то Н. Н. Кононов пытался разыскать их следы в переписных документах того времени, но безуспешно.² Пытаясь определить время написания «Повести», Н. Н. Кононов устанавливает следующие крайние пределы для ее появления: не ранее 1652 г., — на основании того, что город Симбирск отстроен в 1652 г., — и несколько раньше 1769 г., — первое упоминание о «Повести о Фроле Скобееве» в журнале «И то и сio». Уже, на основании языковых особенностей, — первая четверть XVIII в.

Несмотря на то, что «Повесть о Фроле Скобееве» всегда привлекала к себе внимание историков литературы, всестороннее исследование ее как со стороны стилистических ее особенностей, в широком смысле слова, так

¹ «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах». Под редакцией Иванова. М. 1853, стр. 234 и 307—308.

² Можно несколько дополнить разыскания В. В. Сиповского и Н. Н. Кононова и указать здесь, что, очевидно, те же стольники Ловчиковы упоминаются не раз и в переписке стольника А. И. Безобразова с его московскими приказчиками (70—80-е гг. XVII в.), так как «Андрей Ильич (Безобразов) в соперничестве со своими соседями, думными дворянами Иваном и Степаном Ловчиковыми, стремился овладеть берегом реки Оки» — А. А. Новосельский. «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.», ГИЗ. М.—Л. 1929, стр. 36. Да и фамилия героя «Скобеев» встречается, вопреки утверждению В. В. Сиповского, в словаре личных имен Тушикова (извлечено из писцовых книг Новгородской пятины, 1500 г., и из собрания государственных грамот и договоров, 1642 г.), где отмечена также и фамилия «Скоморохов» (из Актов Археограф. экспедиции, 1563 г.) соответствующая «Скомрахову» в одном из списков «Повести». — Н. М. Тушиков. «Словарь древнерусских личных собственных имен». СПб., 1903, стр. 747—748. Что касается самого увоза невесты обманом, под тем или иным предлогом, то еще в 1653 г. мы имеем дело об увозе царицыным именем девки Макрины из Вознесенского монастыря, будто бы для того, чтобы провести ее мимо царских палат на рассмотрение. На самом деле ее увезли прямо к венцу, и когда об этом узнала старица Евросинья, у которой она жила в монастыре, то было уже поздно. — И. Е. Забелин. «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII вв.». Изд. 3-е, М. 1901, стр. 450 и сл.

и идеологического ее содержания до сих пор не произведено, между тем как такое исследование должно так или иначе поставить ее в связь с общей историей русской литературы XVII—XVIII вв., в свою очередь обусловленной определенной экономической и социальной структурой русского общества того времени. В этом направлении мы имеем пока только единственную попытку П. Н. Сакулина приурочить смену литературных стилей в XVII—XVIII вв. к определенным ступеням культурного развития. Получается, по его мнению три слоя, «соответственно классовому членению страны». «Из них два продолжают традиции «литературной старины»: это — устная поэзия народных масс (все еще почти поголовно неграмотных) и литература грамотных, но малокультурных слоев, назовем последнюю условно мещанской литературой. Верхний этаж занят новой литературой... европейского стиля. именно стиля классицизма».¹ Самостоятельную русскую повесть П. Н. Сакулин прикрепляет к средним классам населения, причем здесь мы частью видим «продолжение литературного творчества в агнографическом стиле».² («Повесть о Савве Грудцыне»). Шагом вперед, по сравнению с остальной бытовой повестью, является «Повесть о Фроле Скобееве», причем, по мнению П. Н. Сакулина, шагом настолько большим, что он ее относит к верхнему слою литературы (с дворянством в качестве классового стержня) «связанному с теми общественными группами, которые в первом периоде были носителями высшей образованности».³ При этом сам автор делает оговорку, что в верхнем слое литературы форма бытового реализма очень быстро была вытеснена сильной струей европейского влияния, в результате которого появился сначала своеобразный стиль Петровской эпохи, а затем — стиль русского классицизма.⁴ «Повесть о Фроле Скобееве» не имеет на себе отражений ни того ни другого. Остается предположить, что, повидимому, ее литературная судьба в дальнейшем разошлась с литературой верхних слоев общества. Хотя, разбогатев, Фрол Скобеев и оставил свою профессию, хождение по приказным делам, как несоответствующую дворянскому достоинству, но не является ли герой повести представителем той новой классовой прослойки, которая появляется у нас

¹ П. Н. Сакулин. «Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Часть вторая. Новая литература», М. 1929, стр. 20.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 41. Сравни также P. Sakulin «Russische Literatur». Heft 3. «Handbuch der Literatur-Wissenschaft», herausgegeben von Oskar Walzel, Lieferung 122, S. 75: «Die «Historie von dem russischen Edelmann Frol Skobejew»... ist vielleicht Ende des 17 Jahrhunderts entstanden und wurde ursprünglich in den obersten Gesellschaftskreisen gelesen».

⁴ П. Н. Сакулин «Русская литература», стр. 41.

в конце XVII в. параллельно с ростом города и измельчением дворянских владений, когда обедневшие помещики-дворяне не гнушаются заняться хотя бы и приказными делами? Приблизительно в то же время, т. е. в 70—80-е годы XVII в., мы имеем свидетельство из переписки стольника Безобразова о некоем Калине Бахметеве «из дворян московских», который был своим человеком во дворе стольника и сам называл себя его «вскормленником». «Изволь, государь», просит московский приказчик Бахметева, «отписать грамоту к Калине Бахметеву, чтобы он пожаловал, в твоих делах вспоможение чинил; а итак, государь, по милости твоей Калина со мною все челобитные пишет».¹

Неизвестный автор «Повести» мог сам близко стоять к подобным «разночинцам», так как в изложении нет ни малейшего упрека Фролу Скобееву, а стольник Нардин-Нащекин оказывается в смешном положении и, не найдя выхода из него, вынужден «вора и плута» Скобеева признать своим родственником. Нельзя ли в данном случае говорить, если не об определенном «социальном заказе», вызвавшем появление повести, то о той или иной читательской среде, где бытовала «Повесть», так как ведь читатель зачастую являлся и переписчиком и автором, переписывая и внося свои изменения в первоначальный текст повести?

Вопрос о датировке «Повести» имеет поэтому немалое значение, так как, относя ее к тому или иному времени, к концу XVII в. или ко второй половине XVIII в., мы тем самым ставим ее в совершенно различную конкретную историческую обстановку. Между тем, как уже было упомянуто, исследователю придется здесь испытать немало затруднений, в силу того, что до нас повесть дошла лишь в списках конца XVIII в., содержание же и бытовые подробности рассказа относятся к концу XVII в., но автор говорит о событии и об обычаях того времени, как о чем-то в старину бывавшем («тогда все обычай имели быть в собрании на Ивановской площади...», «Имели в то время обычай те старые люди носить в руках трости...»), так что скорее можно предположить, что появление повести было отделено от события некоторым промежуточком времени. В списках повести, наряду со следами архаизма языка («по отшествии литургии», «стала в великом страхе», «не преслушала воли» и т. п.), изложение пестрит более поздними словами и оборотами речи, и прежде чем установить стилистические особенности, свойственные первоначальному тексту (сравни попытку Н. Н. Кононова датировать «Повесть», исходя из особенностей ее

¹ А. А. Новосельский. «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.», стр. 57—58.

языка. — «Древности. Труды Славянской комиссии Московск. Археологич. общ.», т. V. Протоколы, стр. 6—7), необходимо сопоставить все сохранившиеся тексты между собой, так как даже на их протяжении форма слов и терминология несколько меняется («девичий» и «девический», «учинить публику» и «учинить публикацию», «ходить за ябедою» и «ходить за ябедами», «клюшки натуральные» и «трости натуральные с клюшками» и т. п.). Поэтому неотложной задачей является издание «Повести о Фроле Скобееве» по всем известным в настоящее время спискам.

«Повесть о Фроле Скобееве» была, наконец, перепечатана А. И. Соболевским в 13-м издании (1916 г.) Христоматии Ф. И. Буслаева.

В заключение обзора истории изучения «Повести о Фроле Скобееве» нельзя не упомянуть о пособии Н. К. Пиксанова «Старорусская повесть. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования» (ГИЗ, М.—Л. 1923), где даны введение в историю русской повести, библиография повестей и темы для исследовательских работ.

II

Прежде чем перейти к характеристике отдельных списков, надо сказать несколько слов о существующих изданиях «Повести о Фроле Скобееве».

Как уже отмечалось выше (см. стр. 251), первое издание «Повести о Фроле Скобееве» появилось в 1853 г.¹ В 1852 г. И. Д. Беляев, при описании «Погодинского Древлехранилища», обнаружил список «Повести о Фроле Скобееве» и сообщил об этом Погодину, но последний в то же время получил из Новгорода от И. К. Куприянова копию той же повести в иной редакции² и в «Москвитяине» она была напечатана по копии Куприянова, как то и говорит М. П. Погодин в примечании к изданному тексту: «Эта старинная повесть найдена в прошлом году И. Д. Беляевым, при описании моих рукописей, поступивших в имп. Публичную библиотеку, в одном из сборников прошедшего столетия. Недавно прислал мне ее почтенный корреспондент Москвитянина, И. К. Куприянов, в новой копии, с коей она теперь и напечатана. Варианты приложатся после».³ К сожалению, мы не имеем возможности в настоящее время сопоставить изданный текст повести не только с рукописным подлинником (нет указаний хотя бы на место его хранения), но даже и с копией с него, так как копия, снятая Куприяновым, не сохранилась. Текст же напечатан с соблюдением орфо-

¹ «Москвитяин», 1853, кн. I, отд. IV, стр. 3—16.

² Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина». СПб. 1898, т. XII, стр. 276.

³ «Москвитяин», 1853, кн. I, отд. IV, стр. 3.

графии и системы знаков препинания, принятых в 1853 г. Приведенные в № 3 «Москвитянина» за 1853 г.¹ варианты из Погодинского списка (№ 1617) заставляют с еще бóльшей осторожностью подходить к вопросу о том, насколько точна передача оригинала, так как даже в пределах сопоставления напечатанных вариантов с Погодинской рукописью, обнаруживается целый ряд пропусков разночтений, а в отдельных случаях наблюдается и перефразировка текста. Напр.: вместо «а на Фрола Скобеева показала», — «а сама показала на Фрола»; вместо «Видишь они заочно» — «Видимо они заочно»; вместо «чтоб объявили» — «чтоб объяснили» и т. п. Это заставляет оставить в стороне издание «Москвитянина», как не удовлетворяющее современным научным требованиям. В 1861 г. небольшой отрывок из «Повести» был перепечатан, по изданию «Москвитянина» в «Исторической хрестоматии» Буслаева.²

Из других списков издан, дважды, список по рукописи из собрания Титова (№ 2461). В этом случае опять затруднение: имея целых два издания, мы не можем сличить их с рукописью, так как местонахождение ее в настоящее время не известно.³ Остается сопоставить их между собой. Оба они преследуют учебную цель, дать возможность познакомить учащихся с памятниками повествовательной литературы. Первое из них — «Русские повести XVII—XVIII вв.» под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского, где, в числе 14 повестей, находится и «Повесть о Фроле Скобееве.» С. П. Розанов⁴ ставит в упрек издателю передачу текста без отделения предлогов и союзов. Такие начертания как: «иноотшестви», «ксклонению» только затрудняют чтение и может быть не всегда соответствуют написанию подлинника, тем более, что Розанов, сличая текст повести о Горе-Злочастьи с фототипическим воспроизведением рукописи в издании Симони, нашел у Сиповского 25 случаев отступления от принятой им орфографии, когда он отделял союзы и предлоги там, где они в рукописи написаны слитно. Текст «Фрола Скобеева», повидимому, боль-

¹ «Москвитянин», 1853, кн. III, отд. VIII, стр. 81—82.

² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков, М. 1861, столб. 1439—1444.

³ Около 60% всех рукописей собрания А. А. Титова были переданы, частью в 1902 г., а частью в 1913 г., в Гос. Публ. библиотеку в Ленинграде. Переданные рукописи были описаны А. А. Титовым в его «Описании рукописей А. А. Титова», тт. I—V (№№ 1—1860) и в рукописном «Каталоге продолжения рукописей А. А. Титова», составленном П. В. Булычевым и хранящемся в Рукописном отделении Гос. Публ. библиотеки; шифры «Охранного каталога» были заменены соответственно новому описанию. Сборник № 2461 в Гос. Публ. библиотеку не поступал.

⁴ С. Розанов. «Русские повести XVII—XVIII вв. под ред. и с предисл. В. В. Сиповского». Изв. Отд. русск. яз. и словесности Акад. Наук, т. IX (1904 г.), кн. 4, стр. 370—371.

ших разночтений не имеет, только не везде поставлены в скобки ъ и з там, где они отсутствуют в рукописи, иногда наблюдается смешение их (напр., в середине слова «стольникъ» з вместо ъ, или «вѣдаетъ» вм. «вѣдаеть», «желашъ» вм. «желашь»). Второй раз «Повесть о Фроле Скобееве», по тому же списку Титова № 2461, была издана в «Библиотеке старорусских повестей» Б. И. Дунаевым, который, по мысли, кажется, П. Н. Сакулина, предпринял издание серии их. Но вышли в свет только пять книжек, в том числе четвертая по счету, в 1915 г., «История о российском дворянине Фроле Скобееве». Издание иллюстрированное и к нему приложена копия с первого листа рукописного текста. «Библиотека» задумана как пособие для изучения русской литературы в школе, поэтому в тексте «Повести» в нескольких местах — пропуски, правда, оговоренные в «Сведениях о материальной и технической стороне выпуска»,¹ где упомянуто также, что «текст «Истории» воспроизведен буква в букву», тогда как в издании разделены слитные написания предлогов и союзов, расставлены знаки препинания, раскрыты сокращения и недостающие глухие (з и ъ) заключены в скобки. В двух местах исправлены испорченные места рукописного текста, причем в подстрочных примечаниях приводится чтение подлинника. И у Сиповского и у Дунаева к «Повести о Фроле Скобееве» приложена перепечатка ее переделки — «Новгородских девушек святочный вечер».

В силу того, что наши книгохранилища более заботились о приобретении «старины», а не рукописей сравнительно позднего времени, XVII—XVIII вв., в них обнаружено было небольшое количество, — всего семь — списков «Повести о Фроле Скобееве» (причем два из них утеряны, а из пяти сохранившихся три не имеют конца).

Первый — в сборнике Московской Публичной библиотеки им. Ленина, из собрания Н. С. Тихонравова, № 486, XVIII в., 4^о, на 122 л.² Сборник содержит произведения светской литературы, преимущественно народной («Сказание о попе Савве», «Колязинская челобитная», «Повесть о масле-нице» и др.), оригинальные и переводные повести XVI—XVIII вв. («О Вавилонском царстве», «О видении царя Мамера», «О царице и лъвице», «О Брунцвике» и др.) и одно драматическое произведение («Акт Ливерский»). «Повесть о Фроле Скобрахове» занимает здесь лл. 33—47 и от остальных списков отличается тем, что в тексте фамилии действующих лиц: «Нардин-Цаплин» и «Скобрахов», вместо обычных: «Нардин-Нащекин» и «Скобеев». — Печатается полностью по рукописи.

¹ Б. И. Дунаев. «История о российском дворянине Фроле Скобееве», стр. 64—65.

² Г. П. Георгиевский. «Собрание Н. С. Тихонравова. I, Рукописи», М. 1913, стр. 88.

Второй — в сборнике Ленинградской Гос. Публ. библиотеки, из собрания М. П. Погодина, № 1617, XVIII в., 4°, 74 л.¹ Рукопись состоит из «Повести о Смутном времени», «О царице и львице», житий святых (Пантелеймона, Созонта и Евстигнея) и «Повести о Флоре Скобееве» (лл. 62—74). Приводится в вариантах к списку Тихонравовскому. В издании обозначен буквой П. (Погодинский).

Третий — в сборнике из собрания А. А. Титова, № 2461, XVIII в., 4°, на 168 л.² За исключением «Повести о Фроле Скобееве» сборник целиком составлен из переводных романов («О трех дамах и Фердинанде, короля английского после», «О Долторне и Елеоноре», «О Евдоне и Берфе», «Об английском графе Леандре и о маршальской дочери Лувизе»). Рукопись в настоящее время утрачена, и мы имеем только два издания этого списка «Повести о Фроле Скобееве».³ — Приводится в вариантах, по изданию В. В. Сиповского, к списку I. Обозначен буквой Т. (Титовский).

Четвертый — в рукописи Московской публичной библиотеки им. Ленина, из собрания В. М. Ундольского, № 945, первой половины XVIII в., 4°, 12 л.⁴ Список «Повести» не имеет конца и обрывается на эпизоде родительского прощания и благословения Аннушке и Фролу Скобееву. — Приводится в вариантах к списку I. Обозначен буквой У. (Ундольского).

Пятый — в рукописи библиотеки Всесоюзной Академии, по новой описи № 45.8.1, конца XVIII в., 4° 16 л.⁵ Конца повести недостает, рассказ доведен до передачи образа Аннушке и Фролу Скобееву. — Приводится в вариантах к списку I. Обозначен буквами Ак. (Академический).

Шестой — в сборнике Московского Гос. Исторического музея, из собрания И. Е. Забелина, № 536, XVIII в., 4°.⁶ Содержание сборника: светские повести оригинальные и переводные (в том числе «Об Аггее гор-

¹ А. Ф. Бычков. «Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библ.», ч. I, СПб. 1882, стр. 408—411. По словам составителя описания, по этому списку «Повесть» была издана в «Москвитянине» за 1853 г. № 1 (сравни выше об изданиях «Повести»).

² Охранный каталог рукописей А. А. Титова, вып. III, М. 1888, стр. 96.

³ Так как издание В. В. Сиповского («Русские повести XVII—XVIII вв.») более раннее, сделано тогда, когда сама рукопись была в лучшей сохранности, и более отвечает научным требованиям (отсутствие пропусков), то варианты Титовского списка в нашем издании приводятся по нему, и только в спорных случаях, где можно подозревать Сиповского в ошибке или опечатке, дается в скобках чтение Дунаева.

⁴ «Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского» Библиографический очерк А. Викторова. М. 1870, стр. 34.

⁵ Описание рукописного отделения библиотеки Всесоюзной Академии Наук (по карточному каталогу).

⁶ М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Приложение II. Отчет ГИМ, 1916—1925 гг., стр. 23.

дом», «О Соломоне», «О Петре Златых ключах», «Оттон и Олунда» — распространенная редакция «Повести о царице и львице», «Арзас и Размира», «Адольф Лапландийский» и др.), сатирические произведения («О попе Савве», «Об Ерше») и старинные записи былин. «Повесть о Фроле Скобееве» см. лл. 292—305 об.; конец ее утрачен, список обрывается на допросе Ловчиковым лакеев, ездивших с Ф. Скобеевым. Печатается по рукописи полностью, с сохранением диалектических особенностей текста.

Первые пять списков «Повести о Фроле Скобееве» дают довольно устойчивый текст. Особенно сближаются, с одной стороны, Погодинский и Академический, так что можно говорить об особой группе списков, с другой стороны — Ундольского и Титовский, их тоже можно объединить во вторую группу, причем вариант Погодинский — Академический остается кратким по сравнению со вторым. Но, несмотря на почти буквальное совпадение списков Погодинского и Академического, нельзя все-таки считать их непосредственно следующими друг за другом, — переписчик Академического списка имел перед собой какой-то неполный текст (не Погодинский), и оборванное изложение заканчивает традиционной концовкой: «молися тому образу помилует вас и спасет души ваши».

В группе Ундольский-Титовский есть ряд дополнений и вставок (тоже зачастую буквально совпадающих в обоих списках) и так как одновременно само построение речи изменяется в сторону большей сложности и вместо ряда отдельных фраз, сцепленных предлогом *и*, появляются подчиненные предложения, то это говорит за то, что здесь перед нами более поздний вариант. В обоих этих списках мы имеем дату: 1680 г. Возможно, что и необходимость указать год (самого происшествия или времени составления повести) появилась позднее, когда в подтверждение события надо было указать приблизительное время его.¹ Но так как, кроме добавлений общих со списком Ундольского, в Титовском списке есть еще одна крупная вставка (о том, как стольник Нардин-Нащекин ездил к государю просить прощения Фролу Скобееву), присущая только этому списку и поэтому представляющая, очевидно, позднейшее добавление, то список Титовский следует считать более поздним, чем рукопись Ундольского. Уже из сопоставления этих двух групп можно заключить, что литературная история «Повести о Фроле Скобееве» шла от краткого изложения в сторону все

¹ Очень мало убедительным поэтому является утверждение А. Н. Веселовского о написании повести в XVII в. (сравни выше, стр. 252), — свидетельство рукописного текста было бы доказательным и не случайным только в том случае, если бы подтверждалось большинством списков.

более подробного. Что касается списка Тихонравовского, он ближе к группе Академический—Погодинский. Сравнивая же все три полных списка (Тихонр., Погод. и Титовск.), мы видим, что концы их разнятся друг от друга: Тихонравовский ограничивается изложением события (Фрол Скобеев получил вотчины, поблагодарил и ушел); в Погодинском добавлено, что Нардин-Нащекин велел воротить его, дал денег на то, чтобы «справить вотчины за себя» и описано, как Фрол Скобеев стал жить после смерти Нардин-Нащекиных и что стало с его сестрой и с Аннушкиной мамкой; в Титовском списке тоже есть о возврате Фрола, о даче ему дополнительно денег, но нет ни слова о судьбе сестры и мамки, зато рассказ продолжен не только до смерти Нардин-Нащекиных, но до тех пор пока и сам Фрол Скобеев «наследников по себе оставя и умре». Принимая, в качестве рабочей гипотезы, движение от краткого варианта ко все более распространенному, — чем дальше от события, тем подробнее оно излагается, так как все менее живо становится воспоминание о нем, — следует Тихонравовскому списку отдать предпочтение как самому краткому и, следовательно, более раннему. Если же иная форма фамилий действующих лиц в нем не случайна и, возможно, в лице этого списка мы имеем представителя группы списков настолько близких к событию, что нужны были более далекие псевдонимы, и если более прозрачная переделка Ордин-Нащекина в Нардин-Нащекина стала возможна лишь позднее, то тем ценнее совпадения его со списками Погодинским и Академическим для восстановления первоначального текста.

В настоящем издании полностью печатается Тихонравовский список «Повести о Фроле Скобееве» и к нему даются разночтения Погодинского, Академического, Ундольского и Титовского (издание «Москвитянина» не включено). Рукопись же Забелина настолько своеобразна и разнится по стилю изложения, что ее можно рассматривать как более позднюю, распространенную редакцию «Повести», и текст ее тоже печатается полностью.

В текстах раскрыты сокращения, надстрочные знаки опущены в строку, система знаков препинания современная. Варианты даются только литературные, диалектические опускаются (в таких случаях оставляется написание основного текста).¹

¹ См. «Задачи и краткий очерк деятельности КПДЛ». Л. 1929.

III

ТЕКСТЫ ПОВЕСТИ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

1. ПОВЕСТЬ ПО РУКОПИСИ Н. С. ТИХОНРАВОВА № 486

Разночтения по рукописям: М. П. Погодина № 1617 (П.), Академии Наук СССР № 45. 8. 1 (Ак.), А. Титова № 2461 (Т.) и В. М. Уядольского № 945 (У.)

Гистория¹ о росьсіискомъ дворянине² Фроле³ Скомрахове.^{4,5}

⁶ В Новгородскомъ⁷ уезде имелся дворянинъ Фроль Скомраховъ.⁸ В том же Новгородскомъ⁹ уезде имелис вотчины столника Нардина¹⁰ Цаплина;¹¹ имелась¹² дочь¹³ Аннушка, которая¹⁴ жила в техъ¹⁵ Новгородскихъ¹⁶ вотчинахъ. И проведаль¹⁷ Фроль Скомраховъ¹⁸ о той столничей¹⁹ дочери²⁰ и²¹ взялъ²² себе намерение чтобъ²³ возыметь²⁴ любление²⁵ с тою²⁶ Аннушкою;²⁷ токмо не знаетъ чрезъ кого²⁸ получить²⁹ видеть³⁰ ее,³¹ одна-кожъ умыслилъ спознаться³² той ихъ³³ вотчины с прикащикомъ и³⁴ всегда ездилъ³⁵ в домъ того³⁶ прикащика. И по некоторому³⁷ делу³⁸ случилось³⁹ быть Фролу⁴⁰ Скомрахову⁴¹ у того прикащика в доме. И в то⁴² время пришла к тому⁴³ прикащику мамка дочери *⁴⁴ столника Нардина Цаплина.⁴⁵ И усмотрелъ⁴⁶ Фроль Скомраховъ,⁴⁷ что та мамка живетъ всегда при Аннушке; и какъ пошла та мамка от⁴⁸ прикащика к госпоже своей Аннушке, и⁴⁹ вышелъ⁵⁰ за нею Фроль Скомраховъ⁵¹ и подарилъ⁵² тое⁵³ мамку⁵⁴ двумя⁵⁵ рублевиками.⁵⁶ И та мамка объявила⁵⁷ ему: «господинъ Скомрахов,⁵⁸ не по

* так в рукоп.

¹ История Т. и П. ² новгородскомъ дворянине П. и Ак. ³ Фроль Ак. так и далее. ⁴ Скобеев Т. и П., Скобѣев У. и Ак. так и далее. ⁵ приб. столничей Нардина Нашекина Аннушки П., приб. і о столнической дочери столника Нардина Нашокина Аннушки Ак., приб. зело ко удивлению достойна и полезна к слушанію 1680 году на светъ произведена У. ⁶ приб. И Ак., приб. 1680 году Т. ⁷ Новгородском П. ⁸ Скобеевъ Т., П., Ак. и У., приб. и Ак. ⁹ Новгородском П. ¹⁰ Нардина У. так и далее. ¹¹ Нашекина Т. и У., Нашокина П. и Ак. так и далее. ¹² у того столника имѣлась Ак., и в тѣх вотчинахъ имѣлас Т., и в тѣх же вотчинахъ имелась У. ¹³ приб. ево Т. и У. ¹⁴ и Т. и У. ¹⁵ них Т. и У., проп. Ак. ¹⁶ Новгородских П. ¹⁷ проведас П., У. и Т. ¹⁸ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ¹⁹ ст(ол)нической Ак. ²⁰ приб. Анушки Ак. ²¹ проп. П. ²² взявъ Т. и Ак. ²³ проп. П. и Ак. ²⁴ возьмет П. ²⁵ любовь П., обязательную любо(вь) Ак. ²⁶ той Ак. ²⁷ Аннушкой П. ²⁸ проп. токмо не знаетъ чрезъ кого П. и Ак. ²⁹ получит Т. и У., проп. П. и Ак., приб. и П. и Ак. ³⁰ видит П. ³¹ приб. отца Ак. ³² опознатца Т. ³³ проп. Т., П., Ак. и У. ³⁴ приб. стал У. и Т. ³⁵ ездитъ У. и Т. ³⁶ ево Т. и У. ³⁷ некоторомъ Ак. и П., некоемъ Т. и У. ³⁸ времени Т., П., Ак. и У. ³⁹ случилось Ак. и П., случился Т. и У. ⁴⁰ Фрол Т. и У. ⁴¹ Скобееву П. и Ак., Скобеевъ Т. и У. ⁴² приб. же Т. и У., приб. жъ Ак. ⁴³ вм. к тому — у Ак. ⁴⁴ дочери Т., П., Ак. и У. ⁴⁵ Нашекина Т., У. и П., Нашоки Ак. (так в рукоп.) ⁴⁶ усмотря Т. ⁴⁷ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁴⁸ приб. того П. ⁴⁹ вм. и — тогда Т. и У. ⁵⁰ вышелъ Т. ⁵¹ Скобеевъ Т. и У., вм. вышелъ за нею Фроль Скомраховъ — Фроль Скобеевъ вышелъ за нею П. и Ак. ⁵² подари У. ⁵³ тою Ак., ту Т. ⁵⁴ мамка Ак. (так в рукоп.) ⁵⁵ двумя Т. ⁵⁶ рублями П. и Ак. ⁵⁷ сказала П. ⁵⁸ Скобеевъ Т., П., Ак. и У.

заслугамъ моимъ¹ ко мнѣ² милость казать изволишь, для того что³ моеи услуги к⁴ вамъ никакой не находитца». ⁵ Өроль Скомраховъ⁶ отдалъ оныя ⁷ денги той⁸ мамке⁹ и ¹⁰ пошелъ¹¹ от нее ¹² прочь, ни ничего^{*} ¹³ ей не объявилъ¹⁴ и мамка та¹⁵ пришла к госпоже своей, Аннушке и ¹⁶ ничего¹⁷ не объявила. И ¹⁸ Өроль Скомраховъ¹⁹ посидель²⁰ у того прикащика и поехалъ²¹ в домъ свои. И во время увеселительныхъ вечеровъ,²² которые бывають в веселость²³ девичеству,²⁴ называемые, по ихъ девичеству,²⁵ Святки,²⁶ и та²⁷ столника Нардина Цаплина²⁸ дочь²⁹ Аннушка приказала³⁰ мамке своей, чтобъ она ехала ко всемъ дворянамъ, которые в ³¹ близости³² той³³ вотчины³⁴ Нардина³⁵ Цаплина³⁶ имеютъ жительство,³⁷ которыхъ дворянъ имеютца дочерей^{*} ³⁸ девицы, чтобъ³⁹ техъ⁴⁰ ихъ⁴¹ дочерей⁴² просить к той⁴³ столничей⁴⁴ дочерей^{*} ⁴⁵ Аннушке для веселости на вечеринку.⁴⁶ И та мамка поехала и просила⁴⁷ всехъ дворянскихъ дочерей к госпоже своей Аннушке⁴⁸ и по тому⁴⁹ ее прошенію все⁵⁰ зобещали^{*} ⁵¹ быть.⁵² И та мамка ведаеть, что у Өрола Скомрахова⁵³ есть сестра девица. И приехала⁵⁴ та⁵⁵ мамка⁵⁶ в домъ Өрола Скомрахова⁵⁷ и ⁵⁸ просить⁵⁹ сестры⁶⁰ ево, чтобъ⁶¹ она⁶² пожаловала⁶³ в домъ дочери⁶⁴ столника Нардина Цаплина⁶⁵ Аннушки.⁶⁶ И ⁶⁷ та⁶⁸ сестра Өрола Скомрахова⁶⁹ объявила той⁷⁰ мамке: «пожалуй,⁷¹ подожди⁷²

** так в рукоп.*

¹ *вм.* заслугамъ моимъ — моимъ заслугамъ Т. и У. ² *вм.* ко мнѣ — такую Т. и У. ³ *вм.* для того что — то уже конечно Т., то ужъ конечн(о) У. ⁴ *проп.* Ак. ⁵ *приб.* И Т., П., Ак. и У. ⁶ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁷ *проп.* Т. и У. ⁸ *проп.* П. ⁹ мамѣ Ак., *проп.* П. *приб.* ничего с неі не говорил Т., *приб.* ничего с неі не говоря У., *приб.* и сказал: «то мнѣ сие ни во что» П. ¹⁰ *проп.* Т. и У. ¹¹ пошелъ Ак. ¹² неі У., ея Ак. ¹³ и вскоре П. и Ак. ¹⁴ *проп.* и ничего ей не объявилъ Т. и У. ¹⁵ *проп.* Т., *вм.* мамка та — та мамка Ак. ¹⁶ *проп.* П. и Ак., *приб.* пришелъ Т. и У. ¹⁷ *приб.* о томъ П., *приб.* жъ о томъ Ак. ¹⁸ А Ак. ¹⁹ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ²⁰ посидель У. ²¹ пошелъ Т. и У. ²² вечерковъ Ак. ²³ веселости П. ²⁴ девичеству П. (*так в рукоп.*) ²⁵ *приб.* званію П., *проп.* по ихъ девичеству Т. ²⁶ в велики Ак. (*так в рукоп.*) ²⁷ *приб.* дочь Т. и У. ²⁸ Нащюкина Т., Ак. и У., Нащюкину П. (*так в рукоп.*) ²⁹ *вм.* дочь — называемая Т. и У. ³⁰ приказывала Т. ³¹ во П. ³² близости в Ак. ³³ ихъ Т. и У. ³⁴ вотчинъ Т., вотчину У. (*так в рукоп.*) *приб.* столника П. и У. ³⁵ *проп.* Т., У. и Ак. ³⁶ Нащюкина П., *проп.* Т., У. и Ак. ³⁷ жительства Т., *приб.* и Т., П., Ак. и У. ³⁸ дочери Т., П. и Ак. ³⁹ что Ак. ⁴⁰ *проп.* Т. и У. ⁴¹ *проп.* П. и Ак. ⁴² *проп.* Т. и У. ⁴³ то Ак. (*так в рукоп.*), *проп.* Т. и У. ⁴⁴ столнической П. и Ак., *проп.* Т. и У. ⁴⁵ дочери П. и Ак., *проп.* Т. и У. ⁴⁶ вечеринку Ак. (*так в рукоп.*), *приб.* для веселости Т. ⁴⁷ *вм.* и просила — по Ак. ⁴⁸ *проп.* к госпоже своей Аннушке Ак. ⁴⁹ томъ У. и Ак., *приб.* по Ак. ⁵⁰ *приб.* дворянские дочери Ак. ⁵¹ обещали П., обещали Ак. ⁵² обещали все быть У., обещалися все быть Т. ⁵³ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁵⁴ поехала Т. ⁵⁵ *проп.* Т., П. и Ак. ⁵⁶ *проп.* Ак. ⁵⁷ Скобеева Т., П., Ак. и У. ⁵⁸ *проп.* Ак. ⁵⁹ просила П., прося Ак. ⁶⁰ сестру Т., П. и У. ⁶¹ чтобы Ак. ⁶² ина Ак. (*так в рукоп.*) ⁶³ *проп.* чтобъ она пожаловала Т. и У. ⁶⁴ *проп.* П. ⁶⁵ Нащюкина П. и Ак., *вм.* дочери столника Нардина Цаплина — госпожи своей У. и Т. ⁶⁶ Аннушке У., к Аннушке П. и Ак., *приб.* на вечеринку Т., *приб.* на вечерину У. ⁶⁷ *проп.* П. и Ак. ⁶⁸ то Ак. ⁶⁹ Скобеева П. и Ак., *вм.* Өрола Скомрахова — ево Т. и У. ⁷⁰ *проп.* Т. и У. ⁷¹ *проп.* П. и Ак. ⁷² пообожди Ак., пообождади П. (*так в рукоп.*)

малое время,¹—² скажу³ братцу⁴ моему;⁵ ежели⁶ прикажетъ⁷ ехать,⁸ то я⁹ вамъ с темъ¹⁰ объявлю». ¹¹ И какъ¹² пришла сестра¹³ Скомрахова¹⁴ к брату своему¹⁵ и объявила ему, что приехала к ней¹⁶ мамка¹⁷ от¹⁸ столничей¹⁹ дочери Нардина²⁰ Цаплина²¹ Аннушки «и просит меня, чтобъ²² я приехала²³ в домъ к нимъ». ²⁴ И Өроль Скомраховъ²⁵ сказалъ сестре своей: «поди и²⁶ скажи²⁷ той мамке, что ты будешь не одна,²⁸ некотораго²⁹ дворенина³⁰ з³¹ дочерью девицею». И та³² сестра Өрола Скомрахова³³ о томъ весма стала³⁴ думать,³⁵ что брат ей³⁶ повелель сказать,³⁷ однакожь не смела преслунать воли брата своего,³⁸ что³⁹ будетъ к⁴⁰ госпоже ее сеи вечер с некоторою дворянскою дочерью девицею.⁴¹ И та⁴² мамка поехала.⁴³ И Өроль Скомраховъ⁴⁴ сталъ говорить сестре своей: «ну, сестрица,⁴⁵ пора тебе убиратца и⁴⁶ ехать в гости». И⁴⁷ та⁴⁸ ево⁴⁹ сестра⁵⁰ какъ⁵¹ стала убиратца девичьимъ⁵² уборомъ,⁵³ и Өроль Скомраховъ⁵⁴ сказалъ сестре своей: ⁵⁵ «принеси, сестрица,⁵⁶ и мне девичей уборъ, уберусь⁵⁷ и я, и поедемъ вместе с тобою⁵⁸ ко⁵⁹ Аннушке столничей⁶⁰ дочери». *⁶¹ И та⁶² сестра ево весма⁶³ о томъ сокрушалас, понеже⁶⁴ что,⁶⁵ ежели признают брата ее,⁶⁶ то, конечно, быть⁶⁷ великой⁶⁸ беде,⁶⁹ понеже⁷⁰ столникъ тот⁷¹ Нардинъ⁷² Цаплинъ⁷³ весма⁷⁴ в⁷⁵ великой милости при царе былъ;⁷⁶ однакожь не

* так в рукоп.

¹ в м. малое время — маленько Т. и У. ² приб. я Т., У. и П., приб. а я Ак. ³ схожу Т., П., Ак. и У., приб. к Т., П. и Ак., приб. у У. ⁴ брату Т., братца У. ⁵ своему Т., Ак. и П., своего У., приб. и Ак., приб. доложу Т., приб. доложусь У. ⁶ приб. он Т. и У. ⁷ приб. мне П. и Ак. ⁸ проп. Т. и У. ⁹ к П., проп. Ак. ¹⁰ в м. с темъ — всѣм Ак. приб. и П., У. и Ак. ¹¹ объявил П. (так в рукоп.) ¹² проп. Ак. ¹³ проп. Ак., приб. Өрола П. ¹⁴ Скобеева П., проп. Т., У. и Ак. ¹⁵ в м. к брату своему — ко Өролу Скобееву Т. и У. ¹⁶ проп. к ней Т. и У. ¹⁷ приб. объявила Ак. ¹⁸ о П. ¹⁹ столической Ак. ²⁰ проп. Т. и У. ²¹ Нащюкина Ак. и П., проп. Т. и У. ²² чтобы Т. (у Дун. чтоб). ²³ приб. к ней У. и Т. ²⁴ приб. на вечеринку Т. и У. ²⁵ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ²⁶ проп. Т., Ак. и П. ²⁷ приб. сестрица Ак. ²⁸ приб. но будешь У., приб. но будетъ Т., приб. но с Ак. ²⁹ нѣкоторою Ак. ³⁰ дворянскою Ак. ³¹ проп. Ак. ³² проп. Ак. ³³ Скобеева П., в м. Өрола Скомрахова — ево Т., Ак. и У. ³⁴ проп. Т., в м. весма стала — стала весма У. ³⁵ думает Т. ³⁶ ея П. и Т. ³⁷ сказалъ Ак. ³⁸ приб. и сказала мамкѣ Ак., приб. и объявила той мамке по приказу брата своего У. ³⁹ приб. она Т., П., Ак. и У. ⁴⁰ проп. У. ⁴¹ проп. Т. и У. ⁴² проп. Ак. и П. ⁴³ приб. в дом к госпоже своей Аннушке П. и У., приб. в той (так в рукоп.) к госпоже своей Аннушкѣ Ак., приб. в дом госпожи своей Аннушке Т. ⁴⁴ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁴⁵ сестра Т., У. и Ак. ⁴⁶ проп. Т. и Ак. ⁴⁷ проп. Ак. ⁴⁸ проп. П. и Ак. ⁴⁹ проп. Ак. ⁵⁰ в м. ево сестра — сестра ево П. ⁵¹ проп. Т. ⁵² в девичей П. и Ак., девическим Т. ⁵³ уборъ П. и Ак. ⁵⁴ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁵⁵ проп. сестре своей Т. и У. ⁵⁶ сестра Т. ⁵⁷ уберуся П. и Ак. ⁵⁸ проп. с тобою Ак. ⁵⁹ к Т., П., Ак. и У. ⁶⁰ к столничей Т. ⁶¹ дочери П., Т. и У., проп. Ак. ⁶² проп. Ак. ⁶³ велми Т. ⁶⁴ потому Ак. ⁶⁵ проп. Т. ⁶⁶ в м. брата ее — его Т., У., П. и Ак. ⁶⁷ будетъ Т., Ак. и У. ⁶⁸ в великой У., великая Ак. ⁶⁹ буде У. (так в рукоп.), причина Ак., приб. братъ мой Т. и У., приб. брату моему П. и Ак. ⁷⁰ а Т. и У. ⁷¹ тот столник П. и Ак. ⁷² проп. Т. ⁷³ Нащюкин Т., П., Ак. и У. ⁷⁴ проп. Т. и Ак. ⁷⁵ проп. П. ⁷⁶ проп. Т. и У., находится П., в м. при царе былъ — находитца при царѣ Ак.

преслушала¹ воли брата своего, принесла² ему девичей уборъ. И Фроль Скомраховъ³ убр(а)лся*⁴ в девичей⁵ уборъ⁶ и поехал⁷ с сестрою⁸ своею⁹ в домъ столн(и)ка* Нардина Цаплина¹⁰ и¹¹ дочеріи¹² ево¹³ Аннушке. И¹⁴ собра(л)ись*¹⁵ много¹⁶ дворянских дочерей у той Аннушки,¹⁷ и Фроль(ъ)* Скомраховъ¹⁸ тут же в девичьемъ¹⁹ уборе,²⁰ и²¹ никто ев(о)* не можетъ признать.²² И стали все девицы веселитца разными играми и веселіями²³ долгое время. И²⁴ Фроль Скомраховъ²⁵ с ними жъ²⁶ веселитца²⁷ и признать²⁸ никто²⁹ не можетъ. И потомъ³⁰ Фроль Скомраховъ³¹ пожелаетъ³² итти³³ до нужника. И та мамка взяла свечу и пошла с нимъ до нужника.³⁴ И былъ³⁵ Фроль Скомраховъ³⁶ в нужнике³⁷ одинъ, а мамка стояла в севяхъ со свечею. И какъ вышелъ Фроль Скомраховъ³⁸ из нужника и сталъ³⁹ говорить⁴⁰ мамке: «какъ,⁴¹ матушка,⁴² много нашихъ сестръ⁴³ дворянских дочерей,⁴⁴ а⁴⁵ твоей⁴⁶ к намъ⁴⁷ услуги много,⁴⁸ а никто⁴⁹ не можетъ⁵⁰ тебя ничемъ⁵¹ подарить⁵² за услугу твою». ⁵³ И мамка не можетъ познать⁵⁴ что онъ⁵⁵ Фроль Скомраховъ.⁵⁶ Вынулъ⁵⁷ денѣгъ пять рублей⁵⁸ и⁵⁹ подарилъ тое⁶⁰ мамьку, и⁶¹ с великимъ принуждениемъ⁶² те⁶³ денги мамка⁶⁴ взяла.⁶⁵ И Фроль Скомраховъ⁶⁶ видитъ⁶⁷ то,⁶⁸ что признаетъ**⁶⁹ она

* текст в рукоп. попорчен ** так в рукоп.

¹ преслуша Т. ² принесли У. ³ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁴ убрався Т., Ак. и П
⁵ девичье Т. и У. ⁶ платие У. и Т., проп. в девичей уборъ Ак. ⁷ поехали У. и Т.
⁸ сестрой Ак., П. и У. ⁹ своей Ак., П. и У. ¹⁰ Нащокина Ак. и П., проп. в домъ столника
Нардина Цаплина Т. и У. ¹¹ к Т., П., Ак. и У. ¹² дочери П. и Ак. ¹³ ем. дочеріи
ево — столничье дочери Т. и У. ¹⁴ проп. П., приб. какъ приехали уже Т., ем. и — у которо
по приездѣ ихъ Ак. ¹⁵ собралось Ак. и П. ¹⁶ ем. собрались много — много собралос Т.
¹⁷ проп. у той Аннушки Ак., проп. И собрались много дворянских дочерей у той Аннушки У.
¹⁸ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ¹⁹ девическом У. ²⁰ платье Т. и У. ²¹ проп. Ак. ²² познать
Т. и У. ²³ веселили Т., У., П. и Ак. ²⁴ А Ак. и П. ²⁵ Скобеевъ Т., П., Ак. и У.
²⁶ же Т., П. и Ак. ²⁷ и веселился П. ²⁸ приб. ево Ак. и П. ²⁹ ем. признать никто —
никто его признать У., никто ево познат Т. ³⁰ ем. потомъ — пошелъ Ак. ³¹ Скобеевъ
Т., Ак. и У. ³² пожелал Т. и У. ³³ итти Т., проп. пожелаетъ ити Ак. ³⁴ проп. И та
мамка взяла свечу и пошла с нимъ до нужника Т., Ак. и У. ³⁵ проп. Ф. С. пожелаетъ ити
до нужника. И та мамка взяла свечу и пошла с нимъ до нужника. И былъ П. ³⁶ Скобеев П.,
ем. Фроль Скомраховъ — он У. и Т. ³⁷ ем. в нужнике — тут Т. и У., проп. И былъ Ф. С.
в нужнике Ак. ³⁸ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ³⁹ проп. и сталъ Ак. ⁴⁰ говорилъ Ак.
⁴¹ ах Т. и У. ⁴² мамушка П. и Ак., мои светъ мамушка У., моя свѣтъ мамушка Т.
⁴³ сестеръ П., сестлицъ Ак. (так в рукоп.) ⁴⁴ ем. дворянских дочерей — здесь У. и Т.
⁴⁵ и Т. и У. ⁴⁶ в той Ак. (так в рукоп.) ⁴⁷ ем. к намъ — ко всякой Т. и У. ⁴⁸ ем. много —
оказывается много жъ Ак. ⁴⁹ некоторая Т. и У. ⁵⁰ проп. не можетъ У., ем. не можетъ —
надеюс Т. ⁵¹ проп. Т. и У., приб. не Т. и У. ⁵² подарить У. и Т., ем. ничемъ подарить —
подарить ничемъ Ак. и П. ⁵³ проп. за услугу твою Т. и У. ⁵⁴ признать Ак., П., Т. и У.
⁵⁵ бы Ак. (так в рукоп.) ⁵⁶ Скобеевъ Т., П., Ак. и У., приб. И Ак., приб. И Фроль Скобеевъ
Т. и П., приб. И Фроль У. ⁵⁷ вынулъ Т. и П., приб. онъ Ак. ⁵⁸ ру. Т. ⁵⁹ проп. П. ⁶⁰ тою Ак.
и Т. (у Дун. тое) ⁶¹ проп. Ак., П., Т. и У., приб. мамка же Т. и У. ⁶² приб. и П. и Ак.
⁶³ онья Ак. ⁶⁴ проп. Т. и У. ⁶⁵ ем. те денги мамка взяла — взяла те денги Т. и У. ⁶⁶ Скобе-
евъ Т., П., Ак. и У. ⁶⁷ виновъ Ак. (так в рукоп.) ⁶⁸ проп. Т., П., Ак. и У. ⁶⁹ признать П.

ево¹ не можетъ, то² Эроль Скомраховъ³ палъ пред ногами⁴ мамке⁵ и объявилъ⁶ о⁷ себе,⁸ что онъ дворенин Эроль Скомраховъ⁹ и приехалъ в девичьемъ¹⁰ уборе¹¹ для Аннушки, чтобъ с нею иметь¹² обязательную любовь. И какъ усмотрела мамка, что онъ¹³ подлинно¹⁴ Эроль Скомраховъ,¹⁵ и стала в¹⁶ великомъ сумнени и не знаетъ, что с нимъ¹⁷ делать; однакожъ помянутые¹⁸ ево к себе¹⁹ подарки: ²⁰ «добро, господинъ Скомраховъ,²¹ за твою ко мне²² милость готова чинить все²³ твоеи воли». ²⁴ И пришла в²⁵ покои, гдѣ девицы веселятся, и никому о томъ не объявила.²⁶ И та мамка стала²⁷ говорить госпоже своей Аннушке: ²⁸ «полна,²⁹ девицы, веселится; ³⁰ я³¹ вамъ игру покажу³² старинную,³³ какъ мы³⁴ прежде сего от³⁵ девства³⁶ игрывали». ³⁷ И та³⁸ Аннушка не преслушела³⁹ воли мамки своей и стала⁴⁰ ей⁴¹ говорить: ⁴² «ну, матушка,⁴³ изволь,⁴⁴ какъ твоя воля на все наши⁴⁵ дев(и)чьи *⁴⁶ игры,⁴⁷ показат можешъ». ⁴⁸ И⁴⁹ она⁵⁰ имъ⁵¹ объявила⁵² игру: ⁵³ «изволь, госпожа⁵⁴ Аннушка, быть ты⁵⁵ невестою»,⁵⁶ — а на Эрולה Скомрахова⁵⁷ показала,⁵⁸ — «а⁵⁹ сия девица⁶⁰ быть **⁶¹ женихом». И повели⁶² ихъ в⁶³ особливья⁶⁴ светлицы⁶⁵ для опочивания,⁶⁶ по чину,⁶⁷ какъ водитца.⁶⁸ И все⁶⁹ девицы

* текст рукоп. попорчен. ** так в рукоп

¹ *вм.* признаеть она ево — мамка его признаеть У. и Т., мамка признаеть ево Ак. 2 и Т. и У., тол Ак. (*так в рукоп.*). ³ Скобеевъ П. и Ак., *проп.* Эроль Скомраховъ Т. и У. ⁴ *вм.* пред ногами — на ноги У., на колени Т., *приб.* тое Ак., *приб.* той П. ⁵ мамки Ак. и П., ея У. и Т. ⁶ *приб.* ей Т., П., Ак. и У. ⁷ об П. ⁸ *проп.* о себе Т. и У. ⁹ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ¹⁰ девическом П. и У. ¹¹ платье П. ¹² возымѣтъ Ак. ¹³ *проп.* П. ¹⁴ *вм.* онъ подлинно — подлинно он Ак. ¹⁵ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ¹⁶ *проп.* Ак. ¹⁷ *вм.* что с нимъ — с ним что П. ¹⁸ *проп.* Ак., памятуя Т., памятуя У. (*так в рукоп.*), помяну П., *приб.* за Ак. ¹⁹ неи Ак., *приб.* два многия Т., У. и П. ²⁰ *приб.* объявила ему Ак., *приб.* и рече Т. и У. ²¹ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ²² *проп.* ко мне У., *приб.* благосклонную Т. и У. ²³ *проп.* Т., У. и Ак., *приб.* по Т., П., Ак. и У. ²⁴ *вм.* твоеи воли — воли твоеи П., У. и Т., волѣ твоеи Ак., *приб.* всякое вспоможеніе Т. и У. ²⁵ *приб.* тѣ Ак. ²⁶ объявляла У. ²⁷ *вм.* та мамка стала — стала та мамка Т., П., Ак. и У. ²⁸ *приб.* и прочимъ дѣвицамъ Ак. ²⁹ полноте Т., П., Ак. и У. ³⁰ играть У. и Т. ³¹ и У. (*так в рукоп.*) ³² *вм.* игру покажу — объявлю игру Ак. и П., объявлю другую игру У., объявляю другую игру Т. ³³ *проп.* Т., П., Ак. и У. ³⁴ бы П. (*так в рукоп.*) ³⁵ о Ак. ³⁶ дѣтва Ак., депои П., *вм.* прѣдѣ сего от девства — смолоду Т., смолода У. ³⁷ играли Т., игры были П. ³⁸ *проп.* Ак. ³⁹ преслушна У. ⁴⁰ *проп.* А. ⁴¹ *проп.* Т. и У. ⁴² говорила Ак. ⁴³ мамка У., мамушка П. и Ак., матушка мамушка Т. ⁴⁴ *проп.* Т. и У. ⁴⁵ валпи У. (*так в рукоп.*) ⁴⁶ девицъ У. (*так в рукоп.*) ⁴⁷ *вм.* твоя воля на все наши девичьи игры — хочешъ играть Ак. ⁴⁸ *проп.* показат можешъ Т., П., Ак. и У. ⁴⁹ *проп.* Т. ⁵⁰ *проп.* Т., П., Ак. и У. ⁵¹ *проп.* Т. и У. ⁵² *вм.* имъ объявила — объявила имъ Ак. и П., *приб.* та мамка Т., У. и П., *приб.* мамка Ак. ⁵³ *приб.* им Т. и У. ⁵⁴ матушка Т. и У. ⁵⁵ *вм.* быть ты — ты быть У., ты будь Т. ⁵⁶ невестою Ак., Т. и У. ⁵⁷ Скобеева Т., П., Ак. и У. ⁵⁸ указала Т. и У. ⁵⁹ *проп.* П. и Ак. ⁶⁰ невеста Ак. ⁶¹ *проп.* Т. и У., будет П. и Ак. ⁶² повелѣ Т., повела У. ⁶³ во Т. и Ак. ⁶⁴ особливу П., особные Т., *приб.* покои Ак. ⁶⁵ светлицу П. ⁶⁶ почиву П. и Ак., почину Т. и У. ⁶⁷ *проп.* по чину Т., У., П. и Ак. ⁶⁸ *приб.* в свадьбе Т., П. и У., *приб.* въ свадьбахъ Ак. ⁶⁹ те Т. и У., вѣ Ак. (*так в рукоп.*)

пошли ихъ провожать до техъ покоевъ, и обратно пришли¹ в те² покои,³ в которыхъ прежде веселились,⁴ и та мамка велела темъ⁵ девицамъ громогласныя петь⁶ песни, чтобъ имъ крику от нихъ не слышать⁷ было.⁸ А сестра Фрола Скомрахова⁹ весма¹⁰ в печали великой,¹¹ сожелея брата своего, и надеитца,¹² что, уже¹³ конечно, будетъ причина.¹⁴ И Фроль Скомраховъ¹⁵ лежалъ¹⁶ со¹⁷ Аннушкой¹⁸ и объявилъ о¹⁹ себе,²⁰ что онъ Фроль Скомраховъ,²¹ а не девица.²² И Аннушка не ведаеть, что пред нимъ отвѣтствовать,²³ стала²⁴ в великомъ страхе. И Фроль²⁵ Скомраховъ,²⁶ не взирая ни²⁷ на какой²⁸ к²⁹ себе³⁰ страхъ,³¹ и³² ее девства растлилъ.³³ Потомъ просила та³⁴ Аннушка³⁵ того³⁶ Фрола Скомрахова,³⁷ чтобъ онъ не обнесъ ее³⁸ другимъ, оного содееннаго с нимъ слатколюбивого союза.³⁹ Потомъ мамка и всѣ девицы пришли в тотъ⁴⁰ покой, где они⁴¹ лежать.⁴² И Аннушка стала быть, от бывшаго естественнаго труда,⁴³ лицомъ⁴⁴ переменна,⁴⁵ и⁴⁶ девицы никто не может⁴⁷ признать Фрола Скомрахова,⁴⁸ для того, что⁴⁹ в девичьемъ⁵⁰ уборе.⁵¹ И та⁵² Аннушка никому о⁵³ томъ не объявила, толко взяла мамку⁵⁴ свою⁵⁵ за руку, и отвела от техъ девицъ,⁵⁶ и стала ей⁵⁷ искусно говорить.⁵⁸ «что ты, матушка,⁵⁹ надо мною⁶⁰ зделала! Вить⁶¹ ета⁶² не девица со мною была; он мужественной⁶³ человекъ, дворянинъ⁶⁴ Фроль Скомраховъ».⁶⁵ И та мамка ей объявила: «истинно, госпожа

1 пошли Т. 2 *см.* те — веселы Т. 3 *проп.* и обратно пришли в те покои У. 4 веселилас У. 5 *проп.* Т. и У. 6 *см.* громогласныя петь — пѣть громогласные Ак. и П. 7 слышитъ Ак. 8 быти П., *проп.* Ак. 9 Скобеева Т., П. и Ак., Скобѣевъ У. (*так в рукоп.*) 10 *приб.* была Т. и У. 11 *см.* печали великой — вѣликой печали Ак., *проп.* великой Т. и У., *приб.* пребывала П. и Ак. 12 чається Т. 13 *проп.* Т., П., Ак. и У. 14 *приб.* брату ея Ак. 15 Скобеевъ Т., П., Ак. и У. 16 лежа Т., П., Ак. и У. 17 с Т., П., Ак. и У. 18 *приб.* на кровати Ак. 19 *проп.* П. 20 себя П. 21 Скобеев Т., П., Ак. и У., *приб.* дворянин Новгородской Т. и У. 22 девка Т. 23 *проп.* не ведаеть, что пред нимъ отвѣтствовать П., *приб.* и Т. и У. 24 *приб.* быть У. и Т. 25 Фролко Т. и У. 26 Скобеев П. и Ак., *проп.* Т., *см.* Скомраховъ — брат У. 27 не Ак. 28 кой Ак. 29 *проп.* Т., П., Ак. и У. 30 *проп.* У. 31 *приб.* былъ очень отваженъ У. и Т. 32 *приб.* принужденіем Т. 33 *см.* ее девства растлилъ — растлилъ ея дѣвство Ак., разстлилъ ее девичество Т. и У. 34 *проп.* Ак. 35 *приб.* о прибавкѣ Ак. 36 *проп.* Т. и У. 37 Скобеева Т., П., Ак. и У. 38 *приб.* о томъ Ак. 39 *проп.* оного содееннаго с нимъ слатколюбивого союза Т., П., Ак. и У. 40 тѣ Ак. 41 онѣ Ак., она П. 42 лежали Т., У. и Ак., лежала П., *приб.* подняли ихъ Ак. 43 *проп.* от бывшаго естественнаго труда Т., П., Ак. и У., *приб.* в Т., П., Ак. и У. 44 лице Т., П., Ак. и У., *приб.* уже Ак. 45 переменна Т. и П., *приб.* от немалой трудности, которой еще отроду не видала Т. и У. 46 а П. и Ак. 47 могут Т., У. и П. 48 Скобеева Т., П., Ак. и У. 49 *приб.* он Ак. 50 девическом П. 51 *приб.* был Ак., *проп.* для того, что в девичьемъ уборе Т. и У. 52 *проп.* Ак. 53 об У. 54 *см.* взяла мамку — мамку взяла П. 55 *проп.* П. 56 *см.* от техъ девицъ — во особливую полату Т. и У. 57 *проп.* Т. и У. 58 *см.* искусно говорить — говорить искусно Т., П., Ак. и У. 59 *проп.* П. и Ак., *см.* матушка — проклятая Т. и У. 60 *приб.* такъ Ак. 61 *проп.* Т., П., Ак. и У. 62 то Ак. 63 мужественной У. (*так в рукоп.*), мужеской Ак. 64 *см.* дворянинъ — нашего города У., нашего града Т. 65 Скобеевъ Т., П., Ак. и У.

моя,¹ что² я³ не могла признать ево,⁴ думала жъ⁵ такая⁶ девица, как и⁷ прочие.⁸ И,⁹ когда он¹⁰ такую над тобою¹¹ учинилъ безделицу,¹² ведаешь¹³ что ты¹⁴ у насъ¹⁵ люди довольно¹⁶ и¹⁷ можемъ¹⁸ ево¹⁹ скрыть²⁰ в смертное²¹ место». И та²² Аннушка, сожелея того²³ Орола Скомрахова²⁴:²⁵ «ну, матушка,²⁶ быть такъ²⁷ — того²⁸ мне что было²⁹ не возвратить». И пошли³⁰ вс(е)* девицы в первой³¹ покой, и³² Аннушка³³ с ними жъ³⁴ и Ороль * Скомраховъ³⁵ в³⁶ девичьемъ³⁷ уборе,³⁸ и веселилис долгое время ночи. Потомъ все девицы стали иметь покой.³⁹ Аннушка⁴⁰ легла со Ороломъ Скомраховымъ.⁴¹ И наутрее *⁴² вставъ⁴³ все девицы⁴⁴ разъезжались⁴⁵ по домамъ⁴⁶ своимъ, такожъ и Ороль Скомраховъ⁴⁷ съ сестрою своею. И⁴⁸ Аннушка отпустила всехъ девиць, а Орола Скомрахова,⁴⁹ и съ сестрою ево,⁵⁰ оставила.⁵¹ И Ороль Скомраховъ⁵² былъ у Аннушке **⁵³ три дни⁵⁴ в девичьемъ⁵⁵ уборе, чтобъ ево⁵⁶ не признали⁵⁷ служители того дому,⁵⁸ и веселился⁵⁹ со⁶⁰ Аннушкою. И, по⁶¹ прошествии трехъ дней,⁶² Ороль Скомраховъ⁶³ поехалъ в домъ свои,

* текст в рукоп. попорчен ** так в рукоп.

¹ *вм.* госпожа моя — милостивая государыня Т. и У. ² *проп.* Т. и У. ³ *проп.* Т., У. и П., *приб.* никакъ У. и Т., *приб.* не знала и сама Ак. ⁴ *проп.* Т. и У., *вм.* не могла признать ево — ево признать не могла Ак., *приб.* и Т. и У. ⁵ *проп.* Т., П., Ак. и У., *приб.* что он Т. и У., *приб.* что она П. и Ак. ⁶ таковая Т., *приб.* ж Т. и У., *приб.* же П. и Ак. ⁷ *проп.* Ак. ⁸ *проп.* какъ и прочие Т. и У. ⁹ А Т., П., Ак. и У. ¹⁰ *приб.* вамъ, матушка Ак. ¹¹ *проп.* над тобою Т., П., Ак. и У. ¹² *вм.* учинилъ безделицу — безделицу учинил П. и Ак., пакость учинил Т. и У. ¹³ *вм.* ведаешь — изволишь вѣдать Ак. ¹⁴ *проп.* П. и Ак., *проп.* ведаешь что ты Т. и У., *приб.* и У. ¹⁵ *приб.* есть Ак. ¹⁶ много Т. и П. ¹⁷ *проп.* Т., П., У. и Ак. ¹⁸ може У. (*так в рукоп.*) ¹⁹ *приб.* вовсе Т. и У. ²⁰ укрыт Т., *приб.* и Ак. ²¹ тайное У. и Т. ²² *вм.* И та — На что Ак. ²³ ево Т. и У., *проп.* Ак. ²⁴ Скобеева Т., П., У. и Ак. ²⁵ *приб.* отвѣствовала Ак., *приб.* понеже он тот час вложил жалость в сердце еѣ, как с нею лежал во особливой подате, и рече Т. и У. ²⁶ мамушка Т., П., У. и Ак., *приб.* уже Т., П., У. и Ак. ²⁷ *вм.* быть такъ — такъ тому быть Ак. ²⁸ то Ак., *приб.* уже У. ²⁹ *проп.* что было Т., П., У. и Ак. ³⁰ пришли Ак. ³¹ пировой П., пировыя Ак., веселой Т. и У. ³² с Ак., *проп.* П. ³³ Аннушкою Ак., *проп.* и Аннушка Т. и У. ³⁴ же П. и Ак. ³⁵ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ³⁶ *приб.* том же П. ³⁷ девическом П. ³⁸ покое У. (*так в рукоп.*) ³⁹ *приб.* а Т. и У. ⁴⁰ *приб.* ужъ Ак. ⁴¹ Скобеевым Т. и Ак., *проп.* У., *приб.* а сама рекла: «лутче сеи девицы не избрала себе спат в таварыщи». И веселились чрезъ всю ночь телесными забавами. Уже тако жалость вселилас в сердце Аннушкино, что великою нуждою отстала от Орола Скобеева. Т., *приб.* а сама рекла: «лутче сия девицы не избрала себѣ спат в таварыщи». И веселилас чрезъ всю ночь телесными забавами. Уж такая жалость вселилас в сердце Аннушкино, что с великою нуждою отстала от Орола Скобѣева. У. ⁴² наутрие Т. и У., наутрѣ Ак. ⁴³ встали Ак. ⁴⁴ *приб.* отдалі благодарение Аннушкѣ за доброе еѣ угощение и Т. и У., *проп.* иметь покой. Аннушка легла со О. С. И наутрее вставъ все девицы П. ⁴⁵ разъезжатыя П. и Ак., поехали У. и Т. ⁴⁶ потомъ Ак. (*так в рукоп.*) ⁴⁷ Скобеевъ Т., П., Ак. и У., *приб.* и П. и Ак., *приб.* поехал Т. и У. ⁴⁸ Но Т. и У., *проп.* П. ⁴⁹ Скобеева Т., П., У. и Ак. ⁵⁰ свою Т., *приб.* у себя Ак. ⁵¹ *приб.* у себя Т. и У. ⁵² Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ⁵³ Аннушки Т., П., У. и Ак., *приб.* послѣ разъезду дѣвиць и с сѣстрою своею Ак. ⁵⁴ *приб.* все Т. и У. ⁵⁵ девическом У. ⁵⁶ *проп.* Т. ⁵⁷ *вм.* ево не признали — не признали ево П., Ак. и У. ⁵⁸ *вм.* того дому — дому того П., У. и Ак., дома того Т. ⁵⁹ веселились Ак. и П., веселилися У., *приб.* все Т., П., У. и Ак. ⁶⁰ с Т. и Ак. ⁶¹ *проп.* Ак. ⁶² днех У. ⁶³ Скобеев П. и Ак., *проп.* Ороль Скомраховъ Т. и У.

и съ сестрою своею; и Аннушка подарила¹ Фрола Скобрахова² денгами.³ И Фроль Скобраховъ,⁴ приехалъ в домъ свой, весьма радовался⁵ и делалъ банкеты и веселился⁶ с протчими⁷ своею⁸ братиею⁹ дворя(н)ами*.¹⁰ И¹¹ прислалъ¹² из Москвы¹³ столникъ Нардинъ Цаллинъ¹⁴ в вотчину свою¹⁵ к дочери своей Аннушке,¹⁶ чтоб она ехала¹⁷ в Москву, для того, что сватаютца к ней¹⁸ женихи¹⁹ столничьи²⁰ дети. И Аннушка не преслушала²¹ воли родителя²² своего, собравшись,²³ и²⁴ поехала вскоре²⁵ в²⁶ Москву.²⁷ Потомъ проведаль²⁸ Фроль Скобраховъ,²⁹ что Аннушка поехала³⁰ в Москву, и сталъ в великомъ сумнени, не ведаеть³¹ что делать, для того, что он³² дворянинъ небогатой,³³ а³⁴ имель³⁵ более себе³⁶ пропитание,³⁷ — всегда ходить³⁸ в Москве повереннымъ за³⁹ делами.⁴⁰ И взялъ себе намерение,⁴¹ чтобъ имеющияся у него пустоши заложить и ехать в Москву, чтобъ,⁴² какъ можно,⁴³ достать Аннушку⁴⁴ себе в жену.⁴⁵ Потомъ⁴⁶ Фроль Скобраховъ⁴⁷ сталъ⁴⁸ отпралятьца в Москву, а сестра ево⁴⁹ о томъ⁵⁰ весьма⁵¹ соболезнуетъ,⁵² о⁵³ отлучении ево.⁵⁴ И⁵⁴ Фроль Скобраховъ⁵⁵ сказалъ сестре своей:⁵⁶ «ну,⁵⁷ сестрица,⁵⁸ не тужи⁵⁹ не⁶⁰ о⁶¹ чемъ; хотя⁶² животь своя*)⁶³ утрачу,⁶⁴

* так в рукоп.

¹ подарил У. ² Скобеева Т., П., У. и Ак., *приб.* на дорогу Ак. ³ денгима Ак., *проп.* Т. и У., *приб.* 300 рублей П. и Ак., *приб.* несколько червонных У. и Т. ⁴ Скобеев П. и Ак. ⁵ *вм.* радовался — рад бысть П., *вм.* весьма радовался — в великой радости Ак., *вм.* Ф. С. приехалъ в домъ свой весьма радовался — с того времени голца Скобеевъ разжился (у Дун. розжился) и стал жит роскочна (у Дун. роскочно) Т. и У. ⁶ *проп.* и веселился Т. и У. ⁷ протчею Т., П., У. и Ак. ⁸ *проп.* У. ⁹ братию П., Ак. и У. ¹⁰ дворяны Т., У. и Ак., дворян П. ¹¹ Потом Т. и У. ¹² пишет П., Т., У. и Ак., *приб.* отецъ еѣ Т. ¹³ *приб.* отецъ ея Ак. и П., *приб.* отецъ Аннушкин У., *приб.* Аннушке Т. ¹⁴ Нащекин Т., П., У. и Ак. ¹⁵ *проп.* П. *проп.* в вотчину свою У. ¹⁶ *проп.* в вотчину свою к дочери своей Аннушке Т., *приб.* с тѣмъ Ак. ¹⁷ *приб.* немедленно Т. и У. ¹⁸ *приб.* хорошие Т. ¹⁹ *приб.* хорошия Т. ²⁰ столнически Ак. ²¹ *вм.* не преслушала — хотя с великою неволю не хотя преслушать Т. и У. ²² отца Т. и У. ²³ *проп.* Т. и У., *вм.* собравшись — собрався вскоре П. и Ак. ²⁴ *проп.* Т. и У. ²⁵ *проп.* Т., П., У. и Ак. ²⁶ к Т., П. и У. ²⁷ Москве Т., П. и У. ²⁸ проведаль У. и Т. ²⁹ Скобеев Т., П., У. и Ак. ³⁰ уехала Т., П., У. и Ак. ³¹ знаетъ Т. и У. ³² *проп.* Т. и У. ³³ небогатъ У. ³⁴ и Т. и У. ³⁵ имѣет Т. ³⁶ *проп.* более себе Т. и У., *вм.* более себе — себе более П. и Ак. ³⁷ *приб.* что Т. и У. ³⁸ ходить У. и Ак., ходит Т. и П. ³⁹ з П., *приб.* приказныма Ак. (*так в рукоп.*) ⁴⁰ *вм.* повереннымъ за делами — за делами поверенным Т., за делами поверенныи У. ⁴¹ намерения У. ⁴² *проп.* Т. и У., *проп.* чтобъ имеющияся у него пустоши заложить и ехать в Москву, чтобъ П. и Ак. ⁴³ *проп.* Ак., *вм.* можно — бы Т. и У. ⁴⁴ *вм.* достать Аннушку — Аннушку досталь У., Ак., Т. и П. ⁴⁵ жены Ак., *приб.* что и учинилъ Т., *приб.* чтоб и учинил У. ⁴⁶ *приб.* же и Ак. ⁴⁷ Скобеев П. и Ак. ⁴⁸ *вм.* Фроль Скобраховъ сталъ — стал Фроль Скобеевъ Т. и У. ⁴⁹ об Т. ⁵⁰ *проп.* о томъ Ак. ⁵¹ *вм.* о томъ весьма — весьма о том П., весьма об томъ У. ⁵² об П. ⁵³ *вм.* соболезнуетъ отлучени ево — об отлучение ево соболѣзнуетъ Ак., *вм.* о отлучени ево — что конечно будет в какой причини Т. и У. ⁵⁴ *проп.* П. ⁵⁵ Скобеевъ Т., П., У. и Ак., *приб.* стал прощатся и Т. и У. ⁵⁶ *проп.* сестре своей Т. и У. ⁵⁷ *приб.* матушка Т. и У. ⁵⁸ *приб.* пожалуй Т. и У. ⁵⁹ туже У. (*так в рукоп.*) ⁶⁰ ни П. и Т. ⁶¹ об Т. и У. ⁶² *приб.* и Т. и У. ⁶³ свои П., У. и Ак., мой Т. ⁶⁴ *приб.* по техъ мѣсть и жизнь моя кончается Т., *приб.* по техъ мѣсть и жизнь моя кончина У.

а от¹ Аннушки не отстану,² либо³ буду⁴ полковникъ, или буду⁵ покойникъ.⁶ Ежели⁷ что зделаетца по намеренню моему,⁸ и тебя не оставлю; а буде зделаетца⁹ несчастье мне,¹⁰ то поминаи брата своего»;¹¹ убрався¹² и¹³ поехалъ в Москву. И приехал¹⁴ Ороль Скомраховъ¹⁵ в Москву и¹⁶ сталъ на квартире¹⁷ близъ двора¹⁸ столника Нардина Цаплина.¹⁹ И на другои день Ороль Скомраховъ²⁰ пошелъ²¹ к обедне и увиделъ в церкви мамку, которая была при Аннушке.²² И²³ по отшестви литургіи вышелъ Ороль Скомраховъ²⁴ из церкви и стал ждать тое²⁵ мамку. И какъ вышла та²⁶ мамка ис церкви, и²⁷ Ороль Скомраховъ²⁸ подошелъ²⁹ к той³⁰ мамке, и³¹ отдал ей³² поклонъ, и³³ просилъ ее, чтобъ³⁴ объявила об³⁵ немъ Аннушке,³⁶ о приезде Фрола³⁷ Скомрахова.³⁸ И Аннушка о³⁹ томъ⁴⁰ весма⁴¹ стала радошна,⁴² и⁴³ проситъ⁴⁴ мамку свою, чтобъ она⁴⁵ завтрешняи день пошла к обедне, и взяла бъ⁴⁶ съ собою⁴⁷ денегъ дватцеть⁴⁸ рублевъ,⁴⁹ и отдала бъ⁵⁰ Оролу Скомрахову.⁵¹ И⁵² мамка⁵³ то⁵⁴ учинила все повеление⁵⁵ Аннушкино.⁵⁶ И⁵⁷ у того⁵⁸ столника Нардина Цаплина⁵⁹ имелась сестра, пострижена в Девичьемъ монастыре. И тотъ столникъ приехалъ⁶⁰ к сестре своей в монастырь;⁶¹ и⁶² сестра ево встретила⁶³ по чести брата своего. И сидельъ⁶⁴ столникъ⁶⁵ Нардинъ

¹ *вм.* а от — а от ат Ак. (*так в рукоп.*) ² стану Ак. (*так в рукоп.*) ³ или Т. и У., *приб.* сестрица Ак. ⁴ *приб.* я Ак. ⁵ *проп.* Т., П. и У., *вм.* буду — здѣлаюся Ак. ⁶ *приб.* А Т. и Ак. ⁷ *проп.* Ак. ⁸ *приб.* то Т., П., У. и Ак. ⁹ учинится Ак. ¹⁰ *проп.* Т., П. У. и Ак. ¹¹ *приб.* Фрола Скобѣева Ак., *вм.* поминаи брата своего — прошу не позабыт меня поминovenнем Т., прошу не забыть меня поминovenнемъ У., *приб.* и Т. и У., *приб.* и тако Ак. ¹² *вм.* убрався — простясь Т. и У. ¹³ *проп.* Т., У. и Ак. ¹⁴ *вм.* приехалъ — по приезде Т. ¹⁵ Скобеев П. и Ак., *проп.* Ороль Скомраховъ Т. ¹⁶ *проп.* Ороль Скомраховъ в Москву и У. ¹⁷ кварѣтѣру Ак. ¹⁸ *приб.* того Ак. ¹⁹ Нащекина Т., П., У. и Ак. ²⁰ Скобеев П. ²¹ *вм.* Ороль Скомраховъ пошелъ — пошел Орол Скобеевъ Т. и У., пошелъ тотъ Фроль Скобѣевъ Ак. ²² *вм.* которая была при Аннушке — Аннушкину Т. и У. ²³ *проп.* Ак. ²⁴ Скобеевъ Т., П. и У. ²⁵ тою Т. (у Дун. тое), *проп.* П. ²⁶ *проп.* П. ²⁷ *проп.* вышелъ О. С. из церкви и стал ждать тое мамку. И какъ вышла та мамка ис церкви и Ак. ²⁸ Скобеев П. ²⁹ *вм.* Ороль Скомраховъ подошелъ — подшелъ Ороль Скобеевъ Т., подошелъ Орол Скобѣевъ У., подошелъ Ороль Скобѣевъ Ак. ³⁰ *проп.* П. ³¹ *проп.* Ак. ³² еѣ Т., *приб.* учтивои Ак. ³³ *приб.* притомъ Ак. ³⁴ *приб.* она Т., П., У. и Ак. ³⁵ о Ак. ³⁶ *приб.* И она ему обещалас всякое добро делат (у Дун. дѣлат), и пришед мамка домоі, и объявила Аннушкѣ Т. и У., *приб.* И какъ мамка пришла в дом, то объявила Аннушке П., *приб.* И мамка пришла в домъ свои и объявила Аннушкѣ Ак. ³⁷ Фромъ Ак. (*так в рукоп.*) ³⁸ Скобеева Т., П., У. и Ак. ³⁹ на П. ⁴⁰ то П., *проп.* о томъ Т. и У. ⁴¹ *проп.* П., Т. и У. ⁴² *вм.* радошна — в радости великои П., в великои радости Ак., *вм.* стала радошна — в великоі стала быть радости У. и Т. ⁴³ *проп.* Ак. ⁴⁴ просила П., Ак. и Т. (у Дун. просит). ⁴⁵ *приб.* в Ак. ⁴⁶ *проп.* Ак. ⁴⁷ *проп.* съ собою Т. и У. ⁴⁸ 20 Т. и У., 200 П. и Ак. ⁴⁹ ру. Т. и П., р. У. ⁵⁰ *приб.* П., *приб.* оныи денги Ак. ⁵¹ Скобееву Т., П. и У., Скоеву Ак. (*так в рукоп.*) ⁵² что Ак. ⁵³ *проп.* И мамка П. ⁵⁴ и Ак. ⁵⁵ *вм.* все повеление — по воли ея У., П. и Т., по воли Ак. ⁵⁶ Аннушки Т. и У., *проп.* П., *вм.* Аннушкино — госпожи своей Ак. ⁵⁷ *проп.* Т. и У. ⁵⁸ оного Т. и У. ⁵⁹ Нащекина Т., П., У. и Ак. ⁶⁰ поехал Т. и У. ⁶¹ *проп.* в монастырь Ак., *приб.* гуяат, и какъ приехал Т. и У. ⁶² то Т. и У. ⁶³ стретила П. и Ак. ⁶⁴ *проп.* Ак. и П. ⁶⁵ *вм.* сидельъ столникъ — тот столникъ сидел Т. и У.

Цаплин¹ у сестры своей² долгое³ время, и много⁴ имели⁵ разговоры⁶; и⁷ сестра она⁸ просила⁹ брата своего,¹⁰ чтоб¹¹ отпустил к ней в монастырь для свидания¹² дочь свою Анну,¹³ а ея племянницу, для того,¹⁴ что¹⁵ она с нею многа¹⁶ время не видалас:¹⁷ «государь братецъ, что ты забудешъ меня, но я к ней пришло корету;¹⁸ изволь приказать в доме своемъ, хотя и¹⁹ когда и²⁰ в небытность твою дома,²¹ пришло²² по нее²³ корету и²⁴ возникы²⁵, чтоб²⁶ ты приказалъ ей ехать ко мне и без себя».²⁶ И случилось²⁷ по некоторому времени²⁸ тому столнику Нардину Цаплину²⁹ уехать³⁰ в гости, и³¹ з женою своею, и приказываетъ дочери своей:³² «ежели пришетъ по тебя из монастыря³³ сестра моя³⁴ корету и³⁵ возникы³⁶, то ты поезжай к ней».³⁷ И приказавъ³⁸ поехалъ³⁹ в гости.⁴⁰ И по отезде отца своего⁴¹ Аннушка проситъ⁴² мамку⁴³ свою,⁴⁴ чтоб⁴⁵ она⁴⁶ какъ мнози *⁴⁷

* так в рукоп.

¹ Нашекинъ П. и Ак., проп. Нардинъ Цаплинъ Т. и У. ² своя П., приб. был Ак. и П. ³ немалое Т. и У. ⁴ проп. Т. и У. ⁵ имелис Т., приб. между собою Ак. ⁶ разговоры Т. и У. ⁷ проп. Т., П., У. и Ак., приб. потом П. и Ак., приб. промежъ которыхъ Т. и У. ⁸ ево П. и Ак., проп. Т. и У. ⁹ ем. сестра оная просила — просила сестра Т. и У. ¹⁰ приб. покорно П. ¹¹ приб. ояъ П. и Ак. ¹² проп. к ней в монастырь для свидания Ак. ¹³ Аннушку П. и Ак. ¹⁴ чего П. ¹⁵ проп. П. ¹⁶ многое П., долгое Ак. ¹⁷ видалисъ Ак., ем. чтобъ отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Анну, а ея племянницу, для того, что она с нею многа время не видалас — «покорно вас, государь мой братецъ, прошу! Пожалуй отпусти любезную свою дочь Аннушку для свидания со мною, понеже многия годы не видала еъ». Т. «покорно васъ, государь мой братецъ, прошу! Отпусти любезную свою дочь Аннушку для свидания со мною, понеже многия годы не видала ея». У., приб. И столник Нардинъ Нашекинъ обещал к ней отпустит. И просила ево П., приб. Стольник Нардинъ Нашекинъ обещалъ к ней отпустить дочь свою Аннушку, на что сестра ево объявила ему Ак., приб. И столник Нардин Нашекин обещал еи дочь свою отпустит. И сестра рече Т. и У. ¹⁸ ем. «государь братецъ, что ты забудешъ меня, но я к ней пришло корету» — «нетъ братъ, ты забудешъ, прашу тебя» Ак., «не надеюсь, государь братецъ, чтоб сие для меня учинил: или забудешъ. Токмо покорно прошу» Т., «не надеюсь, государь братецъ, чтоб сие ты дѣяниемъ учинил, или забудешъ. Токмо покорно прошу» У. ¹⁹ проп. государь братецъ, что ты забудешъ меня, но я к ней пришло корету; изволь приказать в доме своемъ, хотя и П. ²⁰ я Ак. ²¹ приб. отпустить ея ²² Ак. приб. я Ак. и П. ²³ ея П., проп. по нее Ак. ²⁴ приб. с Ак. ²⁵ возникыма Ак. (так в рукоп.), ем. когда и в небытность твою дома пришло по нее корету и возникы — когда пришло я по ъе корету и возникы, хотя и в небытность вашу дома Т., когда я пришло по нея корету и возникы, хотя и не в бытность вашу дома У. ²⁶ проп. и без себя Ак., ем. чтобъ ты приказалъ ей ехать ко мне и без себя — чтоб ея ко мне отпустили У. и Т., приб. И брат еи Нардин Нашекин обещался то для прозбы еъ учинит. Т., приб. И братъ ея Нардинъ Нашекинъ обещал то для ея прозбы учинить. У. ²⁷ случится П. ²⁸ ем. случилось по некоторому времени — по некотором времени случися Т., по некоторому времени случилось У. ²⁹ Нашекину Т., П., У. и Ак. ³⁰ ехать Ак., У., Т. и П. ³¹ проп. П. ³² приб. слушай, мой другъ Аннушка Т. и У. ³³ Москвы П. (так в рукоп.) ³⁴ проп. П. и Ак., приб. а твоя тетка Т., П. и У. ³⁵ проп. Т., приб. с Т., П., Ак. и У. ³⁶ возникыма П., У. и Т., возникыма Ак. (так в рукоп.) ³⁷ приб. не умедла Т. и У., приб. и без меня Ак. ³⁸ ем. И приказавъ — А самъ Т., П., У. и Ак. ³⁹ и похалъ Ак. (так в рукоп.) ⁴⁰ приб. и з женою своею Т. и У. ⁴¹ проп. по отезде отца своего Т., П., У. и Ак. ⁴² просила П., просима Ак. (так в рукоп.) ⁴³ мамки Т., П. и У. ⁴⁴ своей Т., П. и У. ⁴⁵ что У. ⁴⁶ проп. чтобъ она П. ⁴⁷ можно Т., П., У. и Ак.

пошла ко¹ Фролу Скомрахову² и сказала ему,³ чтобъ онъ, какъ можно⁴ где,⁵ выпросилъ⁶ корету и з возниками, и⁷ приехалъ⁸ бы⁹ самъ к ней, и сказалъ¹⁰ бы,¹¹ будто от¹² сестры столника Нардина Цаплина¹³ приехалъ¹⁴ по Аннушку из Девичья¹⁵ монастыря.¹⁶ И та¹⁷ мамка пошла ко Фролу Скомрахову¹⁸ и сказала *¹⁹ ему все по²⁰ приказу²¹ ее.²² И какъ услышалъ Фроль Скомраховъ²³ от мамки,²⁴ и²⁵ не ведаеть²⁶ что²⁷ делать, и думаетъ²⁸ какъ бы²⁹ ково обмануть, для того, что Фрола Скомрахова³⁰ многия³¹ знатныя³² персоны³³ знаютъ,³⁴ что³⁵ дворянигъ небогатои, токмо³⁶ ябеда,³⁷ ходить³⁸ за приказными делами. И в*³⁹ пришло в память Фролу⁴⁰ Скомрахову,⁴¹ что весма к⁴² нему⁴³ добръ столникъ Ловчиковъ, и пошел⁴⁴ к⁴⁵ столнику.⁴⁶ И тотъ столникъ⁴⁷ [Ловъ]* имелъ с нимъ разговоровъ⁴⁸ много.⁴⁹ Потомъ Фроль Скомраховъ⁵⁰ сталъ просить того столника,⁵¹ чтобъ онъ⁵² пожаловалъ ему⁵³ корету⁵⁴ и⁵⁵ з возниками, ехать для смотраения невесты. И Ловчиковъ дал ему⁵⁶ корету⁵⁷ и⁵⁸ возниковъ⁵⁹ и кучера.⁶⁰ И Фроль Скомраховъ⁶¹ приехалъ⁶² к себе на квартиру и того кучера напоил⁶³ весма пьяна, а⁶⁴ самъ убрался⁶⁵ в лакеенское платье и селъ на козлы и⁶⁶ поехалъ к⁶⁷ столнику Нардину Цапину⁶⁸ по Аннушку.⁶⁹ Увидела⁷⁰ та⁷¹ мамка,⁷²

* так в рукоп.

1 проп. П. 2 Скобееву Т., П., У. и Ак. 3 проп. и сказала ему Т. и У. 4 возможно Ак. 5 проп. П. и Ак. 6 выпросить Ак., приб. гдѣ нибудь Ак. 7 проп. Ак. 8 приехъ Ак. (так в рукоп.) 9 проп. Т. и П. 10 сказался П. и Ак. 11 проп. П. и Ак. 12 о Ак. 13 Нащекина Т., П., У. и Ак. 14 проп. Ак. 15 Девичьева П. и Ак. 16 *вм.* приехалъ по Аннушку из Девичья монастыря — из монастыря приехал по Аннушку Т. и У. 17 то Т. 18 Скобееву Т., П., У. и Ак. 19 сказала Т., П., У. и Ак. 20 проп. все по Т. 21 приказъ Т. 22 *вм.* ее — госпожи своей Т., госпожи своей Аннушки Ак. 23 Скобеев Т., П., У. и Ак. 24 проп. от мамки Т. и У. 25 проп. Т., У. и Ак. 26 знаетъ Т. и У. 27 приб. и Т. и У. 28 проп. Т. и У., *вм.* думаетъ — не знаетъ П. и Ак. 29 проп. Т., П., У. и Ак. 30 *вм.* Фрола Скомрахова — его Т., П., У. и Ак. 31 *вм.* многия — и Т. и У. 32 знатны Ак., знатных Т. и У. 33 дворян Т. и У., приб. все Т. и У. 34 знали П. 35 приб. он Т. и У., приб. он Скобеев П. и Ак. 36 толко Т., П., У. и Ак., приб. великая Т., приб. велико П. и У., приб. велико Ак. 37 приб. и Т. 38 ходатаиствоват Т., ходатаиствуетъ П. и Ак., ходатаиствовалъ У. 39 проп. Т., П., У. и Ак. 40 Фролке У. 41 Скобееву Т., П., У. и Ак. 42 проп. Т. 43 ему Т., приб. былъ Ак. 44 пошедъ Ак. 45 приб. тому Т., П., У. и Ак. 46 приб. Ловчикову П., приб. И какъ пришел Фроль Скобеевъ к столнику Ловчикову Ак. 47 *вм.* тотъ столникъ — Ловчиков Т. и У. 48 разговор Т. 49 много Т., *вм.* разговоровъ много — много разговоровъ Ак., приб. и Т. 50 Скобеевъ Т., П., У. и Ак. 51 приб. Ловчикова, *вм.* того столника — Ловчикова Т. и У. 52 проп. Т. и У. 53 *вм.* пожаловалъ ему — ему пожаловал П. и Ак. 54 кореты У. и Ак. 55 *вм.* приб. Ак. 56 *вм.* приб. по его прозбе Т. и У. 57 кореты Ак. 58 приб. с Ак. 59 возниками Ак., проп. и возниковъ Т. и У. 60 проп. ехать для смотраения невесты. И Ловчиковъ далъ ему корету и возниковъ и кучера П. 61 Скобеевъ Т. и Ак., проп. У. 62 поехалъ Ак., *вм.* Фроль Скомраховъ приехалъ — приехал Фроль Скобеев П., *вм.* приехалъ — поехал и приехал Т. и У. 63 поил П., споял Т. и У. 64 и Т. 65 убрался Ак. 66 проп. Ак. 67 ко П. 68 Нащекину Т., П., У. и Ак. 69 проп. по Аннушку Ак., приб. И. Т., П. и Ак. 70 усмотрела П. и Т., смотрела Ак. 71 проп. Т. и Ак., приб. Аннушка на П. 72 мамку П., *вм.* мамка — Аннушка Ак., приб. Аннушкина Т., проп. Увидела та мамка У.

что приехалъ Фроль Скомрахов,¹ и² сказала³ Аннушке, под видомъ другимъ*⁴ того дому служителя,⁵ яко бы прислала тетка по нея из монастыря.⁶

И та⁷ Аннушка убралася и села в корету и поехала на квартиру Фрола Скомрахова.⁸ И тотъ кучарь Ловчиков⁹ пробудился; и увидель¹⁰ Фроль Скомрахов,¹¹ что тотъ¹² кучарь¹³ не в такомъ¹⁴ силномъ пьянстве, и¹⁵ напоиль¹⁶ его весма¹⁷ жестоко¹⁸ допьяна¹⁹ и²⁰ положиль его в корету, а самъ селъ на²¹ козлы и поехалъ к Ловчикову на дворъ. И приехалъ ко двору и²² отворилъ ворота и пустиль возников и с коретою²³ на дворъ,²⁴ а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ²⁵ люди Ловчикова,²⁶ видять²⁷ что стоять²⁸ возники и²⁹ корета³⁰ на дворе,³¹ а кучеръ лежитъ в корете жестоко³² пьянь³³ и объявилъ³⁴ Ловчикову, что кучарь жестоко пьянь³⁵ спить³⁶ в корете, а кто ихъ³⁷ на дворъ привель,³⁸ — никто³⁹ не ведаеть.⁴⁰ И Ловчиковъ велель корету и возниковъ⁴¹ убрал и сказалъ:⁴² «то хорошо, что⁴³ всего не утратиль,⁴⁴ — а⁴⁵ на⁴⁶ Фроле⁴⁷ Скомрахове⁴⁸ сыскать⁴⁹ нечего».⁵⁰ И наутрѣ⁵¹ сталъ⁵² спрашивать⁵³ того кучера,⁵⁴ где онъ былъ⁵⁵ со Фроломъ Скомраховым.⁵⁶ И кучеръ ему⁵⁷ объявилъ⁵⁸ такъ,⁵⁹ что:⁶⁰ «толко помню какъ приехалъ к нему⁶¹ на квартиру,⁶² а куды⁶³ онъ⁶⁴ Скомрахов⁶⁵

* так в рукоп.

1 Скобеев Т., П., У. и Ак. 2 проп. Т., П., У. и Ак. 3 сказал У., приб. мамка Ак. 4 других П. и У. 5 служители Ак. 6 ем. тетка по нея из монастыря — по нея корету тетка ея из монастыря Ак. 7 проп. Ак. 8 Скобеева Т., П., У. и Ак. 9 Ловчикова П. 10 усмотрел Т., П. и У. 11 Скобеев П., проп. Т. и У. 12 проп. Т. и У. 13 проп. пробудился; и увидель Фроль Скомрахов, что тотъ кучарь Ак. 14 приб. уже Ак. 15 проп. У. 16 напой П. 17 наки Ак. 18 жестока Ак. и П. проп. Т. и У. 19 пьяна П. и Ак. 20 проп. Ак. 21 в Т., П. и У. 22 проп. П. и Ак. 23 ем. возников и с коретою — корету и с возниками Ак. 24 ем. возников и с коретою на дворъ — возников на дворъ и с коретою Т. и У. 25 проп. а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ П. и Ак. 26 Ловчиковъ П., приб. и Т. и У. 27 видя У., увидѣвъ Ак. 28 столникъ Ак. (так в рукоп.) 29 приб. с Т. и У. 30 коретою Т. и У., ем. возники и корета — корета ихъ и с возниками Ак. 31 проп. на дворе Т. и У., проп и корета на дворе П. 32 жесто П. (так в рукоп.) 33 приб. пошла П. и Ак., приб. и пошла У 34 пообъявилъ Ак., приб. о томъ Ак. 35 приб. и Ак., проп. и объявилъ Ловчикову, что кучарь жестоко пьянь Т. 36 ем. кучарь жестоко пьянь спить — лежит кучер пьян П. 37 его Ак. 38 привез Ак., ем. на дворъ привель — привезъ на дворъ Т., привел на двор. У. 39 проп. П. и Ак. 40 знаем П. и Ак. 41 ем. корету и возниковъ — коней и корету Ак., ем. велель корету и возниковъ — корету и возников велель П. 42 приб. еще Т. и У. 43 приб. и Т., П. и У. 44 уходиль Т., П., У. и Ак. 45 И П., проп. Т. и У. 46 с П. 47 Фрола П. 48 Скобеев Т., У. и Ак., Скобеева П. 49 взять У., Ак., Т. и П. 50 ничего У. 51 наутрие Т. и У., наутре П. и Ак., приб. столникъ Ловчиковъ Ак. 52 приб. Ловчиков Т. и У. 53 приб. Ловчиковъ П. 54 ем. спрашивать того кучера — кучера спрашивать У., Ак. и Т. 55 проп. П. 56 Скобеевым Т., П. и У., Скобѣевымъ Ак. 57 проп. Т. и У. 58 сказал Т. и У., сталъ Ак. (так в рукоп.), ем. ему объявилъ — сказал ему П. 59 проп. Т., П., У. и Ак. 60 проп. П. и Ак. 61 ем. приехалъ к нему — был Т. и У. 62 квартире Т. и У. 63 куда Ак. 64 оны Ак. 65 Скобѣевъ Ак., проп. Т. и У.

ездилъ¹ и что² делалъ,³ — не ведаю.⁴ И⁵ столникъ Нардинъ Цаплинъ⁶ приехалъ из гостей и спросилъ⁷ дочери⁸ своей⁹ Аннушки.¹⁰ И¹¹ та¹² мамка объявила¹³ ему,¹⁴ что «по приказу¹⁵ вашему отпущена¹⁶ к сестре¹⁷ вашей¹⁸ в монастырь, понеже бо¹⁹ прислана²⁰ была от нея²¹ корета²² с²³ возниками». ²⁴ И столникъ Нардинъ Цаплинъ²⁵ долгое время не бывъ²⁶ у сестры своей, и надеется,²⁷ что дочь ево²⁸ у сестры²⁹ в монастыре,³⁰ и не ведаеть того, что³¹ ужъ³² Ѳроль Скомраховъ³³ на Аннушке³⁴ и³⁵ женился. И по некоторомъ времени³⁶ столникъ Нардинъ Цаплинъ³⁷ поехалъ в монастырь к сестре своей.³⁸ И приехавъ³⁹ сидель у ней⁴⁰ долгое⁴¹ время и⁴² не видит⁴³ дочери⁴⁴ своей,⁴⁵ и спросилъ⁴⁶ сестры своей:⁴⁷ «сестрица,⁴⁸ что я не вижу⁴⁹ Аннушки?» И⁵⁰ сестра ему ответствовала: «полно, братецъ, издеватца.⁵¹ Чтожъ⁵² мне⁵³ делать, когда⁵⁴ я бесчастна⁵⁵ моимъ прошениемъ к тебе.⁵⁶ Просила,⁵⁷ чтобъ⁵⁸ ее⁵⁹ прислать ко мне, — знатно, что ты мне не изволишь⁶⁰ верить.⁶¹ А мне⁶² время⁶³ такова не было,⁶⁴ чтобъ⁶⁵ послать⁶⁶ по нее». ⁶⁷ И столникъ Нардинъ Цаплинъ⁶⁸ говорит⁶⁹ сестре своей:⁷⁰ «какъ, государыня сестрица? Что⁷¹

¹ ездилъ Ак., *см.* Скомрахов ездилъ — поехал Скобеев П. ² то Ак. (*так в рукоп.*)
³ *приб.* того Т. и У. ⁴ знаю Т., П., У. и Ак. ⁵ Потом Т. и У. ⁶ Нащекин Т., П., У. и Ак. ⁷ спрашивал П. ⁸ дочери Т., П. и У., дочь Ак. ⁹ свою Ак. ¹⁰ Аннушку Ак. ¹¹ *проп.* П. ¹² *см.* та — на то ему Ак. ¹³ сказала Т., П., У. и Ак. ¹⁴ *проп.* Т., П., У. и Ак. ¹⁵ приказанию Ак. (*так в рукоп.*) ¹⁶ уехала Ак. ¹⁷ сестрице Т., П., У. и Ак. ¹⁸ *приб.* в гости Ак. ¹⁹ *см.* понеже бо — для того что она Т., П., У. и Ак. ²⁰ прислала П., присылала У. и Ак., признала Т. (*так!*). ²¹ *проп.* была от нея Т., П. и У., *см.* была от нея — по нея Ак. ²² корету Т., П., У. и Ак. ²³ и Т., П. и У., и с Ак. ²⁴ возников Т., П. и У., *приб.* И Нардин Нащекин сказалъ: «изрядно!» Т., *приб.* И столникъ Нардинъ Нащекинъ сказал: «изрядно!» У., П. и Ак. ²⁵ Нащекин Т., П., У. и Ак. ²⁶ был Т., бывалъ П., У. и Ак. ²⁷ думаетъ Т. и У. ²⁸ *см.* ево — Аннушка Т. и У. ²⁹ *приб.* ево Т. и У. ³⁰ *см.* у сестры в монастыре — в монастыре у сестры ево П. и Ак., *приб.* в гостяхъ Ак. ³¹ *проп.* и не ведаеть того что Т., П., У. и Ак. ³² *см.* ужъ — А Т. и У., а уже П. и Ак. ³³ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ³⁴ *приб.* уже Т. и У. ³⁵ *проп.* Ак. ³⁶ *см.* И. по некоторомъ времени — Потом Т., П., У. и Ак. ³⁷ Нащекинъ Т., П., У. и Ак. ³⁸ *см.* в монастырь к сестре своей — к сестре своей в монастырь У. и Т. ³⁹ *проп.* Т., У. и Ак. ⁴⁰ нея Ак., *проп.* у ней Т. и У., *проп.* И приехавъ сидель у ней П. ⁴¹ долго Ак., немалое Т. и У. ⁴² а Т. и У., *проп.* П. ⁴³ видялъ Ак., *приб.* у нея Ак. ⁴⁴ дочери П. и Ак. ⁴⁵ своя Ак., *см.* не видит дочери свои — дочери свои не видит Т., дочери не видал У. ⁴⁶ спросил Т. ⁴⁷ своя Ак. ⁴⁸ сестра Т. ⁴⁹ *приб.* у тебя Ак. ⁵⁰ *см.* И — На то Ак. ⁵¹ извѣватца Ак. ⁵² Что П. и Ак. ⁵³ *приб.* уж Ак. ⁵⁴ коли Т., У. и Ак. ⁵⁵ бесчастная Т. и У. ⁵⁶ себе П. ⁵⁷ *приб.* я у тебя Т. и У. ⁵⁸ *проп.* Т., П. и У. ⁵⁹ *проп.* Т. ⁶⁰ *см.* мнѣ не изволишь — не изволишь мне У. ⁶¹ *см.* мне не изволишь верить — не веришь мнѣ в томъ Т., *см.* я бесчастна моимъ прошениемъ к тебе. Просила, чтобъ ее прислать ко мне; знатно что ты мне не изволишь верить — мнѣ в Аннушкѣ нѣ вѣришь и ко мнѣ ея отпустишь Ак. ⁶² *приб.* уже Ак. ⁶³ времени Ак. ⁶⁴ *см.* не было — нету Т., нетъ У., Ак. и П. ⁶⁵ Что У. ⁶⁶ прислат Т. ⁶⁷ *приб.* корету и с возниками Ак. ⁶⁸ Нащекин Т., П., У. и Ак. ⁶⁹ сказал Т., П., У. и Ак. ⁷⁰ *проп.* сестре своей Т. и У. ⁷¹ *приб.* ты Т., П. и Ак., *приб.* ты не У.

изволишь¹ говорить*,² чего³ я⁴ разсудить не могу,⁵ для того, что она отпущена к тебе ужа*⁶ тому⁷ мѣсяць. «Для того, что⁸ она⁹ отпущена¹⁰ прислала¹¹ по нее корету и з¹² возниками,¹³ а я в то время был¹⁴ в гостяхъ, и з женою,¹⁵ и по приказу нашему¹⁶ отпущена к тебе». ¹⁷ И сестра ему сказала: «никакъ ты,¹⁹ братецъ, я²⁰ возниковъ и кореты²¹ не посылала²² никогда,²³ и Аннушка у²⁴ меня²⁵ не бывала». И столникъ Нардинъ Цаплинъ²⁶ весма²⁷ сожелелъ²⁸ о²⁹ дочери своей³⁰ и³¹ горко³² плакаль,³³ что безвѣстно пропала дочь ево. И приехалъ³⁴ домой³⁵ и³⁶ сказалъ³⁷ жене своей, что Аннушка³⁸ пропала безвѣстно,³⁹ и сказал, что⁴⁰ у сестры в монастыре⁴¹ нетъ. Потомъ⁴² стал⁴³ мамку⁴⁴ спрашивать, кто приезжалъ и куда⁴⁵ она поехала. И⁴⁶ мамка⁴⁷ сказала,⁴⁸ что⁴⁹ приехалъ⁵⁰ кучеръ с возниками и с коретою⁵¹ «и сказывалъ,⁵² что⁵³ из Девичья⁵⁴ монастыря от сестры вашей⁵⁵ приехалъ⁵⁶ по⁵⁷ Аннушку; ⁵⁸ то⁵⁹ по приказу⁶⁰ вашему и поехала Аннушка». ⁶¹ И о томъ⁶² весма⁶³ соболезновали и горко⁶⁴ плакали.⁶⁵ И⁶⁶ наутрее⁶⁷ столникъ Нардинъ⁶⁸ Цаплинъ⁶⁹ поехалъ⁷⁰ к государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь ево⁷¹ Аннушка.⁷² И государь велелъ⁷³ учинить публику⁷⁴ о той⁷⁵ ево⁷⁶ дочери столничей,⁷⁷ ежели⁷⁸

* так в рукоп.

¹ изволила Ак. ² говорить У, Ак. и Т. ³ проп. Т., П., У. и Ак. ⁴ а У. ⁵ ем. разсудить не могу — не могу разсудить У. и Т., о томъ не могу разсудить Ак. и П. ⁶ уже П. и У., проп. Т. ⁷ с Т., проп. У. ⁸ проп. она отпущена к тебе уже тому мѣсяць. Для того что Ак. ⁹ ем. она — ты П. и Ак., а ты Т. и У. ¹⁰ проп. Т., П., У. и Ак. ¹¹ присылала Т., П., У. и Ак. ¹² проп. Т. и У. ¹³ возниковъ Т. и У. ¹⁴ ем. в то время был — былъ в то время Ак. ¹⁵ приб. мою Т. и У., приб. своею Ак. ¹⁶ моему Ак. ¹⁷ ем. к тебе — она и к вам Ак. ¹⁸ проп. Т. и У. ¹⁹ я П. и Ак., проп. Т. и У. ²⁰ проп. П. и Ак. ²¹ ем. возниковъ и кореты — кореты и возниковъ Т. и У., кореты и съ возниками Ак., приб. по Аннушку Ак. ²² посылавала У. и Ак. ²³ ем. никогда — к вамъ Ак. ²⁴ ко Т. ²⁵ мне Т. ²⁶ Нащекинъ Т., П., У. и Ак. ²⁷ приб. о томъ былъ печаленъ Ак. ²⁸ сожалѣя Ак. ²⁹ проп. Ак. ³⁰ своя Ак., приб. Аннушки Ак. ³¹ проп. П. и Ак. ³² жалко Ак. ³³ плачетъ Ак. ³⁴ приехав Т., приб. из монастыря Ак. ³⁵ в дом свои Т., У. и Ак., в домъ П. ³⁶ проп. П. ³⁷ объявил Т. ³⁸ приб. у насъ Ак. ³⁹ проп. Т., П., У. и Ак. ⁴⁰ проп. сказал что Ак. ⁴¹ приб. ея Ак. ⁴² И Т., П., У. и Ак. ⁴³ стали Ак. ⁴⁴ мамки Т. и У. ⁴⁵ куды Т. и У. ⁴⁶ проп. Т., У. и Ак. ⁴⁷ приб. та Т. и У. ⁴⁸ сказывала Ак. ⁴⁹ проп. П. ⁵⁰ приезжалъ П., приезжала Ак. ⁵¹ ем. кучеръ с возниками и с коретою — с возниками кучер Т. и У., с возниками и с коретою кучер П., по нея корета и с возниками которья Ак. ⁵² сказал Т., У. и П., сказали Ак. ⁵³ проп. Т. и У. ⁵⁴ Девичева П. ⁵⁵ ем. из Девичья монастыря от сестры вашей — от сестры вашей из Девичьево монастыря Ак. ⁵⁶ проп. Ак. ⁵⁷ за Ак. ⁵⁸ Аннушкою Ак. ⁵⁹ и Т., приб. она Ак. ⁶⁰ приказаню Ак. ⁶¹ проп. Ак. ⁶² приб. столникъ и з женою П., приб. столникъ и з женою своею Ак. ⁶³ проп. Ак. ⁶⁴ проп. Ак. ⁶⁵ плакал Т. (у Дуя. плакали), ем. горко плакали — плакали горко П. ⁶⁶ А Т. ⁶⁷ приб. оной Ак. ⁶⁸ проп. П. и У. ⁶⁹ Нащекинъ П. и Ак., проп. У. ⁷⁰ ем. столникъ Нардинъ Цаплинъ поехалъ — поехал столникъ Т. ⁷¹ проп. П., ем. безвѣстно пропала дочь ево — дочь безвѣстно прापала Ак. ⁷² проп. Т., П., У. и Ак. ⁷³ ем. государь велелъ — велѣл государь Т. и У. ⁷⁴ публикацію Т. и У. ⁷⁵ проп. П. и Ак. ⁷⁶ проп. Т. и У. ⁷⁷ ем. дочери столничей — столничей дочери П., столничей дочери У. и Т., столнической дочери Ак. ⁷⁸ приб. ея П. и Ак.

кто¹ тайно, чтобъ² объявили.³ А⁴ ежели кто⁵ тайно⁶ не объявит, а после⁷ същетца,⁸ той⁹ смертию казнит¹⁰ будет. И Ороль Скомраховъ¹¹ слыша¹² такую¹³ публикацью, и¹⁴ не ведаеть¹⁵ что делать.¹⁵ И умыслилъ¹⁷ Ороль Скомраховъ,¹⁸ что¹⁹ итти²⁰ к столнику Ловчикову²¹ и объявилъ²² ему о²³ томъ,²⁴ для того, что тот Ловчиковъ весьма к тому²⁵ добръ.²⁶ И пришелъ Орол Скомраховъ²⁷ к Ловчикову и²⁸ имели²⁹ с нимъ³⁰ много разговоровъ. И столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Орала Скомрахова:³¹ «что, господинъ Скомраховъ,³² женился ли,³³ и³⁴ богату ли взялъ?» И Ороль³⁵ Скомраховъ³⁶ ему³⁷ сказалъ:³⁸ «нынѣ еще богатства *³⁹ не вижу, что вдалъ *⁴⁰ время не окажетца». ⁴¹ И Ловчиковъ говоритъ⁴² Скомрахову:⁴³ «ну,⁴⁴ господинъ Скомраховъ,⁴⁵ живи уже⁴⁶ постоянно, оставъ⁴⁷ за ябедою ходить,⁴⁸ живи⁴⁹ в⁵⁰ вотчине своей, — лутче, здоровее». ⁵¹ Потомъ Ороль Скомраховъ⁵² сталъ просить того столника Ловчикова,⁵³ чтобы⁵⁴ онъ предстательствовалъ⁵⁵ беде ево.⁵⁶ И Ловчиковъ⁵⁷ объявилъ ему:⁵⁸ «скажи,⁵⁹ ежели⁶⁰ способно,⁶¹ — буду предстательствовать; ⁶² ежели что несосно, — ⁶³ не гневаися». ⁶⁴ И⁶⁵ Ороль Скомраховъ⁶⁶ объявилъ, что: «столника Нардина Цап-

* так в рукоп.

¹ *приб.* содержит П. и Ак., *приб.* содержит еѢ Т., *приб.* ея содержитъ У. ² что У. ³ объявил Ак. ⁴ *проп.* П. ⁵ *приб.* ея П. и Ак. ⁶ *проп.* Т., П., У. и Ак. ⁷ *вм.* а после — и Т., *приб.* у кого Ак. ⁸ обьщется П. и Ак., *вм.* а после същетца — а същется после У. ⁹ то Т., П., У. и Ак., *приб.* послѣ Т. ¹⁰ казнен Т., П., У. и Ак. ¹¹ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ¹² слышав Т., П. и У., *проп.* Ак. ¹³ *проп.* П. и Ак. ¹⁴ *проп.* Т., П., У. и Ак. ¹⁵ ведаю У. ¹⁶ *приб.* и с Аннушкою Ак. ¹⁷ умыслив Т., здумалъ Ак. ¹⁸ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ¹⁹ чтоб П., У. и Ак., *проп.* Т. ²⁰ иттиль Ак. и П., пришел Т. ²¹ *вм.* столнику Ловчикову — Ловчикову столнику Т. ²² объявит П., объявить У. и Ак. ²³ об У. ²⁴ *проп.* и объявилъ ему о томъ Т. ²⁵ нему П., Т., У. и Ак., *приб.* обходился Т., *приб.* находился У. ²⁶ *приб.* былъ Ак., *приб.* и милостив Т. ²⁷ Скобеевъ П. и Ак., *вм.* пришел Орол Скомраховъ — Орол Скобѣевъ пришел У., Орол Скобеевъ пришедши Т. ²⁸ *проп.* П. и Ак. ²⁹ имел П. и Ак. ³⁰ *проп.* с нимъ Т. и У. ³¹ Скобеева Т., П., У. и Ак. ³² Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ³³ *проп.* Ак., *приб.* И Скобѣевъ сказалъ: «женился, государь мой». Ак. и П. ³⁴ *проп.* П. и Ак. ³⁵ *проп.* Т., П. и Ак., *проп.* И Ороль У. ³⁶ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ³⁷ *проп.* П. и Ак., *приб.* на то Т. ³⁸ отвѣтствовал Т., *проп.* У. ³⁹ богатства Т., П., У. и Ак. ⁴⁰ вдалъ Т., П. и У., в долгое Ак. ⁴¹ *вм.* не окажетца — окажетъ Ак. и П., покажет Т., да анну У. (*так в рукоп.*). ⁴² говорилъ Ак. и П. ⁴³ Скобееву П., ему Ак., *проп.* И Ловчиковъ говоритъ Скомрахову Т. и У. ⁴⁴ *проп.* У. ⁴⁵ Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁴⁶ *приб.* нынѣ Ак. ⁴⁷ отстанъ Ак. и П. ⁴⁸ *вм.* оставъ за ябедою ходить — а за ябедами не ходи перестан Т., а за ябѣдами ходить перестанъ У., *приб.* а Т. и У., *приб.* и Ак. ⁴⁹ пребываи Ак., *приб.* ты Т. ⁵⁰ *проп.* П. и У. ⁵¹ здравия П., *вм.* лутче здоровее — покоинѣ от дѣлъ вамъ здравие будетъ Ак. ⁵² Скобеевъ Т., П., Ак. и У. ⁵³ Ловчика П. (*так в рукоп.*), *проп.* Т. и У. ⁵⁴ чтоб Т., П. и У., что Ак. ⁵⁵ былъ предстателем П. ⁵⁶ *вм.* беде ево — ево беде П. и У., об немъ Т. ⁵⁷ *проп.* онъ предстательствовалъ беде ево. И Ловчиковъ Ак. ⁵⁸ *вм.* объявилъ ему — ему объявил П., ему сказал Т. и У., ему о томъ объявилъ Ак. ⁵⁹ *проп.* Т., *приб.* что П. и Ак. ⁶⁰ коли Т. и У., *приб.* учинилъ Ак. ⁶¹ сносно Т., П., У. и Ак., *приб.* то Т., У. и Ак. ⁶² предстателъ Т. и У., *приб.* а Т., П., У. и Ак. ⁶³ *приб.* то Т. и У., *приб.* о томъ и Ак. ⁶⁴ *приб.* на меня Ак. ⁶⁵ *проп.* У. ⁶⁶ Скобеевъ П. и Ак., *проп.* Т. и У., *приб.* ему Т., П., У. и Ак.

лина¹ дочь Аннушка у меня и² я женился на ней». ³ И тотъ ⁴ Ловчиковъ сказалъ ему: ⁵ «какъ ⁶ зделалъ, ⁷ такъ самъ и отвечаю». ⁸ И Ороль Скомраховъ ⁹ сказалъ: ¹⁰ «ежели ¹¹ предстательствовать не будешь обо мне, то ¹² и тебе будетъ не безъ слова: ¹³ и ¹⁴ мне уже пришло показать ¹⁵ на тебя, для того, что ты ¹⁶ возникъ с ¹⁷ коретою ¹⁸ давалъ. Ежели бъ ты не далъ, ¹⁹ и мне бъ ²⁰ того не учинить». И Ловчиковъ сталъ ²¹ в великомъ сумненіи ²² и сказалъ ему: «настоящеи ты плуть! Что ты надо мною ²³ учинилъ? ²⁴ Добро, какъ могу буду ²⁵ предстательствовать». И сказалъ ему, что ²⁶ завтешней день пришелъ ²⁷ в ²⁸ Успенской ²⁹ соборъ. «И ³⁰ столникъ Нардинъ Цаплинъ ³¹ будетъ ³² у обедни, ³³ и я с ним же ³⁴ буду. ³⁵ И после обедни ³⁶ будемъ ³⁷ стоять все мы ³⁸ в собрани ³⁹ на Ивановской площади. И в то время приди ⁴⁰ и поди ⁴¹ пред нимъ, ⁴² объяви ⁴³ ему ⁴⁴ о дочери ево, ⁴⁵ а я уже, какъ могу, ⁴⁶ такъ ⁴⁷ буду предстательствовать». ⁴⁸ И пришелъ Ороль Скомраховъ ⁴⁹ в Успенской ⁵⁰ соборъ к обедне. И ⁵¹ столникъ Нардинъ Цаплинъ ⁵² и Ловчиковъ и другіе ⁵³ столники все ⁵⁴ у обедне. ⁵⁵ И по отшестви литургии ⁵⁶ и ⁵⁷ обычаи ⁵⁸ в то время ⁵⁹ имели ⁶⁰ в собрани ⁶¹ быть ⁶² на Ивановской площади, и ⁶³ противъ Ивана Великаго. И все столники собрались на оную площадь * ⁶⁴ и Нардинъ ⁶⁵ Цаплинъ ⁶⁶ тут же. ⁶⁷ Имели оные ⁶⁸ столники ⁶⁹

* так в рукоп.

¹ Нащекина Т., П., У. и Ак. ² а нынѣ Т. ³ ем. женился на ней — на ней женился У. и Т. ⁴ столникъ Т., П., У. и Ак. ⁵ проп. Т., П. и У., ем. сказалъ ему. — ему сказал Ак. ⁶ приб. ты П. и У., приб. ты то Ак. ⁷ делал Т., приб. ты Т. ⁸ ответстви П., У., Т. и Ак. ⁹ Скобеевъ Т., П. и Ак., проп. У. ¹⁰ приб. ему Ак. ¹¹ приб. ты Т., П., У. и Ак. ¹² проп. Т. ¹³ чево П., лова У. (так в рукоп.), хода Ак. (так в рукоп.) ¹⁴ проп. Т., П., У. и Ак. ¹⁵ приб. и Ак. ¹⁶ приб. мнѣ Ак. ¹⁷ и Т., П., У. и Ак. ¹⁸ корету Т., П. и У., корѣты Ак. ¹⁹ давал П. и Ак. ²⁰ бы Ак. ²¹ приб. быть Ак. ²² сумнени П., У. и Ак., сомнени Т. ²³ мнои У. ²⁴ зделал Т., П., У. и Ак. ²⁵ проп. Ак. ²⁶ чтоб. Т., П. и У. ²⁷ приходи Ак. ²⁸ во У. ²⁹ Успенской Т., У., П. и Ак. ³⁰ А У., проп. Ак. ³¹ Нащекин Т., П., У. и Ак. ³² приб. завтре Т. и У. ³³ обедни Т., П., У. и Ак. ³⁴ проп. П. и Ак. ³⁵ будетъ будетъ Ак. (так в рукоп.), приб. у обѣдни Ак., проп. и я с ним же буду Т. и У. ³⁶ проп. И после обѣдни Ак. ³⁷ будет П. и Т. (у Ситовск. буде(мъ)). ³⁸ ем. все мы — всемъ У. ³⁹ проп. все мы в собрани Ак. ⁴⁰ приди Т. и П. ⁴¹ паді Т. ⁴² ногами ево Ак., приб. и Т., П., У. и Ак. ⁴³ объявилъ Ак. (так в рукоп.). ⁴⁴ проп. Т. и У., приб. вину Ак. ⁴⁵ проп. П. ⁴⁶ ему Ак. (так в рукоп.) ⁴⁷ проп. Т. и У., ем. такъ — о том П. и Ак. ⁴⁸ приб. и просить к склонения об тебѣ милости Ак. ⁴⁹ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. ⁵⁰ Успенской П., Т. и У., проп. Ак. ⁵¹ проп. Ак. ⁵² Нащекин Т., П., У. и Ак. ⁵³ другіихъ У. (так в рукоп.) ⁵⁴ приб. были П. и Ак. ⁵⁵ проп. у обедне П. ⁵⁶ проп. Т. ⁵⁷ ем. и — тогда все Т. и У. ⁵⁸ проп. и обычаи П. ⁵⁹ проп. и обычаи в то время Ак. ⁶⁰ ем. имели — имѣли они Ак. ⁶¹ собрани Ак. ⁶² проп. П. и Ак., ем. в собрани быть — быть в собрани У. и Т. ⁶³ проп. Т., П., У. и Ак. ⁶⁴ проп. И все столники собрались на оную площадь П. ⁶⁵ проп. П. ⁶⁶ Нащекинъ П. ⁶⁷ проп. И все столники собрались на оную площадь и Нардинъ Цаплинъ тут же Т., У. и Ак., приб. И Т., У. и Ак. ⁶⁸ проп. П. ⁶⁹ проп. оные столники Т. и У., ем. имели оные столники — всѣ столники имѣли Ак.

между¹ собою разговоры, что имъ² надобно,³ а⁴ столникъ Нардин Цап-
линъ⁵ болше соболезнуетъ⁶ и разсуждаетъ⁷ о дочери⁸ своей.⁹ А¹⁰ стол-
никъ¹¹ Ловчиковъ¹² разсуждаетъ¹³ о той¹⁴ же¹⁶ с нимъ¹⁶ дочери¹⁷ ево,¹⁸
склоняетъ к¹⁹ милости. И на те ихъ разговоры пришелъ²⁰ Оролъ Ском-
раховъ²¹ и отдалъ всемъ столникамъ, какъ²² по обычаю, поклонъ.²³ И все
столники Орола Скомрахова²⁴ знают. И, кроме²⁵ всехъ столниковъ,²⁶ палъ
пред ногами²⁷ Скомраховъ²⁸ у²⁹ столника³⁰ Нардина³¹ Цаплина³² и просить³³
прощения: «милостивы³⁴ государь, государавъ*³⁵ столникъ первы,³⁶
отпусти виновнаго,³⁷ яко раба своего,³⁸ которое³⁹ возымель⁴⁰ пред вами дерзно-
вение». ⁴¹ И столникъ Нардинъ⁴² Цаплинъ⁴³ имелся⁴⁴ летами⁴⁵ древенъ и зре-
ниемъ уже от древности⁴⁶ потраченъ*,⁴⁷ однакожь человека⁴⁸ усмотритъ
еще могъ.⁴⁹ Имели в то время обычаи те старые люди носить в⁵⁰ рукахъ
трости натуральные с клюшками.⁵¹ Подымает⁵² того⁵³ тростию⁵⁴ Орола
Скомрахова⁵⁵ и спрашивает ево:⁵⁶ «кто ты таковъ? Скажи⁵⁷ о себе. И⁵⁸ что
твоя нужда к⁵⁹ намъ?»⁶⁰ И Оролъ Скомраховъ⁶¹ толко говоритъ: «отпусти⁶²

* так в рукоп.

1 промеж Т. и У. 2 *см.* что имъ — кому что Т. и У., в чемъ Ак. 3 надно Ак.
так в рукоп.) 4 и П. 5 Нашекин Т., П., У. и Ак. 6 соболезнуетъ У., Ак. и Т.,
соболезнуетъ П. 7 разсуждая П., *проп.* и разсуждаетъ Т. и У. 8 дочери П., У. и Ак.,
дочере Т. 9 *приб.* Анушки Ак. 10 И П., Також и У. и Т. 11 *проп.* Т. и У. 12 *приб.* с нимъ
Т. и У. 13 разсуждал П. 14 том П. 15 *см.* разсуждаетъ о той же — о том же рассу-
ждаетъ Ак. 16 *проп.* той же с нимъ Т. и У. 17 дочери Т. и У. 18 *проп.* дочери ево
П. и Ак. 19 *см.* склоняетъ к — к склонению Т., П., У. и Ак. 20 пошелъ Т. 21 Скобеевъ
Т., П., У. и Ак. 22 *проп.* Ак. 23 *см.* какъ по обычаю поклон — поклон какъ есть
обычай Т. и У. 24 Скобеева Т., П., У. и Ак. 25 *окроме* Ак. 26 *проп.* Т. и У.
27 *проп.* Т. и У. 28 Скобеев П., *проп.* Т., У. и Ак. 29 *проп.* Т., У. и П. 30 стол-
нику П., столникомъ У. и Т. 31 Нардину П., Нардинымъ Т. и У. 32 Нашокина Ак.,
Нашекинымъ У. и Т., Нашокину П. 33 просил Т., *приб.* у него Ак. 34 милостивой
П. и У., милостивый Ак. 35 *проп.* П. и Ак., *см.* государавъ — и царевъ У. и Т. 36 *см.*
первы — в первы Т. 37 *см.* виновнаго — вину мою Т. и У. 38 *проп.* П. 39 которой
П., Ак., Т. и У. 40 *возамѣтъ* Ак., *приб.* столникъ Ак. 41 дерзновения Ак., *приб.*
в прощени выны своей Ак. (*так в рукоп.*), *см.* возымель пред вами дерзновение — дерзно-
вению учинил пред вами Т. и У. 42 *проп.* П. 43 Нашекин Т., У. и Ак., *проп.* П.
44 *проп.* П. 45 *приб.* весма Т. и У. 46 *см.* уже от древности — от древности уже
Т. и У. 47 *помраченъ* У. и Т., *проп.* и зрениемъ уже от древности потраченъ П.
48 *проп.* П. 49 *см.* человека усмотритъ еще могъ — могъ человекъ усмотреть Т. и У.,
см. усмотритъ еще могъ — еще усмотреть могъ П., *приб.* И У. 50 на У. 51 *проп.* Имели
в то время обычаи те старые люди носить в рукахъ трости натуральные с клюшками П., *проп.*
имелся летами древенъ и зрениемъ уже от древности потраченъ, однакожь человека усмотритъ
еще могъ. Имели в то время обычаи те старые люди носить в рукахъ трости натуральные
с клюшками Ак., *приб.* И Т. и У., *приб.* Натуральною клюшкою П. 52 подымаетъ Т. и У.
53 тою Т. и У. 54 *клюшкою* Т., *проп.* тою тростию П. 55 Скобеева Т., П. и У., *см.* того
тростию Орола Скомрахова — ево ключкою Ак. 56 *проп.* Ак., *проп.* и спрашивает ево Т. и У.
57 *приб.* мнѣ Т., У. и Ак. 58 *проп.* П. 59 до Т. и У., ко Ак. 60 нас Т. и У., мнѣ Ак.
61 Скобеевъ Т., П., У. и Ак. 62 *см.* отпусти — прощу отпустить Ак.

мою вину».¹ И столникъ Ловчиковъ подошелъ² к столнику³ Нардину Цап-
лину⁴ и сказалъ ему:⁵ «лежить пред ногами вашими⁶ и⁷ просить
отпущения⁸ вины своей дворянинъ Ороль Скомраховъ». ⁹ И столникъ¹⁰
Нардинъ¹¹ Цаплинъ¹² закричалъ:¹³ «встань, плуть. Знаю¹⁴ тебя давно,
плута и¹⁵ ябедника.¹⁶ Знатно что¹⁷ наябедничель себе несносно.¹⁸ Скажи,
плуть, что;¹⁹ будет²⁰ сносно, — стану старатца о тебе,²¹ а когда²² что²³
несносно,²⁴ — какъ хочешь; я тебе,²⁵ плуту, давно говорилъ: «живи²⁶
постоянно». Встань, скажи что твоя вина». ²⁷ Ороль Скомраховъ²⁸ всталъ²⁹
от³⁰ ногъ³¹ ево и объявилъ ему,³² что дочь ево Аннушка³³ у него и³⁴
женился на ней.³⁵ И какъ³⁶ столникъ³⁷ Нардинъ³⁸ Цаплинъ³⁹ услышелъ⁴⁰
от⁴¹ него⁴² о дочери⁴³ своей,⁴⁴ и⁴⁵ зжалився *⁴⁶ слезами, и сталъ в⁴⁷ бес-
памедстве,⁴⁸ и мало опомня *,⁴⁹ и сталъ ему⁵⁰ говорить: «что ты, плуть,⁵¹
зделалъ! Ведаеш ли⁵² ты о себе, что⁵³ ты зделалъ? ⁵⁴ Нетъ⁵⁵ тебе отпу-
щения от меня⁵⁶ вины твоей. Тебе ли, плуту, владать⁵⁷ дочерью моею!⁵⁸
Поиду к государю *⁵⁹ и стану на тебя просить,⁶⁰ об⁶¹ твоей плутовской⁶²
обиде ко мне». ⁶³ И столникъ Ловчиковъ вторително подошедъ к нему⁶⁴
и сталъ⁶⁵ ево разговаривать, чтобъ⁶⁶ он⁶⁷ не возымелъ⁶⁸ доклада⁶⁹ госу-

* так в рукоп.

¹ проп. мою вину П., см. мою вину — вину мою Т., У. и Ак. ² подошел П., подшел У.,
дошелъ Ак., приб. и Ак. ³ проп. Т., П. и У. ⁴ Нащекину Т., П., У. и Ак. ⁵ проп. Т.
⁶ см. ногами вашими — вами Т., П. и У. ⁷ проп. Т. ⁸ о опущеніи У. ⁹ Скобеевъ Т., П.,
У. и Ак. ¹⁰ проп. Ак. ¹¹ проп. Ак. ¹² Нащекин Т., П., У. и Ак., приб. на него Ак. ¹³ вос-
кричал Т. ¹⁴ приб. я Ак. ¹⁵ проп. П., У. и Ак. ¹⁶ безделника Т. ¹⁷ приб. ты Ак. ¹⁸ см.
несносно — что Т. и У. ¹⁹ проп. Т., П., У. и Ак. ²⁰ буде Т., У. и П., ежели Ак. ²¹ см. ста-
ратца о тебе — о тебѣ страдатца Ак. (так в рукоп.), помогать У. и Т. ²² проп. Т. и У.
²³ проп. П. и Ак. ²⁴ приб. то самъ отвѣствуи Ак. ²⁵ те Ак. ²⁶ см. живи — чтобы жить Ак.
²⁷ приб. И Т., П., У. и Ак. ²⁸ Скобеев Т., П., У. и Ак., приб. в тотчас Ак. ²⁹ винал У. (так
в рукоп.) ³⁰ из Ак. ³¹ ного У. (так в рукоп.) ³² приб. учтиво Ак. ³³ приб. и уберется Ак.
³⁴ приб. он Т. и У., приб. я уже Ак. ³⁵ см. женился на ней — на ней женился Т. ³⁶ см. какъ —
такъ то Ак. ³⁷ проп. П. ³⁸ проп. П. ³⁹ Нащекин Т., П., У. и Ак. ⁴⁰ приб. такая
речи Ак. ⁴¹ о Ак. ⁴² того Ак. ⁴³ дочери Т., П., У. и Ак. ⁴⁴ ево Ак., приб. Аннушки Ак.
⁴⁵ проп. Ак. ⁴⁶ залился П., Ак. и У., зжалился Т. ⁴⁷ проп. У. ⁴⁸ беспамѣтстве Т., П. и У.,
бѣспомѣствѣ Ак. ⁴⁹ опаматовался Т., П. и У. ⁵⁰ проп. Т. и У. ⁵¹ проп. опомня, и сталъ
ему говорить: «что ты, плуть Ак., приб. такъ Ак. ⁵² проп. П. ⁵³ кто П., Т. и Ак.
⁵⁴ таков Т., П. и Ак., каков У. ⁵⁵ Нестъ Т. и У. ⁵⁶ см. отпущения от меня — от мѣна
опущения Ак., проп. от меня Т. и У. ⁵⁷ владеть Т., П. и Ак., см. плуту владать — владет
плуту У. ⁵⁸ моей У., см. дочерью моею — моею дочерью Ак., приб. Аннушкой Ак.
⁵⁹ государю Т., П., У. и Ак. ⁶⁰ см. на тебя просить — просить на тебя Ак. ⁶¹ о Т., П.,
У. и Ак. ⁶² плутской П., У. и Ак. ⁶³ см. обиде ко мне — ко мне обиде П., У. и Т., о комъ
обиду Ак. (так в рукоп.) ⁶⁴ см. И столникъ Ловчиковъ вторително подошедъ к нему —
И вторично пришел к нему столник Ловчиков Т., И вторително пришелъ к нему столникъ
Ловчиков П., И вторително привелъ (так в рукоп.) к нему столникъ Ловчиков У., И паки
пришелъ к нему столникъ Ловчиковъ Ак. ⁶⁵ нача Т. ⁶⁶ чтобы У. ⁶⁷ проп. Т. и У.,
приб. вскоре Т., П., У. и Ак. ⁶⁸ учинил Т., приб. о томъ Ак. ⁶⁹ докладывать Ак., приб.
к Т., П. и У.

дарю.¹ «О семь² времяни³ сожителнице своей и посоветуите⁴ обще,⁵ какъ к лутчему уже быть:⁶ такъ⁷ того время⁸ не воротить,⁹ а онъ, Скомраховъ,¹⁰ гневу вашего уже¹¹ никуда не можетъ скрытися.¹² И столникъ Нардинъ Цаплинъ¹³ послушалъ¹⁴ совету столника¹⁵ Ловчикова,¹⁶ не пошелъ к государю,¹⁷ и¹⁸ сель¹⁹ в корету и поехалъ в домъ свои.²⁰ А²¹ Ѳроль Скомраховъ²² пошелъ на квартиру свою и²³ сказалъ Аннушке: «ну, Аннушка, что будетъ намъ²⁴ с тобою не ведаю,²⁵ — объявилъ отцу твоему о тебе».²⁶ И столникъ Нардинъ Цаплинъ²⁷ приехалъ в домъ свои и²⁸ вошелъ²⁹ в покои,³⁰ жестоко³¹ плачетъ³² и кричить: ³³ «жена,³⁴ жена, что ты ведаѣшь? ³⁵ Нашоль³⁶ Аннушку!» И жена ево спрашиваетъ: «где она, батюшка?»³⁷ И столникъ³⁸ говорить³⁹ жене своей: ⁴⁰ «вор,⁴¹ плутъ⁴² и ябедникъ⁴³ Ѳролка⁴⁴ Скомраховъ⁴⁵ женился на ней». И жена ево услышела⁴⁶ те от него⁴⁷ речи⁴⁸ и не ведаеть, что⁴⁹ говорить,⁵⁰ соболезна⁵¹ о дочери⁵² своей. И стали оба горко плакать и в сердцахъ⁵³ бранить⁵⁴ дочь свою,⁵⁵ не ведають,⁵⁶ что чинить.⁵⁷ И⁵⁸ пришли⁵⁹ в память, и⁶⁰ сожелея⁶¹ о⁶² дочери⁶³ своей, и стали разсуждать з женою: «надобно⁶⁴ послать человека⁶⁵ и⁶⁶ сыскать⁶⁷ где онъ⁶⁸ живет⁶⁹ и⁷⁰ проведать о дочери⁷¹ своей

¹ *приб.* «Изволиш съѣздит домоі и обявит Т. и П., *приб.* Изволишь съездить домои и обявить Ак. ² том Ак. ³ времени У., случае Т., *проп.* П. и Ак. ⁴ посоветуи П., посовѣтовать Ак., по совету У. и Т. ⁵ общему Т. и У. ⁶ *приб.* тому Ак. ⁷ *приб.* что Ак. ⁸ времени П. и Ак., *проп.* Т. и У. ⁹ возвратить Т., П., У. и Ак. ¹⁰ Скобеев Т., П., У. и Ак., *приб.* от Т., П. и Ак. ¹¹ *проп.* Т., П., У. и Ак. ¹² скрытца П., *вм.* не можетъ скрытися — скрылся (*так в рукоп.*) не можетъ Ак., *вм.* никуда не можетъ скрытися — скрытца никуда не можетъ Т. и У. ¹³ Нашекин Т., П., У. и Ак. ¹⁴ *проп.* П. и Ак. ¹⁵ *проп.* Т. и У. ¹⁶ *приб.* от П. и Ак. ¹⁷ государи Ак. ¹⁸ *проп.* Т. и У. ¹⁹ *приб.* и Ак. ²⁰ *вм.* в дом свои — домои У. и Т. ²¹ И У. ²² Скобеев Т., П., У. и Ак. ²³ *проп.* У. ²⁴ мяѣ Т. ²⁵ ведаи Ак., *приб.* я П., *приб.* ну жо Ак. ²⁶ *вм.* отцу твоему о тебе — о тебе отцу твоему Т., П., У. и Ак. ²⁷ Нашекин Т., П., У. и Ак. ²⁸ *проп.* Т. и У. ²⁹ пошелъ П. и Ак., идетъ Т. и У. ³⁰ *приб.* свои и Ак. ³¹ жесто П. (*так в рукоп.*) ³² плакать Ак. ³³ *приб.* к жене своей Ак. ³⁴ *проп.* Т. ³⁵ ведаеть Ак. (*так в рукоп.*), *приб.* Я Т., П., У. и Ак. ³⁶ *приб.* уже и Ак. ³⁷ батюшко Т. и Ак. ³⁸ *проп.* П., *приб.* Нашокин П., *приб.* Нардина Нашокина Ак. (*так в рукоп.*) ³⁹ сказалъ П. и Ак. ⁴⁰ *проп.* И столникъ говорить жене своей Т. и У., *приб.* Охъ, мой друг Т. и У. ⁴¹ *приб.* и Т., *приб.* отъ Ак. и П. ⁴² *приб.* отъ Ак. ⁴³ *приб.* отъ Ак. ⁴⁴ Ѳрол П., Т. и Ак., Ѳролко У. ⁴⁵ Скобеевъ Т., П., У. и Ак., *приб.* увезе к себѣ и Ак. ⁴⁶ услышавъ Ак. ⁴⁷ *вм.* те от него — от этого такія Ак. ⁴⁸ речи Т., П., У. и Ак. ⁴⁹ *приб.* ужс болѣе Ак. ⁵⁰ *приб.* тоако весма Ак. ⁵¹ соболезнаует П. и Ак. ⁵² дочери Т., П., У. и Ак. ⁵³ *приб.* своих Т., П. и У., *приб.* вашихъ Ак. ⁵⁴ бранят П., У. и Ак., *приб.* и проклинають Ак. ⁵⁵ *приб.* и проклинают П., *приб.* и Т., П., У. и Ак. ⁵⁶ знаютъ Ак. ⁵⁷ *приб.* над нею Т., П. и У. ⁵⁸ Потом Т. и У. ⁵⁹ *проп.* что чинить. И пришли Ак., *приб.* им Ак. ⁶⁰ о Ак., *проп.* Т. и У. ⁶¹ сожалени Ак. ⁶² *проп.* П., Ак. и У. ⁶³ дочери Т., П., У. и Ак. ⁶⁴ *проп.* Ак. ⁶⁵ *вм.* послать человека — человека сослать послать Ак. (*так в рукоп.*) ⁶⁶ *проп.* Ак. ⁶⁷ сказат П. ⁶⁸ *приб.* плутъ У. и Т. ⁶⁹ *вм.* где онъ живет — оную квартѣру Фрола Скобѣева Ак. ⁷⁰ *проп.* Т. ⁷¹ дочери Т., П. и У.

жива ли она». И призвали¹ человека своего² и приказали³ проведать⁴ про Аннушку,⁵ жива ли⁶ она⁷ и⁸ есть⁹ ли¹⁰ какое пропитание.¹¹ И¹² пошел человек¹³ искать квартиру Фрола Скобрахова.¹⁴ И пришел¹⁵ на¹⁶ дворь¹⁷ ко Фролу Скобрахову Нардина Цаплина человекъ.¹⁸ И увидель¹⁹ Фроль²⁰ Скобраховъ,²¹ что от тестя ево²² пришелъ²³ человекъ, и велель жене своей лечь²⁴ на постелю и притворить себя,²⁵ якобы жестоко²⁶ бола. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланой человекъ вошелъ в покои и отдалъ,²⁷ какъ по обычаю,²⁸ поклонъ. И Фроль²⁹ Скобраховъ³⁰ спросилъ:³¹ «что ты³² за человекъ и какую нужду имеешь ко м(не)»? *³³ И человекъ то³⁴ сказалъ,³⁵ чтобъ³⁶ онъ присланъ от столника Нардина³⁷ Цаплина,³⁸ проведать³⁹ про Аннушку,⁴⁰ здравствует ли она? И Фроль Скобраховъ⁴¹ сказалъ⁴² тому присланному⁴³ человеку:⁴⁴ «видишь ты, мой другъ, какое⁴⁵ здравье.⁴⁶ Такои⁴⁷ та⁴⁸ родительски⁴⁹ гневъ:⁵⁰ видишь,⁵¹ они нась⁵² бранять **⁵³ и кленуть, и⁵⁴ оттого⁵⁵ она при смерти лежить **.⁵⁶ Донеси ихъ милости, хотя бъ они⁵⁷ при жизни ее⁵⁸ заочно⁵⁹ благословенные ей⁶⁰ дали». ⁶¹ И человекъ тотъ⁶² отдавъ⁶³ имъ⁶⁴ поклонъ и пошелъ.⁶⁵ И пришелъ⁶⁶ к господину своему столнику Нардину Цаплину⁶⁷ и ⁶⁸ спро-

* текст в рукоп. попорчен. ** так в рукоп.

1 *приб.* к себе Т. и У. 2 *приб.* и послали сыскат квартиру Фрола Скобеева П., *приб.* и сказали ему: «поезжай и сыщи квартиру Фрола Скобѣева». У. и Т. 3 приказывали П., *проп.* Т. и У. 4 провѣдай Т. и У. 5 *проп.* и проведать о дочери своей, жива ли она. И призвали человека своего и приказали проведать про Аннушку Ак., *приб.* что П. и Ак. ⁶ *приб.* у него Ак. 7 Аннушка Ак. 8 *проп.* П. и Ак. 9 имѣет Т., П., У. и Ак. ¹⁰ *приб.* сбѣѣ Ак. 11 *вм.* какое пропитание — пропитание какое Т., П. и У. 12 *проп.* У. ¹³ *приб.* по Москве У., *приб.* их по Москвѣ Т. 14 Скобеева Т., П., У. и Ак., *приб.* и по многом хождени нашел Т. и У. 15 *проп.* и пришел П. 16 ко Т. и У. 17 двору Т. и У. ¹⁸ *проп.* ко Фролу Скобрахову Нардина Цаплина человекъ Т. и У., *проп.* И пришел на дворъ ко Фролу Скобрахову Нардина Цаплина человекъ Ак. 19 усмотрел Т., У. и П., смотрил Ак. ²⁰ *проп.* П. 21 Скобеевъ Т., П., У. и Ак. 22 *проп.* Т. и У. 23 идетъ У. и Т. 24 лечи П., лечи Ак. 25 *вм.* притворить себя — притворитца Ак. 26 *проп.* Т. 27 *вм.* отдалъ — и два Ак. 28 *вм.* по обычаю — надлежить Ак. 29 *проп.* П. 30 Скобеев Т., П., У. и Ак. ³¹ *приб.* ево Ак. 32 *проп.* П. 33 *вм.* имеешь ко мне — до меня имѣешь Т. и У. 34 тот П. *проп.* Т., У. и Ак. 35 отвѣщал Т. и У. 36 что Т., П., У. и Ак. 37 *проп.* Т. 38 Нащекина Т., П., У. и Ак. 39 провѣдавъ Ак. 40 *вм.* Аннушку — доч ево Т., до ево У. (*так в рукоп.*) ⁴¹ Скобеевъ Т., П., У. и Ак. 42 говорит Т. и У., 43 *проп.* П. 44 *проп.* тому присланному человеку Т. и У., *вм.* тому присланному человеку — ему Ак. 45 каково Т. и У., *приб.* ея У. и Т., *приб.* ето Ак. 46 здраве Т. и У. 47 Таков Т., П., У. и Ак. 48 ти Т., то У. и Ак. ⁴⁹ родительскон Т., П., У. и Ак. 50 таевъ У. (*так в рукоп.*) 51 *вм.* видишь — знатно что Ак., *проп.* Т. и У. 52 ея У., Ак. и Т., *проп.* П., *приб.* заочно Т., П. и Ак., *приб.* заочно У. (*так в рукоп.*) 53 бранят Т., П., У. и Ак. 54 *проп.* Т. 55 того Ак. 56 лежит Т., П. У. и Ак. 57 они Т., П., У. и Ак. 58 *проп.* при жизни ее П. и Ак. 59 *приб.* словесное родительское Ак., *приб.* бранят П. (*так в рукоп.*) 60 *проп.* Ак. 61 *вм.* благословение ей дали — ей благословение дала У., благословили Т. 62 *проп.* Ак. 63 отдал Т., П. и У. ⁶⁴ *приб.* от них П. 65 *проп.* и пришелъ Ак. 66 *проп.* П. 67 Нащокину П. и Ак., *проп.* столнику Нардину Цаплину Т. и У. 68 *приб.* по приходу Ак.

силъ¹ господинъ² ево:³ «что не⁴ нашел ли⁵ квартиру⁶ и⁷ видел ли Аннушку, жива ли она или нетъ?» И человекъ тотъ⁸ объявил,⁹ что¹⁰ Аннушка жестоко¹¹ болна, едва будетъ¹² жива,¹³ «и требуетъ¹⁴ от васъ, хотя бъ¹⁵ словесно¹⁶ благословили заочно».¹⁷ И¹⁸ жестоко¹⁹ об²⁰ дочери²¹ соболезновали,²² толко²³ разсуждали, что с воромъ и плутомъ зделать,²⁴ не об немъ²⁵ сожалея,²⁶ но²⁷ о дочери²⁸ своей.²⁹ И³⁰ мать ея стала говорить:³¹ «ну, мой другъ, уже³² такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому,³³ уже³⁴ такъ богъ судиль.³⁵ На одномъ*,³⁶ мой другъ,³⁷ послать³⁸ образъ³⁹ и благословить ихъ хотя заочно. А когда сердце⁴⁰ наше⁴¹ умилюстивится⁴² к нимъ,⁴³ то можемъ⁴⁴ и сами видится с ними».⁴⁵ И⁴⁶ сняли⁴⁷ стены образъ, которой⁴⁸ обложенъ⁴⁹ золотомъ⁵⁰ и⁵¹ драгими⁵² камнями,⁵³ — такъ⁵⁴ какъ⁵⁵ прикладу⁵⁶ всего на 500 ру,⁵⁷ — и послали⁵⁸ с тем же⁵⁹ человекомъ и⁶⁰ приказали сказать,⁶¹ чтобъ они⁶² сему⁶³ образу молились,⁶⁴ «а⁶⁵ плуту и вору Фролу⁶⁶ Скомрахову⁶⁷ скажи⁶⁸ чтобъ онъ ево не промоталь». И⁶⁹ человекъ⁷⁰ принялъ⁷¹ образъ и пошелъ на дворъ⁷² Фрола⁷³ Скомра-

* так в рукоп.

1 спрашивъ Ак. (так в рукоп.) 2 проп. П. 3 ем. господинъ ево — ево столникъ Ак., ем. спросилъ господинъ ево — донес Т. и У. 4 проп. Т., П., У. и Ак. 5 проп. Т., У. и Ак. 6 приб. Фрола Скобѣеву Ак. (так в рукоп.), приб. Фрола Скобеева Т. и У. 7 проп. Ак. 8 проп. Ак. 9 приб. ему Ак., проп. и видел ли Аннушку, жива ли она или нет? И человекъ тотъ объявил Т. и У. 10 токмо Т. и У. 11 очень Т. 12 проп. жестоко болна, едва будетъ П. 13 проп. едва будетъ жива Т. и У. 14 просит Т. и У. 15 проп. П. и Ак. 16 словесного Ак. 17 ем. благословили заочно — заочно благословение П., заочного благословѣнія Ак., ем. хотя бъ словесно благословили заочно — заочно хотя словесного благословения Т. и У. 18 А Ак., приб. столникъ и з женою своею П., приб. столникъ и з женою Ак. 19 пребъзмерно У. и Т. приб. родители Т. и У. 20 о Т., У. и Ак. 21 дочери Т., У. и Ак., приб. своей Т., У. и Ак., проп. жестоко об дочери П. 22 соболѣзнують Т., зоболезно У. (так в рукоп.), приб. о нем П. 23 токмо Т., П. и У., ем. токмо — и такъ Ак. 24 деалъ У., Ак., Т. и П. 25 ем. не об немъ — но болѣе Т., У. и Ак. 26 сожалея У. и Т. 27 проп. Т., У. и Ак. 28 дочери Т., У. и Ак. 29 проп. не об немъ сожалея, но о дочери своей П. 30 проп. Т., У. и Ак. 31 ем. мать ея стала говорить — стала говорить мать ея Ак. 32 приб. быть Т. и П., приб. быть тому Ак. 33 ем. дочерью нашею плуту такому — плуту дочерью нашею Т., ему плуту дочерню нашею такому негодному Ак. 34 уш Ак., приб. то Ак. 35 велѣл Т. 36 ем. На одномъ — Надобно Т., П. и Ак. 37 ем. мой другъ — другъ мой П. и Ак. 38 приб. к нимъ Ак., П. и Т. 39 проп. уже такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже такъ богъ судиль. На одномъ, мой другъ, послать образъ У. 40 сердца У. и Т. 41 наши Т. и У. 42 утолятся Т. и У. 43 проп. к нимъ Т. и У., ем. умилюстивятся к нимъ — к нимъ смилостивитца Ак. 44 можетъ Ак. 45 проп. с ними П., ем. сами видится с ними — видетца с ними и сами У. и Т. 46 проп. Т. и П. 47 приб. съ Ак. 48 которы Ак., приб. былъ У. и Т. 49 приб. был П. и Ак. 50 златомъ Ак. и П. 51 з У. 52 драгим Т., П., У. и Ак. 53 камениемъ Т., П., У. и Ак. 54 проп. П. 55 ем. такъ какъ — котораго Ак. 56 приб. было Ак. 57 р. Т., ру. П., рублевъ У. и Ак. 58 послѣ Ак. (так в рукоп.). 59 проп. П. 60 проп. Т. 61 проп. Т. (у Дун. проп. нет), приб. дочерѣ своей Аннушкѣ Ак. 62 она П. и Ак. 63 тому Т., оному У. 64 молилас П. 65 ем. а — да притомъ объяв Ак. 66 Фролке Т., П., У. и Ак. 67 Скобееву П. и Ак., проп. Т. и У. 68 проп. Ак. 69 проп. У. 70 приб. их Т. 71 приняв П., Т. и Ак., приб. оной Т., приб. тотъ Ак. 72 квартиру Т. 73 Фролъ Ак.

хова.¹ И увиделъ ² Фроль Скобрахов,³ что пришолъ ⁴ тот же человекъ,⁵ и ⁶ сказалъ жене своей: «встань, Аннушка».⁷ Она ⁸ жъ ⁹ встала ¹⁰ и села ¹¹ с нимъ ¹² вместе.¹³ И человекъ тотъ ¹⁴ вошелъ в покои ¹⁵ и отдалъ ¹⁶ образъ.¹⁷ * И ¹⁸ поставилъ ¹⁹ где надлежитъ и сказалъ ²⁰ человеку: ²¹ «таково то родительское благословение! ²² Заочно намерены и ²³ благословить,²⁴ — богъ далъ Аннушке лехче,²⁵ ныне,²⁶ слава богу, здорова.²⁷ Благодарни ²⁸ ихъ ²⁹ милости».³⁰ И человекъ пришелъ к господину своему, и объявилъ об отданіи ³¹ образа, и о здоровье ³² Аннушке,³³ и ³⁴ благодарение ³⁵ ихъ, и пошелъ в показанное ³⁶ место.³⁷ И ³⁸ столникъ ³⁹ Нардинъ Цаплинъ ⁴⁰ сталъ ⁴¹ рассуждать и сожелесть о ⁴² дочери ⁴³ своей:⁴⁴ «какъ, другъ,⁴⁵ быть? Конечно, плуть тамъ ⁴⁶ заморилъ ⁴⁷ Аннушку. Чемъ ему вору ⁴⁸ ее кормить,⁴⁹ и самъ какъ собока ** голоденъ. Надобно, другъ мой,⁵⁰ послать какого запасу».⁵¹ И вскоре приказали послать всякого домашнегого

* *конца недостает.* Ак. ** *так в рукоп.*

1 Скобеева Т., П., У. и Ак. 2 усмотрил Т., П., У. и Ак. 3 Скобеевъ Т., П. и У., *проп.* Ак. 4 пришелъ П. 5 човѣкъ Ак. (*так в рукоп.*). 6 *проп.* Т., П. и У. 7 *приб.* И П. и Ак. 8 *вм.* она — Аннушка Ак. 9 *проп.* П. и Ак. 10 *проп.* Она жъ встала Т. и У. 11 сѣли Ак., Т. и У. 12 *вм.* с нимъ — оба Т. и У. 13 *вм.* с нимъ вместе — вмѣстѣ со Фроломъ Скобѣевымъ Ак. и П. 14 *проп.* Ак. 15 *приб.* их Т. и У. 16 отдает П. 17 *проп.* У. и Ак., *приб.* Фролу Скобееву Т., П. и Ак., *приб.* Аннушкѣ човѣкъ сказалъ: «молися тому образу, — помидуетъ васъ и спасетъ души ваша». Ак., *приб.* и сказал, что «родители ваши, богомъ данные, прислали к вам благословение». Т., *приб.* «прислали вам свое благословение». У., *приб.* Принявъ образъ П., *приб.* И Фрол Скобеевъ, приложасъ к тому образу и с Аннушкою Т., *приб.* И Фрол Скобѣевъ, приложасъ с Аннушкой У. 18 *проп.* П. 19 поставили У. и Т. 20 *приб.* Фрол Т. и У., *приб.* тому П. 21 *приб.* тому Т. и У. 22 *приб.* И Т., П. и У. 23 *проп.* П. 24 *вм.* намерены и благословить — ихъ не оставили Т., *приб.* и Т. и П. 25 здоровье Т. 26 *проп.* П. 27 здрава П. 28 Благодарни Т., *проп.* намерены и благословить, — богъ далъ Аннушке лехче, ныне, слава богу, здорова. Благодарни У. 29 *вм.* У. 30 милость Т., *проп.* У., *приб.* что не оставили заблудшую доч свою Т., *приб.* не оставили заблудшую доч свою У., *вм.* Благодарни ихъ милости — И сказалъ Фроль Скобеевъ, також и Аннушка, благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость П. 31 отдани П. и У. 32 здравн Т. и П. 33 Аннушки П., Аннушкине Т. и У. 34 *приб.* о Т., П. и У. 35 благодарени Т., П. и У. 36 *приб.* свое Т., П. и У. 37 *приб.* И столник Нардин Нащекин, поехав к государю и объявил, что «дочь свою нашел у Новгородского дворянина Фрола Скобеева, которой на ней и женился, и прошу вашей государевой милости, чтоб в том ему, Скобееву, отпустить» — и объявил ему все подробно, на что велики государь ему сказал, что «в том твоя воля, как желаешь! и совѣтую тебе, что уже того не возвратит, а онъ твоимъ награждениемъ, а моею милостию противъ протчихъ своей братьи оставленъ не будетъ, — и в том на старости возымѣшь утеху!» Т. 38 *проп.* Т. 39 *приб.* же Т. 40 Нащекин Т., П. и У., *приб.* поклоняся государю, и поиде в домъ свой и Т. 41 сталъ Т. 42 *проп.* У. 43 дочери Т., П. и У. 44 *приб.* и стал говорить жене своей Т. и У., *приб.* и говорил жене своей П. 45 *приб.* мой Т. 46 *проп.* Т., П. и У. 47 заморит Т., П. и У. 48 *проп.* ему вору П. 49 *вм.* ее кормить — кормить ея У. и Т. 50 *проп.* другъ мой П. 51 *приб.* на 6 лошадах П., *приб.* хотя на шести лошадах; и жена ево сказала: «конечно, надобно, другъ, послать» У., *приб.* хотя на 6-ти лошадах; а жена ево сказала: «конечно, надобно, другъ, послать» Т

запасу, на шести лошадей,¹ и при томъ запасе² реэстръ, что чего послано.³ И привезли на дворъ ко Оролу Скомрахову и отдали того запасу реэстръ.⁴ И Ороль Скомраховъ⁵ по реэстру⁶ приказалъ положить в паказанное *⁷ место⁸ и приказалъ⁹ людемъ за ихъ показанное¹⁰ родительское¹¹ благословение¹² и¹³ милосердие¹⁴ благодарить. И¹⁵ уже Ороль Скомраховъ¹⁶ живеть¹⁷ радостно¹⁸ и ездить¹⁹ по знатнымъ персонамъ. И весьма Скомрахову²⁰ удивились,²¹ что онъ зделалъ такую притчину zelo²² смело. И²³ уже чрезъ долгое время столника Нардина Цаплина²⁴ обратили²⁵ сердцами²⁶ и, соболезнуя²⁷ душею²⁸ о дочеріи²⁹ своей, такожъ и³⁰ Орولا³¹ Скомрахова,³² приказали³³ послать³⁴ человека своего³⁵ и³⁶ просить ихъ, чтобъ онъ³⁷ съ своею женою,³⁸ а съ ихъ дочерью, приехалъ к столнику Нардину Цапину³⁹ кушать.⁴⁰ И⁴¹ пришелъ присланои⁴² человекъ и стал⁴³ просить⁴⁴ Орولا Скомрахова⁴⁵ в домъ тестя своего столника:⁴⁶ «изволь⁴⁷ прпехать в⁴⁸ сей день и⁴⁹ з женою своею кушать».⁵⁰ И Ороль Скомраховъ⁵¹ сказалъ⁵² человеку:⁵³ «донеси⁵⁴ батюшка,⁵⁵ готовъ быть сей час⁵⁶ къ ихъ милости».⁵⁷ И Ороль Скомраховъ⁵⁸ убрался, и⁵⁹ з женою своею Аннушкою, и поехалъ в домъ тестя своего столника Нардина⁶⁰ Цаплина.⁶¹ И⁶² приехалъ

* так в рукоп.

1 *см.* вскоре приказали послать всякого домашнего запасу на шести лошадей — послали тот запас Т. и У., послали запасъ П. 2 *прон.* Т. и У. 3 *прон.* что чего послано Т. и У. 4 *см.* И привезли на дворъ ко Оролу Скомрахову и отдали того запасу реэстръ — И какъ пришелъ онии запасъ У. и Т., *прон.* что чего послано. И привезли на дворъ ко О. С. и отдали того запасу реэстръ П. 5 Скобеевъ Т., П. и У., *проб.* не смотря Т., П. и У. 6 *проб.* и П. 7 показанные Т. 8 мѣста Т. 9 *проб.* тем П., Т. и У. 10 *прон.* Т., П. и У. 11 родительские Т., П. и У. 12 *прон.* Т., П. и У. 13 *прон.* Т., П. и У. 14 милости Т., П. и У. 15 *прон.* Т. и П. 16 Скобеевъ Т., П. и У. 17 стал жить Т. и У. 18 роскожно Т., П. и У. 19 *проб.* везде Т., П. и У. 20 Скобееву Т., П. и У. 21 удивлялися Т. и У., удивлялись П. 22 такъ У. и П., и так Т. 23 *прон.* Т. и У. 24 *прон.* столника Нардина Цаплина Т., П. и У. 25 обратили П., Т. и У. 26 сердцем Т., П. и У. 27 соболезновали П., Т. и У. 28 *прон.* П. 29 дочери Т., П. и У. 30 *проб.* о Т., П. и У. 31 Ороле П., Т. и У. 32 Скобеева Т., П. и У., *проб.* и Т., П. и У. 33 *прон.* Т. и У. 34 послали У. и Т. 35 *см.* своего — к нимъ Т., П. и У. 36 *проб.* приказали У. и Т. 37 *см.* онъ — Ороль Скобеевъ и П. 38 *см.* своею женою — женою своею П. 39 Нащокину П., *прон.* чтобъ онъ съ своею женою, а съ ихъ дочерью, приехалъ къ столнику Нардину Цапину Т. и У. 40 *проб.* к себе Т. и У. 41 *проб.* какъ Т. и У. 42 *прон.* Т. и У. 43 *прон.* Т. и У. 44 просит П., Т. и У. 45 Скобеева П., *прон.* Орولا Скомрахова Т. и У. 46 *прон.* въ домъ тестя своего столника Т., П. и У., *проб.* чтобъ онъ П. 47 изволил П. 48 *прон.* П. 49 *прон.* П. 50 *см.* «изволь прпехать в сей день и з женою своею кушать» — «приказал батюшка просить васъ кушать сей день». У., «приказал батюшко васъ кушать сей день». Т. 51 Скобеевъ Т., П. и У. 52 *прон.* У. 53 *прон.* Т. и У. 54 *проб.* государю У., *проб.* государю нашему Т. 55 батюшку Т. и П., батюшке У. 56 ден П. 57 *см.* готовъ быть сей час къ ихъ милости — что будемъ не умедля до ихъ здоровья Т., будемъ не умедля У. 58 Скобеевъ Т., П. и У. 59 *прон.* Т. и П. 60 *прон.* П. 61 Нащокина П., *прон.* столника Нардина Цаплина Т. и У. 62 *проб.* какъ П.

в домъ,¹ и жена ево² пришла ко отцу своему³ и⁴ пала пред ногами родителей своихъ. И⁵ увидель⁶ Нардин⁷ Цаплин⁸ дочь свою, и з женою своею,⁹ и¹⁰ стали ее бранить¹¹ и¹² наказывать гневомъ своимъ родительскимъ¹³ и, смотря на нее, жестоко¹⁴ плакали,¹⁵ что¹⁶ она и¹⁷ какъ¹⁸ учинила без воли родителей своихъ.¹⁹ Однакожь оставили²⁰ весь свои гневъ родительской и отпустили²¹ ей вину²² и приказали²³ сестъ²⁴ съ собою. А Оролу Скомрахову:²⁵ «а ты, плуть, что стоишь? Садись тут же. Тебе ли бы,²⁶ плуту, моею дочерью владеть!»*²⁷ И Орол Скомраховъ²⁸ сказалъ:²⁹ «государь батюшко,³⁰ уже тому такъ быть³¹ богъ судиль». И сели все вместе³² кушать. И столник Нардинъ Цаплинъ³³ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого в домъ постороннихъ напущать.**³⁴ «И³⁵ ежели кто придетъ и станеть спрашивать, что дома ли столникъ,³⁶ сказывайте,³⁷ что времяня³⁸ такого нетъ, чтобъ видеть³⁹ столника⁴⁰ нашего,⁴¹ для того, что⁴² зъ зятемъ,⁴³ с⁴⁴ воромъ и с⁴⁵ плутомъ Оролкою,⁴⁶ кушаетъ». И по окончаніи⁴⁷ обеда⁴⁸ столникъ Нардинъ Цаплинъ⁴⁹ спрашивалъ:⁵⁰ «ну, плуть, чемъ ты⁵¹ станешь жить?» И Орол Скомраховъ⁵² объявилъ:⁵³ «чемъ мне жить?⁵⁴ Изволишь ты ведать обо мне, — более нечемъ что ходить за приказными⁵⁵ делами.»⁵⁶ И столникъ сказалъ:⁵⁷ «перестань, плуть, ходить за приказными делами»⁵⁸

* конца недостает. У. ** так в рукоп.

1 *приб.* их Т., *приб.* тестю П. 2 *вм.* жена ево — Аннушка П. 3 *вместо* жена ево пришла ко отцу своему — пошел в покой з женою своєю Т., вошел в покой с женою своею У.
4 *приб.* Аннушка Т. и У. 5 *проп.* Т., П. и У. 6 *усмотрял* Т., П. и У. 7 *проп.* П.
8 *Нащекинъ* Т., П. и У., *приб.* как Т. 9 *приб.* приносимую вину свою Т. и У.
10 *проп.* Т. и У. 11 *вм.* ее бранить — бранить ея У. 12 *проп.* П. 13 *вм.* гневомъ своимъ родительскимъ — своим гневомъ родительским У. и Т. 14 *весма* Т., *проп.* У. 15 *плачуть* У. и Т.
16 *какъ* П., 17 *проп.* Т., П. и У. 18 *так* Т., П. и У. 19 *приб.* проклиная жизнь ея словами своими; и по многом их глаголаніи і гневѣ У., *приб.* проклиная жизнь ея словами своимі; и по многомъ глаголаніи их гневу Т. 20 *оставя* П., *проп.* Однакожь оставили весь свои гневъ родительской и Т. и У. 21 *отпустя* П. 22 *вм.* ей вину — вину ея У. и Т. 23 *приказал* Т., П. и У. 24 *садится* Т. и У., *приб.* за стол Т. и У. 25 *Скобееву* Т., П. и У., *приб.* сказалъ П. и У. 26 *проп.* П. 27 *вм.* моею дочерью владеть — владеет моею дочерью П., владеть дочерью моею У. и Т. 28 *Скобеев* П., *проп.* Т. 29 *приб.* ему Т. *приб.* ну П.
30 *батюшка* П. 31 *проп.* Т. и П. 32 *проп.* Т. 33 *Нащекин* Т. и П. 34 *не пущали* П., не пускали Т. 35 *проп.* П. 36 *приб.* Нащекин П., *проп.* И ежели кто придетъ и станеть спрашивать, что дома ли столникъ Т. 37 *сказывали* бы Т. 38 *время* Т. и П. 39 *проп.* чтобъ видеть Т. 40 *столнику* Т. 41 *проп.* Т. 42 *проп.* П. 43 *приб.* своим Т. и П. 44 *проп.* Т.
45 *проп.* Т. и П. 46 *приб.* Скобеевым Т. 47 *окончави* Т. и П. 48 *стола* Т. и П. 49 *Нащекинъ* П.
50 *вм.* столникъ Нардинъ Цаплинъ спрашивалъ — стал столникъ говорит зятю своему Т.
51 *проп.* П. 52 *Скобеевъ* Т. 53 *сказал* Т. 54 *проп.* И Орол Скомраховъ объявилъ: «чемъ мне жить?» П. 55 *приказным* П. 56 *деламъ* П., *вм.* «чемъ мне жить? Изволишь ты ведать обо мне, — более нечемъ что ходить за приказными делами» — «милостивы государь-батюшко! изволиш ты самъ быт извѣстен, чемъ мнѣ жить, — болѣе не могу пропитанія нанти, какъ за приказными делами ходить» Т. 57 *рече* Т., *проп.* И столникъ сказалъ П.
58 *проп.* приказными делами Т. и П.

ябедою *.¹ Имею я² вотчинны³ в Сынъбирском уезде,⁴ по пѣреписи состоятъ⁵ в трехъ стахъ⁶ дворѣхъ,⁷ справъ, плутъ, за собою и живи⁸ постоянно. И Фроль Скомраховъ⁹ отдасть поклонъ, и зъ женою своею,¹⁰ и приносили¹¹ предъ ними¹² благодарѣнне.¹³ Конецъ.¹⁴

2. ТЕКСТ ПОВЕСТИ ПО РУКОПИСИ И. Е. ЗАБЕЛИНА № 536

Исторія о Новогороцкомъ дворянинѣ о Фроле Скабѣеве и Аннушке, какъ онъ себѣ достигъ за семь рублей благополучіе.

В Новогороцкомъ уездѣ имелася вотчина столника Нардина Нащокина, в которой жила родная ево дочь Аннушка, девица изрядная, а особливо богатствомъ и знатностью отца своего от многихъ людей была знаема и почитаема. И красотою своею краснолична от протчихъ девицъ имела преимущество, что и по всему Новгородскому уезду было в славе красота ея. А особливо какъ дошло имя и красота ея до живущаго близъ ихъ вотчины в соседстве Новгородскаго дворянина Фрола Скабѣева, которой не имель

* *конецъ написанъ другимъ почеркомъ.*

¹ Ябедой Т., *приб.* И имения П. ² *вм.* имею я — имѣется П. и Т. ³ вотчина Т. и П., *приб.* моя Т. и П. ⁴ *приб.* (которая Т. и П. ⁵ состоитъ Т. и П. ⁶ *вм.* трехъ стахъ — 300-хъ Т., 300-хъ сотъ П. ⁷ дворахъ Т., *приб.* да в Новгородскомъ уѣздѣ въ 200-хъ дворахъ Т. ⁸ живи Т. и П. ⁹ Скобеевъ Т. и П. ¹⁰ *приб.* Аннушкой П. ¹¹ преноса П. ¹² нимъ П. ¹³ *вм.* предъ ними благодарѣнне — благодареніе родителемъ своимъ Т., *приб.* «Ну, плутъ, не кланялся, поди самъ справляи за себя». И сидевъ немного время и поехалъ Фроль Скобеевъ и зъ женою своею на квартиру. Потомъ столникъ Нардинъ Нащокинъ приказалъ ево воротитъ и сталъ ему говорить: «ну, плутъ, чемъ ты справишишь? Естъ ли у тебя денги?» «Известенъ, государь батюшка, какія у меня денги, — развѣ продатъ исъ техъ же мужиковъ». «Ну, плутъ, не продавай, возми денегъ я дамъ». И приказалъ датъ 300 ру. И Фроль Скобеевъ взялъ денги и поехалъ на квартиру и современемъ справилъ тое вотчину за себя. И поживъ столникъ Нардинъ Нащокинъ немного время и учинилъ при жизни своей Фрола Скобеева наследникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имени. И сталъ житъ Фроль Скобеевъ в великомъ богатствѣ. И столникъ Нардинъ Нащокинъ умре и зъ женою своею. А Фроль Скобеевъ, после смерти *такъ в рукоп.*) отца своего, сестру свою родную отдасть за некотораго столничьева сына, а которая при нихъ имелася мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великомъ милости и в чести до смерти ея. Сеи истори П., *приб.* и сидевъ немного поехалъ Фроль Скобеевъ на квартиру свою и зъ женою своею. Тестъ же его столникъ Нардинъ Нащокинъ приказалъ Скобеева возвратитъ и сталъ говорить: «ну, плутъ, есть ли у тебя денги? чемъ ты деревни справишишь?» И Фроль рече: «извѣстно вамъ, государь-батюшко, какіе у меня денги! И столникъ приказалъ датъ дворецкому своему денегъ 500 ру. И простясъ Фроль Скобеевъ поехалъ на квартиру свою и зъ женою своею Аннушкою. И по многому времени справилъ Фроль деревни за собою и сталъ житъ очень роскошно, и ездилъ къ тестю своему безпрестанно и всегда приниманъ былъ с честью, а за ябедами ходитъ уже бросилъ. И по некоемъ времени поживе столникъ Нардинъ Нащокинъ в глубокой своей старости, в вечную жизнь переселился, и по смерти своей, учинилъ Фрола Скобеева наследникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имени. Потомъ недолгое время поживъ, теща ево преставилася, — и тако Фроль Скобеевъ живя в великой славе и богатствѣ, наследниковъ по себѣ оставя и умре. Т. ¹⁴ *прон.* Т.

никаких делъ, какъ болшія ходя в Москвѣ за приказными делами, — от того онъ имель себѣ и пропитаніе. И вздумалъ онъ Ороль Скабѣевъ искать случая какъ бы с Аннушкою познать и не знаетъ наитить какова себе онъ пріятели какъ бы чрез ково могъ получить чтоб Аннушку видеть; а болѣе не допуцала ево Скабѣева бедность, потому что он дворенинъ небогatoi, а еще же и Аннушкина постоянство. Однака Ороль Скабѣевъ вор вздумал воитить в одну компанію с прикащиком тои Аннушкины вотчины, с которым онъ и познакомился; имели промеж собою немалую дружбу, к друкъ¹ ко другу ездилы беспрестанно. И в одно время былъ Ороль Скабѣев у Аннушкина у прикащика в гостяхъ. И в то время пришла к прикащику Аннушкина мамка для некоторого од госпожи своеи приказанія. И Ороль Скабѣевъ встал и отдал ей всенижайши поклон, — признал ету мамку, что она всегда при Аннушке и в милости она в великои у неи. И посидѣ у прикащика мамка малое время пошла домой. Тогда Ороль Скабѣев всталъ и выпелъ за нею в сени, и подарил ей два рублевика, и говорить ей: «прошу я вастъ, моя государыня, чтоб прозбы моеи вы не оставили и одолжили бы меня пріятиемъ малого сего моего подарка». И Аннушкина мамка стала в великомъ сумненіи, потому что первой случаю еща с ним, и говорить она ему: «господинъ Ороль Скобѣевичъ, мне эта удивительно кажетца, что вы не по заслугамъ моим, сударь, милость свою ко мне казать изволите». А Ороль Скабѣевъ ничего ей не говорилъ, отдал денги и, поклоняся, пошелъ к прикащику в покои. А мамка пошла домой и сама задумалась о сем не за том² такомъ случае, за што ей Ороль Скабѣевъ подарил два рублевича? И думаетъ: обявлят ли о том своеи госпоже или нет? Однако умолчала и не обявила, что ей подарилъ два рублевика. И Ороль Скабѣевъ посидѣ у прикащика и поехал онъ домой. И после того несколько времени спустя пришли увеселительныя вечера, то есть Светки. Тогда Аннушка приказала своеи мамке, шtbody она ехала по всем дворяням, которыя живутъ по близности их вотчины и у которыхъ есть дочери девицы, и приказала их просить, что бы они пожаловали к Аннушке в гости для их девическаго веселия на вечеринку. И мамка, по приказу госпожи своеи Аннушки, ко всем дворяням ездилы и звала всех ихъ дочереи, и по тому еѣ прошенію все они обѣщали к Аннушке быть. И притом знала Аннушкина мамка, что есть у Орולה Скабѣева сестра, и вспомнила Орולה Скабѣева одолженіе, когда онъ подарил ей два рублевика, и приехала в дом к нему и просила сестру ево, чтобы она пожаловала в домъ столника Нардина Нащокина к дочере ево

¹ так в рукоп.

² неглаголючиво

Аннушке для их веселия на вечеринку. И сестра Орoла Скабеева просила Аннушкину мамку, что бы она изволила подождать: «а я пойду к брату, ко Орoлу Скобеевичу, проситца, — прикажет ли онъ мне ехать к Аннушке в гости. И что онъ мне скажетъ, то я тебе, мамушка, скажу». И пришла к брату своему, ко Орoлу Скобѣеву, и объявила ему, что: «приехала от столника Нардина Нащокина от дочери ево Аннушки мамка — просить меня на вечеринку посидеть. Што ты мне, братецъ, изволишь сказать? Орoл Скобѣев разсудил он себѣ за благополучие, что кроме сего благополучия сыскать в другое время не можно, и положилъ онъ свое намерение, что и ему к Аннушке ехать, и сказал сестре своей: «поди и скажи Аннушкиной мамке, что я отпустилъ тебя. И скажи ей ты еще: для умножения компаніи привезу с собою подрушку одну дворянскую дочь, которая у насъ ныне гостить». И пошла Орoла Скобѣева сестра и думает: какая у меня подрушка дворянская дочь гостить? Однако противъ брата своего ослушетца приказу ево не могла и Аннушкиной мамке обевила, что ей приказывал братъ Орoль Скабеевъ сказать, и попотчивала ею проводила. И какъ мамка приехала в дом къ госпоже своей Аннушке и объявила, что: «по приказу вашему всех просила и все обещали бытъ». И Аннушка приказала мамке и всем своим людям для гостей что надобно изготовить. И какъ мамка уехала, тогда Орoль Скобѣевъ приказал сестре своей, что бы она собиралась в самое хорошѣе драгоценное платьѣ, и приказал ей что бы и ему принесла свое девическое платьѣ: «и я уберусь, сестрица, девицаю, а тебе подругою, и поедим вместе с тобою к Аннушке в гости». И какъ услышала сестра ево от него такія речи и говорила ему: «государь мой, братецъ Орoль Скобѣевичь, ета дело нехорошо и не похожа на шутки. Ну, какъ тебя признают, что ты мущина? То конечно нам будетъ не честь; ты и сам знаешь, что у Аннушки во дворе людей много, а еще же и отецъ еѣ, столникъ Нардинъ Нащокинъ, у государя в великой милости». А Орoль Скобѣевъ сказал сестре, что: «я ничего не боюсь. Поедим!» И о том сестра ево много плакала, однако по принуждению брата своего противитца перед ним не могла и уборъ ему свои девичей принесла. И Орoль Скобѣевъ убрался девицаю и поехалъ с сестрою своею в одних санях к Аннушке в гости. И какъ приехали и Аннушка встретила их честно, а Орoла Скобѣева узнать не могла, что он мущина, и думала, что такая ж дворянская дочь девица. И какъ стали съезжатца все дворянскія дочери девицы, и такъ съехалась их очень много; тогда Аннушка просла всех своих подрушкав, что бы изволила забавлятца и веселитца. И они, по Аннушкину приказу, играли и веселилися долгое время по своим девическимъ играм, какъ играютъ во Святки; и Орoл Скабеевъ

игралъ и веселился с ними, а узнать его никто не могъ, что он мужчина. Усмотрелъ Ороль Скобѣевъ такое свободное время, какъ Аннушкины слушающія люди вышли из горницы все вонъ, только осталась одна Аннушкина мамка, — такъ Ороль Скобѣевъ встал и пошелъ в нужникъ. И увидела Анну(шкина)¹ мамка, что Ороль Скобѣевъ пошел в ну(жник),¹ и взяла мамка свечу и пошла за ним для провожания. И как Ороль Скобѣевъ былъ в нужнике, а мамка Аннушкина стояла в сеняхъ и светила. И какъ Ороль Скобѣевъ вышелъ из нужника, — осмотрелся что, кроме их двухъ с мамкою, в сеняхъ никого нет, — и говорит Ороль Скобѣевъ мамке: «мы много тебя, мамушка, утрудили, что ты такъ изволишь для всякой светить и такія услуги показывать, а ни одна из нас из девицъ тебя ничем не подарить». И вынувъ из кормана пять рублевиковъ и подарилъ мамке. И мамка не могла его узнать, что он Ороль Скобѣевъ, и много отговаривалася: «што это изволите, сударыня, много меня жаловать! Этать мой труд того не стоить». Однако не могла ничем отговоритца, с великимъ утрудением принела от него пять рублевиков. И видитъ Ороль Скобѣевъ, что мамк(а)¹ его не признала, что он мужчина, и пал онъ мамке в ноги и о себѣ сталъ ей объявлять, что: «я, сударыня-мамушка, не точная девица, а подлинной дворянинъ, а именно вашъ сосед Ороль Скобѣевъ. А в девическом платьѣ и уборе приехал нарочно для Аннушки, что бы с нею возыметь обязательную любовь; а болѣе надежды не имею, какъ на твое милостивое старание». И какъ Аннушкина мамка услышала от него, что он дворянин Ороль Скобѣевъ, и стала в великом сумненіи, и не знаетъ что с ним делать. Однако, мамушке пришло в память два его подарка, семь рублей, и сказала ему, что: «всеми мерами, Ороль Скобеевичъ, служить тебѣ готова», и что: «в твою пользу старатца буду». И пошли они с ним опять в покой веселитца з девицами и никому о том не объявили, что с ним в сеняхъ говорили. И такъ Аннушкина мамка сыскала такой случаи обмануть свою госпожу Аннушку и подошла к ней, говорить ей мамка со учтивостию: «сударыня ты моя Аннушка, ежели вам угодно будетъ, что я вздумала вамъ объявить одну стариную свою игру, какъ мы в девках игравали и веселились своими подрушками». Аннушка просила свою мамку: «пожалуй, мамушка, и нам скажи, мы станем такъ же играть». Мамка Аннушке, плутовка, сказала: «а вотъ, сударыня, вы будите невеста, а я буду сваха, а ково-нибудь выберем из деушекъ женихом». И какъ Аннушка услышала от мамки своей такія речи, и не знала злаго мамкинава намерения, и приказала Аннушка мамке из деушекъ ково-нибудь выбрать жениха. И мамка говоритъ: «ково из васъ выбрать, девушки,

¹ попорчено в рукоп.

Аннушке жениха?» И пришла мамка ко Өролу Скабееву¹ и говорить ему: «тота изрядной Аннушке жених! Изволите ли вы, сударыня, Аннушку взять за себя? А Аннушка желаетъ за тебя вытти». И Өроль Скабѣевъ с почтениемъ отвѣтствовалъ свахе, Аннушкиной мамке: «сударыня ты моя свашенка, я с своей стороны со охотою желаю Аннушку взять за себя, толко бы Аннушка желаетъ ли вытти за меня?» И такъ мамка сосватала их, и по рукамъ ударили, и зговоръ и девишникъ зделали, какъ водитца и в настоящихъ свадбахъ. И отигр(али)¹ (сва)дбу¹ и спать их повели во особливо(й покой)¹, постелю убрали знатную. И такъ все деушки с честию и с церемониею провожали их и положили на постелю, то есть опочивать; а узнать никто ево из деушекъ не могли, что он мущина, и все думали, что такая же их подрушка девица; и оставили их с Аннушкою одних, а сами пошли опять играт и веселитца. И мамка с ними пошла игратъ и приказала всемъ девицамъ песни петь громко, чтобы Аннушкинова крику не слышать, какъ будетъ Өроль Скабѣевъ Аннушку починать. А сестра Өрола Скабѣева была в великомъ сумненіи и сожалѣетъ о брате своем, о Өроле Скобѣеве, думаетъ, что немалоі быть напасти, чтобы брата еѣ не узнали, что он мущина, а еще же, чтобы не зделалъ он с Аннушкою какова нибудь безщинства. И Өроль Скабѣевъ,² будучи с Аннушкою в одномъ покое и на одной постеле, и он с Аннушкою игралъ и цаловалса с нею и за сиски еіо онъ хватал неоднократно, какъ водитца мужъ с женою спать. Однако Өроль Скабѣевъ вороб себѣ Аннушке объявилъ: «сударыня ты моя Аннушка, я не точная девица, я подлинной дворянинъ Өроль Скабѣевъ, вашъ сосед. А в девическомъ платьѣ и уборѣ приехалъ я нарошно, для того чтобы с вами возыметь обезателную любовь». И какъ Аннушка скоро от него услышала, что онъ дворенинъ Өроль Скобеевъ, и стала она в великомъ страхе и в сумненіи, и не знаетъ что с страсти делать. А Өроль Скабѣевъ сталъ ей со учтивостию говорить: «милосердная моя государыня Аннушка, я давно искалъ с вами случая что бы васъ в любовь к себѣ склонить». И какъ Аннушка стала с нимъ противится, — и Өроль Скабеевъ не сталъ много думать и схватилъ ея руки и растлилъ девство ея насилна. И Аннушка пришла в великое сожаление и плакала безмерно об своемъ девстве. А Өроль Скобеевъ сталъ предъ Аннушкою на колени и целуетъ еѣ руки и говорить ей: «милостивая моя государыня Аннушка, столника Нардина Нацкокина дочь ево ты любезная, я прошу предъ тобою прощенья за такое мое дерзновение, и прошу я васъ, чтобы не иметь на меня гнѣву и себя о томъ не крушить,

¹ попорчено в рукоп.

² так в рукоп.

а меня в вине моеи простить». И такъ Аннушка перестала плакать и сама себя разсуждала, что ей того своего девства не возвратитъ. И стала Аннушка говорить: «слушай, господинъ Ороль Скабеевъ, хотя ты мне и учинилъ великое бещестие, толко я прошу тебя никому об етом не сказыват и не объявлять и нигде меня таким делам не поносить, а в вине твоеи я тебя прощаю». И Ороль Скабеевъ мертвою клятвою божилса и обещалса содержать тайно. И какъ Аннушкина мамка идетъ по сенямъ з деушками молодых поднимат. И какъ услышала Аннушка, что идетъ мамка з деушками, и велела она Оролу Скабѣеву встать и лечь на кровать: «яко бы мы спим», — для того, чтобы протчия девицы не догадались. И такъ мамка вошла з деушками к Аннушке в спальню молодыхъ подымать. И Аннушка в то время была в великом страхе, что и в лице вся переменялас, что могли все деушки догадатца, а для какой притчины — того не знали. И все деушки ихъ поздравляли и повели их опять в те покои, где прежде веселились. И взяла Аннушка мамку за руку и отвела ею во особливой покой и стала ей выговаривать: «что ты, злодейка, надо мною зделала! Эта со мною была не девица, — мужеская персона, а именно соседъ здепнай дворенинъ Ороль Скабѣевъ». Мамка плутовка на то Аннушке ответствовала: «милостивая моя государыня Аннушка, именно я ево, плута, не знала, что онъ Ороль Скабеевъ. Видишь, что он, плуть, над тобою зделалъ! Я думала, что он такая же девица, какъ и протчия дворянския дочери. А когда он такъ зделалъ, — я ему и сама отплачу: у насъ людей много, — поиду и велю ево, бестию, в такое место скрыть, чтобы и духъ ево не помянулса, или отдам ево псам на съядение». И какъ Аннушка услышала от мамки своей такая немилосербныя слова, и сожалея о Фроле Скобееве, и сказала Аннушка мамке своей: «светъ ты моя мамушка, послушай моего совету: — хотя ево и возможно погубить, толко мне уже того своего девства не возвратитъ. Прошу я тебя, мамушка, ево, дурака, в том простить». На то мамка, плутовка, Аннушке отвечала: «государыня моя Аннушка, эта состоятъ в твоеи воле». И такъ простосердечная была Аннушка, — и сказала мамке: «инъ поидем онят веселитца! А онои дворянин Ороль Скабеевъ авось нам онъ и впредь пригодитца». И стали онят играть и веселитца долгое время. И такъ Аннушка приказала мамке, чтобы приготавливать на столъ кушать, и стала Аннушка всехъ деушекъ просить, чтобы изволили садитца кушать, а сама села вместе со Фролом Скабеевым и с мамкою. А какъ поужинали, то Аннушка со Фролом Скабеевым и спать вместе легла, а деушек мамке с собою приказала положить. И такъ благополучно начевали. А какъ поутру встали, то Аннушка приказала мамке,

чтобы чаю приготовить. И такъ все напились и стали Аннушку за угощение благодарить, и притом стали по домам своимъ разезжатца. И Аннушка провожала их честно и поблагодарила их за посещение, а Фрола Скабеева оставила, и с сестрою ево, еще гостить. И такъ Фрол Скабеевъ гостилъ у Аннушки трой сутки, а все с Аннушкою веселился, — только был в девическомъ платьѣ, для того чтобы ево Аннушкины люди не признали. И какъ погостя Фроль Скобеевъ, и с сестрою своею, поехалъ домой, тогда Аннушка подарила Фрола Скабеева денегъ 3000 ру., а сестре ево 2000 ру., и проводила их честно и простиласть. И какъ Фроль Скобѣевъ приехалъ в домъ свой и былъ очень тому рад, что с Аннушкою удостоился в компаніи быть . . .¹ делалъ у себя Фроль Скобѣевъ в доме банкетъ и веселился с прочими своими дворянами. И спустя несколько времени пишеть к Аннушке, из Москвы² отецъ ея родной, столникъ Нардинъ Нащокинъ, чтобы Аннушка, не медля ни малого времени, ехала б в Москву, для того что за нѣе сватаютца женихи, столничьи дети. И какъ Аннушка получила от отца своего письмо, и весьма очень плакала и сожелела о разлученіи со Фролом Скобеевым, однако повѣления отца своего не преслушала и поехала в Москву к отцу своему столнику Нардину Нащокину. А какъ Фроль Скобеевъ проведал об Анн(у)шкином³ уезде в Москву, и сталъ о(н)³ в великомъ мненіи, и не знаеть, что з гру . . .³ делать, потому что онъ дворенинъ не(богатой).³ Однакож вздумалъ ехать в Москву за Анн(ушкой),³ а которыя имелъ у себя вотчины все . . .³ заложилъ и взял за них 500 ру., и поехал в Москву опять случая искать, какъ бы Аннушку достать. И такъ Фроль Скабеевъ сталъ збиратца ехать. Тогда сестра ево много плакала, потому что он оставляетъ ею одну, и Фроль сказа сестре своей: «пожалуй ты, сестрица, себя не круши и обо мне не тужи, — я хотя и животь свой утрачу, а от Аннушки не отставу. Либо чрезъ краткое время очень буду богатъ, либо уже никто обо мне не будетъ никто и знать, толко я намерения своего не отменю. Ежели что по намерению моему зделаетца, то я и тебя, сестрица, не оставляю, — а буде воспоследуетъ какое нещастие, то ты меня поминай». И простясь с сестрою своею, и далъ ей денегъ 200 ру., а с собою взялъ 300 ру., и поехал в Москву. И какъ приехалъ в Москву, и спросил, где живетъ столникъ Нардинъ Нащокинъ, и сталъ на оатеру по близности дому ево Нащокина. И на другой день пошел Фроль Скабеевъ к обедни, и увидель он в церкви Аннушкину мамку, и по окончаніи обедни вышелъ Фроль изъ церкви вонъ,

¹ угол листа ободван.

² так в рукоп.

³ оборвано.

и дожидался на паперти. И какъ Аннушкина мамка вышла ис церкви вонъ, то Ороль Скобеевъ подошелъ и отдал ей всенижайшии поклонъ и почтение, и просил онъ еѣ, чтобы она Аннушке объявила о приезде ево в Москву, и поклоняясь пошелъ на оатеру свою. И какъ мамка пришла домой и объявила госпоже своей Аннушке о приезде Орота Скобеѣва в Москву. И какъ Аннушка услышала от мамки своей, что Орол Скобеевъ в Москву,¹ и весьма тому возрадовалась и просила свою мамку, чтоб завтрепней день опять бы пошла она к обедне и взяла бы с собою денегъ, 5000 золотых, и отдала бы Оролу Скобееву: «и скажи ему, чтоб онъ, какъ возможно, со мною повидалса». И мамка на другой день, по приказу госпожи своей, пошла к обедне, и увидела Орота Скобеѣва в церкви, и отдала ему 5000 золотых, и сказала ему, чтобы онъ, какъ возможно, с Аннушкою повидалса. И Ороль Скобеѣвъ сказал мамке: «пожалуй, мамушка, поклонис Аннушке, — что всеми мерами я буду старатца. чтобы с Аннушкою повидатца», — и поклоняясь пошел на квартиру свою. А у Аннушкинова отца, у столника Нардина Нащокина, была у него в Девичьем монастыре пострижена родная ево сестра, а Аннушкина тетка. И в некоторое время поехалъ к ней столникъ Нардинъ Нащокинъ для посещения, и сидель онъ у ней долгое время, и много имель с нею разговоровъ, и притом уюмянули об Аннушке, что она приехала в Москву. Тогда сестра ево Нащокина просила ево, чтобы он отпустил Аннушку к ней в монастырь погостить, а болѣе для свиданья, — что она с нею не видалася долгое время. И столникъ Нащокинъ сказал сестре своей: «что изволишь, сестрица, — отпущу к тебѣ». И какъ столникъ Нащокинъ поехалъ домой, тогда вторично просила сестра: «пожалуй, братецъ, не забывайтуй, пришли ко мне Аннушку. Да еще же изволь дома приказат у себя, когда я пришлю корету иногда без вас, то, пожалуй, прикажи хотя мамке ея». И в некоторое время случилось столнику Нащокину ехать в гости, и з женою своею. Тогда приказал онъ дочери своей Аннушке и мамке: «ежели по тебя, Аннушка, из монастыря пришла² тетка корету, и ты к ней поезжай, а от насъ ей поклонись». И приказавши поехал в гости отецъ ея и с матерью. Тогда Аннушка усмотрела свободное время и стала просить мамку свою, чтоб она сходила ко Оролу Скобееву на оатеру и сказала бы ему, чтоб онъ всеми мерами старался и выпросил бы у ково нибудь кореты с лошадми и с лакѣми, и приехал бы самъ с коретою, и сказал бы, что из Девичьяго монастыря от сестры столника Нардина Нащокина приехали за Аннушкою. И такъ мамка Аннушкина не ослушалась,

¹ так в рукоп.

² так в рукоп.

и пошла на оатеру ко Эролу Скабееву, и объявила ему, что ей Аннушка приказывала. И какъ услышал Эроль Скабѣевъ от мамки такое нечаенное дело и сталъ в великом сумненіи и не знаетъ, что делать, каво в таком случае обмануть, у ково бы выпр(о)сить¹ кореты: потому что ево ябедническая поступки все знали и что онъ дворянинъ небогатой и великой приказной ябеда. Однако пришло ему н(а ум),² что до него весма былъ добръ столникъ Ловчиковъ и пошелъ к нему Эроль Скобеевъ. И тотъ столникъ Ловчиковъ встретилъ Эрала Скабеева честно, и некоторыя имели с ним разговоры. И Эроль Скабѣевъ учтиво с ним разговаривалъ, и стал онъ того столника Ловчикова просить: «милостивои мой государь, покорно я прошу васъ, чтобы свою милость надо мною явить, и милостию своею меня одолжить, и пожаловать мне своей кареты с лошадами и с лакѣми съездить только для просмотра мне невесты». И столникъ Ловчиковъ далъ ему самую хорошую корету и лошадеи и лакѣвѣ, а сам сказал ему: «в доброй часъ, дай богъ, поезжай!» И такъ Эроль Скабеевъ за одолжение ево благодарил и селъ в корету и поехалъ на оатеру свою. И напоил лакѣвѣ всехъ до пьяна, а сам — на козлы, убралса в лакеиское платья, и поехалъ в дом столника Нардина Напокина по Аннушку. И какъ въехал на (д)воръ,³ и велелъ об себѣ сказать, что пр . . ехала³ корета изъ Девичьева монастыря по Аннушку от тетки ея. И какъ Аннушкина мамка увидела, что Эроль Скабѣевъ приехалъ, и сказала Аннушке, под видомъ чтобы не догадались Аннушкины люди. И Аннушка убралася в самое драгоценное платье, и простилася с мамкою своею, и паехала ко Эролу Скабееву на оатеру ево. И какъ Эроль Скабѣевъ приехалъ на квартиру, — и те столника Ловчикова люди просналиса, — тогда Эроль Скабеевъ напоил еще ихъ пьянѣе первого, и положилъ их в карету всех, а сам селъ на козлы и поехалъ к столнику Ловчикову с коретою. И какъ ко двору приехал, и слез с козловъ, и отворил ворота, и пусти(л)³ лошадеи одних, а сам пошелъ на свою оа(теру).³ И какъ корета въехала на дворъ и увид(ели)³ (Л)овчикова³ люди, что корета одна (а кучера)³ нетъ, усмотрели что лакеи в коретѣ жестоко пьяни, и пошли къ господину своему Ловчикову, и объявили ему, что кучеръ и лакеи в корете спать жестоко пьяни, а хто лошадеи на дворъ пустил, — ниhto и не видал. И столникъ Ловчиковъ приказал лошадеи и корету уорать, а сам сказалъ, что: «слава богу, что и всіо не пропало! На Эролке Скобееве, на воре и плуте, нечево взять»: И какъ лакеи проспалиса, то столникъ

¹ оборвано.

² попорчено в рукоп.

³ угол рукоп. оборван

Ловчиковъ спрашивал их: «куда вы ездили со Фролом Скабѣевым?» И лакеи ему сказали: «милостивои нашъ столникъ Ловчиковъ, толко мы помним, какъ приехали ко Фролу Скабѣеву на ватеру; (а)¹ куды, судар, онъ ездилъ, — того не помним; (и)¹ што онъ делалъ, — тово не видали Воля... нтъ¹ ваша, какъ изволите с нами...²

¹ угол рукоп. обоз ван

² конца недостает.

М. А. ЯКОВЛЕВ

Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма¹

I

Единство научного метода и классовой идеологии, как известно, устанавливается и утверждается марксизмом-ленинизмом; это аксиома, из которой необходимо и неизбежно следует исходить при оценке различных методов, имевших место в практике науки. Еще Гегель писал в «Науке логики» (ч. II), что «нечто понято и познано в своей истине лишь постольку, поскольку оно совершенно подчинено методу». Но для Гегеля метод был лишь формой развития идеи или понятия. Для материалиста-диалектика понятие есть отражение объективной действительности, а отсюда, следовательно, и метод есть отражение единства содержания, изменения и развития объективной действительности.

Ленин в своей работе «Что такое друзья народа» утверждает наличие только двух методов, диалектического и метафизического. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — пишет Ленин в указанной работе — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» (Соч., т. I, стр. 82, изд. 3-е). В качестве широкой иллюстрации соотношений между диалектическим и метафизическим методами Ленин останавливается на субъективно-социологическом методе Михайловского.

¹ Статьи М. А. Яковлева и акад. В. Н. Перетца о сравнительном методе в литературоведении даны в порядке обсуждения. *Ред.*

Вообще же сущность метафизического метода, как идеалистической системы мышления, заключается в анализе «явлений природы в их обособленности, вне их общей связи, не в их движении, но в покое, не как по существу изменяющихся, но как неизменных, не в процессе их жизни, но в состоянии их смерти» (Энгельс).

Заклучим наши краткие суждения о методе замечанием Ленина, что самой важной особенностью диалектики является ее основной закон тождества или единства противоположностей: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его — пишет Ленин... есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей, или черт) диалектики» (Ленинский сборник, XII, стр. 223).

Из приведенного марксистско-ленинского определения метода необходимо исходить при критическом рассмотрении сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

Разрешив таким образом проблему метода, необходимо разрешить и другую проблему, а именно проблему задач, стоящих перед наукой. При разрешении этой проблемы выдвинем в качестве служебной аксиомы следующее положение: чистой науки нет и никогда не было, так как наука всегда была на службе у того или иного общественного класса. История каждой науки может конкретно насытить содержанием приведенную аксиому.

Развитие науки также не подвергается действию стихий; это развитие совершается закономерно в зависимости от тех задач, которые ставит перед наукой чаще всего ведущий класс.

На вопрос о задачах, стоящих перед наукой и особенно идеологической, находим ясный и простой ответ у Ленина: «прямая задача науки, по Марксу, — пишет Ленин, — это дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. „Лозунг борьбы“ нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения» (Соч., т. I, стр. 218—219, 3-е изд., курсив В. И. Ленина).

Таким образом основная задача науки — классовая борьба за уничтожение эксплуатации и угнетения. Такая формулировка задачи науки отвечает определению истории как науки Марксом, который в «Ком-

мунистическом Манифесте» пишет: «история всего предшествующего общества, — говоря точно, — та история, о которой существуют письменные свидетельства, — есть история борьбы классов».¹ Заметим, что в «Немецкой идеологии» Маркс писал, что мы знаем только одну единственную науку, а именно историю, подразделяющуюся на историю природы и историю людей.

Но история людей, это история общества и борьбы классов его составляющих, поэтому не лишним будет привести следующие слова Маркса об обществе: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Выбирают ли люди свободно ту или иную общественную форму? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и у вас будет определенная форма обмена и погребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенные политические отношения, которые являются официальным выражением гражданского общества» (письмо Маркса П. В. Анненкову. 28 XII 1846 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перев., ред. и прим. В. В. Адоратского, изд. 4, М.—Л., 1932, стр. 12; в дальнейшем цитируется сокращенно: Письма, с указ. страниц).

Весьма существенными являются определения исторического процесса у Энгельса: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счеде является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали... Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счеде решающими... Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил,

¹ Коммунистический Манифест, изд. 6-е, ГИЗ, М.—Л. 1930, стр. 50 Следует заметить, однако, что слова от «говоря точно» до «свидетельства» прибавлены Энгельсом в последнем издании Манифеста.

и из этого переименования выходит один общий результат — историческое событие... Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения» (письмо Энгельса Иосифу Блоху. 21 IX 1890 г.; Письма, стр. 374).

Именно такое материалистическое понимание истории должно иметь место и в истории литературы, и в отдельных моментах последней, всегда лежащих в звеньях детерминированного предыдущего и последующего в цепи целого исторического процесса. Это имеет прямое отношение и к проблеме влияний, которую мы собираемся поставить и посылить разрешить в данном методологическом этюде.

После этих замечаний Маркса и Энгельса об историческом процессе становится ясным, что высказывание Ленина о задачах науки имеет непосредственное отношение к истории людей, а следовательно и к истории литературы в частности.

Наметив фрагментарно марксистско-ленинское разрешение проблем научного метода и задач науки, мы имеем ориентировочные позиции для критики сравнительного метода, как отражения буржуазной идеологии в науке о русской литературе, преимущественно, эпохи феодализма.

II

Но прежде, чем переходить к вопросу о сравнительном методе в практике науки о русской литературе эпохи феодализма, задержимся эпизодически на наиболее типичных высказываниях о сравнительном методе, принадлежащих, главным образом, выдающимся его adeptам и представителям методологической мысли о литературной науке. Еще Тихонравов писал: «Критическое изучение памятников древнерусской литературы в связи и сравнительно с византийской словесностью может на будущее время предохранить наших исследователей от преждевременных выводов относительно значения и степени самостоятельности многих литературных памятников древней России. Такое изучение оказывается иногда необходимым и для чисто русских самостоятельных литературных памятников нашей старины, вскрывая в них предания и верования, заимствованные из Византии, и приводя их в связь с однородными памятниками византийской и средневековой европейской литературы» («Задачи истории литературы»). Задачи литературоведной науки намечены в этом методологическом высказывании Тихонравова с достаточной ясностью: сравнительный метод изучения литературных памятников, по его мнению, дает возможность определить

с наибольшей научной достоверностью значение и степень самостоятельности литературных памятников, с другой стороны он устанавливает некоторые предания и верования, как влияние Византии.

В чем заключается содержание искомого значения изучаемых литературных памятников, для какой подлинно научной цели необходимо определить степень творческой самостоятельности авторов изучаемых литературных памятников, почему предания и верования Византии оставили след в памятниках древне-русской литературы, — на эти важные для марксистско-ленинского литературоведения вопросы ответов у Тихонравова не найдем:

Несколько дальше, в той же работе, Тихонраков категорически утверждает: «История русской литературы XVIII в. и частью текущего столетия требует сравнительного изучения ее в связи с явлениями тех европейских литератур, которые оказали сильное влияние на нашу... для объяснения важнейших явлений русской литературы XVIII в. они нуждаются в прямом сравнительном изучении с литературными произведениями западных литератур» (разрядка наша). Это тавтологическое высказывание имеет значение методологического акцента в научных воззрениях акад. Тихонравова.

Влияние было реальной и основной предпосылкой для адептов сравнительного метода и даже такие представители историко-культурной школы, как Пыпин, писали: «В древней литературе нашей византийское влияние было господствующим фактом, наложившим свою печать на все ее произведения, хотя в различной степени... Литература польская не могла действовать на русскую всем объемом своего содержания... Действие ее ограничивалось частными случаями и отдельными родами произведения...»

Галахов, следуя за Пыпиным, расширяет исторические границы влияний на русскую литературу эпохи феодализма: «Как литература народа, — пишет он, — позднее других народов выступившего на историческую деятельность, русская словесность с самого начала своего подвергалась и теперь подвергается иноземным влияниям. В древнем периоде таких влияний было два: византийское и польское, к которым присоединяются болгарское и сербское» («Ист. русск. слов. др. и нов.»). В этом высказывании Галахова диапазон исторических влияний на русскую литературу эпохи феодализма расширен, а поэтому и поле деятельности для сравнительного метода предоставляется весьма большое. Архангельский в своей книге «Введение в историю русской литературы», по существу, констатирует лишь итоги исследований представителей сравнительного метода. Географические границы исторических влияний на русскую литера-

туру необычайно расширилось: Восток, Византия, Европейский Запад, классические Греция и Рим втянуты в орбиту влияний и заимствований. В памятниках художественной литературы усматриваются интернациональные моменты, как конгломерат влияний, передач и заимствований. Генезис памятников литературы, их истоки — являются одной из главнейших задач исследователей. Утверждается проблема, что только путем сравнительного метода история литературы, как наука, может подняться на вершины сравнительного изучения литератур всего человечества. Увлечение сравнительным методом, как видно из всего предыдущего, достигло своего апогея.

Акад. В. Н. Перетц в своей книге «Из лекций по методологии истории русской литературы» также, по существу, резюмирует теорию сравнительного метода: «Сравнительно-исторический метод., — пишет он, — отличается наибольшей объективностью и имеет целью выяснение происхождения памятников литературы и процесса их сложения путем сравнения в целом и частях, при допущении возможности широких международных влияний... Иногда сравнительно-исторический метод, — пишет несколько дальше акад. Перетц, — переходит на почву этнографическую, т. е. старается разрешить двойную задачу, а именно: не только объяснить появление того или другого произведения заимствованием сюжета, но также и почему заимствован данный сюжет, а не иной. Для этого исследователь ищет основания в бытовых условиях». Изложив принципы сравнительного метода и приведя примеры его применения, акад. Перетц отмечает «подводные камни», угрожающие исследователю, приводит слова акад. Срезневского в пользу самостоятельного зарождения литературных форм и указывает, что злоупотребление сравнительным методом — признак отсутствия школы. В конце главы о сравнительном методе акад. Перетц высказывает весьма существенную мысль об интернациональности будущей литературы: «Можно думать, — пишет он, — что литература будущего станет международной, когда сотрутся узкие рамки национальностей».

Теоретические высказывания о сравнительном методе Пыпина, Галахова, Архангельского и Перетца немного прибавляют к тому, что высказал по этому вопросу Тихонравов, а именно: для всех указанных исследователей, как точно также и для Тихонравова, основная задача литературоведной науки — это установление генезиса литературных памятников.

Венцом теории и практики сравнительного метода являются работы акад. А. Н. Веселовского. Пока мы остановимся только на его наиболее

ярких теоретических высказываниях по вопросу о сравнительном методе. «В деле историко-литературных исследований, — говорит акад. Веселовский, — он (сравнительно-исторический метод) сменил методы эстетический, философский и, если угодно, исторический. Здесь мне хотелось бы указать на тот факт, что этот метод вовсе не новый, не предлагающий какого-либо особого принципа исследования: он есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах в видах достижения возможно полного обобщения».

Несколько дальше акад. Веселовский говорит об основных принципах приложения сравнительно-исторического метода: «Изучая ряды фактов, мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность, если оно повторяется часто, мы перестаем говорить о предыдущем и последующем, заменяя их выражением причины и следствия. Мы даже склонны пойти далее и охотно переносим это тесное понятие причинности на ближайшие из смежных фактов: они или вызвали причину, или являются отголоском следствия. Берем на поверку параллельный ряд сходных фактов: здесь отношение данного предыдущего и данного последующего может не повториться, или если представится, те смежные с ними члены будут различны, и, наоборот, окажется сходство на более отдаленных степенях родов. Сообразно с этим мы ограничиваем или расширяем наше понятие о причинности: каждый новый параллельный ряд может принести с собою новое изменение понятия; чем более таких проверочных повторений, тем более вероятно, что полученное обобщение подойдет к точности закона... Если... в истории литературы следует обратить особое внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу — проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие... одно из лучших средств выделить личную струю в творчестве того или другого художника, поэта, — это знакомство с материалом, над которым он трудился, с другими обработками сюжета, который он сделал своим. Только эти точки зрения и могут объяснить и извинить появление эпизодов об источниках не только Шекспира, но, например, Шиллера и Гете. К этому я присоединил бы еще одну задачу, входящую в район сравнительной истории литературы, — задачу не легкую, но полезную в методологическом отношении. В известные периоды литературного развития замечается пред-

расположение писателей и, очевидно, публики, не только к известным поэтическим родам, но и к известным сюжетам. Эти сюжеты либо творятся наново, иногда из обломков старых, или они уже были забыты, и снова выдвигаются в литературу, отвечая на общественный спрос» (Поэтика, т. I).

Приведенное теоретическое высказывание акад. А. Н. Веселовского о сравнительном методе многое уже прибавляет к тому, что сказали по этому вопросу Тихонравов, Пыпин, Галахов, Архангельский и Перетц. Выделим из данного высказывания А. Н. Веселовского эти отличные от предыдущих высказываний черты: 1) сравнительный метод представляет собой следующую фазу развития исторического метода, 2) повторность явления в параллельных рядах дает право на признание закономерности и именно исторической, 3) установление закономерности сходства явлений дает в свою очередь, право устанавливать причины и следствия сходства фактов. 4) понятие причинности расширяется в зависимости от наличия сходства на ближайших или на отдаленных степенях родов, 5) задачей литературоведной науки является установление переработки старых образов и сюжетов вследствие проникновения их новым содержанием, 6) в конкретные исторические моменты писателя и публики тяготеют к известным сюжетам; причем здесь происходит оглядка назад вследствие того, что эти сюжеты творятся заново или из кусков старого или целого — старого, но уже основательно забытого, соответствуя общественному спросу. Так широко раздвинул горизонты сравнительного метода А. Н. Веселовский.

Но и в его высказываниях есть весьма существенные недочеты: сходство фактов, понимаемое как влияние, довлеет в анализе над всеми сторонами исторического процесса; историческая закономерность выводится непосредственно из повторности сходств фактов или, короче, влияний; теоретически неясным остается и выведение причины и следствия из наблюдений над повторностью влияний.

Здесь следует отметить механическое и одностороннее понимание причины и следствия, так как отсутствует оговорка их взаимной обусловленности; вот что по этому вопросу говорит Энгельс: «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это — взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к реальному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами — одно как причина, другое как действие»

(Энгельс. «Диалектика природы». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 405, 407, 408).

Нельзя признать также достаточно оправданной литературоведческой проблемой лишь констатирование старых образов и сюжетов вследствие пронизания их новым содержанием без учета процесса классовой борьбы на конкретном историческом этапе. Тяготение масс, точнее — общественных классов, к уже известным сюжетам также не может иметь характера только узкого констатирования вследствие того, что это «тяготение» объясняется стремлением использовать классовую практику прошлого в целях идеологического вооружения для соответствующего воздействия на сознание других общественных классов. Общим и весьма существенным недостатком всех приведенных здесь высказываний о сравнительном методе является отсутствие детерминированности влияний и изоляция литературных явлений от диалектического процесса борьбы общественных классов.

Ограничимся этим небольшим экскурсом в сферу теоретических высказываний о сравнительном методе его представителей и теоретиков.

III

От теории сравнительного метода вполне последовательно будет обратиться к применению его в исследовательской практике, главным образом, в историко-литературных работах о русской литературе эпохи феодализма, где этот метод свил себе прочное гнездо. И здесь наше изложение будет эпизодически-иллюстративным вследствие обширности самого вопроса и отсутствия необходимости изложения его во всей полноте, так как для нашей цели важны, преимущественно, итоги исследований.

Выше приведены высказывания Тихонравова о сравнительном методе; если сопоставить их с его научно-исследовательской практикой, то возможно утверждать, что они значительно шире исследовательской практики их автора. Для иллюстрации остановимся на двух его небольших этюдах: «Шемякин суд» и «Повесть об Аполлоне Тирском», как в практическом плане наиболее характерных.

Методологическая композиция первого не сложна; в основе она имеет дискуссию об источниках «Шемякина суда» между Пыпиным и Тихонравовым; оба сходятся на основном источнике «Шемякина суда» — тибетской повести «Дзанглуна». Тихонравов утверждает это положение ссылкой на родоначальника сравнительного метода Бенфея, который первый указал на сходство русской повести о «Шемякином суде» с тибетским сказанием «Дзанглуна». Дальше наступает дискуссионный момент: в Толстовском

списке данной повести, относящемся к XVII в., имеется приписка: «выписано из польских книг». Пыпин отнесся к этой приписке отрицательно, Тихонравов — положительно; последний указывает соответствующие польские источники: первый — рассказ «О нечаянном случае» из популярной повести о плуте Совестдрале, переведенной с польского, второй — анекдот из польского сборника «Rozrywki ucieszne y dowcipne z przydatkiem wielu nowych zabawnych historyiek», третий — стихотворная переделка этого анекдота польским писателем XVI в. Николаем Реем, помещенная в его сборнике «Figliki». Если мы к этим источникам повести «Шемякин суд» прибавим беглые указания, претендующие на «историчность», как то, что эта сатирическая повесть «прошла через переделку русского человека и получила краски чисто народные», то в этом и будут заключаться весьма незначительные итоги исследования Тихонравова о данной повести. Дискуссия Тихонравова с Пыпиным продолжается и в следующем этюде «Повесть об Аполлоне Тирском». Пыпин, как и в первом случае, отрицает польское влияние, Тихонравов утверждает его. Исследовательский результат этого этюда еще беднее предыдущего: здесь указываются лишь источники данной повести без всякой, хотя бы даже бледной тени историзма в нашем понимании.

Крупнейшим представителем сравнительного метода был акад. А. Н. Веселовский; в 1870-е и 1880-е годы этот метод господствует в исследовательской практике А. Н. Веселовского, что дает право причислить его к позитивной школе Бенфея. Сравнительный метод получил необычайно яркое выражение в докторской диссертации А. Н. Веселовского «Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872 г.). Буслаев писал, что этот труд А. Н. Веселовского является самым лучшим опытом «из всех какие только на русском языке были — в приложении бенфеевской теории литературного заимствования к разработке русских источников рукописных и устных, в их связи с поэтическими преданиями Зап. Европы».

Нет никакой возможности, а вместе с тем и необходимости останавливаться подробно на методологическом анализе данной работы А. Н. Веселовского. Отметим лишь следующее: теория заимствований Бенфея здесь весьма углублена; в работе разрешена проблема древнего литературного общения Средиземноморья с Индией; выяснена огромная роль Византии в деле литературного посредничества между Востоком и Западом; в качестве распространителей в Европе христианизованных сказаний Востока указаны балканские еретики — богумилы.

Общий исследовательский итог этого классического труда в истории сравнительного метода приведем словами самого А. Н. Веселовского: «Основа этих неканонических повестей обличает происхождение с дальнего Востока: буддийского и иранского; но в Европу они проникли уже с именем Соломона, что указывает на посредство среды, оставившей на них это библейское имя. Таким образом, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой ступени стоит талмудическая сага о Соломоне, перешедшая впоследствии и к мусульманам, и, может быть, другое своеобразное видоизменение той же саги, которое я гадательно отнес на счет дуалистических сект, проводивших в средневековое христианство религиозные воззрения и легенды арийского Востока. В той и другой редакции, Соломоновская легенда проникла в христианскую Европу, вместе с другими статьями такого же двоеверного характера, и заняла здесь место в ряду отреченных книг. Это — третья ступень перехода. У нас есть известие, что в конце V в. апокриф о Соломоне был знаком на Западе, и что против него тогда уже восставала римская церковь. К южным славянам он принесен был, без сомнения, из Византии. Другие западные свидетельства от X в. позволяют заключить, что уже в эту пору западная рецензия отличалась особым характером, например, собственных имен, который потом упрочился за ней и составил ее отличие от восточной, т. е. византийско-славянской. С X в. или, вернее, с XI в. мы наблюдаем новое явление: апокрифическая повесть переходит в народ и народнеет: она дает содержание повестям, романам и фавль и доходит до анекдота и прибаутки. Так было на Западе, но и в восточной группе происходит подобное брожение, хотя мы и не знаем, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повесть, русскую былину, на сербские и русские сказки. Это уже последний период развития, в котором мы довольно ясно продолжаем отличать две группы: западную — латинскую и византийскую — славянскую. Обе они развиваются своеобразно, иногда расходясь в своих результатах, причем преимущество вымысла и поэзии бесспорно принадлежит Западу; иной раз они смешиваются: западные повести о Соломоне, в своих народных переработках, проникли, может быть, в XVI и XVII вв. и в Россию, так что позднейшие русские сказания могли отразить на себе следы двух разновременных влияний; над старой византийской легендой в них надслоились западные рассказы, юмор которых заслонил серьезное содержание их далеского отреченного подлинника» (стр. III—VI).

Совершенно бесспорно, что с точки зрения теории заимствований, исследовательские итоги данной работы Веселовского по диапазону влияний

громадны и качественно высоки, но исторически указанные А. Н. Веселовским влияния, по существу, не обоснованы и по характеру своему гипотетичны. По этому вопросу Веселовский пишет: «нам стали известны ряды сказок, легенд и эпических мотивов, общих той и другой области и мы заключаем, что они — результат того же исторического общения. Когда и где оно совершилось — это и есть искомое, которое все еще необходимо определить...»

На вполне законный вопрос: разрешил ли Веселовский в своей диссертации выдвинутую им же проблему исторического общения, приходится ответить отрицательно, так как определение географических границ влияний без анализа классово-борьбы и определения в этом плане социальных функций анализируемых памятников не может быть признано, как разрешение проблемы исторического общения. Здесь же попутно заметим, что и у Веселовского его высказывания о сравнительном методе в части исторической значительно шире его исследовательской практики.

К адептам сравнительного метода должен быть причислен и акад. М. И. Сухомлинов (1828—1901), труды которого, как это справедливо отмечено и в академическом издании его сочинений, потеряли уже, за небольшими исключениями, свою научную ценность. В качестве иллюстраций сравнительного метода в исследовательской практике Сухомлинова остановимся бегло на его работе — «О древней русской летописи, как памятнике литературном». Наибольшей по объему и значимости частью этого исследования является 3-й раздел работы, озаглавленный: «Займствования в древней летописи». В миниатюрном предисловии к этой части работы о летописях Сухомлинов определяет задачи литературной науки, которые в этой части должны быть разрешены: «...мы находим, — пишет он, — более удобным предварительно обозреть главнейшие займствования и потом перейти к оригинальному рассказу летописи. Это обозрение тем уместнее, что оно может познакомить с характером образования наших летописцев, с кругом их начитанности и умением пользоваться ее плодами».

Задачи весьма скромные и, как принято в этих случаях говорить, по своему характеру «научно-объективные», хотя над всей работой в целом реет официальный клерикализм, как одна из основных черт идеологии ведущего класса эпохи (60-е годы). В качестве источников, послуживших к составлению летописи, называются Сухомлиновым следующие: 1) книги св. писания, 2) Палая, 3) Исповедание веры, сходное с находящимся у Михаила Синьелла, 4) жизнеописания св. Кирилла и Мефодия, 5) житие св. Владимира, 6) Сказание о Борисе и Глебе, 7) поучения Феодосия,

8) рассказ Василия, 9) Хроника Георгия Амартола, 10) сочинение Мефодия Патарского, 11) договоры русских князей с греками.

При анализе указанных источников Сухомлинов пользуется в качестве основного приема, механического и субъективного по существу, сравнением параллельных текстов, на основании результатов которого и делает все свои выводы о летописях. При сравнительном анализе «Исповедания веры» и летописи Сухомлинов аргументирует: ... «сравнение может до некоторой степени восстановить текст летописи, показывая, какое из чтений различных списков должно быть признано правильным». Социальное бытие, как видно из приведенного аргумента о значении сравнения, при анализе литературного памятника эпохи автором в расчет не принимается. Исторические достижения исследования кратко формулированы в заключительной части раздела: «таковы главнейшие источники, послужившие к составлению древней летописи. В выборе их ясно обнаруживаются век и образованность летописца, а в цепи заимствований — искусство его, как писателя... между источниками первое место занимают книги св. писания, главнейший и необходимый источник верований и убеждений всякого христианского общества и его органа — писателя» (разрядка наша). Нетрудно заметить, что «научная объективность» нарушена и сам ученый выступает идеологом официальной государственности, которая, в свою очередь, является отражением идеологии господствующих классов.

К представителям сравнительного метода примыкал и акад. Жданов; его магистерская диссертация: «К литературной истории русской былевой поэзии» (1881 г., отд. книга), представляет собой яркое явление среди работ, методологически подобных. Его приверженность к теории заимствования выражена вместе с задачами указанной работы в предисловии: «Теперь все более и более, — пишет Жданов, — накапливается фактов, с очевидностью указывающих на то могущественное влияние, которое оказывает «книга» на «песню», памятники письменности на устную словесность. В своем небольшом труде я привожу несколько таких именно фактов литературного общения между книжным и не книжным людом. Проникает в народ библейско-апокрифное сказание о Самсоне-Святогоре. Сказание нравится, появляется былевая песня о могучем богатыре Самсоне-Святогоре. Другой пример еще более примечательный. С конца XV в. начинаются у нас более живые, более частые сношения с Западом. Стали появляться в русской письменности переводы с латинского, с немецкого. Так появляется, между прочим, перевод одного немецкого поучительного диалога. Проходит немного времени, и этот переводный диалог переделывается в народную

повесть, становится одним из самых популярных на Руси памятников. Мало этого. Переводный диалог оказывает влияние на один из памятников устной народной поэзии» (разрядка наша).

В этой декларативной части мы разрядкой отметили все то, что является «подводными камнями» сравнительного метода вообще. На самом деле, дал ли Жданов в данном исследовании ответы на вопросы историко-генетического порядка: чем объясняется влияние «книги» на «песню», почему проникает в массы и нравится апокрифное сказание о Самсоне-Святогоре, чем были вызваны в социальную жизнь переводы с латинского и немецкого, почему переделывается в повесть немецкий дидактический диалог и делается популярным литературным памятником эпохи и т. д.? Ответов на эти вопросы в диссертации Жданова мы не найдем.

Горизонты теории заимствований необычайно широко раздвинуты в другой работе Жданова, в его докторской диссертации: «Русский былевой эпос» (1895). Проблемы сравнительного метода применительно к исследовательской практике ставятся в предисловии к диссертации по сравнению с предшественниками оригинально: Жданова интересуют в составе былины слои историко-бытовые и собственно-литературные. Генезис былевого эпоса может быть объяснен только при предположении исторической основы. Ограждение в поэзии исторических событий не объясняет всех разновидностей былевой песни, так как влияние литературных течений имело возможность значительно отклонить движение эпоса от его первоначального направления, отсюда не тождественное отношение исторического предания к литературным наслоениям в эпосе. Нетрудно заметить, что здесь уже в самой постановке вопроса историзму придан абстрактный характер.

Впрочем Жданов мог быть и блестящим для своего времени историком; так в своей работе «Сочинения царя Ивана Васильевича» — в главах: «Идеал царской власти у Грозного» и «Царь Иван Грозный, как писатель» — исторические события анализируются с позиций классовой борьбы между вотчинниками и служилыми людьми, что было отмечено М. Н. Покровским, как положительный момент в данной работе Жданова. Наряду с этим глава — «Литературные влияния в сочинениях Иоанна Грозного» ничем методологически не отличается от работ подобного рода и находится в полной изоляции от только что указанных глав, богатых элементами историзма. Задача, которую ставит перед собой в этой главе исследователь, утверждает изоляцию данного раздела работы от других глав: «Задача эта, — пишет Жданов, — как уже было замечено, состоит в том, чтобы определить, под какими литературными влияниями воспитался талант Ивана, каков был

«круг его книжности, что он читал». Любопытно, что это почти дословное повторение части методологического предисловия Сухомлинова к его работе «О древней русской летописи, как памятнике литературном». Несмотря на наличие прогрессивных элементов в исследовательской практике Жданова, у нас нет никаких оснований говорить хотя бы о частичном преодолении им сравнительного метода.

Значительно упрощенным применением сравнительного метода в сфере исследований о русской литературе эпохи феодализма может служить в качестве иллюстрации книга проф. А. Кадлубовского «Очерки по истории древнерусской литературы житий святых». Задача данного исследования весьма скромная: автор имеет намерение «посвятить свою работу дополнению прежних исследований, иногда исправлению их выводов...» (см. предисловие, стр. IX). Но идеологическое значение этой книги значительно шире: автор является проводником официального клерикализма как одного из основных элементов ведущей, применительно к эпохе, буржуазной идеологии. На стр. 170—171 своего исследования автор сам заявляет о целеустремленности своей работы: «Я должен добавить еще одно замечание: главным образом, я касаюсь житий преподобных иноков, отчасти святителей: это преобладающие жития в древней Руси, а в данную эпоху — в особенности. Потому те добродетели, которые изображаются в житиях и рекомендуются, как предмет подражания, — добродетели иноческие; иночество являлось основным идеалом, святой подвижник высшим образцом. Эти именно жития содержат интересные меня характерные черты...».

Автора интересует, как и его единомышленников по сравнительному методу, литературная история памятников агиографии, а эту проблему возможно разрешить, с точки зрения адептов сравнительного метода, только анализом влияний на изучаемые памятники. Не случайно звучит брошенная Кадлубовским реплика, касающаяся агиографических работ Пахомия Логофета, что только влияниями источников можно объяснить разницу между житиями, написанными этим автором (стр. 188).

Обращает на себя внимание по своей элементарной неубедительности прием, с помощью которого автор докапывается до оригинала, своего рода предка изучаемого агиографического памятника. Сущность этого приема заключается в следующем: автор подыскивает аналогичные факты в биографиях святых, при этом устанавливает частые совпадения и в одинаковости их имен: так житие Авраамия Ростовского имеет своим «предком»-источником житие Авраамия Затворника по той причине, что оба пострадали от козней дьявола (39 стр.).

В сказании о Меркурии Смоленском содержание заимствовано из греческой легенды о Меркурии Кесарийском вследствие того, что оба героя носят одно имя, оба воины, оба защищают город от врага.

Житие Никиты-перемыславльского столпника содержанием своим покоится на базе своего источника: житии Никиты-великомученика, по той причине, что оба они демоноборцы и защитники от бесов, что их и сблизило в народном представлении. Исторический момент в работе ограничивается анализом приурочения заимствованного сюжета к русской исторической обстановке.

Выводы автора в части исторической шире фактических результатов его исследования. Кадлубовский отмечает, что в некоторых житиях имеется: «признание связи с земною властью, служение ей; в частности благоговение перед слагающейся властью Московского государя; в других... сохранение независимости от нее в делах веры и нравственности» (стр. 328). Короче и точнее, первые представители церкви были идеологами государственной власти, вторые — ее классовыми противниками. В качестве конкретных фактов автор останавливается на политической, по существу, борьбе между «иосифлянами» с Иосифом Волоцким во главе и «заволжскими старцами» во главе с Нилом Сорским.

Совершенно ясно автор определяет идеологические позиции «иосифлян»: «крепкая связь с великим князем и преданность его власти является одною из видных особенностей в деятельности иосифлян; они пользуются услугами светской власти и в свою очередь служат этой последней, подчиняя ей церковь и церковные дела...» (стр. 332). Но автор расценивает эту борьбу «иосифлян» с «заволжскими старцами», как «два течения или две школы, которые расходились во взглядах на задачи и сущность» нравственно-религиозной жизни. Таким образом политическое значение этой борьбы совершенно обойдено молчанием, как и в известной работе о Ниле Сорском проф. А. С. Архангельского, где увлечение сравнительным методом привело автора к выводу, что Нил Сорский стоял совершенно изолированно от русской жизни. Достаточно заметить, что к идеологическим позициям «заволжских старцев» примыкал такой феодальный вотчинник, идеолог старого боярства, а поэтому враг поместного и служилого дворянства, как кн. Андрей Курбский, чтобы опрокинуть указанный вывод проф. Архангельского. Здесь же следует вспомнить ныне уже значительно устаревшее «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого» — И. Хруцова, который пишет в конце своей работы: «спустя 50 лет по смерти Иосифа, поднялся голос на презлых Иосифлян — то был голос боярина, кн. Курбского. Отзывы его».

о Иосифлянах проливают свет на отношения Иосифа к старому боярскому порядку» (стр. 254). В предисловии Хрущов пишет: «Его (Иосифа В.) политические взгляды имели сильное влияние на Великого князя Василия Ивановича. На взглядах этих воспитался Грозный» (стр. VII). Хрущов также не делает никаких политических выводов, но для нас совершенно ясно, что борьба «иосифлян» с «заволжскими старцами» — это борьба классовая за ведущую роль в государстве между боярами-феодалами и нарождавшимся поместно-служилым дворянством.

Исследованию Кадлубовского о «житиях» методологически родственна монография проф. Д. И. Абрамовича — «Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике». Главнейшей частью исследования является глава — V. «О литературных источниках Печерского Патерика». «Как известно, — пишет Абрамович, — древнерусская оригинальная литература сложилась под сильным влиянием переводной, главным образом, — греческой. Не представляет исключения и наша агиография...» Техника исследовательской работы в системе сравнительного метода у Абрамовича стоит несколько выше, чем у Кадлубовского, и сущность ее состоит в следующем: исследуемое житие преподобного Феодосия Печерского разбивается на основные его составляющие темы, располагаемые в последовательном порядке. К этим темам подыскиваются аналогичные — в переводных житиях. Приведем иллюстрации.

I. «Приступая к самому повествованию, в заключение вступительной части, — пишет Абрамович, — Нестор обращается с молитвой к богу, как помощнику «всем оуповающим...» — дальше следует текст темы, — после чего указываются источники, где эта тема фигурирует: «подобного (как по содержанию, так и по форме) рода вступлениями предваряют свои жизнеописания — св. Кирилл Скифопольский, Палладий, Афанасий Александрийский и др.» — утверждает Абрамович и свою аргументацию подкрепляет аналогичными текстами из житий указанных им святых.

II. «Сведения о жизни и подвигах преподобного Феодосия Печерского Нестор почерпал из рассказов других, например келаря Феодора и инок Лариона.

На основании таких же источников составляли жития святых Кирилл Скифопольский, Иоанн Мосх и др. — утверждает дальше Абрамович, сопровождая свою аргументацию сравнением аналогичных текстов. И так продолжается до последней темы о кончине преподобного Феодосия: «последние дни жизни преподобного Феодосия описываются Нестором в таких чертах, в каких Кирилл Скифопольский описал кончину Евфимия Великого».

Этим дело не ограничивается: в последующем изложении приводятся сравнительные тексты «Послания Симона» и «Паренесииса» Ефрема Сирина и др. Все завершается перечислением источников Печерского Патерика, найденных в процессе анализа памятника.

Нетрудно убедиться, что исследовательский процесс Абрамовича насквозь субъективен; сравнительный метод как система исследовательской работы в его монографии представлен весьма обнаженным, доведенным до крайних границ сравнительного примитивизма. Последняя часть работы Абрамовича «Печерский Патерик, как исторический источник» — находится в полной изоляции от сравнительной части монографии и состоит в утверждении, что в Печерском Патерике «в разных местах найдем не мало и таких черт, которые характеризуют свою эпоху и в бытовом, и в политическом, и в общественном отношениях»; но эти бытовые, политические и общественные отношения не найдены в исследовании Абрамовича, поэтому данное утверждение автора не имеет никакого научного значения.

Сравнительный метод в исследовательской практике благополучно дожил до наших дней. Такова общая картина применения сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

IV

Приведенный методологический анализ ряда исследований о русской литературе эпохи феодализма дает право утверждать, исходя из положений марксизма-ленинизма, изложенных в начале данной статьи, что сравнительный метод, по ленинскому определению методов, метод — метафизический, характерный своей статичностью и обособленностью от других явлений исторического процесса, что сильно колеблет его научную ценность и делает последнюю в его системе весьма сомнительной. Но это не означает того, что мы должны совершенно отказаться от историко-литературного наследства; это означает то, что мы должны проработать его критически, проверить его на процессе классовой борьбы и сделать иные выводы, которые буржуазные ученые сделать не могли. В этом отношении следует помнить ленинский завет о культурном наследстве прошлого: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить» («Задачи союзов молодежи»; см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XXV, стр. 387).

Такой переработке мы и подвергаем здесь теорию и практику сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

Сравнение, не как система, а как проблема рабочего приема в системе марксистско-ленинского литературоведения, а конкретнее, со стороны тематической, как проблема влияний, должна стоять на «повестке» сегодняшнего дня в науке о литературе» в целях ее хотя бы общей постановки и столь же пока общего разрешения. «Для того, чтобы познать известную историческую эпоху, — пишет Маркс, — мы должны выйти за ее границы и сравнить ее с другими эпохами» («Secret diplomatic history»; см. К. Маркс, Отрывки из произведений и писем. Собраны Фр. Дидерих, 1925, стр. 175). Делать это нужно потому, что всякое настоящее есть «продукт предшествующей деятельности».

Основой истории являются производительные силы, как «результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений», — писал Маркс П. В. Анпенкову в декабре 1846 г. (Письма, стр. 13), и это может служить прекрасным комментарием к предыдущему высказыванию Маркса о сравнении исторических эпох. Прошлое оседает пластами, конденсируется в традициях, живущих в веках и оказывающих действие, хотя и незначительное, на развитие исторического процесса, о чем писал Энгельс Иосифу Блоху 21 IX 1890, что в истории «даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» (Письма, стр. 375).

Историческое влияние прошлого на настоящее утверждается Марксом в уже упомянутом выше его письме к П. В. Анпенкову: «Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того, чтобы не лишиться достигнутого результата, для того, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные (traditionnelles) общественные формы в тот момент, когда способ их общения (commerce) более уже не соответствует приобретенным производительным силам» (Письма, стр. 13—14). В этом высказывании о влиянии исторического прошлого на настоящее заключается чрезвычайно важный момент, а именно: влияние исторического прошлого не воспринимается, точнее, не отражается в сознании представителей настоящего с фотографической точностью, а идеологически переосмысливается, переключаясь в иную общественную формацию, в полной гармонии с состоянием производительных сил на данном историческом отрезке времени. Это необходимо иметь в виду при разрешении про-

блемы влияний на литературном материале, что совершенно не принималось во внимание представителями сравнительного метода, но к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

В предисловии к первому изданию «Капитала» (т. I, стр. XXXII—XXXIII, изд. 6, 1930), Маркс выдвигает, по существу, проблему влияний: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»... В полном согласии с этим положением сильно звучит убеждающий аргумент Маркса несколько дальше в том же предисловии к «Капиталу»: «Всякая нация может и должна учиться у других».

Проблеме влияний Маркс придает прогрессивное значение: «общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов». Так как это положение следует в «предисловии» сейчас же за предыдущим, то естественно, что именно влиянию одной страны на другую придается Марксом прогрессивное значение. Проблеме влияний Маркс придает чрезвычайно широкое значение, распространяющееся на различные сферы творческой деятельности классового человека, в развитии идеологии которого традиции и пережитки, переданные от предшествующих эпох, играют большую активную роль: «Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром на умах живых», — пишет Маркс. Это имеет место даже и в периоды революции — «когда люди повидимому только и заняты тем, что переделывают себя и окружающее, создают нечто совершенно небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном веками одеянии, этим заимствованным у предков языком разыграть новое действие на всемирно-исторической сцене» (К. Маркс. «18-е брюмера...»; Соч., т. VIII, стр. 323). Такова роль традиций в историческом процессе, что имеет непосредственное отношение к проблеме влияний.

* Утверждение проблемы влияний находим и у Ленина; так, касаясь вопроса о борьбе с оппортунизмом, Ленин пишет: «Физические лица „умирают“ так называемой естественной смертью, но идейно-политические течения так умирать не могут. Как буржуазия не умрет, пока ее не свергнут, так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией, выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группы интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не „убить“, т. е. не свергнуть, не лишить всякого влияния на социалистический пролетариат»

(«Честный голос французского социалиста»; Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 287. Разрядка В. И. Ленина). В своей речи «Успехи и трудности Советской власти» Ленин говорил о влиянии политики прошлого и старой буржуазной культуры на эту интеллигенцию и аристократию рабочего класса: «Культурные люди поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее» (Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 17).

Непреложной аксиомой марксизма является утверждение, что классовые идеологии вырастают на базе развития производительных сил общества, но между ними существует взаимовлияние, о чем писал Энгельс в письме к Штаркенбургу (1894): «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу» (Письма, стр. 40). В письме к К. Шмидту (1890) Энгельс касается той же проблемы влияний, конкретно говоря о философии: «Философия каждой эпохи, — пишет он, — располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками, и из которого она исходит» (Письма, стр. 384).

Приведенных высказываний Маркса, Энгельса и Ленина о проблеме влияний достаточно для того, чтобы утвердить научную непреложность этой проблемы в развитии исторического процесса, а следовательно и литературного. Подобно тому, как писал Энгельс к К. Шмидту (1890), что «Всю историю надо изучать сызнова», так и проблема влияний должна быть поставлена заново в полном соответствии с принципами марксистско-ленинского литературоведения.

Но, включая проблему влияний в систему марксистско-ленинского литературоведения, мы должны еще обусловить ее пребывание здесь рядом конкретных материалистических положений. Прежде всего необходимо помнить при разрешении проблемы влияний диалектическое взаимодействие между материальным и духовным, где первое является базой для последнего, — между состоянием производительных сил и обменом через влияние из опыта различных сфер культуры. Маркс в «Теории прибавочной ценности» (вып. 1, изд. «Прибой», 1923, стр. 250) указывает на это взаимодействие материального и духовного производства: «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу произ-

водства... данной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенный строй общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй, его мирозерцание, а, следовательно, и характер его духовного производства...» Это исходное методологическое положение в вопросе разрешения проблемы влияний.

Обыкновенно буржуазные ученые всегда выдвигают в качестве «железного» аргумента свой объективизм в исследовании исторического процесса, в который включается и развитие литературы. Но этот объективизм ни в какой мере не является спасательной станцией для адептов «чистой» науки. По этому вопросу Ленин пишет: «Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов... Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественная формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» («Экономическое содержание народничества». Соч., т. I, изд. 3, стр. 276. Разрядка В. И. Ленина). «Объективизм» буржуазных ученых, как тенденция, проводится во всех исследованиях о русской литературе эпохи феодализма, но он парализуется указанным Марксом взаимодействием материального и духовного производства и суждением Ленина по этому вопросу.

В художественной литературе совершенно бесспорным явлением было и будет влияние как целых литературных направлений (классицизма, романтизма, реализма, символизма и т. д.), так и одних авторов на других. Энгельс в статье «Ретроградные знамена времени» устанавливает влияние Гегеля на немецких писателей Мундта и Кюне; в статье «Карл Бек» Энгельс утверждает влияние Кюне на поэта Карла Бека. Маркс и Энгельс устанавливают в своих отзывах о трагедии Лассалья «Франц фон-Зикинген» влияние Шиллера на названную трагедию Лассалья и рекомендуют последнему предпочесть «путь Шекспира». Ф. Меринг в своей книге «Легенда о Лессинге» говорит о влияниях Ричардсона, Лилло, Шекспира и др. на творчество Лессинга. Часто сами писатели указывают источники своих произведений (Вяземский, Пушкин, Брюсов и др.). Всем известен так называемый французский классицизм, канонизованный Буало, и его влияние на западноевропейские литературы и на русскую литературу XVIII в. в особенности. Все это непреложные факты. Перед наукой о литературе стоят задачи генетики этих фактов, их роли в организации классовых идеологий, значение их в процессе классовой борьбы и переделке классового человека.

До сих пор «проблема влияний», по существу, не ставилась к разрешению в свете указанных задач. Историографически проблема влияний прошла следующие фазы своего развития: мифологическую (Буслаев, Афанасьев), сравнительно-историческую, расширившую орбиту влияний до интернационального значения (Александр Н. Веселовский), культурно-историческую (Пыпин, Алексей Н. Веселовский, Дашкевич), психологическую (Гершензон), просто буквалистическую (Нейман, Родзевич) и формалистическую (Жирмунский, Томашевский). Все эти фазы своими истоками и базой имеют буржуазную идеологию.

Марксистско-ленинское литературоведение, включая проблему влияний в свою систему, ставит перед исследователями задачи объяснения всяких влияний законами диалектического материализма. Несомненно, что проблема влияний имеет большое значение в образовании творческого метода отдельных писателей и организации таких литературных потоков, как художественно-литературные стили. Имея в виду, что национальные перегородки между отдельными государствами разрушаются наличием в них однородных общественных классов (в наше время — пролетариата и буржуазии), мы не можем говорить о национальной замкнутости художественной литературы той или иной страны и в противоположность этому должны допустить признание интернационального значения классовой художественной литературы (литература пролетариата, литература буржуазии). Только в такой постановке проблема иностранных влияний становится проблемой большой важности, так как она не просто констатирует факты влияний в литературе отдельных стран, но вскрывает однородность политических устремлений одних и тех же общественных классов в конкретные этапы исторического процесса, устанавливает смыкание фронтов классовой борьбы у однородных общественных классов различных стран, указывает на обмен политического опыта между отдельными общественными классами различных стран и государств. Этим, конечно, далеко не исчерпывается содержание проблемы иностранных влияний.

Элементом, изолирующим национальные литературы, служит не существование какой-то особой национальной идеологии, которая в действительности всегда была лишь идеологией ведущего класса, а наличие разных языков, затрудняющих литературное общение между отдельными странами и государствами. Поэтому-то в проблеме иностранных литературных влияний мы должны различать две стороны: влияние оригинальной иностранной литературы на русскую литературу, влияние переводной иностранной литературы на русскую литературу.

До сих пор переводной литературе не уделялось исследователями должного внимания, а между тем социальное значение этой литературы громадное: через нее общаются однородные общественные классы различных стран, через нее смыкают они единый идеологический фронт классовой борьбы, через нее идеологически они разоружают своих классовых врагов. А вследствие этого и переводчики становятся в литературные ряды организаторов классовых художественно-литературных стилей.

Проблема иностранных влияний, детерминированная общностью классовых интересов, обусловлена еще и рядом других закономерностей. Плеханов, развивая мысли Маркса о прогрессивном значении влияний, изложенных в предисловии к первому изданию «Капитала», пишет в своей работе — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (изд. 1919 г., стр. 155): «влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю. Пример: африканские негры до сих пор не испытали на себе ни малейшего влияния европейских литератур. Это влияние односторонне, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Пример: французская литература прошлого века (XVIII в.), влияя на русскую литературу, не испытывала на себе ни малейшего русского влияния. Наконец, это влияние взаимно, когда вследствие сродства общественного быта, а, следовательно, и культурного развития, каждый из двух обменивающихся народов может что-нибудь заимствовать у другого. Пример: французская литература, влияя на английскую, в свою очередь, испытывала на себе ее влияние». «Можно без преувеличения сказать, — пишет дальше Плеханов, — что мы ничего не поймем в этом развитии, не приняв в соображение классовой борьбы».

Наряду с общностью классовых интересов и социальной закономерностью иностранных литературных влияний, сформулированной Плехановым, следует иметь в виду конкретный исторический момент и столь же конкретные черты классовой жизни различных стран и государств, которые могут быть одинаковыми, а часто и различными, что в последнем случае вносит диссонансы в отношения однородных общественных классов различных стран и государств и что, в свою очередь, не может не отразиться на разрешении проблемы иностранных литературных влияний. Иностранные литературные влияния всегда крепко связаны с соответственными политическими влияниями и подчинены им, так как те и другие вызываются в жизнь конкретными этапами классовой борьбы.

Главнейшим элементом содержания проблемы иностранных влияний может быть признано стремление конкретного общественного класса к созданию своей классовой литературы в целях идеологического воздействия на другие классы и укрепления своих классовых позиций. В этих устремлениях писатели, идеологи данного класса, часто обращают взоры за пределы своей страны, к творчеству писателей, идеологов того же общественного класса, но уже другой страны, политический опыт который богаче их страны и их класса.

О необходимости использования политического опыта других стран — писал и Ленин в 1899 г. («Наша ближайшая задача»): «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии». Но это заимствование политического опыта должно быть переосмыслено вследствие разнородных условий исторического момента — на что и указывает в той же статье Ленин: «„Обработка“ этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское...» (Соч., т. II, изд. 3, стр. 497).

Применительно к художественной литературе об этом в свое время писал Фриче: «Новый класс, строящий свою поэзию, заимствует известные стилевые и жанровые образования у того же класса другой страны в настоящем или даже в отдаленном прошлом, там, где этот класс раньше успел экономически и социально, и следовательно, и культурно конструироваться. Это в тех случаях, когда этот класс у себя в прошлом в виду тогдашней своей недостаточной оформленности или недостаточной культурности не смог выработать достаточно совершенных стилей и жанров. Так, когда в Западной Европе, начиная с эпохи Возрождения и до Великой французской революции, стала складываться торговая буржуазия, то она, не имея у себя в прошлом своей высокой культуры, формировала свой стиль (менявшийся с веками) и свой жанр наподобие стилей и жанров античной древности (классического периода), когда античная древность покоилась на тех же экономических и классовых основах торгового капитала» («Проблемы искусствоведения», стр. 108—109).

Но, разумеется, буржуазные западноевропейские писатели заимствовали у своих учителей, писателей античной древности, только то, что отвечало задачам, поставленным перед ними их классом; этими задачами детер-

минировался отбор заимствуемого материала; здесь действует закон единства идеи и явления. Ориентация буржуазных писателей Запада указанной у Фриче эпохи на античных писателей древности определяла до некоторой степени их творческие методы и стиль, как их синтез в пределах конкретного класса.

Но разные условия общественной жизни в странах — влияющей и отражающей это влияние — заставляют последнюю в лице представителей конкретных общественных классов переосмыслить отражение влияния литературы как родственных, так и враждебных классов другой страны соответственно задачам, поставленным перед ними их классами. Короче — заимствованные идеи вообще закономерно искажаются в другой исторической обстановке. Маркс писал по этому поводу в «Коммунистическом Манифесте»: «Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под давлением господства буржуазии и служившая литературным выражением борьбы против этого господства, проникла в Германию в то время, когда тамошняя буржуазия только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма. Немецкие философы, полуфилософы и беллетристы с жадностью набросились на эту литературу. Они забыли только, что французские условия жизни не были перенесены в Германию вместе с французской литературой: в общественных условиях тогдашней Германии эта французская литература лишилась всякого непосредственного практического значения и приняла характер простого литературного течения... Так для немецких философов XVIII в. требования первой французской революции имели смысл лишь как требования „практического разума“, волеизъявления революционной французской буржуазии представлялись им законами „чистой воли“, как она должна быть, — истинно человеческой воли... Это усвоение совершалось таким же путем, каким происходит усвоение иностранного языка, т. е. посредством перевода» (Коммунист. Манифест, изд. 6, ГИЗ, М.—Л., 1930, стр. 72). Механистическому констатированию заимствований и влияний должны быть отрезаны все пути вследствие того, что такое констатирование исторично и субъективно.

В качестве образцового примера можно привести один из эпизодов борьбы Ленина с вождем неонародничества Михайловским, который писал: «Задача наша не в том, чтобы вырастить непременно „самобытную“ цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства». Ленин по этому вопросу замечает: «И в самом деле, как это просто! Хоро-

шее „брать“ отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм „взять“ принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм „взять“ свободу, равенство, просвещение, культуру... Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони... Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли землевладельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно также пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое» («Что такое друзья народа». Соч., т. I, изд. 3, стр. 101).

Историко-материалистическое истолкование проблемы влияний соответственно исторической обстановке дает Ф. Меринг в своей книге «Легенда о Лессинге»; вот как он объясняет различные литературные влияния на Лессинга: «Только при свете научного познания, которое дает материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса, можно понять, почему Лессинг, этот первый писатель буржуазии, выработал себе собственную точку зрения при помощи английской, и при том современной ему литературы. Это случилось потому, что буржуазные классы в Германии не были еще настолько развиты, чтобы дать материал для литературы, в чем должен был сознаться Лессинг в зрелом возрасте, критикуя свою собственную юношескую поэзию. Он должен был обратиться к заграничному образцу и нашел его именно в Англии, где литература и жизнь буржуазных классов достигла сравнительно большого развития. Поэтому-то он заимствовал главную мысль своего первого поэтического произведения „Мисс Сарра Сампсон“ из буржуазного романа Ричардсона, частью из буржуазной драмы Лилло; к Шекспиру он пришел только в конце и не вследствие ошибок эстетического вкуса, а потому, что Шекспир по своему социальному положению артиста и драматурга той эпохи, когда театр жестоко преследовался буржуазными классами, чрезвычайно мало церемонился с представителями этих классов» (изд. «Знание», СПб., 1907, стр. 31).

Таким образом переосмысление влияний всегда происходило в зависимости от политических задач, поставленных тем или другим общественным классом перед их идеологами-писателями, и всей совокупности социальной обстановки конкретного исторического этапа.

Включая проблему влияний в систему марксистско-ленинского литературоведения, мы должны, следовательно, категорически отказаться от традиционного историко-литературного понимания этой проблемы.

Все вышеизложенное утверждает законность включения проблемы влияний в марксистско-ленинское литературоведение, но здесь же необходимо предупредить, что не следует переоценивать значение проблемы влияний, а напротив следует относиться к ней с чрезвычайной осторожностью, помня, что сходство в творчестве писателей часто представляет собой не влияние одного писателя на другого, а следствие однородности их классового бытия, сходных социальных условий соответственного исторического момента и т. д., что и является, по существу, основной причиной сходства в творчестве различных писателей. Здесь следует вспомнить требования Маркса, предъявляемые к исследованию вообще: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение» («Капитал», т. I, предисл., стр. XL, по 6-му изд. 1930 г.). Такого рода серьезный и глубокий подход к исследованию изучаемых явлений, конечно, предохранит исследователя от ошибок и случайных увлечений, скажем, проблемой влияний.

В данном методологическом этюде мы стремились разрешить лишь основные моменты «проблемы влияний» в связи с критикой традиционного сравнительного метода в исследованиях по русской литературе эпохи феодализма. Наши построения вследствие новизны вопроса неизбежно схематичны и местами абстрактны, поскольку они идут мимо конкретного литературного материала, но истоки наших построений находятся в марксизме-ленинизме, что утверждает их значимость для новой постановки проблемы влияний.

На очереди стоит дальнейшая проработка проблемы влияний — как теоретическая, так и практическая, на конкретном исследовании литературного материала; последней следует придать преимущественное значение, так как, по выражению Ленина, — «От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику» (Ленинский сб., IX, стр. 237).

В. Н. ПЕРЕТЦ

К вопросу о сравнительном методе в литературоведении

I

Литература есть надстроечное явление, следовательно она разделяет судьбу всякой надстройки, которая возникает в зависимости от изменений в базе. При этом «новая надстройка заимствует и ассимилирует, деформируя и подчиняя новому общественному базису целый ряд старой надстройки», как и в других аналогичных случаях,¹ и потому в процессе исследования, перед нами, по выражению Энгельса, «стоит задача вскрыть, как на каждом этапе развития общества на базе определенной системы производительных сил и производственных отношений заново возникает, конструируется и новая надстроечная структура. Но этот процесс протекает не в безвоздушном пространстве, а в конкретной обстановке плавки прежнего способа производства, распад которого и возникновение нового, так же как и распад старых и возникновение новых надстроек идут параллельно, проникают один в другой».²

Это общее положение имеет непосредственное отношение и к нашему вопросу, к явлениям «заимствования» в ходе литературного развития вообще и в границах феодальной Руси в частности и к способу их обнаружения.

Литература, возникающая из жизни — и в свою очередь влияющая на жизнь, — это вечно движущийся и разветвляющийся поток, своими истоками уходящий в эпоху доклассового общества. Напрасно думают, что она может пребывать в статическом состоянии, и что ее можно в таком состоянии изучать. Ее следует изучать в движении и при этом, как рекомендовал Маркс, «исследование должно освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю

¹ С. Толстов. Проблема родового общества. Советская Этнография, 1931, № 3—4, стр. 75.

² Энгельс. Анти-Дюринг.

связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение». ¹ Это значит, что для обнаружения научной истины следует не пренебрегать ни одним способом ее раскрытия, но предусмотрительно учитывать, что может дать тот или иной метод, или прием работы.

Итак, как все явления жизни, литература изучается в движении, в процессе ее становления, а не статически; только в учебниках для простоты изложения допускается упрощение с целью более удобного обзора материала: говорят, напр., «литература XII в.» или «литература XVII в.» и т. п. В моих лекциях по методологии я уже огмечал эту условную манеру периодизации литературных явлений, как приемлемую только с педагогической точки зрения. Но, конечно, ни одному настоящему ученому и не снилось, что литературное развитие в какой-либо стране, в точных пределах столетий или иных сроков — представляло бы собою нечто законченное, остановившееся в своем развитии. И вот, в этом процессе становления той или иной литературы у народа получающего письменность и выходящего на арену исторической жизни через приобщение к культуре опередивших его народов, — литературы, равняющейся на соседнюю, созданную нацией переловой, являющейся своего рода «законодателем моды» для определенного, обычно ведущего класса нации заимствующей, отсталой — заимствование оказывается чрезвычайно удобным и обычным способом «сравняться» с этим «законодателем». Само собою разумеется, что на первых порах заимствует не вся нация, а тот ее класс, который культурно наиболее близко подходит к «законодателю».

«Заимствование» таким образом есть явление неизбежное в жизни народов, так как нет народов, жизнь которых протекала бы в полной изоляции. Не всегда нация изобретает все, необходимое ей, сама, когда достигает известного культурного уровня.

«Заимствование», понимаемое в широком значении, охватывает различные стороны быта; например, северные народы заимствовали алкоголь, а не изобрели его; народы Европы заимствовали у Америки картофель и табак. В X—XII вв. высший класс древней Руси усваивал одежду знатных византийцев; в XVIII в. — таковой же класс заимствовал парики, фижмы и многое другое у Западной Европы. Так заимствовались и литературные идеи, и формы их выражения: заимствование — было всегда и везде усвоением литературного опыта, опыта представителей исторически предшествовавших культурных слоев ведущего класса. Литература не была

¹ Маркс. Капитал, I, предисл., стр. XL, 6-е изд. 1930 г.

исключением. Отрицать факты заимствования в литературе нельзя, равно как и закономерности такого заимствования; вопрос только в том, как оно происходит, по каким причинам, к чему ведет и для кого осуществляется.

Факты заимствования в литературе, как результат общения между народами, собственно говоря — между их классами, стоящими на сходном этапе общественного и культурного развития, — могут быть констатированы в разных видах и степенях. В частности на материале русской и украинской литературы эпохи феодализма они наблюдаются в таких видах:

1) Простейшим видом незамаскированного заимствования в области литературы этого периода являются книги христианского культа в его восточной разновидности, переводные жития греческих святых, сочинения учителей церкви, хроники, переводные повести и пр., буквально передающие новой восточнославянской среде идейное содержание греческих памятников, но в новой языковой оболочке.

2) Случаи опосредствованного заимствования видим неоднократно, например, в первых же опытах таких ораторов, как Феодосий, Иларион, и др., старавшихся говорить «от писания»; в «Слове о полку Игореве», автор которого незаметно для себя усвоил некоторые словесные формулы церковной литературы; таковы некоторые публицистические произведения, развивающие принесенную из Болгарии идею о 3-м Риме, но развивающие ее применительно к русским условиям быта XV—XVI вв. и пр.; в некоторых случаях заимствованною является не идея, а форма композиции, например, драматическая, а наполнение ее принадлежит русскому автору, — такова «Комедия о графе Фарсоне».

3) Далее укажем на случаи преднамеренного подражания, очень частые в древней русской литературе: таковы многочисленные памятники агнографической литературы, сложенные по шаблону, выработанному греческой литературой; таковы памятники русской религиозной гимнографии, созданные тем же способом, следуя установленным греками образцам. Свободное, хотя и намеренное подражание видим в произведениях Кирилла Туровского, или например, в некоторых произведениях, использовавших шаблон, данный библейскими пророками — у Максима Грека, Серапиона Владимирского, Мелетия Смотрицкого.

4) Еще дальше от прямого, непосредственного заимствования стоят случаи «влияния». Это — случаи частичного отражения в творчестве автора — первоначально чужого ему, не им найденного и впервые формулированного материала, идейного или словесного; таковы например, в заведомо переведенных с иного языка повестях стихии стиля устной русской

словесности, и наоборот, в произведениях устной словесности — элементы письменной традиции. Таким образом, в процессе создания некоторых литературных памятников наблюдается своего рода диффузия словесного и идейного материала.

Как показывает наблюдение, в литературной области, нас интересующей, заимствования не остаются «инородным телом»: они часто прочно врастают в новую среду и имеют в ней свою судьбу; сокращаются, распространяются, варьируются, значительно видоизменяясь, несут различные функции, сообразно потребностям времени и культуре того класса, который их использует; такова, например, судьба Александрии в восточнославянских литературах, таковы, например, изображения весны у Григория Назианского и его русских подражателей и пр. «Заимствованное» — в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального, и так же как оно — в истории нашей литературы испытывает воздействие социальных сдвигов в обществе, в котором оно бытует.

Мы пришли к определению литературного заимствования, как перенесения литературного памятника в новую языковую среду, в культурную среду новой нации, а также перенесение писателем в свое произведение идейного и формального материала из литературной продукции предшественников и, иногда, современников. Это перенесение бывает намеренным, сознательным (плагиат, подражание), или ненамеренным, основанным на воспоминании о прочитанном или услышанном (влияние, реминисценция).

Случайно или неслучайно происходит такое перенесение? Многих соблазняла мысль признать его случайным. Но случайности нет. Писатель, будь он древний или новый, часто спокойно проходит мимо тысяч литературных образцов, мимо высказываний массы поэтов-предшественников, но не заражается их идеями, не запоминает, не усваивает себе их словесных форм настолько прочно, что они становятся для него родными, — и только в некоторых случаях из массы материала, созданного его предшественниками, берет нечто, оформляя по своему. И делает он это постольку, поскольку этого требует жизнь, т. е. весь комплекс окружающих его условий существования в той общественной ячейке, к которой он принадлежит, чьею болью болеет, чьею радостью радуется. Среди этих условий, определяющих отношение писателя к жизни, — существенное место принадлежит классу, представителем которого является данный писатель, классу, чье задание он выполняет в своем творчестве. Громадное большинство древнерусских писателей в своих произведениях дают реминисценции из произведений греков, в которых слышится отстаивание интересов феодальной

верхушки общества; и почти не слышен голос тех произведений Иоанна Златоустого, в которых он выступает, как представитель Константинопольского пролетариата своего времени, хотя другие его произведения пользуются широкою популярностью.

Таким образом и в заимствовании, и в подражании процесс работы писателя, в частности древне русского, детерминирован его классовою принадлежностью, классовым интересом. Это не значит, что смерд, ставши писателем, становится всегда выразителем интересов своего угнетенного класса: в феодальной Руси, становясь грамотным, большею частью церковником, он порывал обычно со своим классом и становился сторонником и выразителем идеалов своего нового класса, к которому примыкал. Но и у него иногда, как у летописца, прорывались суждения о том порядке, в котором господствовало право сильнейшего, и экономически, и внеэкономически, класса феодалов. Вспомним суровые слова поучения к судиям и властелям, восходящего к домониолевскому периоду.

Принимая во внимание сказанное, мы можем принять как окончательное, такое определение заимствования всех видов: оно есть воспроизведение писателем в своем творчестве, намеренно или ненамеренно, того из литературного наследия, что отражает его классовую заинтересованность и соответствует его классовой идеологии, основанной на определенной социально-экономической базе.

Все случаи заимствования, начиная с первого, элементарного и легко обнаруживаемого, и кончая последним, наиболее трудным, ибо тут могут возникать у исследователя различные возражения и сомнения, — обнаруживаются с помощью «сравнительного метода».

II

Все наше мышление широко пользуется сравнением. Через сравнение мы познаем вещи и мысли, даем им оценку и проникаем в их сущность. И вполне было естественно, когда ученые литературоведы, покинув догматику эстетических оценок на основании принятого априори канона прекрасного, обратились к изучению литературных фактов и на основе широко проведенного сравнения их попытались проникнуть в процесс их создания.

Это была первая брешь, пробитая в романтической теории «свободного творчества», «свободного вдохновения», ибо допущение зависимости творчества поэта от тех или иных возможных и доказанных влияний — указывало не на индивидуальный источник творчества, а на социальный характер его, — ставило литературу в ряд проявлений жизни, срывая ее с надзвезд-

ных высот будто бы свободного, ничем не ограниченного вдохновения. Человек — существо общественное; поэтому писателю как человеку ничто человеческое не чуждо. Он, как и другие люди, подчиняется законам общества и в своем творчестве отражает эту жизнь общества со всеми ее сторонами. Таков был итог низвержения поэта с заоблачных высот «свободного вдохновения».

Такова была и историческая заслуга тех ученых, которые обосновали и демонстрировали в своих работах принципы сравнительного метода, — не путем деклараций, а на деле показали и обосновали его применение. Имена Бенфея, Либрехта, Кёлера, Париса и многих других на Западе, а у нас Пыпина, Веселовского, Жданова и др. — являются своего рода вехами, показателями новой эпохи в истории нашей науки. Для своего времени, на своем этапе — они сделали много важного, поставив вопрос о генезисе литературного произведения, — вопрос кардинальный, от решения которого зависит все дальнейшее в программе работы литературоведа.

В чем заключается сущность сравнительного метода, внесенного в практику нашей науки названными учеными?

Сущность его заключается в том, что изучаемое литературное явление в целом и в частях сопоставляется с предшествующими ему во времени фактами в пределах той же литературы или созданной иной нацией, но знакомой автору, при условии, что есть данные умозаключать о знакомстве его с этой литературой. Такое сопоставление, последовательно проведенное, может показать, что:

1) Данное, рассматриваемое произведение, независимо от предполагаемых образцов, и идейно и формально (своей тематикой, композицией, стилем, т. е. вообще словесным оформлением) — самостоятельно, оригинально. Это не значит, что автор творил «свободно» от воздействий окружающей его среды, а лишь то, что при воспроизведении своих идей он не пользовался ранее сложившимся образцом, шаблоном.

2) Изучаемое произведение создано автором в зависимости идейной или формальной от какого-либо из ранее существовавших.

3) Автор в своем произведении допустил намеренное (как это наблюдается у Карамзина, или у д'Аннунцио) подражание, близкое к образцу или ненамеренное, вследствие невольной реминисценции, — и при этом внес нечто свое, но своему обработал заимствованное, показал с новой стороны уже ранее использованный сюжет, идею, и т. д.

Таким путем сравнения литературных произведений всех времен устанавливаются сходства и различия в идейном содержании и в словесном оформ-

млении. В первом случае, при наблюдаемом сходстве идей, установить факт заимствования или влияния — труднее: в определенных условиях культуры, общественного быта лица, принадлежащие к одной общественной группе или классу, могут быть носителями сходных и даже тождественных идей, которые могут у них зарождаться безо всякого заимствования, например, идея протеста против классового гнета. Это давно было отмечено Плехановым.

Но гораздо менее вероятно, чтобы люди, разделенные веками, общественным положением, воспитанием и самою классовою принадлежностью — выразили свои идеи, чувства, настроения одними и теми же словами, отлили их в близкие, а тем более, — в тождественные словесные формулы, точно отражающие определенный исторический момент и характерные именно для него. Ведь даже явные подражатели, например, «Слову о полку Игореве», спустя два века и более, повторяя его фразеологию, вносят в нее свои, новые черты, чуждые и невозможные в оригинале XII в. Эти совпадения и служат основанием для установления оригинала, которому следовал подражатель. Словесные формулировки легче уловимы, чем оттенки идей. И если мы встречаем в памятнике позднейшем и притом принадлежащем иной среде словесные формулы, известные уже из памятников, явившихся ранее и доступных позднейшему автору, — мы вправе умозаключить, что здесь, в анализируемом случае, имеем дело с подражанием старшему образцу. Так рассуждает следующий в своей работе принципам, завещанным основателями сравнительного метода.

Попробуем разобраться в вопросе, пригоден ли в условиях нашего времени сравнительный метод для работы литературоведа, или его следует оставить, как отживший, сыгравший свою роль. Попробуем установить, пригоден ли он, и если пригоден, то в какой мере и с какой точки зрения.

Пользоваться методом в работе, как и всяким инструментом, можно умело — и неумело. В руках опытного мастера применение инструмента дает прекрасный результат; кисть в руках художника дает совершенные творения, но в руках невежды и наилучший инструмент только портит материал, наилучшая кисть дает жалкую мазню. Так и в деле литературного исследования: в одних руках сравнение, проведенное с тактом и знанием, на большом и соответствующем делу материале — давало одни результаты; в руках других, имевших, скажем, более темперамента, чем критических способностей, или находящихся во власти эмоций, или более склонных к трудолюбивому, но бесплодному коллекционерству — другие результаты. И надо сказать, что, к сожалению, сравнительный метод и вытекающая из

него «теория заимствований», имевшая долгое время неограниченный кредит и применявшаяся там, где возможно и невозможно, — вследствие некритичности и неосторожности своих адептов совершенно потеряла его среди «ученых-максималистов», ищущих какой-то универсальной отмычки для всех вопросов литературоведения, тогда как опыт учит нас, что для решения их нужны различные технические приемы. К тому же тому, кто не работал над международным материалом трудно сознаться, что и сравнение может к чемунибудь пригодиться. . .

Обыкновенною ошибкою в случаях неудачного пользования сравнительным методом является игнорирование исторических условий, в которых создавалось изучаемое произведение: не считаются, например, с биографией писателя, не спрашивают, мог ли он заимствовать тот или иной элемент своего произведения, знал ли он язык предполагаемого источника, имел ли его в руках и т. п. Упускают из виду условия жизни общества и самый характер предполагаемого «заимствования», являющегося в сущности словесным выражением «пдей века». Кроме того, даже недолгое наблюдение над фактами убеждают нас, что ничто совершенно чуждое психике писателя (или среды — в области устной традиции) не заимствуется: в основе «заимствования» лежит сродство интересов, и притом не только личных, но — что важнее — общественных, классовых.

Как вскользь замечено выше, никакое подражание, заимствование — не бывает буквальным повторением оригинала. Уже тот факт, что подражатель живет позже своего оригинала, т. е. в эпоху, отличающуюся своими особенностями, является обстоятельством, мешающим буквальности заимствования. Одна и та же идея на разных этапах классовой борьбы заставляет писателя иначе реагировать на нее. Таким образом механического заимствования не бывает; даже при переносе готовых эпизодов, отдельных сюжетных единиц, — мы встречаем их в ином обрамлении, употребленными в дело с новым пониманием их значимости.

Заимствуемое всегда претворяется, либо вновь соотносится, координируется с фактами жизни новой общественной среды в процессе ее формирования. Даже в повторяемые готовые формулы в некоторых древнерусских памятниках вкладывается новый оттенок, и, стало быть, новое их понимание. Таким образом буквального, тождественного заимствования никогда не бывает.

Можно ли отказаться литературоведу от применения сравнительного метода? Полагаю, что нельзя; но следует подчинить пользование им определенным установкам современного литературоведения. Сравнительный ме-

тод раскроет нам, в меру наличного материала и искусства исследователя, — чем и как в процессе творческой работы тот или иной писатель, старый или новый, для оформления своего художественного замысла пользуется, черпая из сокровищницы коллективного литературного опыта своих предшественников.

Слепое доктринерство никогда не приводит к удачным, плодотворным результатам, особенно тогда, когда оно препятствует реальной работе и заменяет ее подбором цитат на манер средневековых схоластов, правда из хороших книг, но механически усвоенных и не примененных к продуктивной работе над материалом. А если в процессе применения сравнительного метода у ученых прошлого были даже серьезные недочеты, то мы должны вспомнить многозначительные слова Ленина: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали»¹, и потому естественно, мы не можем и не должны отказываться в своей области работы от тех средств, которые дает нам выработанная техника исследования: как старый филолог не решался пользоваться своим материалом без предварительной критики его достоверности, как вопрос об исторической достоверности свидетельства, документа тревожил добросовестного историка прошлого времени, как текстологическое разыскание было основой научного издания того или иного произведения литературы и т. п., так и теперь те же вопросы стоят пред литературоведом-марксистом, если он захочет быть добросовестным. И сравнительный метод, как прием, помогающий вскрыть процесс работы писателя, будет неизбежно применяться в работе над литературным наследием прошлого, но с такими поправками, которые упразднят бесцельное коллекционирование «параллелей», обнаруживающее начитанность ученого, но ничего не доказывающее читателю его трудов.

Мы должны быть признательны тем ученым, которые, пользуясь сравнительным методом, произвели в понимании литературных памятников громадные сдвиги, обнаружив, например, интернациональность литературного процесса и в области личного творчества писателей, и в области устной традиции, коллективность литературного творчества в течение веков, или срывая покров мнимой исторической достоверности с таких памятников, которые с самого создания их, в течение ряда веков считались бесспорными свидетелями о жизни отдаленного прошлого, тогда как в сущности они — только свидетели этой коллективности. Примером может служить

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1931, стр. 304.

скромная на вид, но богатая возможностью выводов работа проф. Абрамовича,¹ наглядно показавшего, что Киевский Печерский патерик, и в частности Житие Феодосия — не имеют той исторической достоверности, которую им приписывали, — что они вместо подробностей жизни первых обитателей монастыря — дают лишь ловко скомпонованные отрывки из переводных греко-византийских памятников агиографии; что этот памятник, в главной своей части — не исторический, а легендарный, почерпнувший свои quasi- «исторические» данные из запаса восточных благочестивых повестей.

Не менее в свое время была ценна и другая работа над аналогичным материалом, исследование о некоторых русских житиях, написанное проф. Кадлубовским,² подрезавшим официальные воззрения на жития и показавшим, что некоторые памятники этого рода — суть лишь перелицовки на русский лад, в зависимости от исторических условий на Руси, — греческих одноименных святых: за неимением точных данных о жизни русских подвижников, авторы их житий наивно пользовались, как образцами, житиями греческих, носивших те же имена. Можно себе представить, каким ударом по клерикализму были такие исследования. И такая разрушительная — и вместе с тем созидательная, — дающая научную истину, работа совершена авторами ее только вследствие широкого применения ими сравнительного метода к исследованию материала, бывшего для верующих — неприкосновенной святыней. «Pia fraus» была ими разрушена. Приведу еще пример: в исследовании о летописи³ акад. Сухомлинов в свое время наметил процесс создания древней русской летописи и указал (хотя и не все) ее источники. Это было большое завоевание для той эпохи, так как этими источниками определяются идейные руководящие тенденции формировавшегося на развалинах родового быта феодализма. Несмотря на некоторые даже и для своего времени недостатки, это исследование имело большое объективное значение: оно констатировало основной фонд воззрений писателя XI—XII вв. Много нападков и в свое время вызвал труд Стасова о происхождении русских былин,⁴ за неосторожность и необоснованность сближений русского эпоса с эпосом сибирских народов; были и остаются

¹ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике, как историко-литературном памятнике, 1902, и Изв. ОРЯС, 1901—1902.

² А. П. Кадлубовский. Очерки по истории древне-русской литературы житий святых, 1902, и Русск. фил. вестн., 1901.

³ М. И. Сухомлинов. О древнерусской летописи как памятнике литературном. Учен. Записки Акад. Наук по 2 Отд., III, 18.

⁴ В. В. Стасов. Вестн. Евр., 1868 и Собр. сочинений.

до сего времени некоторые нарекания на Веселовского¹ и Жданова² за их работы в той же области. Но этому вина не в сравнительном методе, которым они пользовались, а в недостаточной осведомленности в материале, в склонности к смелым гипотетическим построениям, в, может быть, излишней для ученого пылкости темперамента, наблюдающейся у Стасова, и предвзятости убеждений. Но всякое явление научной жизни в ее общем поступательном движении имеет свое определенное значение на своем историческом этапе.

Каждому литературоведу следует помнить слова Ленина, сказанные им по поводу профессоров-экономистов. Задача марксистов заключается не в том, чтобы, по немецкой поговорке, выплеснуть из ванны вместе с грязною водою и ребенка, а в том, чтобы пользуясь испытанными и не раз проверенными методами исследования — «уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов».³

III

Я никогда не был теоретиком сравнительного метода, но пользовался им в моих работах то более широко (в работах по фольклору), то более ограниченно (в работах по литературе XVII—XVIII вв.), и от меня не скрылись слабые его стороны, рельефно обнаруживаемые в работах не всегда осмотрительных его адептов. В моих лекциях по методологии истории русской литературы (1914), изложив принципы этого метода, я писал: «Но сравнительное исследование имеет свои подводные камни», и, приведя слова Срезневского в пользу самостоятельного зарождения литературных форм, продолжал: «Всегда следует помнить, что видеть во всем и везде „заимствование“ — это для ученого, пользующегося сравнительным методом, — признак „дурного тона“, плохой школы или отсутствие всякой школы».⁴

Но кроме «дурного тона» в неумелом применении сравнительного метода скрывается и нечто другое; а именно:

1) в значительной степени уверенность, что нагромождение параллелей и вариантов имеет какое-то самодовлеющее значение, и

¹ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. Сборн. ОРЯС, XXII, № 2, 1881; его же Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. 1872, и др.

² И. Н. Жданов. К литературной истории былевой поэзии, 1881; его же Русский былевой эпос, исследования и материалы, 1895.

³ В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1931, стр. 280.

⁴ Из лекций по методологии, стр. 181, и вообще — см. стр. 172—184.

2) стремление свести литературный процесс к этому механическому нагромождению фактов, деталей, эпизодов, стилистических формул и т. п., лишив его внутреннего основания, — зависимости от течения жизни, связи с выдвигаемыми ею потребностями, устраняя вопрос для кого творится литература, забывая ее функциональную роль и назначение.

Для того, кто стоит на почве марксизма, вторая опасность — не существует; но первая, поддерживаемая склонностью начетчиков «блистать эрудицией», — изживается не так скоро: ведь пример работ вроде Андерсона, столь же ученых, сколь и бесплодных, — соблазнителен. . .

Подведем итоги нашим рассуждениям.

Сравнительный метод — в процессе работы литературоведа необходим, как метод подготовительной обработки литературного материала для последующего анализа его с социологической точки зрения. Не обследованный с точки зрения его происхождения памятник литературы, т. е. еще не определенный, как оригинальный, переводный, подражательный — не может быть с достаточною уверенностью использован для дальнейших построений, как материал для истории литературы. Отсутствие сведений, что собственно принесла новая среда в заимствованный путем перевода или подражания памятник — не позволит нам определить степень оригинальности и процесс трансформации заимствующей среды. Мы будем лишены возможности, отказываясь от применения сравнительного метода, — проникнуть в мотивы заимствования с желательною точностью. Те, кто воображает, что сравнение имеет какое-то самодовлеющее значение, конечно, ошибаются в его целесообразном применении; но и те, кто считает этот метод ненужным на той ступени социальной и научной жизни, на которой мы находимся, — ошибаются не менее, только в другую сторону.

Нужно только помнить, что сравнительный метод — не система философских понятий, идеалистических или материалистических, а лишь рабочий прием для обнаружения культурных и литературных связей в словесном творчестве всех народов, приходивших в соприкосновение в исторической, а иногда доисторической жизни. Так напр., не придавая ему какого-то «самодовлеющего» значения, понимал роль сравнительного метода и А. Н. Веселовский, далеко не чуждый, как полагают некоторые, социологической оценки значения литературных фактов. Так, не будучи марксистом, он однако думал, что «сословное раздвоение на управляющих и управляемых обусловило раздвоение эпоса на простонародный и художественный: α) первый переневаляет старые сюжеты, внося в них новое понимание... β) эпос высшего класса, художественный, эпос школьный, уче-

ный... отличается личным выбором сюжета с эпизодическим характером» и т. д. (резюме его университетского курса 1882 г., § 4, см. П. К. Сямони, Библиогр. список трудов А. Н. Веселовского, 1922, стр. 21, 22). Эту сторону деятельности А. Н. Веселовского метко очертил в 1930 г. акад. Н. Я. Марр: «С расцветом востоковедения в Петербургском тогда университете неслучайно совпала исключительно творческая по методологии деятельность известного историка литературы и теоретика, с яркими социологическими моментами в изысканиях, проф. и акад. А. Н. Веселовского, чутко учитывавшего вклады в предмет его исследования всех народов и племен».¹

1932 X 20.

¹ Вопросы языка в освещении лингвистической теории. ГИИМК, Ленинград, 1933, стр. 14.

В. Н. ПЕРЕЦ

Академическое издание Моления Даниила Заточника

Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. (Академия Наук СССР. Памятники древне-русской литературы, вып. 3). Ленинград, 1932, 8°, XVI + 166 стр. + XIII снимков. Ц. 10 р.

Слово Даниила Заточника не раз издавалось, и работа автора настоящего издания была значительно облегчена наличием обширной литературы, посвященной этому загадочному произведению начальных лет русской литературы феодального периода. Но все издания этого памятника — и это следует признать — не отличались совершенством, а к тому же давно стали библиографической редкостью. Наконец, в последние годы, по выходе в свет издания И. А. Шляпкина и даже П. Миндалева, были обнаружены новые, неизвестные ранее списки Слова и его переделок. И сам по себе, и его окружение, эпоха, которой он обязан появлением, непонятность некоторых мест — все это привлекало к памятнику внимание исследователей; и тем более делало его интересным, что он представляет, если не в целом, то в частях, пример старейшего в нашей литературе сатирического памятника. Все это делает издание Н. Н. Зарубина весьма своевременным, и можно быть признательным Академии Наук, издавшей Слово в первую очередь, после первых выпусков, заключавших в себе сказания о Борисе и Глебе и житие Авраамия Смоленского.

План издания следующий: вслед за кратким введением, на котором мы далее остановимся, идут тексты:

I. «Слово» Даниила З. в «основной», по мнению издателя, «редакции XII в.»; переделка ее — «Слово о мирских притчах и о бытеевских вещах». Первое издано по рукописям: Кирилло-Белозерской № 43/1120, начала XVII в., Толст. III, № 73, XVII в., Копенгагенской корол. биб. № 553, XVII в., акад. Н. К. Никольского, XVII в., Барсова № 1775, втор. пол.

XVII в.; «Слово о мирских притчах» издано по спискам: Погодинскому № 1315 и Владимирского гос. Областного музея № XII/249; оба они относятся также к XVII в.

II. «Послание Даниила З.», иначе — «Моление», издано «по основной редакции XIII в.», по рукописям: Чудовского мон. № 53/355, XVII в., и Ундольского № 195, XVI в., а также по двум переделкам этой редакции: 1) по списку Соловецкой библиотечки № 913, втор. пол. XVI в.; собрания Тихомирова № 379, втор. пол. XVII в., и акад. Н. К. Никольского XVII в.; 2) по рук. Воронежского музея № 2, XVII в., и Забелина № 464 (540), последней четв. XVII в.

В «Приложениях» к этой основной части книги находим: 1) «Слово Даниила З., отнесенное к «основной ред. XIII в.» из рук. Гос. Публ. библиотечки О. XVII, № 14, XVI в., найденное В. Ф. Покровской уже во время печатания книги; 2) таблицы соответствий между редакциями XII в. (Академической) и XIII в. (Чудовской) издаваемого памятника; 3) указатель слов, встречающихся в издаваемых списках памятника и его переделок; 4) снимки, которые дают наглядное представление о рукописях; они исполнены в натуральную величину. В заключение — несколько поправок.

Я нарочно остановился на перечне рукописей, послуживших для настоящего издания. Одни из них давно уже известны исследователям, другие — являются новинкой и печатаются впервые. Это придает особое значение рассматриваемому изданию: такого обширного материала мы не встречаем ни в одном предшествующем.

Текстам предпослано «Введение», в котором, кратко описаны списки издаваемых текстов, с добавлением некоторых замечаний — о значении «Слова» (стр. I), свод мнений об авторе (стр. II—III) и адресатах «Слова» и «Моления» (IX), об отношении переделок к текстам, признаваемым за «основные» (стр. VIII, XI, XIII), указание на собранные предшественниками издателя источники и параллели к «Слову» и «Молению» (стр. XV) и правила издания текстов (стр. XV—XVI). Издателем исчерпана большая библиография вопроса о Данииле З. и ему приписываемом произведении, с ничтожными, но довольно досадными пропусками. Так Н. Н. Зарубин совершенно обходит молчанием высказывания акад. В. М. Истрина в его «Очерке истории древне-русской литературы домосковского периода» (1922, стр. 228 и след.), акад. М. С. Грушевского в его «Історія української літератури» (1923, стр. 220—232), хотя эти высказывания стали известны задолго до начала печатания рассматриваемого «Введения». Из старых авторов совершенно обойден Голубинский. да и не он один. Впрочем,

имея обзор литературы о Данииле З. в труде П. Миндалева («Моление» Даниила З. и связанные с ним памятники, Казань, 1914), можно было бы и не жалеть, что Н. Н. Зарубин не повторил такой работы, если бы труд Миндалева отличался полнотой; к сожалению, то, что опущено Миндалевым, не нашло себе отражения и в труде Зарубина, как мы увидим ниже. Если для начала нужна была общая характеристика значения «Слова», то можно было бы найти лучшую, чем заимствуемая у Шляпкина и цитируемая на первой странице. В итоге — получилось Введение, непохожее на обстоятельные библиографические обзоры, вводящие в изучение памятника, и вместе с тем — не отвечающее современным требованиям науки литературоведения. И описания рукописей, из которых почерпнуты тексты «Слова», «Моления» и их переделок, оказались беглыми и не дающими представления о том, в каком окружении сохранились издаваемые памятники. А это — не безразлично для историка, ибо обычно статьи, входившие в состав сборников, имели на себе отпечаток тенденции их составителей.

Мы остановились так внимательно на Введении потому, что оно должно давать читателю «ключ» к пониманию не только приемов издания, но и к пониманию издаваемого памятника. Так думал когда-то Шляпкин, и его соображения остаются для нашего времени не только непоколебленными, но еще более основательными. Мало того, во Введении мы желали бы видеть не только справочный материал, ориентирующий читателя, но и результат работы издателя, который должен был показать главное в историко-литературном труде: движение в истории самого памятника (известного издателю в многочисленных списках и переработках), и движение в истории издания и изучения памятника учеными с момента его открытия до нашего времени. Ничего этого во Введении Н. Н. Зарубина нет, а между тем это было бы весьма нетрудно сделать, обладая подготовленным библиографическим материалом: ведь о памятниках, связанных с Даниилом З., писано немало. И если ранее, в двух предшествовавших выпусках «Памятников», вышедших более 15 лет тому назад издатели могли ограничиться лишь перечнем и характеристикой списков издаваемого текста, то теперь уже этого недостаточно, особенно в данном случае, где имеется обширная подготовленная литература о «Слове» и «Молении». Изданиям Академии Наук нельзя являть собою какую-то, хотя бы и почетную, окаменелость.

Такое отсутствие критически мотивированной оценки работ предшественников привело Н. Н. Зарубина к тому, что он принял, вопреки мнению наиболее авторитетных из них, обновленное Миндалевым старое

мнение о редакциях «XII» и «XIII» веков, — безо всякой мотивировки и, казалось бы, вопреки очевидности. Ибо возможно и обратное приурочение редакции — признание ред. XIII в. за более близкую к архетипу, а «ред. XII в.» — за вторичное явление, возникшее может быть, уже в XVI в. Не ограничиваясь ссылками в подстрочных примечаниях, издатель обязан был дать мотивировку, почему он предпочел старое распределение редакций. Я лично примыкаю ко мнению А. И. Ляценка, дважды им обоснованному, что старшая ред. памятника относится не к XII в., а к XIII в. и написана в 1220-х гг. (кн. Ярослав Всеволодович, которому адресовано «Послание» или «Моление», жил между 1191 и 1246 гг. и был князем и в Новгороде и в Переяславле Южном). Очевидно, что при этом говорить о памятнике, будь то «Слово» или «Моление», как о возникшем в XII в., не представляется возможным.

Уже тот факт, что «Слово» (будто бы написанное в XII в.) адресовано весьма темно, — что не скрылось от внимания Н. Н. Зарубина (стр. III), — свидетельствует о том, что оно не первично, а является вторичною ступенью в истории памятника; о том же говорят и анализ переделок. Мне кажется, что ни один из списков не только не представляет собою архетипа, но даже и близкой к нему копии с первичной редакции; «Послание» или «Моление» — ближе к ней, что видно из сличения текстов, а «Слово» — осложнено интерполяциями, не всегда прочно связанными с ядром его; из них особенно бросаются в глаза параграфы, начиная с XXXVII списка А, не говоря уже о замеченной и отдельно напечатанной вставке в сп. Н — об Иосифе Прекрасном. Эту первичную редакцию можно попробовать реконструировать на основе «Моления» с привлечением других текстов.

Обращаясь к соотношению между списками той редакции памятника, которую Н. Н. Зарубин относит к XIII в., и считает позднейшей, мы позволяем себе высказать мнение, что издатель допустил неосторожность, взяв за основной текст Чудовской рук.: во многих местах список Ундольского дает лучшее чтение, свидетельствующее о большей его близости к архетипу. Достаточно взглянуть на оба списка, чтобы убедиться в этом: Унд. «яко злато в калне сосуде», а в Чуд. «в полне сосуде», что совершенно бессмысленно. Или: Унд. «а богатъ несмыслен аки паволочито возголовие, соломою наткано», в Чуд. «а убогъ несмыслень аки солома во грязи втоптана»; Унд. «Дивья бо за буяном кони настити», а Чуд. «Дивья бо за дивьяком»; Унд. «Тако и Бояк судивый и победи Угры у Галича», Чуд. «Тако и Бокъ судивый хитростию и побѣдив Угры и галичь». В § XLI Чуд. упоминает о Боголюбове, Белоозере, Лаче, и в связи с этим получается

гра слов, которой нет в Унд. и которую мы считаем интерполяцией. Также Чуд. перепутаны имена философов в § I, тогда как в Унд. они исправнее. М. также в § XX Чуд. = § XXXII Унд., § LI в Чуд. и Унд. и др. В этом отношении я расхожусь с мнением А. И. Ляценка, считавшего список Чуд. более близким к архетипу.

Самый способ издания, примененный Н. Н. Зарубиным к текстам, связанным с Даниилом З., заслуживает внимания. Издатель выбирает основной список, к которому в примечаниях собирает варианты из других списков; но кроме того, он тут же, внизу страницы, помещает и каждый список, использованный для вариантов. Таким образом читатель имеет перед глазами и обработку, произведенную издателем, и материал, им использованный. Конечно, не для всех памятников этот способ, громоздкий и неэкономный, пригоден. Но зато он дает возможность проверить работу издателя. Кроме того весь памятник разделен издателем на параграфы, что облегчает ссылки и установление соотношения между редакциями и переделками. Впрочем, это соотношение установлено издателем в прилож. 2-м.

По поводу такого способа печатания памятника может быть высказано соображение, что, печатая полностью все его списки, может быть, не стоило бы повторять их в вариантах или наоборот; что можно было бы вместо этого, при наличии напечатанных полных списков, дать реконструированное чтение обеих редакций. А что текст, даже при наличности всех имеющихся списков, требует кое-где исправления несомненных описок, бывших в их оригинале, — свидетельствует, напр., такое место «Слова», не раз обратившее на себя внимание: «азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоя, яко оллотом твердым» (стр. 7): ясно, что в м. зане следует читать зане не; срв. в «Молении» (стр. 55) «зане не оградимъ» и т. д. Кое-где нам кажется неправильною интерпункция, принятая издателем; напр. возможно ли такое чтение: «и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи, забдѣх; и расъпаса животь мой . . .»; сочетание аористов «бысть . . . забдѣх» совершенно невероятно; следует читать: «и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи; забдѣх (говорит о себе Даниил З.) и расъпаса животь мой».

Не всегда удачно раскрыты титла: моле следует читать молеве, а не молев. Издатель этого не досмотрел, но зато чрезвычайно строго отнесся к опечаткам старого издания Шляпкина (1885 г.), далеко не совершенного в типографском отношении; он отметил, что в этом изд. напечатано «шолки», в м. рукописного «шолки», (стр. 16), «огня» в м. рукоп. «агня» (стр. 8), «яки» в м. «яко» (стр. 4), лишние две точки (стр. 20), «церква» в м. «церкви» (30),

«бемумному» вм. «безумному» и т. п. Стоило ли ловить чужие опечатки, исправление которых несколько не исправляет текста и не улучшает его?

Бесспорною заслугою издателя является то, что он сделал известными новые тексты памятников, связанных с именем Даниила З., причем опубликовал и переделки, на наш взгляд, правильно определив их оригиналы. Так он напечатал «Слово о мирских притчах и о бытійских вещех» по двум выше названным спискам. Этот памятник, как и другие переделки, важен, как свидетельство о популярности «Слова Даниила З.» и о том, что собственно нравилось старинному читателю в последнем. Только в ряде обработок памятника и подражаний ему особенно отчетливо выступает значение его на том или ином историческом этапе, степень его влияния и роль его идеологии. Вот почему нам кажется несколько странным, почему издатель, остановив свое внимание на «Сл. о мирских притчах», обошел — намеренно или ненамеренно — подражания, наличие которых еще в 1855 г. обнаружил акад. М. И. Сухомлинов, именно «Поучение Кирилла философа брату Варфоломею» и «Поучение от святых книг».

«Поучение Кирилла философа» встречалось нам в рукописях XVI и XVII вв. в нескольких списках. Оно в некоторых частях почти буквально повторяет «Слово» и «Моление», а кое-где перифразирует его, пользуясь готовыми, ходячими оборотами речи. Чтобы не быть голословным, привожу хотя бы такие примеры:

Даниил

«Быхъ яко пчела, падая по различнымъ цвѣтамъ» (см. Сухомлинов, Исследования, 1908, стр. 467 и сл.; Зарубин, стр. 33, 59, 83, 104).

«Юнь возрастъ имѣю, а старь смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ, паряй по воздуху» (Сухомлинов; Зарубин стр. 22, 55, 78).

«Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ» (Сухомлинов; Зарубин, стр. 22—23, 25, 65).

«Яко же птица учащает пѣсни свои скоро возненавидима бываетъ». (Сухомлинов; Зарубин, стр. 34, 72 — «частяще», 95).

Поучение Кирилла

«Брате Варфоломѣю, приди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣту».

«Буди унъ тѣломъ, по умомъ старь буди, и воструби въ трубу смысла своего . . . Полетая мыслію своею, акы орелъ по воздуху» . . .

«Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердце с безумным» . . .

«Яко же ластовица, частяще пѣсни, отгонить сладость пѣсненую» . . .

«Поучение от св. отец» не столь близко связано с «Словом» и «Молением» Даниила З., но и в нем наблюдается влияние этих памятников; приведу такие параллели:

Даниил

«Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ ити» (Сухомлинов; Зарубин, стр. 22—23, 42, 118).

«Аще кто челоуѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напойтъ въ знойный день (Сухомлинов; Зарубин, стр. 12—13, 41, 63).

Поучение

«Чадо, умна пославъ на посольство, немного наказывай, а безумна пославъ, самъ по немъ иди» . . .

«Сыну, аще послушаешь умна челоуѣка, то яко въ день зноя ступены воды нашьепися» . . . (Сухомлинов, стр. 479—481).

Во втором из приведенных нами случаев, в «Поучении», можно, конечно, видеть и непосредственное заимствование из «Повести о премудром Акире», где в наставлениях его Надану читаем: «47. Сыну, аще кто послушает умна челоуѣка, то яко же въ день жаданія студеныя воды напиться» и 54а «Сыну, умна мужа пославъ на путь не много ему кажи, а безумнаго пославъ то самъ по немъ иди» (Григорьев, «Повесть о прем. Акире», 1913, Тексты); но сравним 95а наставление с тем, что имеем в «Слове» и «Молении» (и примем во внимание еще некоторые наставления, которых не встречаем там) — и получим вывод, что «Поучение» заимствовало не непосредственно из «Повести об Акире», а чрез посредство Даниила З. В этом убеждает то обстоятельство, что отмеченные наставления находятся только в славяно-русском переводе «Повести об Акире», — их нет в повестях восточных, их, повидимому, не было и в ее оригинале.

Как бы то ни было, сравнение со «Словом» и «Молением» указанных памятников достаточно ясно указывает их идейную и стилистическую близость к ним. Почему издатель не обратил внимания на эту близость? Не потому ли, что, пользуясь книгою Миндалева, как вождем, он подчинился ее воздействию не только в суждении о редакциях произведений, известных с именем Даниила З., но и положился на точность и исчерпанность его библиографии? О старой, но, как видим, не лишенной значения работе Сухомлинова, ни словом не упомянуто в книге Миндалева. Не знает о ней и Н. Н. Зарубин.

Издавая такой редкий и в своем роде «влиятельный» памятник, следовало бы, на наш взгляд, собрать в полном академическом издании и все

крупницы его, все цитаты и упоминания, как это сделал напр. акад. М. Н. Сперанский, издавая «Девгениево деяние»: он привел и карамзинские выписки памятника из погибшей Мусин-Пушкинской рукописи. То же следовало бы сделать и относительно «Слова» и «Моления» Даниила З. Имеем в виду хотя бы интересное место, цитируемое Ф. И. Буслаевым (Очерки, 1, 37), интересное вдвойне тем, что оно совпадает со «Словом о полку Игореве»:

Моление

« . . . повѣдаху ми, яко той ести
судь божіи надъ мною, и суда де
божія ни хитру уму, ни горазду не
минути».

Слово о полку Игореве

«Тому вѣщей Боянъ и пръвое
припѣвку, смысленый, рече: «ни
хитру, ни горазду, ни птицю го-
разду суда божія не минути».

Буслаев привел эту цитату из «Слова о полку Игореве» в «Слове Даниила З.» из списка последнего памятника, принадлежавшего профессору, позже академику, И. И. Срезневскому. Следовало бы поискать этот список: можно думать, что большая часть рукописей Срезневского поступила в Академическую библиотеку. Если же список остался на руках Буслаева, то его надо искать либо в его собрании, поступившем в Гос. Публ. библ. в Ленинграде, либо среди тех 24 рукописей, которые поступили в библиотеку Московского университета.

Еще случай, указывающий на неизвестный ныне список «Слова» или «Моления» Даниила З.: в 1910 г. С. А. Щегловой была издана «Пчела» по списку б. Киевской Дух. акад. № 531, XVII в. (теперь — во Всенародной библиотеке Украины в Киеве) и указано в ней (стр. 29) изречение, взятое у Даниила, но не встречающееся в известных списках приписываемых ему произведений: «Даниил глаголетъ: не может мудрость быти в сердце безумного». Возможно, что в XVII в. или раньше существовал список Даниила З. с настоящей цитатой. Еще примеры. В рукоп. Библ. Акад. Наук 38. 1. 34 XVII в., на л. 253 читаем — «Данило Заточеникъ рече. Аще что хоцещи створити, напредъ не глаголи, егда не уллучишь, да не поруганъ будещи. Якоже не терпять вода на горах, тако и мудрость на сердцы безумнаго (срв. цитату С. А. Щегловой). Не сѣй жита на браздѣх, ни мудрости в сердцах безумных (срв. Дан. Зат.). Нѣлзе во утлѣ мѣсе жита понести, ни в блуднаго умѣ мудро слово вкладати (срв. Цветы сельные. Розанов, Мат. к ист. русских пчел, стр. 101). Тайны не всѣмъ рцы ни всякому вѣры ими. О князех и старѣйшинах не потыкайся, но опасно блюдися.

На рати нѣлзе слѣзому храбровати, ня грѣшнику по смерти спастися» (срв. Розанов, стр. 101); выше этой цитаты — ряд изречений (лл. 252—253), имеющих отношение и к Дан. Зат., напр.: «Убогий муж мудръ, какъ злато зерно в калыѣ судрѣ лежитъ. Не море топить вѣтри, не сам князъ впадает во злу вещь, но вводятъ его думцы» и т. п. В рукописи той же Акад. библиотеки 45. 6. 9 XVII в. на л. 336 находим такую цитату из нашего памятника: «Даниль заточеник. Хвалятъ ты потаковници твои при животѣ твоём, а по смерти твоей они же посмѣютъ ти ся». Возможно, в рукописях найдутся и другие цитаты, которые следует собрать в научном издании пережившего долгую литературную историю памятника, интересовавшего читателей не менее как пяти столетий.

В приложении 3-м к труду Н. Н. Зарубина находим «Указатель слов, встречающихся в списках „Слова Даниила З.“ по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам» (стр. 131—166), занимающий 36 страниц убористого шрифта и чрезвычайно обстоятельный. Нет сомнения, что перечень слов, освещающих словарный состав древнего памятника и дающий возможность определить стилистическое и лексическое отношение его к другим памятникам — вещь весьма полезная, а иногда — прямо необходимая. И потому мы приветствуем такой указатель, как напр. данный акад. В. М. Истриным к его изданию Амартола. Но во всем нужен такт и мера; помещение в такой указатель слов, напр.: а, азъ, акы, безъ, бы, весь, в, до, егда, же, за, и, ибо, иже, како, къ, мой, мы, на, не, ни, но, о, онъ, она, оно, от, по и т. п., встречающихся в массе разнородных и разновременных памятников литературы и ни в малейшей степени не характерных ни для данного писателя, ни для какой-либо стилистической эпохи, — кажется нам излишним педантизмом, погоней за бесполезной «полнотой», так как стилистическая принадлежность памятника такими бесцветными словами не определяется. Их место в полном словаре древнерусского языка.

На приготовление к изданию памятников, связанных с именем Даниила З., положено много труда и в особенности — времени. Тем не менее это издание производит странное впечатление: автор имел все средства, чтобы дать образцовое, академическое издание, все известные списки памятника, среди которых часть явилась в издании впервые; он располагал большою вспомогательною литературою и имел достаточно времени и усердия для выполнения своего задания. И все-таки в результате получилось нечто незаконченное, недоошенное; как бы мы ни были скромны в своих требованиях к его работе, единственным бесспорным достижением ее является напечатание всех списков полностью. Что же касается «обработки»,

того, что называется «приготовлением к печати», то одного подведения вариантов к одному избранному списку из других кажется нам слишком мало.

Не отрицая положительных качеств работы Н. Н. Зарубина, полагаем, что, если бы она перед сдачей в печать подверглась коллективному обсуждению, то много выиграла бы, конечно при условии, что автор принял бы к сведению указания специалистов.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древне-русской литературы

Труды по древней и старинной русской литературе и письменности — исследования и издания памятников — сосредоточены почти исключительно в изданиях Академии Наук Союза; другие две Академии, Украинская и Белорусская, принимают участие в этих трудах, естественно, постольку, поскольку интересующие их памятники, украинские и белорусские по письму, связаны в своем прошлом с историей литературы северо-восточной, великорусской; поэтому и труды этих академий представляют интерес, разумеется, и для работ Академии Союза, внося освещение и углубляя наше знакомство с древней русской и старинной литературой, каковы, напр., издания «Комісії давнього писменства» Украинской Академии: «Слово о полку Ігоревім» (В. Н. Перетца, 1926), «Александрія» (С. А. Гаевского, 1929), «Киево-Печерський Патерик» (Д. И. Абрамовича, 1931).

Но и помимо территории Союза, именно в Западной Европе, главным образом в Германии, Чехословакии и Франции, должен быть отмечен интерес к изучению старинной и древней русской литературы в связи с тем общим интересом, который западная наука в настоящее время проявляет по отношению к истории и культуре «Востока» Европы, в частности к его литературе вообще. Интерес этот находит себе выражение преимущественно в общих изданиях по славяноведению, специальных журналах по этой отрасли науки, а также (реже) в отдельных изданиях или их сериях, каковы напр.: *Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte*, hgg. von K. Stählin, где с соответствующими введениями и исследованиями были изданы в немецких переводах: «Путешествие Аф. Никитина за три моря» (К. Н. Meyer), «Переписка Грозного с А. Курбским» (K. Stählin), «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (R. Jagoditsch, 1930); в издании *Veröffentlichungen der slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag* находим: «Новый Маргарит А. Курбского» (Ferd.

Liewehr, 1928). Дают место трудам по древней и старинной русской литературе иногда и главные славистические западные журналы: *Slavia* (Прага), *Byzantino-slavica* (там же), *Revue des études slaves* (Париж), *Zeitschrift für slavische Philologie* (Берлин); библиографические по преимуществу журналы так же отмечают труды по истории древней литературы, по мере их появления, каковы: *Naše věda* (Прага), *Slavische Rundschau* (там же). На первом, бывшем в Праге (1929) Съезде славянских филологов старая русская литература также, конечно, не отсутствовала.

Но преувеличивать интерес к старинной и древней русской литературе на Западе нет оснований. Занимая довольно скромное место в изданиях самой Академии Наук Союза, эта литература занимает еще более скромное в славистических изданиях Запада: и число специалистов по древнерусской литературе на Западе очень ограниченное, и участие русских ученых, группирующихся около изданий Академии Наук СССР, в западноевропейских изданиях по славяноведению также очень не велико. Все же просмотр, хотя бы и краткий, на протяжении последних двух-трех лет того, что появилось на Западе из области древней и старинной литературы, может дать общее, довольно определенное представление о ходе там работ по русской литературе этого времени: какой-либо систематичности, характерности в выборе тем по старинной русской литературе, тем более преобладающего направления в самой обработке этих тем мы не встретим; разнообразие интересов, соединенное с разнообразием самых условий жизни работников — единственно то общее, что можно счесть характерным для этой группы работ по исследованию древнерусской литературы. Особенно наглядно об этом можно судить по вышедшему недавно первому тому Трудов Съезда славистов в Праге (1932); с него и удобнее всего начать обзор.

Среди работ Съезда, нас интересующих в данном случае, встретим около десятка, так или иначе касающихся старой русской литературы, но к сожалению чаще в виде краткого изложения более обширной работы или даже в виде только тезисов к докладу. К числу таких докладов отнесем:¹ *Nicolas Cartoian. Livres populaires roumains traduits de slave* (стр. 37—44). Автор большой работы по румынским народным книгам времени господства славянской письменности в Молдавии и Валахии,² он на этот раз

¹ В перечне держусь порядка размещения статей в самой книге.

² *Nic. Cartoian, Cartile populare in literatura românească, vol. I. (Epoca influențe suislave)*. București 1929. Ср. отзывы о ней: *Byz.-slav.*, III, 1, стр. 232 и сл., *Slavia* IX, 646—648. Книга Картояна, в ее законченном виде, должна заменить известную, уже устаревшую, но бывшую до сих пор единственной книгой *M. Gaster'a; Literatura populără română* (1883).

дает, повидимому, одну из глав из этой работы, подвергнув анализу румыно-славяно-русские переводы сборника изречений «*Fior di virtu*», держась, в основе выводов, полученных когда-то мною относительно русских (но стоявших в связи с румынскими)¹ текстов этого собрания. Касается он также славяно-румынских отрывков «Александрии», «Повести об Акире», не внося, впрочем, чего-либо существенно нового в литературную историю этих памятников, популярных, как известно, и в старой русской письменности. Во всяком случае, и эта работа Картояна, вместе с упомянутой выше, его же, большой, дает частью новый материал для построения истории русско-румынских литературных отношений, до сих пор во многом еще не уясненных.

А. Фроловский. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений (стр. 52—53). Тезисы доклада позволяют думать, что и самый доклад предлагал анализ истории этой легенды, ее трансформаций; на основную идею легенды автор смотрит, как на формулу идеи славянского единства.

Jan Janbów. Z literatury polskiej i ruskiej XVI—XVII w. (стр. 60—73). Речь идет о двух отрывках перевода из «Великого Зеркала», уцелевших в рукописях украинского письма (Товар. Шевченка и в Перемышле). Трудность разобраться в старопольских изданиях «*Żwierciadła wielkiego przysłow*», не позволившая в свое время точно установить польский оригинал полного перевода «Зеркала» П. В. Владимирову и С. Л. Пташицкому, не дала возможности и автору доклада точно установить оригинал интересовавших его отрывков. Сопоставивши полный перевод «Великого Зеркала» западнорусский, распространенный в Московской Руси, с украинским текстом, можно пока сказать одно, именно, что оба перевода различны по происхождению.

Ю. А. Яворский. Значение и место Закарпатья в общей истории русской словесности (несколько справок и вех) (стр. 74—89). Различая в литературе Закарпатья (с древнейшего времени, главным образом с XVI в., и до наших дней) четыре главных периода: период славяно-русский (кончая XVI в.), средний — время преобладания народного языка в качестве литературного (XVII в. и нач. XVIII в.), латино-мадьярский (нач. XVIII в. — 40-е гг. XIX в.) и период возрождения (начало деятельности А. В. Духновича), автор приходит к выводу, что русская литература Закарпатья есть особая литература, одна из глав общерусской и общеукраинской.

¹ Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности (М., 1904), стр. 527
и сл. Ср. *Slavia*, IX, 3, стр. 615 и сл.

Філярет Колесса. Розсліди й видання словянських пам'яток апокрифічної літератури (стр. 115—132). Общий, преимущественно библиографический обзор работ русских и славянских ученых по апокрифам.

Іван Огієнко. Крехівський апостол 1560-х років (стр. 185—194). Краткое изложение большой работы того же автора, изданной по-украински в Варшаве (1930).

P. P. Ponaftescu. *La littérature slavo-roumaine (XV—XVI s.) et son importance pour l'histoire des littératures slaves*. Ценный сам по себе доклад мог бы иметь еще более существенное значение и для русской литературы, не ограничь себя автор одним общим положением: не касаясь фактов взаимоотношений между молдаво-валашской славянской письменностью и отдельными славянскими литературами, он поставил себе целью сделать в этом отношении лишь первый шаг: выяснить, что приобрела и сохранила эта молдаво-валашская письменность (преимущественно XV и XVI вв.) в качестве материала для истории славянских литератур; с этой целью он перечисляет югославянские памятники письма и литературы, (преимущественно религиозно-церковные) перенесенные в молдаво-валашскую среду, останавливается на самостоятельных, на славянском языке, созданных в Молдавии и Валахии памятниках (хроники, Поучение Нягоя, труды Цамблака). Уже на основании этого перечня можно бы поставить вопрос о влиянии молдаво-валашской письменности на русскую: я имею в виду хотя бы появление рукописей молдавского письма на русской почве, создание здесь (главным образом на юге) особой каллиграфической манеры письма, несомненно, идущей из Валахии и Молдавии, и др.

М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников (стр. 383—390). Автор, интересующийся в своих работах философскими и идейными течениями в старой русской литературе,¹ в докладе решил проследить по летописным сводам идею о единстве «славянского языка» в ее последовательных изменениях в XV—XVI вв., объясняя в связи с этой идеей и тенденциозность летописей и Степенной книги; в XVI и XVII вв. он намечает новое видоизменение этой идеи в Московской Руси в связи с идеей «Третьего Рима» и западными влияниями здесь.²

¹ Ему принадлежит, между прочим, статья «Платон в древней Руси», Записки Русского исторического общества в Праге, II (1930). В той же книжке, кстати сказать, помещена статья на ту же тему Д. И. Чижевского; о них см. Вуз.-slav. III, 4, стр. 271, 272.

² Этому же вопросу о «Третьем Риме» была посвящена обстоятельная, сводного характера работа, вышедшая в Гамбурге: Hildegard Schraeder, *Moskau, das dritte Rom* (1929) Ср. рецензии Вуз.-slav., II, 1 (1930), стр. 142—144 (М. В. Шахматов), *Slavia*, IX, 4, стр. 630, 631 (А. Кизеветтер).

В тех же трудах Съезда намечены были и библиографические работы, касающиеся, судя по их планам, и древнерусской литературы.

Jelačić Aleksije. Iz istorije rusko-jugoslavenskih odnosa i njihova izučavanja (стр. 90—92). Приведены только тезисы, судя по которым, работа Елачича имеет преимущественно характер библиографический.

А. Л. Погодин. Библиография русско-сербских отношений (стр. 282). Проект указателя того же характера; по предложению А. Л. Погодина Съезд постановил обратиться в Сербскую Академию Наук с просьбой взять на себя печатание этого указателя.

С. М. Кульбакин. О потреби да се састави потпун преглед славенских рукописа (стр. 557). Указавши на нестроту планов печатавшихся до сих пор описаний рукописей, на недостатки этих описаний, К. настаивает на одном, заранее установленном плане и издании одного общего свода описаний всех сохранившихся словянских рукописей.

Ближайшая наследница (как по плану, так и по выполнению его) Ягичева «Архива»¹ пражская «Slavia» отводит значительное место русским сотрудникам и статьям, посвященным русской литературе. Среди последних есть, правда, в очень небольшом количестве, и статьи по древнерусской литературе; таковы в IX и X томах (1930—1931 гг.) журнала:

Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. (IX, 57—80; 273—299). Статья вызвана монографией о Ермолае-Еразме В. Ф. Ржиги (Летопись занятий Археогр. комиссии АН, вып. XXXIII, 1926, 103—200) и представляет довольно строгий разбор этой, во всяком случае ценной, монографии. Критик направляет свои удары главным образом на устанавливаемый В. Ф. Ржигой перечень литературных трудов Ермолая-Еразма: из числа 16 произведений, принадлежащих или могущих принадлежать Еразму, принимаемых Ржигой (из них пять несомненно, с большей долей вероятности — шесть, и пять сомнительно принадлежат Еразму), Ю. А. Яворский признает принадлежащими ему шесть, но отчасти иных, нежели В. Ф. Ржига, именно: 1) Поучение к душе (то же у Р.), 2) Моление (или Послание) к царю (то же Р.), 3) Книгу о св. троице (то же Р.), 4) так наз. «Малую трилогию» (т. е.: Слово на еретики, Слово на жида и еретики и Молитва на сто стихов; у Р. — вероятно), 5) Зрячую Пасхалию (то же у Р.) и 6) Правительница и землемерие

¹ Archiv für slav. Philologie, как известно, продолжал выходить под ред. проф. Э. Бернекера в Берлине, но он значительно утратил свое прежнее значение и по отсутствию достаточно деятельных сотрудников и в зависимости от появившегося ряда других славистических журналов.

(у Р. — вероятно); еще два сочинения: Слово о рассуждении любви и Тропари, относит к сомнительным; остальные восемь сочинений, внесенные в список В. Ф. Ржигой, он решительно отвергает, считая самые принципы, на которых строилось приурочение, неприемлемыми (особенно нахождение этих произведений в одной и той же рукописи с подлинными сочинениями Еразма). Особенно же энергично восстает он против принадлежности перу Еразма «Повести о Петре и Февронии Муромских», не соглашаясь прежде всего с предлагаемым В. Ф. Ржигой распределением многочисленных списков «Повести» на редакции, как построенным лишь на формальном анализе текстов. Если в своих других возражениях Ю. А. Яворский исходит из соображений не фактических, а общего характера (почему они, допуская иные такого же характера, становятся не всегда убедительными), то по отношению к «Повести» он приводит как будто и фактический довод: «Служба» Петру и Февронии, где есть прямой отголосок «Повести» (о змии), вне всякого сомнения существовала уже в XV в., т. е. до Еразма. Если это возражение и серьезно, то оно еще вовсе не решает вопроса о принадлежности «Повести» Еразму в отрицательном смысле: он был составителем или редактором (ср. у Ю. А. Я. на стр. 49. отд. отт.) на основании хотя бы и до него существовавшей «Повести о Петре и Февронии»; чтобы согласиться с Ю. А. Яворским, мы должны быть уверены, что неизвестный составитель «Службы» имел под рукой и взял свой отголосок именно из той редакции ее, которую В. Ф. Ржига связывает с авторством Еразма; а пока это не доказано, сама показательная ссылка на «Службу» остается не убедительной.

Из остальных замечаний Ю. А. Яворского по поводу работы В. Ф. Ржиги заслуживают внимания: его попытки внести более точное хронологическое приурочение отдельных произведений Еразма взамен более общих определений (десятками столетия); указание на возможность не только идейной, но и фактической связи «Правительницы» Еразма с «Челобитной» Ив. Пересветова. Новых фактических данных для объяснения деятельности Еразма рецензент не привлекает.

Уже самое расхождение двух исследователей по существенным вопросам о литературной деятельности Ермолая-Еразма, помимо крупного литературного и общественного ее значения для XVI в., должно будет повести к новому пересмотру этих вопросов, привлечению новых данных.

В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе (X, 40—66; 488—315). Изучение повести второй половины XVII в., как новой разновидности этого жанра, отмечаемой установлением связи между

книжной повестью прежнего времени и произведениями устной словесности, — очередной вопрос в истории старинной русской литературы времени ее перехода к «новой». В этом смысле работа В. Ф. Ржиги представляет не малый интерес и шаг вперед в истории литературы, несмотря на ряд предшествовавших работ о «Повести о Горе и Злочастии» (Буслаева, Костомарова, А. Веселовского, Маркова и др.). Он поставил себе задачей — ближе подойти к литературным особенностям «Повести» путем детального ее стилистического анализа сравнительно с произведениями устной словесности, постоянно имея в виду традиционность стилистических приемов последней; поэтому он тщательно — с почти исчерпывающей полнотой — сопоставляет «Повесть» с былинной (приемы и формулы стиля, художественные образы), затем сопоставляет ее с аналогичными по содержанию (песни о Горе) лиро-эпическими и лирическими устными песнями как великорусскими, так и белорусскими и украинскими. Результат этого сложного, кропотливого анализа таков: «„Повесть“ интересна как литературное явление, тесно соединяющее в себе не только элементы фольклора и книжности, но и старинного агиографического письма и новой манеры обобщенного реалистического повествования» (стр. 66). Сравнительное же изучение устных песен о Горе и «Повести» привело автора к такому наблюдению: среди этих песен различаются две версии, из коих одна, архаическая, приурочена к образу девицы и хранит в себе следы дохристианских представлений о судьбе, и другая, исключительно великорусская, приурочена к образу молодца и стоит в генетической зависимости от «Повести»: «Повесть», как сложный синтез различных книжных и фольклорных элементов, снова опустилась в фольклорную среду и вызвала в ней ряд лирических и лиро-эпических новообразований (стр. 314, 315).

А. Д. Седелников. Где была написана «Задонщина»? (IX, 524—536). Пересмотревши литературную традицию всех немногочисленных известных списков «Задонщины», ознакомившись с условиями литературной обстановки, в каких могла появиться «Задонщина», автор заметки находит возможным принять, что Задонщина создавалась в Пскове, если составитель ее Софония и был рязанцем, т. е. был выходцем из Рязанского княжества.

Н. Н. Дурново. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (труд В. М. Истрина, т. III). — Рецензия (IX, 801—815). В своем отзыве о первых двух томах труда В. М. Истрина (Slavia, IV, 1925 стр., 446—450) Н. Н. Дурново нашел возможным предположить, что переводчиком Амартола был русский, но работавший с более опытными

переводчиками югославянами. Теперь, указавши попутно на недочеты словарей, составленных издателем, он несколько видоизменяет свои соображения о переводчице Амартола: возражая на появившиеся после его первого отзыва мнения о национальности переводчика (по М. Вейнгарту — болгарин, по П. А. Лаврову — чех или мораванин), он не вполне соглашается и с В. М. Истриным в степени участия нерусских людей в переводе Амартола: он полагает, что перевод делался группой («комиссией») переводчиков, в состав которой, помимо русских, переводивших более легкие места, входили и нерусские славяне; в числе последних были и чехи или мораване.

В «Byzantinico-slavica» III (1931), 1—2 и IV, I (1932) следует отметить единственную статью, имеющую прямое отношение к истории древнерусской литературы:

В. М. Истрин. Моравская история славян и история полян-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (стр. 308—331 и 36—55). Статья написана по поводу исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» (вып. I, 1929, изд. Акад. Наук; исследование предполагает и дальнейшие выпуски). Н. К. Никольский, как видно из его монографии,¹ подводит под текстуально-литературный анализ А. А. Шахматова работы редакторов и писцов начальной русской летописи идеологическую базу. В этой литературной работе, результатом которой является русское летописание, Н. К. Никольский видит следы борьбы двух идейных направлений: старшего, идущего еще из X в., и младшего, выработавшегося уже в XI в.; первое идет от западного славянства, второе — греческое, начавшееся в киевском Печерском монастыре и окончательно овладевшее умами. Для обоснования действительного существования этой «старшей» идеологии Н. К. Никольский строит предположение, главным образом на «умолчаниях» дошедшей летописи о тех или иных важных событиях, о существовании еще до начала того летописания, которое нам доступно, «схемы утраченных повестей поляно-руси, зависевших от западнославянской хронографии», почему и относится отрицательно к влиянию византийской хронографии на эти утраченные повести о поляно-руси и этим объясняет отличия схемы нашей начальной летописи от византийской схемы. Против этого построения Н. К. Никольского и возражает В. М. Истрин: опираясь на свои прежние исследования о возникновении русского летописания (имея в виду главным образом так наз. «Хронограф по

¹ Этот труд Н. К. Никольского был уже отмечен в *Slavische Rundschau*, IV (1931), стр. 31.

великому изложению»), он считает не доказанной необходимость предполагать существование повести о поляно-руси, в качестве одного из источников начальной летописи, находит и не нужным предполагать существование таких повестей для объяснения недомолвок и намеков в дошедшем до нас летописании: они объясняются и при признании византийских источников и схемы наших летописей. На этом пока остановились возражения В. М. Истрина.

Некоторое отношение к истории старинной русской литературы имеет статейка А. Mazon' «Mikoula, le prodigieux laboureur» в *Revue d'études slaves* (XI, 1931, 3—4, стр. 149—170). Приведенное впервые М. Е. Халанским (Р. Ф. В., 1881, № 4) в качестве литературной параллели к мотиву пахоты в былинах о Микуле апокрифическое сказание о том, как Христос плугом орал (стр. 478), и поддержанное Б. М. Соколовым (Р. Ф. В., 1916, № 3 стр. 15 отд. отт.), принято и А. Мазоном: расклассифицировавши различные записи былин о Микуле по версиям, охарактеризовавши композицию ее, автор подчеркнул составность этой композиции из различных элементов и различных источников, одним из которых он и принимает апокрифическую повесть. В конце статьи им перепечатан по изданию Ягича в *Starin'ax* (V) берлинский текст сказания по рукописи XIII в.
